

ISSN 2587-8115 (Print)
ISSN 2587-6899 (Online)

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

LEGAL CONCEPT

2020

Volume 19. No. 4

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПРАВОВАЯ ПАРАДИГМА

2020

Том 19. № 4

LEGAL CONCEPT

PRAVOVAYA PARADIGMA

2020. Vol. 19. No. 4

Academic Periodical

First published in 1996

4 issues a year

Mainstream issue: Evolution of Legal Policy and Legal Culture: Territorial and Scientific and Technological Factors of Developing Jurisdictions

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution of Higher Education
“Volgograd State University”

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Certificate **ПН № ФЦ77-69269** of March 29, 2017)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

The journal is included into the **Russian Science Citation Index**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **CrossRef** (USA), **Google Scholar** (USA), **ProQuest** (USA), “**CyberLeninka**” **Scientific Electronic Library** (Russia), “**Socionet**” **Information Resources** (Russia), **IPRbooks E-Library System** (Russia), **E-Library System “University Online Library”** (Russia)

Editorial Staff:

Prof., Dr. *A.O. Inshakova* – Chief Editor (Volgograd)
Prof., Dr. *A.Ya. Ryzhenkov* – Deputy Chief Editor (Volgograd)
Assoc. Prof., Cand. *I.V. Baltutite* – Executive Secretary (Volgograd)
Assoc. Prof., Cand. *E.O. Osadchenko* – Copy Editor (Volgograd)

Editorial Board:

Prof., Dr. *A.Kh. Abashidze* (Moscow); Prof., Dr. *V.V. Bezbakh* (Moscow); Prof., Dr. *L.A. Bukalero* (Moscow); Prof., Dr. *A.I. Goncharov* (Volgograd); Prof., Dr. *N.I. Grachev* (Volgograd); Prof., Dr. *M.L. Davydova* (Volgograd); Prof. Dr. *V.V. Dolinskaya* (Moscow); Prof., Dr. *N.Yu. Erpyleva* (Moscow); Prof., Dr. *L.G. Efimova* (Moscow); Prof., Dr. *E. Kovalski* (Warsaw, Poland); Prof., Dr., Acad. *N.S. Kuznetsova* (Kiev, Ukraine); Prof., Dr. *V.P. Kamyshanskiy* (Krasnodar); Prof., Dr. *L.V. Lobanova* (Volgograd); Prof., PhD *Massimo La Torre* (Catanzaro, Italy); Prof., Dr. *I.A. Mikhaylova* (Moscow); Assoc. Prof., Dr. *N.V. Pavlichenko* (Moscow); Dr. *J.L. Perez Alvarado* (Dominican Republic); Prof., Dr. *V.F. Ponka* (Moscow); Assoc. Prof., Dr. *S.B. Rossinskiy* (Moscow); Assoc. Prof., Dr. *V.A. Rudkovskiy* (Volgograd); Prof., Dr., Acad. of RANH *V.A. Ruchkin* (Volgograd); Prof., Dr. *E.E. Frolova* (Moscow); Prof., Dr. *O.A. Yastrebov* (Moscow)

Editors, Proofreaders: *S.A. Astakhova*,
N.M. Vishnyakova, *Yu.I. Nedelkina*
Editor of English texts *Yu.V. Chemeteva*
Making up *Yu.A. Uskova*

Technical editing *E.S. Reshetnikova*
Passed for printing Dec. 14, 2020.

Date of publication: Febr. 12, 2021. Format 60×84/8.
Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 17.8. Published pages 18.9.

Number of copies 500 (1st duplicate 1–64).

Order 13. «C» 38.

Open price

Address of the Printing House:
Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:

Prosp. Universitetsky 100, 400062 Volgograd.
Publishing House of Volgograd State University.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

© Volgograd State University, 2020

Address of the Editorial Office and the Publisher:

Prosp. Universitetsky 100, 400062 Volgograd.
Volgograd State University.

Tel.: (8442) 40-02-72. Fax: (8442) 46-18-48
E-mail: vestnik5@volsu.ru

Journal website: <https://j.volsu.com>

English version of the website: <https://j.volsu.com/index.php/en/>

LEGAL CONCEPT

ПРАВОВАЯ ПАРАДИГМА

2020. Т. 19. № 4

Научный журнал

Основан в 1996 году

Выходит 4 раза в год

Главная тема номера: «Эволюция правовой политики и правовой культуры: территориальные и научно-технологические факторы развития юрисдикций»

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-69269 от 29 марта 2017 г.)

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», вступивший в силу с 01.12.2015 г.

Журнал включен в базу Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: CrossRef (США), Google Scholar (США), ProQuest (США), Научная электронная библиотека «КиберЛенинка» (Россия), Соционет (Россия), Электронно-библиотечная система IPRbooks (Россия), Электронно-библиотечная система «Университетская библиотека онлайн» (Россия)

Редакционная коллегия:

д-р юрид. наук, проф. А.О. Иншакова – главный редактор (г. Волгоград)
д-р юрид. наук, проф. А.Я. Рыженков – зам. главного редактора (г. Волгоград)
канд. юрид. наук, доц. И.В. Балтутите – ответственный секретарь (г. Волгоград)
канд. юрид. наук, доц. Э.О. Осадченко – технический секретарь (г. Волгоград)

Редакционный совет:

д-р юрид. наук, проф. А.Х. Абашидзе (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. В.В. Безбах (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. Л.А. Букалерева (г. Москва); д-р юрид. наук, д-р экон. наук, проф. А.И. Гончаров (г. Волгоград); д-р юрид. наук, проф. Н.И. Грачев (г. Волгоград); д-р юрид. наук, проф. М.Л. Давыдова (г. Волгоград); д-р юрид. наук, проф. В.В. Долинская (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. Н.Ю. Ерпылева (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. Л.Г. Ефимова (г. Москва); д-р права, проф. Е. Ковальски (г. Варшава, Польша); д-р юрид. наук, проф., акад. Н.С. Кузнецова (г. Киев, Украина); д-р юрид. наук, проф. В.П. Камышанский (г. Краснодар); д-р юрид. наук, проф. Л.В. Лобанова (г. Волгоград); проф., PhD Массимо Ла Торре (г. Катанзаро, Италия); д-р юрид. наук, проф. И.А. Михайлова (г. Москва); д-р юрид. наук, доц. Н.В. Павличенко (г. Москва); д-р юрид. наук Х.Л. Перес Альварардо (Доминиканская Республика); д-р юрид. наук, проф. В.Ф. Понька (г. Москва); д-р юрид. наук, доц. С.Б. Россинский (г. Москва); д-р юрид. наук, доц. В.А. Рудковский (г. Волгоград); д-р юрид. наук, проф., акад. РАЕ В.А. Ручкин (г. Волгоград); д-р юрид. наук, проф. Е.Е. Фролова (г. Москва); д-р юрид. и экон. наук, проф. О.А. Ястребов (г. Москва)

Редакторы, корректоры: С.А. Астахова,

Н.М. Вишнякова, Ю.И. Неделькина

Редактор английских текстов Ю.В. Чеметева

Верстка Ю.А. Усковой

Техническое редактирование Е.С. Решетниковой

Подписано в печать 14.12.2020 г.

Дата выхода в свет: 12.02.2021 г. Формат 60×84/8.

Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 17,8.

Уч.-изд. л. 18,9. Тираж 500 экз. (1-й завод 1–64 экз.).

Заказ 13. «С» 38.

Свободная цена

Адрес типографии: 400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.

Почтовый адрес:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Издательство

Волгоградского государственного университета.

Е-mail: izvolgu@volsu.ru

Адрес редакции и издателя:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Волгоградский государственный университет.

Тел.: (8442) 40-02-72. Факс: (8442) 46-18-48

Е-mail: vestnik5@volsu.ru

Сайт журнала: <https://j.jvolsu.com>

Англояз. сайт журнала: <https://j.jvolsu.com/index.php/en/>

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Инишкова А.О. Определяющие факторы развития юрисдикций: эволюция правовой политики и правовой культуры 6

ГЛАВНАЯ ТЕМА НОМЕРА

Гаврилова Ю.А., Рыбакова О.С. Трансформация правовой политики в условиях цифровизации правовой реальности 17

Шугуров М.В. Правовые принципы научно-технологической интеграции государств – членов ЕАЭС: концептуальный анализ 24

Аппазов Д.А., Тымчук Ю.А. Цифровая платформизация в условиях Индустрии 4.0: неопределенность понятийного аппарата 33

Альхамдави Мохаммед Видад Абдулхамид, Ненашев М.М. Расторжение гражданско-правового договора в связи с существенным изменением обстоятельств: законодательство и практика постсоветских государств 43

Купчина Е.В. Искусственный интеллект и интеллектуальная собственность: вопросы правового регулирования патентных отношений 48

Коровин К.С. Немецкая история понятий и история политических и правовых учений: грани взаимодействия 55

Боков Ю.А., Ахвердиев Э.А. Двуединство электорально-правовой культуры и политической коммуникации на выборах Прусского Ландтага (1849–1918 гг.) 63

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ

Фархутдинов Р.Д. Особенности правового регулирования коммерческой сделки в налоговых правоотношениях 69

Якимова Е.М. Сроки в избирательном праве через призму концепции равновесия конституционного регулирования избирательных правоотношений 75

Касаткин С.Н. Перекраивая границы: интерпретативизм Р. Дворкина в свете традиционных типологий правового теоретизирования 80

ВОПРОСЫ

ЧАСТНОПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Матыцин Д.Е., Плаксунова Т.А. Содержание договора об оказании платных медицинских услуг: теоретико-прикладной анализ 89

Рыженков А.Я. Субъекты и объекты экологических правоотношений 100

Севостьянов М.В. Понятие и гражданско-правовые аспекты культурной деятельности в Российской Федерации 110

Джумагазиева Г.С. Правовое регулирование защиты прав и интересов сторон в алиментных обязательствах 116

Кагальницкова Н.В., Толстова О.С. Соглашения об устранении ответственности за нарушение договорного обязательства: сравнительный анализ правового регулирования и судебной практики 123

Лихтер П.Л. Технологии астротурфинга с точки зрения права 131

Кокорева Т.В. Транснациональные корпорации как субъекты хозяйствования в банковской сфере ... 137

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Азарова Е.С. Процессуальное усмотрение суда при отказе в возбуждении уголовного дела 144

Алиева Н.Н. Ознакомление с материалами уголовного дела как гарантия защиты прав обвиняемого 151

До Т.Ч. Обзор конкретных принципов деятельности и обязанностей процессуальных органов как способов обеспечения прав человека и граждан при применении мер пресечения во Вьетнаме 156

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Архитцев И.Н., Черняков С.А., Михайлова И.А. К вопросу о разработке основ уголовной политики Российской Федерации по противодействию преступлениям против общественной нравственности в области сексуальных отношений 161

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Инишкова А.О., Новикова С.В. Экономико-правовое регулирование государственно-частного партнерства в России: анализ факторов влияния, институциональных рамок и лучших практик 171

Грачев Н.И. Рецензия на книгу: Емельянов, М. В. Тектоника власти / М. В. Емельянов. – М. : Весь мир, 2019. – 256 с. 177

CONTENTS

CHIEF EDITOR'S NOTE

Inshakova A.O. The Determining Factors in the Development of Jurisdictions: The Evolution of Legal Policy and Legal Culture 6

MAINSTREAM ISSUE

Gavrilova Yu.A., Rybakova O.S. The Transformation of Legal Policy in the Context of Digitalization of the Legal Reality 17

Shugurov M.V. Legal Principles of the Scientific and Technological Integration of the EAEU Member States: Conceptual Analysis 24

Appazov D.A., Tymchuk Yu.A. Digital Platformization in the Context of Industry 4.0: The Uncertainty of the Conceptual Framework 33

Alhamdawi Mohammed Vidad Abdulhamid, Nenashev M.M. Termination of a Civil Contract Due to a Significant Change in Circumstances: Legislation and Practice of Post-Soviet States 43

Kupchina E.V. Artificial Intelligence and Intellectual Property: The Issues of the Legal Regulation of Patent Relations 48

Korovin K.S. The German History of Concepts and the History of Political and Legal Doctrines: Facets of Interaction 55

Bokov Yu.A., Akhverdiev E.A. Duality of the Electoral and Legal Culture and Political Communication in the Elections of the Landtag of Prussia (1849–1918) 63

THEORY AND PRACTICE OF STATE AND LEGAL DEVELOPMENT

Farkhutdinov R.D. The Features of the Legal Regulation of a Commercial Transaction in Tax Relations 69

Yakimova E.M. Terms in Electoral Law Through the Prism of the Concept of Balance of the Constitutional Regulation of Electoral Relations 75

Kasatkin S.N. Redrawing the Boundaries: R. Dvorkin's Interpretativism in the Light of Traditional Typologies of Legal Theorizing 80

PRIVATE LAW REGULATION ISSUES: HISTORY AND CONTEMPORANEITY

Matytsin D.E., Plaksunova T.A. The Content of a Paid Medical Services Contract: Theoretical and Applied Analysis 89

Ryzhenkov A.Ya. Subjects and Objects of Environmental Legal Relations 100

Sevostyanov M.V. The Concept and Civil Aspects of Cultural Activities in the Russian Federation 110

Dzhumagazieva G.S. The Legal Regulation of Protection of the Rights and Interests of the Parties to Alimony Obligations 116

Kagalnitskova N.V., Tolstova O.S. Agreements to Eliminate Liability for Breach of a Contractual Obligation: Comparative Analysis of the Legal Regulation and Judicial Practice 123

Likhter P.L. Astroturfing Technologies on a Point of Law 131

Kokoreva T.V. Transnational Corporations as Business Entities in the Banking Sector 137

ADJECTIVE LAW: THEORETICAL AND LAW ENFORCEMENT ISSUES

Azarova E.S. Procedural Discretion of the Court when Refusing to Initiate Criminal Proceedings 144

Aliyeva N.N. Familiarization with the Materials of the Criminal Case as a Guarantee of Protection of the Rights of the Accused 151

Do T.T. Review of the Specific Principles of the Activities and Responsibilities of the Procedural Bodies as the Ways to Ensure the Rights of Individuals and Citizens in the Application of Preventive Measures in Vietnam 156

CRIME PREVENTION AND LEGAL LIABILITY DIFFERENTIATION

Arhptsev I.N., Chernyakov S.A., Mikhailova I.A. Revisiting the Development of the Criminal Policy of the Russian Federation on Combating Crimes Against Public Morality in Sexual Relations 161

CRITISISM AND BIBLIOGRAPHY

Inshakova A.O., Novikova S.V. The Economic and Legal Regulation of Public-Private Partnership in Russia: The Analysis of Influence Factors, Institutional Framework, and Best Practices 171

Grachev N.I. Review of the Book: Emelyanov, M. V. Tectonics of Power / M. V. Emelyanov. – M. : Ves' Mir, 2019. – 256 p. 177

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.4.1>

UDC 34.038:340.114.5

LBC 67.05

THE DETERMINING FACTORS IN THE DEVELOPMENT OF JURISDICTIONS: THE EVOLUTION OF LEGAL POLICY AND LEGAL CULTURE

Agnessa O. Inshakova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Annotation. The paper is devoted to substantiating the relevance, scientific and practical significance of the problematics “The Evolution of legal policy and legal culture: territorial and scientific and technological factors of the development of jurisdictions” covered in the section “The Main Topic of the Issue” of the legal journal of Volgograd State University “Legal Concept = Pravovaya paradigma”. The author substantiates as one of the leading prerequisites for the transformation of the legal policy and legal culture of states such factors in the development of modern reality as the creation of integration associations and unions, which entail the convergence of national jurisdictions, as well as scientific and technological modernization of all spheres of public life as a result of the fourth industrial revolution and neoindustrialization of the economy. The author argues for the powerful influence of these promising trends of socio-economic transformations on the legal and law-making policy of the state, as well as on the legal morality, legal awareness and legal culture in general “imposed” by the lawmakers and law enforcement officers within the territory of the national jurisdiction. The paper considers the integral components that accompany the fourth industrial revolution and determine the overall impact of scientific and technological development on the fundamental categories of the legal system under consideration. On the example of specific territorial associations of the member states of the integration unions of the EU, EAEU, BRICS, MERCOSUR, and SCO, the processes of creating common legal spaces that erase differences in approaches to the formation of legal policy and legal culture of sovereign limited jurisdictions are described. A brief description of the papers presented in the main topic of the issue, reflecting the historical patterns and current trends in scientific, technological and integration development that affect the transformation of legal policy and legal culture, is given.

Key words: legal policy, law-making policy, legal culture, legal awareness, scientific and technological development, integration, EU, BRICS, EEU, MERCOSUR, SCO.

Citation. Inshakova A.O. The Determining Factors in the Development of Jurisdictions: The Evolution of Legal Policy and Legal Culture. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2020, vol. 19, no. 4, pp. 6-16. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.4.1>

УДК 34.038:340.114.5

ББК 67.05

ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ЮРИСДИКЦИЙ: ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ И ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Агнесса Олеговна Иншакова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена обоснованию актуальности, научной и практической значимости проблематики «Эволюция правовой политики и правовой культуры: территориальные и научно-технологич-

ческие факторы развития юрисдикций», представленной в рубрике «Главная тема номера» юридического журнала Волгоградского государственного университета «Legal Concept = Правовая парадигма». Автор обосновывает в качестве одних из ведущих предпосылок процессов трансформации правовой политики и правовой культуры государств такие факторы развития современной действительности, как создание интеграционных объединений и союзов, влекущие за собой конвергенцию национальных юрисдикций, а также научно-технологическая модернизация всех сфер общественной жизнедеятельности вследствие четвертой промышленной революции и неоиндустриализации экономики. Аргументируется мощное влияние данных перспективных тенденций социально-экономических преобразований на правовую и законодательную политику государства, а также на «насаждаемую» правотворцами и правоприменителями на территории национальной юрисдикции правовую мораль, правовое сознание и правовую культуру в целом. Рассмотрены неотъемлемые составляющие, сопровождающие четвертую промышленную революцию и определяющие в совокупности своей влияние научно-технологического развития на рассматриваемые основополагающие категории правовой системы. На примере конкретных территориальных объединений стран-участниц интеграционных союзов ЕС, ЕАЭС, БРИКС, МЕРКОСУР, ШОС описаны процессы создания общих правовых пространств, стирающих различия в подходах к формированию правовой политики и правовой культуры суверенно ограниченных юрисдикций. Дается краткая характеристика представленных в главной теме номера статей, отражающих исторические закономерности и современные тенденции научно-технологического и интеграционного развития, влияющие на трансформацию правовой политики и правовой культуры.

Ключевые слова: правовая политика, законодательная политика, правовая культура, правосознание, научно-технологическое развитие, интеграция, ЕС, БРИКС, ЕАЭС, МЕРКОСУР, ШОС.

Цитирование. Иншакова А. О. Определяющие факторы развития юрисдикций: эволюция правовой политики и правовой культуры // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2020. – Т. 19, № 4. – С. 6–16. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.4.1>

Введение

Главная тема очередного номера юридического журнала Волгоградского государственного университета «Legal Concept = Правовая парадигма» – территориальные и научно-технологические факторы развития и эволюции правовой политики и правовой культуры. По мнению специалистов, в последние годы правовая политика приобрела дополнительные возможности реализации и как правовая категория – более четкие черты и характеристики, что обеспечило увеличение численности адресатов ее восприятия. В то же время стремительно меняющиеся условия жизни диктуют необходимость пересмотра ключевых идей правового развития общества, выраженных в концепции правовой политики, хотя бы в части обеспечения средств реализации правовой стратегии. Здесь огромная роль принадлежит общей теории права, в рамках которой и разрабатывается теория правовой политики [12]. Этим фактом обоснована необходимость включения в главную тему номера статей ученых-теоретиков, изучающих исследуемые вопросы вне отраслей юридической науки.

Трансформации современной правовой политики национальных юрисдикций

Определение правовой политики все чаще используется в научном сообществе, но до сих пор нет единообразного подхода к его пониманию. Правовая политика может рассматриваться как вид государственной политики, как совокупность правовых методов и средств регулирования социальных отношений. Но этот подход, по мнению ученых, достаточно узкий, поскольку не апеллирует ни к юридическим, ни к политическим субъектам, а также объектам правовой политики. Более приоритетным признается подход, согласно которому правовой политикой считается деятельность государственных и муниципальных органов, юридических и физических лиц по обеспечению функционирования правового механизма реализации прав, свобод и законных интересов личности, общества и государства. В соответствии со стратегическими программными актами, такими как, например, Концепция национальной безопасности, основными целями российской правовой полити-

ки являются защита национальной безопасности, прав человека и законных интересов, а также борьба с преступностью и коррупцией. Для эффективной реализации этих целей правовая политика должна быть основана на принципах Конституции и общепринятых принципах и нормах международного права.

Правовая политика необходима для формирования полноценной и эффективной правовой системы как страны в целом, так и ее регионов. В условиях социально-экономических преобразований в России развитие научно обоснованных подходов к определению и исследованию механизмов эффективной правовой политики становится ведущим приоритетом современной юридической науки [8].

Ученые отмечают невозможность реализации всех иных видов политики цивилизованно без правовой политики. Последняя, как средство социально-экономических преобразований в обществе, может развиваться и в дальнейшем способствовать достижению многих важных целей стратегического характера. Чтобы конкретизировать правовую политику, предлагается выделять особый тип – законотворческую политику, выступающую основой комплексного развития всей правовой системы. Законотворческая политика находится в тесном взаимодействии с другими сферами правовой политики и государственной политики в целом и играет особую роль как многоцелевое средство совершенствования законотворческого процесса в условиях современной России [15].

Правовая политика – это преобразование политических целей в госпрограммы и проекты, а также политика достижения таких целей на основании закона. В настоящее время проблема эффективности правовой политики является чрезвычайно обсуждаемой. Правовая политика играет ключевую роль в деле повышения роли права в российском обществе, а также потока правовой информации. В новых социально-экономических условиях зарождается новая система правового регулирования в различных сферах, приняты различные правовые акты. В результате наше общество, физические и юридические лица стали актив-

нее использовать законодательство для решения своих проблем, защиты своих прав, разрешения конфликтов. Слабая правовая политика, порождающая неадекватное современным условиям законодательство, влечет за собой неудовлетворительное осуществление социальной и экономической политики. Эффективность правовой политики напрямую определяет эффективность деятельности всех субъектов экономической деятельности [8].

Правовая культура, правовая грамотность и правосознание как важные составляющие формирования правовой политики

На фоне рассуждений и научных исследований категории «правовая политика» нельзя обойти вниманием и понятие «правовая культура». Джерард Куинн полагает, что правовая культура состоит из неустановленных ценностей и институциональных ожиданий, которые лежат в основе правовых порядков и составляют «мораль», способствующую реализации принципа законности и соблюдению законов. Акцентируя исследовательское внимание на Конвенции Организации Объединенных Наций о правах инвалидов (CRPD 2006), в частности, на ст. 12 «Равенство перед законом», автор обращает внимание на ограниченные полномочия, которые допускает этот документ в части устранения фундаментальных пробелов правовой культуры относительно правоспособности. Куинн использует этот пример, чтобы показать, как трудно добиться изменений представления о юридической личности и умственных способностях из-за «юридических фикций», лежащих в основе правовой культуры национальных правовых систем, и вместе с тем предлагает некоторые правовые механизмы, позволяющие избавиться от исторических «юридических фикций», укоренившихся в правовой культуре национальных юрисдикций [18].

Повышение правовой грамотности и правосознания граждан является неотъемлемой частью построения демократического государства. В новых социально-экономических условиях общественного устройства любого государства, вставшего на «рельсы» научно-

технологического развития и учитывающего международные интеграционные процессы, приоритетной задачей становится формирование общей правовой культуры, а также развитие практических навыков ее применения. Правовая культура становится универсальной базовой составляющей профессиональной подготовки в любой сфере. Содержание правовой культуры, по мнению ученых, должно составлять не только учебные курсы права и других отраслей наук, содержащих элементы изучения законодательства, но и формировать мнения и отношение студентов к применению закона в целом. Высокий уровень правовой культуры, по мнению исследователей, положительно влияет не только на развитие личности и профессиональной компетенции молодых специалистов, но и на гармонизацию взаимоотношений в обществе [13].

Правовая культура ведет к успеху в любой сфере деятельности, будь то предпринимательство, частный сектор или работа в государственных, бюджетных организациях и учреждениях. Особо повышается роль правовой культуры в сферах социального обеспечения, таких как жилищная сфера, сфера отдыха, медицинское обслуживание, пенсионное обеспечение, осуществление и защита прав потребителей.

Нынешнее состояние правовой культуры пока не отвечает целям правовой, социальной и образовательной политики в стране. Недостаточное развитие научной основы формирования правовой культуры сопровождается также нечеткостью законодательных подходов, влекущих за собой расплывчатость положений важнейших программных и нормативных документов в сфере юридической подготовки и обучения. Это демонстрируют в первую очередь государственные образовательные стандарты, а также квалификационные характеристики различных категорий специалистов. При этом страдают существующие подходы к профессиональной диагностике, принципы подбора персонала, а также учебные курсы подготовки преподавателей юридических высших и иных профессиональных школ. Например, Г.А. Фирсов рассматривает правовую культуру как универсальный компонент, некую универсальную составляющую профессиональной подготов-

ки любого специалиста. Под правовой культурой исследователь понимает сформированный комплекс знаний, методов деятельности и оценки посредством юридической подготовки и образования, которые включают осознанное отношение к правам, свободам и обязанностям, ответственность перед обществом и государством, уважение и соблюдение действующих законов и нормативных актов. Согласно такому подходу правовую культуру следует рассматривать как всеобщий и обязательный компонент процесса подготовки и обучения специалистов-профессионалов [2; 3].

В широком смысле правовую культуру определяют как общее состояние законодательства, работу по законотворчеству и правоохранительных органов, правосознание отдельных граждан и населения всей страны, выражающие уровень развития права, его место и роль в обществе.

Один из ведущих теоретиков права С.С. Алексеев отмечает, что высокую правовую культуру определяет главенствующее место права в жизни общества, верховенство закона и соответствующее положение дел в экономике страны (подготовка и статус юристов, роль юридических услуг во всех областях государственного устройства, значение института адвокатуры, развитие научно-исследовательских юридических структур и т. д.).

Междисциплинарное понятие правовой культуры, по мнению исследователей, имеет множество определений и интерпретаций, которые, с некоторой долей упрощения, можно свести к двум подходам: дескриптивному, описывающему сложившиеся в обществе практики и связи, и к неразрывно связанному с санкционированными государством нормами – прескриптивному, наделяющему понятие правовой культуры положительными коннотациями. Указанные подходы понимания правовой культуры имеют различную дискурсивную традицию и объяснительный потенциал. В отечественной правовой науке преобладает прескриптивная традиция использования понятия правовой культуры, практически сводящая ее к правосознанию, а точнее к знанию и пониманию норм позитивного права [20].

Развитие правовой культуры осуществляется через: формирование системы право-

вых знаний; формирование верований; осознание субъективных прав и свобод, моральной и гуманистической ценности права и его общей разрешительной природы; формирование мотивов, потребностей и социально-активного поведения [14].

Трансформации современной правовой политики и правовой культуры национальных юрисдикций находятся в прямой зависимости от многих факторов современной действительности, между тем в их перечне, очевидно, выделяются научно-технологическое развитие и рост региональных интеграционных межгосударственных союзов [1].

Научно-технологическое развитие как фактор современной действительности, влияющий на правовую политику и правовую культуру

Динамика научно-технологического развития современного общества характеризуется высокими темпами, сопровождается цифровой алгоритмизацией экономики и выступает катализатором возникновения новых и трансформации существующих общественных отношений, в том числе и формирующихся посредством правовой политики, и определяющих вектор развития правовой культуры. Постепенно стираются границы между материальными, цифровыми, биологическими мирами, что порождает объективную необходимость в проведении комплексных социально-экономических и институциональных преобразований в обществе, нуждающихся в соответствующем правовом базисе. Современные коммуникационные и технические особенности глубокой перестройки производства товаров, выполнения работ, оказания услуг, одновременно представляющие собой вызовы для исследователей из различных научных областей, именуются четвертой промышленной революцией, или Индустрией 4.0. Термином «четвертая промышленная революция» в современной научной литературе называются происходящие в мире процессы коренного изменения традиционных методов и форм хозяйствования, связанные с повсеместным внедрением передовых технологий, таких как искусственный интеллект, Интернет вещей, беспилотные транспортные средства, роботизи-

зированные системы, большие данные и проч. Данный термин не является новым, однако свою популярность в несколько модифицированном виде он приобрел в 2011 г., прозвучав на Ганноверской промышленной ярмарке как «Индустрия 4.0». По данным Всемирного экономического форума, Индустрия 4.0 объединяет цифровые, физические и биологические системы. Ряд зарубежных стран (Германия, Япония, США, Великобритания, Франция и др.), стремясь начать работу, направленную на решение проблем четвертой промышленной революции, связанных с массовым внедрением в производство цифровых технологий и киберфизических систем, приняли соответствующие стратегические программы.

В России в 2017 г. также были приняты нормативные документы, определяющие перспективы данного направления: план мероприятий («дорожная карта») «Технет» (передовые производственные технологии) Национальной технологической инициативы, Стратегия развития информационного общества, Программа «Цифровая экономика в Российской Федерации».

Интеграция государств как фактор современной действительности, влияющий на их правовую политику и правовую культуру

Другим определяющим фактором, влияющим на формирование стратегической модели правовой политики и концепции правовой культуры в современном обществе, является развитие интеграционных объединений и региональных союзов. Степень влияния этих факторов находится в прямой зависимости от степени вовлеченности того или иного государства в обозначенные процессы.

Основное достоинство региональных образований видится в том, что они способны создать необходимые условия для решения многих планетарных проблем, не разрушая при этом внутринациональную специфику экономик, объединенных историческими, географическими, демографическими устоявшимися традициями и схожими интересами. Концепция «открытого» регионализма закладывает основы либерального мирового экономического порядка. Кроме того, взаимодей-

ствие региональных интеграционных объединений усиливает позиции создаваемых альянсов как в мировой экономике, так и в геополитическом противовесе сил. Конкретными свидетельствами тому являются программы зон свободной торговли между ЕС и MERCOSUR, а также Чили, экономическое сотрудничество стран БРИКС, ШОС и ЕАЭС. Правовые механизмы, которые создаются интернациональным сообществом на уровне международных организаций и региональных союзов, свидетельствуют о том, что глобализация проникла в правовое поле и оказывает на него непосредственное влияние. При этом все большее значение приобретает процесс глобализации права, понимаемый сегодня научной доктриной как влияние глобального правового мышления и глобального правового регулирования на преобразование национального права, а также взаимодействие и взаимопроникновение всех уровней правового регулирования, определяющие сегодня концептуальное развитие общей правовой политики и формирующее многонациональную правовую культуру объединяющихся государств.

Формирование либерального международного экономического порядка и глобального экономического управления в международных институтах представляет собой серьезную нормативную проблему, решение которой невозможно без согласованной правовой политики. Недавнее создание новых международных финансовых институтов (МФИ) – Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и Нового банка развития (НБР) – ознаменовало устойчивый процесс трансформации архитектуры современного глобального управления. То, как восходящие державы понимают, устанавливают и применяют формальные и неформальные правила в новых международных финансовых системах, имеет фундаментальное значение для будущего мирового экономического порядка, хотя и не обязательно, свидетельствует об упадке экономического управления в западном стиле, его правовой политики, основанной на общепризнанных нормативных принципах, несмотря на то что за последнее десятилетие глобальное экономическое управление претерпело глубокие изменения, обусловленные западной глобализацией. Усилению мировых интеграционных процессов опосредует, прежде всего, тесное взаи-

модействие и взаимовлияние международного и национального права, что не может не сказаться на трансформациях правовой политики и правовой культуры, приобретающих общий характер для национальных юрисдикций и территорий стран-участниц.

ЕС

Создание региональных или международных организаций рассматривалось изначально как способ построения и поддержания мира. Проследивая исторический аспект возникновения региональных союзов, как следствия интенсификации интеграционных процессов второй половины XX в., бесспорно, выделяются Европейские сообщества [1]. Поскольку, во-первых, указанные сообщества включали в свой состав высокоразвитые страны, располагающие мощным промышленным и финансовым потенциалом, во-вторых, с самого начала в Сообществах был создан и укреплялся сильный и действенный механизм единого регулирования, охватившего многие процессы интеграции, в-третьих, межгосударственные экономические связи дополнялись развитием политического сотрудничества. До недавнего времени ЕС рассматривался в отечественной правовой науке в качестве самой удачной модели интеграции государств, а право ЕС – в качестве образцовой нормативной системы по унификации национального законодательства в различных сферах правового регулирования. Такое высокое мнение отечественных исследователей подкреплялось возрастающим объемом торгового оборота между ЕС и Россией и расширением сотрудничества во многих сферах и по разным направлениям. Европейский Союз – единственное региональное объединение в мире, достигшее высшей стадии экономической интеграции: создания экономического и валютного союза (далее – ЭВС) с введением единой валюты – евро. Ведь, как известно, с образованием ЭВС завершается трансформация взаимосвязанных национальных хозяйств стран-участниц ЕС в интегрированную региональную систему.

Именно на исследовании опыта и достижений ЕС, думается, можно получить наиболее точное представление о том, что у межгосударственных интеграционных процессов

есть свои закономерности, которые едва ли можно обойти или проигнорировать в части формирования общей правовой политики и последующего формирования правовой культуры, приобретающей постепенно схожие черты на территориях объединившихся юрисдикций.

Конечно, ЕС может служить образцом далеко не во всем. М.Л. Энтин указывает на то, что найденные им решения не поддаются универсальному применению. История ЕС – это череда кризисов разной степени интенсивности. При этом способность ЕС преодолевать их была во много раз усилена умелым использованием правового инструментария [4], прежде всего посредством грамотной правовой политики и превращения права в надежный фундамент интеграционных процессов.

Право ЕС – новый феномен в праве, речь следует вести о наднациональном явлении, которое необходимо рассматривать как раз как продукт взаимодействия и взаимовлияния международного права и национальных правовых систем. Другими словами, становится очевидной актуальность изучения правовой политики ЕС в условиях глобализации экономики, общества и права, а также практическая полезность наднационального права ЕС, вобравшего в себя лучшие черты международного права и национального права наиболее развитых демократических государств Европы.

На протяжении более полувека существования Союза на основе общей правовой политики формировались правовые механизмы претворения в жизнь принципов, изложенных в учредительных договорах, направленных на создание единого рынка, свободы деятельности и учреждения и других экономических оплотов объединенной Европы. Многолетний накопленный опыт ЕС сегодня позволяет говорить о нем как о некоем эталоне в деле гармонизации и унификации права стран – участниц интеграции.

Действительно, в области унификации права опыт ЕС уникален: в состав объединенной Европы входят как страны континентальной, так и англосаксонской правовых семей. Не является определяющим для изучения права ЕС тот факт, что РФ – не член ЕС и едва ли станет таковым в будущем. Сегодня

Россия сама выступает ядром интеграционного объединения. Подтверждением тому являются мощные региональные объединения СНГ, ЕАЭС и БРИКС.

Для России трудно переоценить значение сотрудничества с ЕС во многих сферах жизнедеятельности. К сожалению, действия ЕС в последнее время влияют на его былую оценку, излишне идеализирующую сплоченность, экономическое единство и федеративность объединенного региона. ЕС сегодня больше походит на образование, которое имеет свое достойное место в мировой политике [1].

ЕАЭС

Изучение целей создания общей правовой политики интегрированной Европы с экономической точки зрения наводит на мысль о сходстве с целями процессов формирования общей правовой политики ЕАЭС. Особенно близость подходов наблюдается в части формирования общего рынка. Статья 2 Договора о ЕАЭС предусматривает определение общего (единого) рынка в качестве комплекса экономических отношений в рамках ЕАЭС, обеспечивающего свободное передвижение товаров, услуг, капитала и трудов. Судя по этим положениям, концепция общего (единого) рынка в ЕАЭС не отличается от внутреннего рынка ЕС и его четырех свобод [10]. Кроме того, перед ЕАЭС и ЕС стоят схожие задачи, в том числе важнейшая – необходимость стимулирования экономического роста. Анализ преамбулы Договора доказывает преимущественно экономический характер соглашения. Экономическая интеграция соответствует национальным интересам Сторон, которые, в свою очередь, заявили о стремлении укрепить экономику государств – членов и обеспечить устойчивый рост бизнеса посредством гармонизации и конвергенции их отношений. Экономический характер ЕАЭС как типа межгосударственного союза подтверждается и положениями п. 2 ст. 1, согласно которым ЕАЭС – международная организация региональной экономической интеграции. В перечне задач ЕАЭС, изложенных в ст. 4, – создание условий для стабильного экономического развития государств – членов в целях повышения уровня жизни их людей; создание общего рынка

товаров, услуг, капитала и рабочей силы; комплексная модернизация, сотрудничество и повышение конкурентоспособности национальных экономик на основе глобальной экономической политики регионального объединения [10]. В свою очередь, глобальная экономическая политика не может развиваться вне правовой основы, определяемой глобальной правовой политикой. Например, сегодня ЕАЭС решает задачи и создает правовую и институциональную основу для единого рынка финансовых услуг в относительно короткие сроки. Согласно общей правовой политике ЕАЭС к 2025 г. должны быть созданы наднациональные евразийские финансовые регуляторы и гармонизировано законодательство ЕАЭС о финансовых услугах.

Таким образом, интеграция невозможна без качественной правовой основы, которая, в свою очередь, не может строиться вне правовой политики и обеспечиваться при низком уровне правовой культуры в национальных юрисдикциях стран-участниц [7].

БРИКС

Продолжающиеся процессы формирования союзов на международной арене отражают и продолжающиеся процессы глобализации в мировой экономике. В перечне таких альянсов находится БРИКС – объединение пяти национальных экономик – Бразилии, России, Индии, Китая и Южной Африки. Оно считается совместной неформальной инициативой, направленной на смещение конвенционных норм в международном экономическом и политическом сотрудничестве с целью создания новой трансконтинентальной платформы для государств – членов. Последние в той или иной степени характеризуются стремлением к развитию внешнеэкономической деятельности. По мнению некоторых исследователей, отставание в этих процессах по сравнению с другими государствами – членами демонстрирует Южная Африка. Однако, как глобальный игрок в рамках БРИКС, Южная Африка открыла новые возможности, включая транснациональные шлюзы в Бразилию, Россию, Индию и Китай, с сопутствующим притоком инвестиций в инфраструктуру и развитие, обогащая обмены в сфере образования и переда-

чи технологий. В этих целях африканские страны разрабатывают общую правовую политику, стимулирующую национальное и общее экономическое развитие [5].

Таким образом, страны БРИКС также устремлены к глобальному экономическому сотрудничеству, в том числе и в части управления недавно созданными международными финансовыми организациями. При этом нерешенная нормативная проблема как следствие пробелов или нереализованности общей правовой политики периодически возникает здесь не только как угроза объединяющемуся финансовому сектору, но и текущему процессу экономической интеграции в целом [17].

МЕРКОСУР

Свидетелями новой тенденции региональной интеграции после окончания холодной войны стали государства Латинской Америки, входящей в число стратегических регионов мира. Созданный альянс преследует цель регионального сотрудничества в различных сферах, но прежде всего в экономической и политической [21]. Южноамериканские региональные интеграционные организации изначально преследовали торговые цели, но позже добавили и социальные вопросы к своим целям, в том числе региональную миграцию. В рамках общей правовой политики в последние десятилетия МЕРКОСУР и Андское сообщество наций приняли важные законы о региональной миграции и обращении с мигрантами [16].

Сегодня процессы региональной интеграции Латинской Америки можно представить в различных аспектах: структурном, экономическом, культурном и других. Например, одна из них – интеграция прав человека, так как МЕРКОСУР, как экономический блок, не имеет билля о правах.

Процессы региональной интеграции Американского континента представлены структурным разнообразием (Андское сообщество граждан, Унасур, Меркосур и *Allianzadel Pacífico*). Они отражают разные политические, экономические и социальные реалии. В этих интеграционных процессах значительная роль принадлежит правовой политике – как международной, так и внутрен-

ней. Национальные законодатели государств – членов активно вносят изменения согласно взятым на себя обязательствам, защищенным на международном уровне. Этим изменениям предшествуют согласованные правительствами стран – участниц проектов, предусмотренных международными соглашениями сторон.

В рамках структурной интеграции посредством института правовой политики активно ведется построение межамериканского подхода к защите прав человека. Общественная безопасность и права человека в МЕРКОСУР играют важную роль в эволюции правовой политики и правовой культуры в самых разных сферах, что является настоящей гарантией дальнейшего развития интеграционного объединения [6].

ШОС

Равноправное и взаимовыгодное сотрудничество в рамках ШОС в различных сферах экономического сотрудничества развивается путем признания роли экономической безопасности и стабильности как ключевого элемента интеграционных процессов [19].

Более тесная региональная интеграция ШОС предполагает более тесное взаимодействие в трех важных областях – политической, экономической и социальной [11]. В качестве основных направлений сотрудничества государств – членов ШОС в рамках международной интеграционной организации можно выделить государственную безопасность и борьбу с терроризмом, территориальную целостность и стабильность, образование, здравоохранение, окружающую среду. События последних лет свидетельствуют о нарастании негативных тенденций в регионе ШОС и прилегающих территориях. Борьба с международным терроризмом, экстремизмом и наркоторговлей стала центральным направлением безопасности ШОС. Очевидна необходимость диверсификации внешних связей и поиска новых партнеров, которые не стремились бы оказывать заметное влияние на конфигурацию альянсов и интеграционных структур в регионе, что невозможно реализовать вне согласованных подходов общей правовой политики [9].

Заключение

В продолжение обозначенных вопросов главной темы номера, посвященной эволюции правовой политики и правовой культуры, а также факторам современной действительности территориального и научно-технологического характера, влияющим на развитие и модернизацию национальных юрисдикций, сформирована и соответствующая рубрика очередного номера журнала. В подготовленном издании известными и молодыми учеными освещены: вопросы трансформации правовой политики в условиях цифровизации правовой реальности; концептуальный анализ правовых принципов научно-технологической интеграции государств – членов ЕАЭС; проблема правовой неопределенности в процессе цифровой платформизации в условиях Индустрии 4.0; сравнительно-правовые аспекты расторжения гражданско-правового договора в связи с существенным изменением обстоятельств на примере постсоветских государств; вопросы правового регулирования патентных отношений и интеллектуальной собственности в сфере применения технологий искусственного интеллекта; грани взаимодействия немецкой истории понятий и истории политических и правовых учений; двуединство электорально-правовой культуры и политической коммуникации на выборах прусского ландтага в историческом аспекте.

Редакционная коллегия журнала выражает надежду на то, что подготовленный номер вызовет живой интерес и искреннюю заинтересованность читательской аудитории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Право Европейского союза. В 2 ч. Ч. 1 : учебник и практикум для вузов / А. Х. Абашидзе [и др.] ; под ред. А. О. Иншаковой. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2020. – 293 с. – (Высшее образование).
2. Фирсов, Г. А. Некоторые теоретические и практические подходы по формированию правовой культуры в сфере образования / Г. А. Фирсов // Образование через всю жизнь: непрерывное образование в интересах устойчивого развития. – 2011. – № 9. – С. 214–217.
3. Фирсов, Г. А. Формирование правовой культуры в учреждениях профессионального об-

разования : автореф. дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.01 / Фирсов Георгий Александрович. – М., 2006. – 56 с.

4. Энтин, М. Л. Роль права в формировании Европейского Союза / М. Л. Энтин // Межпарламентская ассамблея Евразийского Экономического Сообщества. Санкт-Петербургский Государственный Университет. Международное сотрудничество и совершенствование правовой системы Евразийского Экономического Сообщества : материалы Международ. науч.-практ. конф. (г. Санкт-Петербург, 26 февраля 2004 г.). – СПб. : СПбГУ, 2004. – С. 53–67.

5. Anuoluwapo, D. South Africa's Inclusion in BRICS: Challenges and Prospects for Development in Africa / D. Anuoluwapo, I. Edwin, M. B. Abdul-Wasi // International Journal of African Renaissance Studies. – 2018. – Vol. 13, iss. 2. – P. 27–41.

6. Arcaro Conci, L. G. Mercosur, Regional Integration and Human Rights in a Multilevel Process // Estudios Constitucionales. – 2015. – Vol. 13, iss. 2. – P. 125–152.

7. Elamiryman, R. Network Society as the Key Factor for Effective Functioning of the Eurasian Union / R. Elamiryman // ACM International Conference Proceeding Series. – 2016. – Vol. 22–23. – P. 83–92.

8. Entities of Legal Policy / T. G. Okriashvili [et al.] // Journal of Politics and Law. – 2019. – Vol. 12, № 5. – P. 67–70.

9. Iskakova, G. K. Interaction and Cooperation of the Member States of the SCO in the Context of Regional Security: Lessons, Challenges and Prospects / G. K. Iskakova // Economy of Region. – 2012. – Iss. 4. – P. 237–243.

10. Kasyanov, R. Towards Single Market in Financial Services: Highlights of the EU and the EAEU Financial Markets Regulation / R. Kasyanov, A. Kriger // Russian Law Journal. – 2020. – Vol. 8, iss. 1. – P. 111–137.

11. Koh, S. G. M. Regional Integration in Central Asia: Rediscovering the Silk Road / S. G. M. Koh, A. O. J. Kwok // Tourism Management Perspectives. – 2017. – Vol. 22. – P. 64–66.

12. Korobova, A. P. State's Legal Policy in the Era of Digitalization (Book Chapter) / A. P. Korobova // Lecture Notes in Networks and Systems. – 2021. – Vol. 133. – P. 131–137.

13. Legal Culture as a Basic Component of Professional Training in Vocational Education / M. G. Sergeeva [et al.] // International Journal of Innovative Technology and Exploring Engineering. – 2019. – Vol. 8, iss. 12. – P. 4090–4094.

14. Legal Culture Formation of a Future Specialist / M. G. Sergeeva [et al.] // Humanities and Social Sciences Reviews. – 2019. – Vol. 7, iss. 4. – P. 13–19.

15. Legal Policy as a Means to Improve Lawmaking Process / A. V. Malko [et al.] // Astra Salvensis. – 2018. – Vol. 6, iss. 1. – P. 833–842.

16. Mendes, J. S. R. Puertas Abiertas?: Regional Migrations, Right and Integration in the Andean Community of Nations and the Mercosul / J. S. R. Mendes // Caderno CRH. – 2016. – Vol. 29, special iss. 3. – P. 77–92.

17. Menegazzi, S. Rising Powers and the Reform of Global Economic Governance: The BRICS and the Normative Challenge Ahead / S. Menegazzi // Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences. – 2020. – Vol. 13, iss. 1. – P. 135–150.

18. Quinn, G. Legal Culture and the CRPD / G. Quinn // Recognising Human Rights in Different Cultural Contexts: The United Nations Convention on the Rights of Persons with Disabilities (CRPD). – [S. l.] : Springer, 2020. – P. 19–44.

19. Rasulev, A. F. Perspectives of the Social and Economic Cooperation Among the SCO Member States in Condition of Globalization / A. F. Rasulev // Economy of Region. – 2012. – Iss. 4. – P. 203–208.

20. Shedov, D. Conceptualizations of Legal Culture: Discursive Traditions and Explanatory Potential / D. Shedov // Zhurnal Issledovaniy Sotsial'noi Politiki. – 2019. – Vol. 17, iss. 3. – P. 465–472.

21. The Role of Regional Integration in MERCOSUR Regional Peace and Development; An Approach to Human-Centered Geopolitics / S. Sadeghlou [et al.] // Geopolitics Quarterly. – 2020. – Vol. 15, iss. 4. – P. 1–24.

REFERENCES

1. Abashidze A. Kh., et al. *Pravo Evropejskogo soyuza. V 2 ch. Ch. 1 : uchebnik i praktikum dlya vuzov* [Law of the European Union. In 2 ch. Ch. 1: Textbook and Workshop for Universities]. Inshakova A. O., ed. Moscow, Yurayt Publ., 2020. 293 p. (Higher education).

2. Firsov G. A. Nekotorye teoreticheskie i prakticheskie podhody po formirovaniyu pravovoj kul'tury v sfere obrazovaniya [Some Theoretical and Practical Approaches to the Formation of Legal Culture in the Field of Education]. *Obrazovanie cherez vsyu zhizn': nepreryvnoe obrazovanie v interesah ustojchivogo razvitiya* [Education Through all Life: Continuous Education in the Interests of Sustainable Development], 2011, no. 9, pp. 214–217.

3. Firsov G. A. *Formirovanie pravovoj kul'tury v uchrezhdeniyah professional'nogo obrazovaniya: avtoreferat dissertacii doktora pedagogicheskikh nauk: 13.00.01* [Formation of Legal Culture in Institutions of Professional Education. Author's Abstract of the Doctor of Pedagogical Sciences: 13.00.01]. Moscow, 2006. 56 p.

4. Entin M. L. Rol' prava v formirovanii Evropejskogo Soyuzu [The Role of Law in the Formation of the European Union]. *Mezhparlamentskaya*

assambleya Evrazijskogo Ekonomicheskogo Soobshchestva. Sankt-Peterburgskij Gosudarstvennyj Universitet. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo i sovershenstvovanie pravovoj sistemy Evrazijskogo Ekonomicheskogo Soobshchestva: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. [Interparliamentary Assembly of the Eurasian Economic Community. St. Petersburg State University. International Cooperation and Improvement of the Legal System of the Eurasian Economic Community: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (St. Petersburg, February 26, 2004)]. Saint Petersburg, Saint Petersburg State University, 2004, pp. 53-67.

5. Anuoluwapo D., Edwin I., Abdul-Wasi M.B. South Africa's Inclusion in BRICS: Challenges and Prospects for Development in Africa. *International Journal of African Renaissance Studies*, 2018, vol. 13, iss. 2, pp. 27-41.

6. Arcaro Conci L.G. Mercosur, Regional Integration and Human Rights in a Multilevel Process. *Estudios Constitucionales*, 2015, vol. 13, iss. 2, pp. 125-152.

7. Elamiryan R. Network Society as the Key Factor for Effective Functioning of the Eurasian Union. *ACM International Conference Proceeding Series*, 2016, vol. 22-23, pp. 83-92.

8. Okriashvili T.G., et al. Entities of Legal Policy. *Journal of Politics and Law*, 2019, vol. 12, no. 5, pp. 67-70.

9. Iskakova G.K. Interaction and Cooperation of the Member States of the SCO in the Context of Regional Security: Lessons, Challenges and Prospects. *Economy of Region*, 2012, iss. 4, pp. 237-243.

10. Kasyanov R., Kriger A. Towards Single Market in Financial Services: Highlights of the EU and the EAEU Financial Markets Regulation. *Russian Law Journal*, 2020, vol. 8, iss. 1, pp. 111-137.

11. Koh S.G.M., Kwok A.O.J. Regional Integration in Central Asia: Rediscovering the Silk Road. *Management Perspectives*, 2017, vol. 22, pp. 64-66.

12. Korobova A.P. State's Legal Policy in the Era of Digitalization (Book Chapter). *Lecture Notes in Networks and Systems*, 2021, vol. 133, pp. 131-137.

13. Sergeeva M.G., et al. Legal Culture as a Basic Component of Professional Training in Vocational Education. *International Journal of Innovative Technology and Exploring Engineering*, 2019, vol. 8, iss. 12, pp. 4090-4094.

14. Sergeeva M.G., et al. Legal Culture Formation of a Future Specialist. *Humanities and Social Sciences Reviews*, 2019, vol. 7, iss. 4, pp. 13-19.

15. Malko A.V., et al. Legal Policy as a Means to Improve Lawmaking Process. *Astra Salvensis*, 2018, vol. 6, iss. 1, pp. 833-842.

16. Mendes J.S.R. Puertas Abiertas?: Regional Migrations, Right and Integration in the Andean Community of Nations and the Mersocul. *Caderno CRH*, 2016, vol. 29, special iss. 3, pp. 77-92.

17. Menegazzi S. Rising Powers and the Reform of Global Economic Governance: The BRICS and the Normative Challenge Ahead. *Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences*, 2020, vol. 13, iss. 1, pp. 135-150.

18. Quinn G. Legal Culture and the CRPD. *Recognising Human Rights in Different Cultural Contexts: The United Nations Convention on the Rights of Persons with Disabilities (CRPD)*. Springer, 2020, pp. 19-44.

19. Rasulev A.F. Perspectives of the Social and Economic Cooperation Among the SCO Member States in Condition of Globalization. *Economy of Region*, 2012, iss. 4, pp. 203-208.

20. Shedov D. Conceptualizations of Legal Culture: Discursive Traditions and Explanatory Potential. *Zhurnal Issledovaniy Sotsial'noi Politiki*, 2019, vol. 17, iss. 3, pp. 465-472.

21. Sadeghlou S., et al. The Role of Regional Integration in MERCOSUR Regional Peace and Development; An Approach to Human-Centered Geopolitics. *Geopolitics Quarterly*, 2020, vol. 15, iss. 4, pp. 1-24.

Information About the Author

Agnessa O. Inshakova, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor, Head of the Department of Civil and International Private Law, Base Department of the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, gimchp@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8255-8160>

Информация об авторе

Агнесса Олеговна Иншакова, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского и международного частного права (базовая кафедра ЮИЦ РАН), Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, gimchp@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8255-8160>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.4.2>

UDC 340.12
LBC 67.0

Submitted: 05.10.2020
Accepted: 01.11.2020

THE TRANSFORMATION OF LEGAL POLICY IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF THE LEGAL REALITY

Yulia A. Gavrilova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Olga S. Rybakova

Scientific Center for Legal Information Under the Ministry of Justice of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation

Introduction: the technical and technological transformations of modern society are taking on a global scale and the consequences which are difficult to predict for humanity. The digital age increases a person's dependence on the results of their intellectual work and generates a certain value conflict. The peculiarity of the modern stage of information and technological society is that technologies become part of social reality; they go beyond the relationship "man – technology – technical result". The **purpose** of the research is to formulate a conceptual view of the transformation of legal policy in modern society, which is constantly in the process of digital changes. The research aims to reveal new problems that arise in the digital society, to propose a review of the role of traditional legal means, in particular, legal policy in order to design innovative technical approaches and high-end technologies in society. **Methods:** the paper uses philosophical and general scientific principles; system, genetic and activity approaches; the methods: formal legal, analysis and synthesis. **Results:** information becomes an essential condition for ensuring human survival in a complex world that is moving along the path of informatization, digitalization, and technologization. By introducing techniques and technologies into their life and practice, people are guided by the goals of humanization, creative self-expression, and unlimited improvement of their own nature. But in any activity there are "side effects" that hinder the progressive intellectual and spiritual growth of humanity. These inhibitory factors are determined both by the properties of the information itself and by the objective characteristics of the social reality in which this information circulates. Technological progress, information, risks, law, legislation, and the values of society – these are the key "assemblage points" around which the modern domestic legal policy is built and implemented. **Conclusions:** legal policy in modern Russia is being transformed and presented as a special activity of social actors to adequately transform the legal reality in accordance with the needs of the developing information society using legal forms and methods based on modern information and communication technologies.

Key words: information, legal information, transformation of legal policy, digitalization of legal reality, information risks, information society.

Citation. Gavrilova Yu.A., Rybakova O.S. The Transformation of Legal Policy in the Context of Digitalization of the Legal Reality. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2020, vol. 19, no. 4, pp. 17-23. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.4.2>

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ
ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРАВОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ****Юлия Александровна Гаврилова**

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Ольга Сергеевна Рыбакова

Научный центр правовой информации при Минюсте России, г. Москва, Российская Федерация

Введение: технические и технологические трансформации современного общества приобретают глобальные масштабы и трудно прогнозируемые последствия для человечества. Цифровая эпоха усиливает зависимость человека от результатов своего интеллектуального труда и порождает определенный ценностный конфликт. Особенность современного этапа информационного и технологического общества – в имплементации техники и технологии в общественную среду. **Цель** исследования – сформулировать концептуальное представление о трансформации правовой политики в современном обществе, перманентно находящемся в процессе цифровых перемен. **Задачи** исследования – раскрыть новые проблемы, возникающие в цифровом обществе, предложить пересмотр роли традиционных правовых средств, в частности, правовой политики, в целях конструирования инновационных технических подходов и наукоемких технологий в обществе. **Методы:** в статье используются философские и общенаучные принципы; системный, генетический и деятельностный подходы; методы формально-юридический, анализа и синтеза. **Результаты:** информация становится неотъемлемым условием обеспечения выживания человека в сложном мире, который движется по пути информатизации, цифровизации, технологизации. Внедряя технику и технологии в свою жизнь и практику, человек руководствуется целями гуманизации, творческого самовыражения, безграничного совершенствования собственной природы. Но в любой деятельности существуют «побочные эффекты», препятствующие прогрессивному интеллектуально-духовному росту человечества. Данные тормозящие факторы определяются объективными характеристиками той социальной реальности, в которой эта информация циркулирует. Технический прогресс, информация, риски, право, законодательство, ценности общества – вот те ключевые точки «сборки», вокруг которых выстраивается и реализуется современная отечественная правовая политика. **Выводы:** правовая политика в современной России трансформируется и представлена как особая деятельность социальных субъектов по адекватному преобразованию правовой реальности в соответствии с потребностями развивающегося информационного общества с использованием правовых форм, методов и цифровых решений.

Ключевые слова: информация, правовая информация, трансформация правовой политики, цифровизация правовой реальности, информационные риски, информационное общество.

Цитирование. Гаврилова Ю. А., Рыбакова О. С. Трансформация правовой политики в условиях цифровизации правовой реальности // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2020. – Т. 19, № 4. – С. 17–23. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.4.2>

Введение

В период зарождения нового технологического уклада изменяется глубинная организация частных и публичных правовых отношений, формируются качественно новые социальные связи, институционализируются новые формы правовой коммуникации. В их становлении принципиально важную роль играют право и правовая информация.

Можно констатировать, что информация выступает ключевым фактором взаимодей-

ствия участников современного общества. Но «поточный» принцип ее добывания в цифровом мире не гарантирует единообразное гуманное ее использование в юридическом познании. В процессе своей деятельности в цифровом «формате» человек сталкивается с проблемой дефицита качественной правовой информации, отвечающей критериям актуальности, достоверности, своевременности применительно к конкретной жизненной ситуации.

Данная ситуация порождает взаимозависимость человека и созданных им информа-

ционных продуктов. С одной стороны, человек рассчитывает на содействие и помощь сетевых и мобильных устройств, компьютеров в жизненном обустройстве, с другой – цифровые технологии и информация, достигнув определенного уровня развития, диктуют человеку собственную логику взаимодействия (функционирования), пытаются интегрировать человека в цифровой мир, действующий на условиях алгоритмического взаимодействия. С позиции индивида данный подход можно выразить следующим образом: «Если ты не в “цифре” и не владеешь нужной информацией, то тебе нет места в новой цифровой реальности». Но так ли это в действительности?

Считаем, что в сложившихся условиях процессы создания, поиска, обработки, хранения, передачи и использования правовой информации как наиболее жизненно важной социальной информации должны получить надежную законодательную защиту и доктринальную основу посредством трансформации основных направлений правовой политики. Иными словами, правовая информация выступает детерминантом целеполагания правовой политики и правовая информация в данном контексте нуждается в управлении большими массивами ее данных на стратегическую перспективу, что позволит обеспечить дальнейший правовой прогресс общества, гуманность информационной эволюции, принятие на основе критически проанализированной правовой информации этически обоснованных решений о пределах влияния техники на человека в процессе их взаимодействия.

Природа и назначение правовой информации

На рубеже исторических эпох, когда изменяются привычные условия существования, закономерно возникает интерес человека к сохранению или обретению прочной системы ценностных ориентиров. Это внимание к собственной судьбе в глобальном информационном будущем стало побудительной причиной обращения многих современных исследователей к феномену информации [2–5].

Каждое историческое общество, цивилизация оперируют определенными объемами информации, которая сегодня объединяет и

связывает большие и малые социальные группы, государства, континенты и весь мир. В достоверной актуальной информации прямо заинтересованы государство, общество, экономика, идеология и другие социальные институты и прежде всего сам человек. Вследствие этого владение, пользование и распоряжение информацией относится к значимым благам для общества и граждан, несомненно, приобретает ценностный характер.

Однако при таком пристальном внимании ученых, представителей бизнеса и государственных деятелей к информации (знаниям, сообщениям, сведениям, фактам) понимание ее генезиса и природы до настоящего времени является дискуссионным. Большинство подходов сводит генезис информации к материальной или идеальной сущности, либо к их определенному сочетанию. Утверждается, например, что информация:

а) фиксирует взаимодействие внешнего объекта с технической системой или человеком, причем в последнем случае с человеком и на материальном носителе в знаковой форме;

б) выражается в продуктах человеческого мышления и способах функционирования техники, несет определенные смыслы.

Идеально-материальная природа информации действительно характеризует один из ее важных аспектов, но представляется, что более прав основатель кибернетики Н. Винер, понимавший генезис информации как самостоятельного феномена, нечто третьего, не сводимого к материальной или идеальной субстанции и не выводимого из них [6, р. 116].

Классификация информации по сферам жизни общества предлагает исследователю различать экономическую, политическую, культурно-духовную, правовую и другие виды информации. В этом понятийном ряду правовая информация, отмечает И.Л. Бачило, аккумулирует научно-теоретические представления о взаимодействии субъектов общественных отношений, о правилах и стандартах поведения, которые разрабатываются на демократической основе [1, с. 6–7]. В нашей интерпретации правовая информация обладает следующими свойствами:

1) ориентирована на широкий круг социальных агентов, к которым она относится;

2) направлена не только на разрешение социальных конфликтов, но и достижение целей социальной солидарности и поддержки коммуникации;

3) в прикладном аспекте связана с реализацией и защитой конституционных прав и обязанностей граждан.

Полагаем также, что важнейшими характеристиками правовой информации, имеющей значение для широкого круга социальных агентов, следует назвать ее достоверность и доступность. Первая (истинность) предполагает полноту и актуальность сведений, соответствующих по своему содержанию правовым предписаниям (положениям). При обращении к достоверной правовой информации человек может получить необходимые сведения правового характера о действующих в обществе правовых предписаниях в целом или применительно к конкретной жизненной ситуации. Доступность правовой информации предполагает наличие двух аспектов: 1) реальную возможность доступа к получению информации; 2) понятность информации для сознания ее потребителя (индивида).

Основные направления трансформации правовой политики в цифровом обществе

Концептуальный анализ правовой информации осуществляется в рамках деятельностного подхода с разных авторских позиций.

Большая часть ученых не признает эту деятельность как особого рода политически обусловленную (правовую политику) и обозначает ее специальными юридическими категориями позитивного права: правовая теория киберпространства, право цифровых технологий, правовое обеспечение информационной безопасности и т. д.

При этом в приведенных мнениях нет связи этой деятельности с конституированием и защитой социальных ценностей и интересов, с государственной властью и естественно-правовыми принципами, так как в цифровом обществе информация становится общей ценностью и в условиях усложняющейся социальной динамики нуждается в правовом закреплении, дифференциации, охране, обеспечении и управлении. В связи с этим более правильно называть эту деятельность термином «правовая политика»,

подчеркивая тем самым главную цель ее актуальной трансформации – преобразование правовой реальности, совершенствование общественных и правовых отношений.

Правовая информация как предпосылка трансформации современной правовой политики имеет разнообразные характеристики: количество и качество, новизна, достоверность, точность, полнота, полезность, своевременность, воспроизводимость, плотность и др. Каждый фрагмент правовой информации имеет свой жизненный цикл, охватывающий период от создания до его уничтожения (блокировки), часто обусловленного не только потерей актуальности информации. Вследствие этого правовая политика позволяет документировать и описывать правовую информацию в отдельных фазах жизненного цикла.

К функциям правовой политики относятся формирование, отбор социальной информации, ее распределение, хранение и передача по коммуникационным каналам связи в зависимости от уровня ее релевантности: семья, школа, трудовой коллектив, политические партии и т. п. Для отбора социальной информации в качестве потенциально имеющей правовой характер используются возможность документальной фиксации, ценность и другие критерии.

Кроме вышеназванных к числу функций правовой политики можно также отнести организацию условий по созданию, законодательному регулированию отношений между субъектами в сфере цифровых технологий, правовому закреплению, охране и воспроизводству новых информационно-коммуникационных технологий.

Современные информационные технологии: официальные информационные правовые системы законодательства, базы данных судебной практики, официальные интернет-порталы органов государственной власти и др. позволяют создать аналитический инструмент, дающий возможность мгновенно совершать операции с информацией во времени. Быстрое преобразование объекта из одного информационного состояния в другое дает зримое представление о произошедших в российском обществе технологических переменных и может служить хорошей отправной точкой в осмыслении инновационных элементов правовой политики.

Научно-технологические трансформации, происходящие в современном обществе, должны предполагать успешное овладение всеми участниками этих отношений правилами, процедурами получения и использования информации. Учеными предлагается выделять в отдельный блок «цифровые права» человека, защита и обеспечение которых требуют дополнительных механизмов правового регулирования.

Отдельно нужно остановиться на понятии рисков, связанных с защитой прав человека в информационном обществе. Кардинальное повышение скорости создания и обращения информации по всему миру порождает неопределенность в оценке планов дальнейшей деятельности человека в информационной среде, выбора и последствий принятия решения в ситуациях равного влияния многих факторов и т. п.

Понятие риска нуждается в более широком подходе к его интерпретации. Исходя из естественно-правовых идей свободы, равенства и справедливости, можно сразу назвать риски ограничения свободного доступа к информации и утечки конфиденциальной информации, особенно через сайты транснациональных корпораций. Кроме того, можно назвать пример отсутствия беспрепятственных гарантий и быстрых механизмов реализации конституционных прав пользователей информации, исходящей от иностранных и международных сервисов. Наконец, к сожалению, получил распространение такой вид рисков, как продажа клиентских баз данных.

Прежде всего, правовая политика пытается ответить на новые вызовы цифрового общества: 1) по силам ли человеку, как представителю вида *Homo Sapiens*, управлять оборотом суперсовременных информационных технологий; 2) какие формы контроля в рамках трансформации правовой политики будут наиболее оптимальны; 3) каковы последствия развития информационных технологий для человека.

С точки зрения эффективности правовой политики можно назвать следующие виды информационных рисков:

а) риски установления носителя цифровой активности. Они преодолеваются через функционирование единой централизованной

системы аутентификации и учета пользователей, с которой интегрированы корпоративные и ведомственные платформы;

б) риски установления коммуникативного взаимопонимания в информационных отношениях. Они преодолеваются через развитие цифровой грамотности населения, создающей заинтересованность в равном партнерском диалоге личности и государства, снижении транзакционных издержек в передаче информации с целью гарантированного получения электронных государственных услуг;

в) риски неполучения действительно ценной информации. Они преодолеваются через развитие универсальных культурных компетенций личности, способствующих применению общих знаний, эрудиции, творческих умений и навыков в понимании специальных правовых режимов информации, юридической терминологии, дефектов ее изложения, снижающих качество данных. Следовательно, в информационном обществе имеются основания оценивать любой риск как информационный.

В процессе цифровизации правовой реальности трансформируется элементный состав правовой политики, в котором можно выделить, прежде всего, субъекты, цели, приоритеты и принципы.

К субъектам правовой политики принято относить государство в целом, отдельные федеральные, территориальные и муниципальные органы власти, в том числе специализированные по вопросам цифрового развития и информационных технологий, структурные образования гражданского общества: профсоюзы, инициативные группы, граждане. Их место и роль различаются. Одни участники разрабатывают стратегические и концептуальные основы правовой политики, другие – конкретизируют содержание ее мероприятий на последующих уровнях реализации, третьи – участвуют в разработке, вносят предложения и рекомендации. Актуальным проявлением трансформации правовой политики предстает координация деятельности всех этих субъектов, необходимость взаимодействия на основе общих принципов и целей.

Цели правовой политики определяются стратегическими программными документами и ключевыми нормативными правовыми актами в сфере информационной отрасли. Так,

например, в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг., утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203, целью правовой политики является построение национального образа информационного общества, основанного на знаниях и высоких технологиях.

Приоритеты правовой политики составляют наиболее актуальные направления деятельности в рамках поставленных целей и задач, которые нельзя отложить, а необходимо срочно реализовывать в данный момент времени: цифровизация экономики и государственного управления, технологическая модернизация, повышение информационной грамотности населения, укрепление мирового имиджа и защита национальных интересов Российской Федерации, обеспечение информационной безопасности пользователей.

Принципы правовой политики – это основные базовые положения, идеи и установления, которые развивают содержание приоритетов и действуют с ними совместно. Принципы нужны для систематизации информационной деятельности членов общества и оценки результативности правовой политики (толкование законов, анализ проблем и путей выхода из них, подведение итогов). Вопрос о принципах правовой политики является предметом отдельного рассмотрения. Учеными выделяются такие принципы, как конституционная свобода поиска и распространения информации и ограничения доступа к ней только на основе федерального закона, сочетание традиционных ценностей российских граждан с государственной защитой их интересов и т. п.

Выводы

В условиях цифровизации правовой реальности имеет место процесс трансформации правовой политики. Ее особенность состоит в совмещении правового инструментария, властных управленческих функций и современных информационных технологий. Новая методологическая роль правовой политики определяется необходимостью эффективно управлять деятельностью социальных институтов по реализации права, совершенствовать и гуманизировать право в цифровую эпоху.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бачило, И. Л. Понятийный аппарат информационного права и система информационной безопасности / И. Л. Бачило // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2016. – № 3. – С. 5–16.
2. Ланг, П. П. Сохранение ценностей права в цифровую эпоху / П. П. Ланг // Человек, общество, право в условиях цифровой реальности : сб. ст. – М. : КноРУС, 2020. – С. 149–159.
3. Общество: пространство, риски, ценности : монография / под ред. д-ра филос. наук А. Н. Чумакова. – Саратов : Изд-во СГУ, 2012. – 268 с.
4. Рыбакова, О. С. Цифровые решения организации правового просвещения граждан на территории Российской Федерации / О. С. Рыбакова // Человек, общество, право в условиях цифровой реальности : сб. ст. – М. : КноРУС, 2020. – С. 99–116.
5. Рыбаков, О. Ю. Качество жизни, благополучие человека, ценность права в условиях цифровой реальности / О. Ю. Рыбаков // Человек, общество, право в условиях цифровой реальности : сб. ст. – М. : КноРУС, 2020. – С. 15–31.
6. Gavrilova, J. A. Information and Legal Concepts of E-Russia. Ubiquitous Computing and the Internet of Things: Prerequisites for the Development of ICT / J. A. Gavrilova, N. I. Grachev, I. V. Rostovshchikov // Studies in Computational Intelligence. – Cham : Springer Science + Business Media, 2019. – Vol. 826. – P. 115–121.

REFERENCES

1. Bachilo I.L. Ponyatijnyj apparat informacionnogo prava i sistema informacionnoj bezopasnosti [Conceptual framework of information law and information security systems]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk* [Bulletin of the Institute of state and law of the Russian Academy of Sciences], 2016, no. 3, pp. 5-16.
2. Lang P.P. Sohranenie cennostej prava v cifrovuyu epohu [Preserving the Values of Law in the Digital Age]. *Chelovek, obshchestvo, pravo v usloviyah cifrovoj real'nosti* [Man, Society, Law in Terms of Digital Reality]. Moscow, KnoRus Publ., 2020, pp. 149-159.
3. *Obshchestvo: prostranstvo, riski, cennosti* [Society: Space, Risks, Values]. A. N. Chumakov, ed. Saratov, SGU, 2012. 268 p.
4. Rybakova O.S. Cifrovyje resheniya organizacii pravovogo prosveshcheniya grazhdan na territorii Rossijskoj Federacii [Digital Solutions for Organizing Legal Education of Citizens on the Territory of the Russian Federation]. *Chelovek, obshchestvo, pravo v*

usloviyah cifrovoj real'nosti [Man, Society, Law in Terms of Digital Reality]. Moscow, KnoRus Publ., 2020, pp. 99-116.

5. Rybakov O.Yu. *Kachestvo zhizni, blagopoluchie cheloveka, cennost' prava v usloviyah cifrovoj real'nosti* [Quality of Life, Human Well-Being, and the Value of Rights in Digital Reality]. *Chelovek, obshchestvo, pravo v usloviyah cifrovoj*

real'nosti [Man, Society, Law in Terms of Digital Reality]. Moscow, KnoRus Publ., 2020, pp. 15-31.

6. Gavrilova J.A., Grachev N.I., Rostovshchikov, I.V. Information and Legal Concepts of E-Russia. Ubiquitous Computing and the Internet of Things: Prerequisites for the Development of ICT. *Studies in Computational Intelligence*. Cham, Springer Science + Business Media, 2019, vol. 826, pp. 115-121.

Information About the Authors

Yulia A. Gavrilova, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Theory and History of Law and State, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, gavriloa_ua@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8055-4710>

Olga S. Rybakova, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Senior Researcher, Department of Research and Educational Activities, Scientific Center for Legal Information Under the Ministry of Justice of the Russian Federation, Mikhalkovskaya St, 65-1, 125239 Moscow, Russian Federation, orro21@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2870-4355>

Информация об авторах

Юлия Александровна Гаврилова, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, gavriloa_ua@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8055-4710>

Ольга Сергеевна Рыбакова, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник отдела научно-исследовательской и образовательной деятельности, Научный центр правовой информации при Минюсте России, ул. Михалковская, 65-1, 125239 г. Москва, Российская Федерация, orro21@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2870-4355>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.4.3>

UDC 341.2
LBC 67.91

Submitted: 11.09.2020
Accepted: 01.10.2020

LEGAL PRINCIPLES OF THE SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL INTEGRATION OF THE EAEU MEMBER STATES: CONCEPTUAL ANALYSIS ¹

Mark V. Shugurov

Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation

Introduction: in the context of the implementation of the declared technological modernization of the EAEU economy, the issue of developing the legal framework for the integration in the field of science, technology and innovation, and especially the issue of developing a system of its legal principles, is being updated. The **purpose** of the study is to develop a comprehensive conceptual understanding of the nature, system and functions of the legal principles that are the core of the legal regulation of the integration cooperation of the EAEU member states in the field of science, technology and innovation. The **objectives** of the study are the following: 1) to relate the legal principles of the regulation of scientific and technological integration with the principles of the Eurasian integration in general; 2) to carry out a consistent analysis of the degree of consolidation of the principles of scientific and technological integration in Union law; 3) to carry out the doctrinal classification of the principles. **Methods:** general scientific methods (system, structural and functional), specific scientific methods (comparative legal, dogmatic legal). **Results:** a classification of the legal principles of scientific and technological integration is proposed, the system of which includes a subgroup of general principles, as well as a subgroup of industry (structural-institutional, integration-legal and organizational) principles. **Conclusions:** the systematized legal principles are conceptualized as the key legal tools for managing integration processes in the field of science, technology and innovation, the formal consolidation of which will serve as a factor for expanding and deepening the regional scientific and technological integration of the member states.

Key words: the Eurasian Economic Union, scientific and technological integration, Union law, integration processes, legal principles, digital transformation, technological modernization.

Citation. Shugurov M. V. Legal Principles of the Scientific and Technological Integration of the EAEU Member States: Conceptual Analysis. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2020, vol. 19, no. 4, pp. 24-32. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.4.3>

УДК 341.2
ББК 67.91

Дата поступления статьи: 11.09.2020
Дата принятия статьи: 01.10.2020

ПРАВОВЫЕ ПРИНЦИПЫ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ ГОСУДАРСТВ – ЧЛЕНОВ ЕАЭС: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ¹

Марк Владимирович Шугуров

Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Российская Федерация

Введение: в условиях реализации заявленной технологической модернизации экономики ЕАЭС актуализируется вопрос о развитии правовой базы интеграции в сфере науки, технологий и инноваций, а особенно вопрос о разработке системы ее правовых принципов. **Цель** исследования заключается в выработке комплексного концептуального представления о природе, системе и функциях правовых принципов, являющихся ядром правового регулирования интеграционного сотрудничества государств – членов ЕАЭС в сфере науки, технологий и инноваций. **Задачи исследования:** 1) установить связь правовых принципов регулирования научно-технологической интеграции с принципами евразийской интеграции в целом; 2) осуществить последовательный анализ степени закрепления принципов научно-технологической интеграции в праве Союза; 3) осуществить доктринальную классификацию рассматриваемых принципов. **Методы:** общенаучные (системный, структурно-функциональный) и частнонаучные (сравнительно-правовой, догматическо-правовой) методы. **Результаты:** предложена классификация правовых принципов научно-технологической ин-

теграции, система которых включает подгруппу общих, а также подгруппу отраслевых (структурно-институциональных, интеграционно-правовых и организационных) принципов. **Выводы:** систематизированные правовые принципы концептуализированы в качестве ключевых правовых инструментов управления интеграционными процессами в сфере науки, технологий и инноваций, формальное закрепление которых выступит фактором расширения и углубления региональной научно-технологической интеграции государств – членов.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, научно-технологическая интеграция, право Союза, интеграционные процессы, правовые принципы, цифровые трансформации, технологическая модернизация.

Цитирование. Шугуров М. В. Правовые принципы научно-технологической интеграции государств – членов ЕАЭС: концептуальный анализ // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2020. – Т. 19, № 4. – С. 24–32. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.4.3>

Введение

В условиях перехода к Четвертой промышленной революции, характеризующейся новыми технологиями производственного процесса, актуализируется потребность в ускорении и расширении интеграции государств – членов ЕАЭС в сфере науки, технологий и инноваций. В разделе 2 Декларации о дальнейшем развитии интеграционных процессов, посвященном вопросам формирования территории инноваций и обеспечения технологических прорывов [4], взаимодействие в сфере науки, технологий и инноваций выделено в самостоятельное интеграционное направление. Это придает импульс для формирования целостного правового комплекса в рамках права Союза, призванного стать регуляторной основой интеграционных процессов в научно-технологической и инновационной сфере.

Проблематика формирования и развития данного правового комплекса начинает входить в пространство внимания исследователей [6; 14]. Однако не будем забывать, что ядром правового регулирования интеграционных процессов в сфере науки, технологий и инноваций, конечно же, выступают правовые принципы. Следует согласиться со сформулированной в научной литературе точкой зрения о том, что изучение единого правового пространства в рамках ЕАЭС предполагает исследование не только структуры права Союза, но и выделение его принципов, являющихся базовыми основами евразийской интеграции [9]. К сожалению, проблематика принципов правового регулирования научно-технологической интеграции государств – членов ЕАЭС пока что не нашла своего освещения в науч-

ной литературе. В связи с этим целью представленной статьи является концептуальное осмысление природы, системы и функций принципов, выступающих фундаментальным средством правового регулирования интеграционного сотрудничества в сфере науки, технологий и инноваций.

Основная часть

Как следует из ст. 4 Договора о ЕАЭС, в качестве одной из целей функционирования Союза выступает модернизация национальных экономик государств – членов [5]. Вполне аксиоматично, что отмеченная модернизация предполагает новую технологическую базу. В связи с этим в ряде разделов Договора предусматривается развитие научно-технологического сотрудничества государств – членов в сфере промышленности, АПК и транспорта при координирующей роли Евразийской экономической комиссии (далее – ЕЭК). В развитие положений Договора принят целый ряд актов институциональных органов ЕАЭС, имеющих рекомендательный характер [13]. Однако в силу того, что в ЕАЭС пока нет специальных международных договоров по вопросам научно-технологического сотрудничества, договорное закрепление интересующих нас принципов отсутствует. Нельзя не констатировать также отсутствие их закрепления в актах институциональных органов Союза, а также в документах программно-стратегического характера.

Следует пояснить, что, поскольку ключевой основой международного научно-технологического сотрудничества и развития, а также его конкретных организационных форм

выступают принципы, формальное закрепление последних является в целом широко распространенной практикой двусторонних и многосторонних договоров государств в научно-технической сфере. Это связано с тем, что принципы являются своего рода первичной основой возникновения базовых международно-правовых обязательств, которые, в свою очередь, задают содержательные рамки обязательств, возникающих на основе положений о взаимодействии Сторон в рамках тех или иных организационно-правовых форм научно-технологического сотрудничества (обмен специалистами, совместные разработки, передача технологий, обмен научной информацией и т. д.). Из сказанного следует, что концептуализация принципов имеет не только теоретическую, но и практическую актуальность.

Это связано с тем, что в настоящий момент ясно осознается значимость развития правовой базы ЕАЭС в научно-технологической сфере, и особенно базы договорной [16]. Причем, как нам представляется, право Союза в сфере научно-технологического взаимодействия должно не только предусматривать современные и перспективные формы сотрудничества, но и закреплять его принципы. Кажется бы, формулировка правовых принципов не представляет собой проблемы. Однако это не так, ибо системное научно-технологическое взаимодействие в ЕАЭС находится в начальной стадии своего формирования. В связи с этим именно от системы установленных правовых принципов во многом будет зависеть глобальная научно-технологическая конкурентоспособность Союза.

Как таковые, правовые принципы международного научно-технологического сотрудничества являются универсальными, то есть «пронизывающими» все его формы, а именно – конкуренцию, координацию, коллаборацию, кооперацию, интеграцию [10, с. 20–26]. В литературе выделяют и иные перечни форм научно-технологического сотрудничества, в которые включаются, например, ассоциация, гармонизация и т. д. Но не следует забывать, что научно-технологическое сотрудничество в рамках ЕАЭС разворачивается внутри интеграционного объединения государств. В результате научно-технологическая интеграция

представляет собой приоритетную форму сотрудничества, тогда как приоритетом научно-технологического сотрудничества на двусторонней международно-договорной основе является все же кооперация. Правовой основой последней, например, выступают двусторонние договоры, заключенные государствами – членами ЕАЭС, но в право Союза они не входят.

Представляется, что природа рассматриваемых принципов коррелятивна природе принципов интеграционного взаимодействия, выступающих фундаментальными ориентирами, закрепляющими евразийскую модель интеграции. Здесь необходимо внести уточнение, касающееся того, что, во-первых, участие в Союзе открывает для каждого государства новые возможности для решения задач национального развития – не только экономических, но и технологических, а также научно-образовательных – на основе получения общего синергетического эффекта от интеграции. Во-вторых, участие в Союзе основано на незыблемом соблюдении национальных интересов и уважении государственного суверенитета. В основных чертах налицо международно-правовая, а не наднационально-правовая модель интеграции. Однако в литературе признается, что правовая модель евразийской интеграции является смешанной, то есть включающей в себя некоторые компоненты наднациональности [12, с. 79]. Конечно, здесь возникает вопрос о том, насколько выбранная модель интеграции и соответствующая ей сущностная модель правовых принципов адекватна потребностям дальнейшего углубления интеграции.

Очевидно, что данная модель определяет идентичность Союза, но представляется вполне возможным в дальнейшем усилить наднациональный компонент. В нашем случае это означало бы расширение полномочий ЕЭК, что позволило бы ей более интенсивно и масштабно осуществлять координирующую функцию в сфере научно-технологического сотрудничества. В результате развития такого сценария возникнет возможность развития системы принципов региональной научно-технологической интеграции. Однако первоначально должно быть сформировано комплексное концептуальное представление о них, а

также должно быть осуществлено их формальное закрепление в правовой базе Союза.

Казалось бы, интересующие нас принципы в силу международно-правовой модели евразийской интеграции на уровне Союза сходны с принципами, характерными для договорной (конвенционной) модели научно-технологического сотрудничества, реализующейся на двустороннем или же на многостороннем уровне. Но в нашем случае налицо не просто региональный уровень международно-правового сотрудничества в сфере науки, технологий и инноваций, но сотрудничество в рамках международной организации региональной экономической интеграции. Соответственно, здесь система принципов не может по своему определению полностью совпадать с системой правовых принципов научно-технологического сотрудничества в рамках, например, такого межгосударственного объединения, как ШОС, которые в последнее время подверглись в доктрине серьезному анализу [1].

Соответственно, система правовых принципов научно-технологического сотрудничества всякий раз представляет собой достаточно уникальный комплекс, характерный для разных видов межгосударственных объединений, включая те или иные интеграционные образования государств. Это не означает отсутствия инвариантного ядра, аналогичного ядру принципов, характерных для многостороннего научно-технологического сотрудничества, осуществляющегося на универсальном уровне в рамках международных договоров, сторонами которых выступает подавляющее число государств современного мира (Конвенция ООН о биоразнообразии, Рамочная конвенция ООН об изменении климата, Минаматская конвенция по ртути и т. д.). В целом к общим относятся принципы добровольности, равноправия, недискриминации, добросовестного исполнения международно-правовых обязательств по научно-технологическому сотрудничеству, сближение уровней экономического и научно-технологического развития между развитыми и развивающимися странами, взаимной выгоды и справедливого распределения выгод от достигнутых результатов совместной научно-исследовательской деятельности в рамках международного сотрудничества, свободы научных исследований, обме-

на информацией и результатами научных исследований, принцип конфиденциальности [2, с. 184]. В свою очередь, на уровне региональных объединений государств в рамках договорного и программного сотрудничества более выраженной оказывается именно подсистема специальных принципов.

По замечанию Л.П. Ануфриевой, принципы, будучи руководящими нормами, органично связаны со всеми составляющими научно-технологического сотрудничества, а именно «спецификой объекта регулирования (видом общественных отношений), предметом юридического воздействия, формами реализации сотрудничества, субъектами и др.» [2, с. 184]. С данным подходом всецело следует согласиться, но его можно дополнить концептуальным положением о том, что важнейшим фактором детерминации правовых принципов научно-технологического сотрудничества на уровне интеграционных объединений государств является система принципов, на которых строит свою деятельность то или иное межгосударственное объединение как таковое.

Так, одни исследователи выделяют *принципы права ЕАЭС*, в частности общие (охрана прав и свобод граждан государств – членов ЕАЭС; правовая определенность; субсидиарность и пропорциональность; недискриминация) и функциональные (верховенство права ЕАЭС; интегрированность права ЕАЭС в национальные правовые системы), пронизывающие все сферы интеграционного взаимодействия [9]. Другие авторы говорят о *принципах функционирования ЕАЭС* и классифицируют их как общие (международные); структурно-институциональные, задающие основы функционирования институтов ЕАЭС; и, наконец, принципы правовой интеграции, регулирующие отношения между государствами – членами в процессе интеграционного взаимодействия. Одновременно делается вывод о том, что отраслевые принципы, так же, как и межотраслевые, требуют своего специального анализа [7, с. 89]. И, наконец, третий подход заключается в выделении *принципов евразийской интеграции*: институциональные (соблюдение норм международного права, равноправие сторон, добровольность, суверенность), организационные (открытый характер,

транспарентность, гибкость интеграции, общественный консенсус), социально-экономические (экономический прагматизм, рыночный интеграционизм, добросовестная конкуренция и др.) [15, с. 175]. На наш взгляд, более продуманным является второй подход, ибо он наиболее полно отражает правовой алгоритм евразийской интеграции. В результате отмеченный плюрализм подходов в сфере доктринальной систематизации принципов интеграционного взаимодействия в рамках ЕАЭС не столько создает определенные трудности для моделирования системы отраслевых принципов, к которым относятся принципы правового регулирования научно-технологической интеграции в рамках ЕАЭС, сколько служит исходной предпосылкой их классификации.

С нашей точки зрения, вполне целесообразно объединить структурно-институциональные принципы и принципы правовой интеграции в качестве самостоятельных подгрупп в составе подсистемы специальных принципов. Эвристичность выбранного нами подхода в качестве исходной методологической основы можно продемонстрировать на примере имеющегося закрепления отраслевых принципов. Например, в силу актуальности такого интеграционного направления, как цифровые трансформации экономики и общества, следует указать на принципы реализации цифровой повестки Союза. Так, реализация цифровой повестки ЕАЭС, как это закреплено в «Основных направлениях реализации Цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 г.», призвана способствовать открытому, широкому и равноправному сотрудничеству государств – членов, их хозяйствующих субъектов и граждан, росту эффективности и объемов экономики каждого из государств – членов, переходу на новый уровень экономического, технологического и социального развития, а также укреплению роли государств – членов и Союза в формировании глобальной цифровой повестки [11]. Далее в этом документе выделен специальный блок принципов: равноправное партнерство; развитие интеграции и сотрудничества государств – членов в ходе реализации цифровой повестки; синергия в процессе решения государствами – членами совместных задач в рамках Союза; расширение включенности в

цифровую повестку и преодоление всех форм цифрового неравенства и др. Представляется, что указанный перечень включает принципы общего и специального характера. В свою очередь, среди специальных в нем можно выделить институциональные принципы (обоснованность актов, принимаемых Союзом) и принципы интеграционного взаимодействия (сопряжение национальных информационных систем государств – членов). Специальный блок, посвященный принципам, можно также увидеть в Концепции создания условий для цифровой трансформации промышленного сотрудничества в рамках ЕАЭС и цифровой трансформации промышленности государств Союза [8]. Так, в разделе III выделены следующие принципы цифровой трансформации: системность при разработке и координации процессов цифровой трансформации промышленного сотрудничества и цифровой трансформации промышленности; руководящая роль государственных органов в партнерстве с бизнес-сообществами государств – членов; использование механизмов государственно-частного партнерства при реализации проектов по цифровой трансформации промышленности и др. Как можно видеть, здесь отражены преимущественно специальные отраслевые принципы.

Система принципов в сфере научно-технологического взаимодействия и основа их классификации имеет самостоятельный теоретический интерес. Это объясняется тем, что право ЕАЭС в рассматриваемой сфере еще достаточно фрагментарно, что своей конечной причиной имеет недостаточную интенсивность кооперационных связей, отсутствие общих проектов и отсутствие общей инфраструктуры. Как бы то ни было, формирование целостной правовой базы научно-технологической интеграции предполагает формирование целостной системы принципов. Бесспорно, наиболее полную систематизацию они могут и должны получить на уровне доктрины, что станет важной научно-теоретической основой их закрепления в различных международно-правовых договорах в научно-технической сфере, если, конечно, государства – члены ЕАЭС посчитают, что их принятие является необходимым. Таким образом, доктринальная систематизация принципов в настоящее время представля-

ет собой не результат обобщения и интерпретации формально закрепленных принципов, а творческое конструирование их системы.

Ввиду выбранного нами подхода, предполагающего деление системы принципов правового регулирования научно-технологического сотрудничества на общие и специальные при одновременном учете специфики интеграционного характера научно-технологического взаимодействия государств, мы будем следовать данной схеме. Одновременно отметим, что существенным методологическим моментом представляется признание открытого характера перечней, относящихся к той или иной их подсистеме.

К подсистеме общих принципов правового регулирования отношений государств – членов ЕАЭС следует отнести принцип сотрудничества, который задает наиболее общее обязательство по решению проблемы укрепления национальных научно-технологических потенциалов государств – членов на совместной основе. Данный принцип находит свое дополнение в принципе суверенного равенства государств – членов в процессе осуществления научно-технологического сотрудничества. Его значение можно обосновать тем, что в ЕАЭС сформирован уникальный механизм реализации национального суверенитета в рамках Союза. Не менее важным является принцип взаимной выгоды, который можно рассматривать как конкретизацию принципа сотрудничества именно как взаимовыгодного сотрудничества. В частности, в отношении формирования общего научно-образовательного пространства делаются выводы о том, что «выгоды для участников интеграционного объединения ЕАЭС в настоящее время распределяются неравномерно. Это связано как с неоднородностью самого пространства, так и с местом каждого субъекта в нем. Выгоды в дальнейшем будут зависеть от развитости создаваемых институтов» [3, с. 18]. Отсюда возникает потребность в мерах, которые привели бы к балансу интересов. В связи с этим вполне понятно, что интеграция как взаимодействие на основе специальных механизмов должна быть нацелена на наиболее полную реализацию данного принципа, что вполне коррелирует принципу суверенного равенства государств, который

в процессе его реализации должен подвести к равенству не только возможностей, но и результата.

Не менее важную и может быть более интересную подсистему представляет собой группа специальных принципов, которые являются основой для возникновения обязательств по формированию и запуску конкретных механизмов интеграции. Принципом структурно-институционального характера является принцип координирующей функции ЕЭК, который закреплен не только в Договоре о ЕАЭС, но и в документах институциональных органов. По мере развития и углубления научно-технологической интеграции объем ее функций будет неуклонно возрастать. В свою очередь, принципы правовой интеграции представлены требованиями по осуществлению, во-первых, координации и согласования правовой политики государств – членов в сфере науки, технологий и инноваций, а во-вторых, содействия развитию и функционированию проектной основы научно-технологической интеграции. На формирование и реализацию совместных высокотехнологических проектов указывается в Декларации о дальнейшем развитии интеграционных процессов. Все это вполне коррелирует проектному подходу реализации Цифровой повестки Союза. И, наконец, нельзя не отметить принцип сочетания и взаимодополнения интеграции в секторе НИОКР и коммерциализации технологических разработок интеграцией в сфере фундаментальных исследований. В силу необходимости достижения зримого результата научно-технологической интеграции, от успехов которой во многом зависит достижение целей Союза, мы бы включили в рассматриваемую подсистему принцип координации и согласования национальных научно-технологических политик и гармонизации соответствующего законодательства.

Выделим подгруппу принципов организационного характера. В их число входит принцип использования механизмов государственно-частного партнерства, что позволит создать условия для вовлечения в научно-технологическое сотрудничество как можно большего круга заинтересованных субъектов. Не менее важным является принцип кросс-отраслевой научно-технологической интеграции, что вполне соответствует тенденции расширения ис-

пользования конвергентных технологий и сопряжения сфер научно-технологического сотрудничества. Укажем также на принцип развития сетевых цифровых структур и платформ научно-технологического сотрудничества. Он является преломлением тенденции цифровых трансформаций научно-технологических комплексов и инфраструктуры. И, наконец, укажем на принцип свободы выбора организации научных и научно-технологических связей.

Моделирование композиционной архитектуры различных видовых принципов предполагает, что они выполняют только им присущие видовые функции. В случае с общими принципами это функция поддержания основополагающих рамок реализации идеи евразийской научно-технологической интеграции. Во втором случае, а именно в специальных принципах, можно видеть регуляторный вектор, ориентирующий на решение ключевых вопросов практического взаимодействия в сфере совместных разработок и коммерциализации технологий. При этом как в отношении общих, так и в отношении специальных принципов одинаково верным представляется то, что они являются рамками для разработки нормативной правовой базы ЕАЭС в сфере научно-технологической интеграции и одновременно – действенными регулирующими началами, играющими важную роль в условиях существования имеющихся на сегодняшний день правовых пробелов.

Заключение

Подводя итоги проведенного исследования, сформулируем ряд выводов. Во-первых, систематизированные нами принципы в широком смысле следует понимать в качестве ключевых правовых инструментов управления интеграционными процессами в сфере науки, технологий и инноваций. Во-вторых, по мере развития процессов научно-технологической интеграции возникнут предпосылки для развития их содержания в доктринальном аспекте, что будет сопровождаться процессом их уточнения, а также дальнейшим дополнением их системы новыми специальными принципами. В-третьих, следует констатировать необходимость проведения исследований по осуществлению сравнения правовых принципов научно-технологического

сотрудничества в рамках тех или иных интеграционных объединений государств, что позволит осмыслить правовые принципы, характерные для ЕАЭС, с точки зрения категорий «общее – особенное».

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00780 «Модель правового регулирования научно-технологической и инновационной интеграции в рамках ЕАЭС и вызовы Четвертой промышленной революции».

The work was supported by RFBR in the framework of scientific project no. 20-011-00780 “Model of legal regulation of scientific, technological and innovative integration within the EAEU and challenges of the Fourth Industrial Revolution”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аничкин, Е. С. Система правовых принципов международного и научно-технического сотрудничества в Шанхайской организации сотрудничества / Е. С. Аничкин, А. А. Серебряков // Алтайский юридический вестник. – 2019. – № 2. – С. 13–19.
2. Ануфриева, Л. П. Принципы и правовые формы сотрудничества в области науки, техники и инноваций между Россией и странами ЕС / Л. П. Ануфриева // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 12. – С. 175–186.
3. Базарбаева, Р. Ш. Научно-образовательное сотрудничество университетов стран ЕАЭС: проблемы и перспективы / Р. Ш. Базарбаева // Вестник экономики, права и социологии. – 2019. – Т. 2, № 3. – С. 16–19.
4. Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза 2018 г. (Санкт-Петербург, 6 декабря 2018 г.). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01420213> (дата обращения: 15.05.2020). – Загл. с экрана.
5. Договор о Евразийском экономическом союзе (Астана, 29 мая 2014 г.) (ред. от 15.03.2018 г.). – Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».
6. Дьяконова, А. А. Правовое регулирование научно-технического сотрудничества в условиях современной региональной интеграции: опыт Республики Казахстан / А. А. Дьяконова, О. В. Рахматуллина // Право и государство: теория и практика. – 2019. – № 10. – С. 134–136.

7. Кириленко, В. П. Принципы функционирования Евразийского экономического союза (международно-правовые аспекты) / В. П. Кириленко, Д. Г. Демидов // *Управленческое консультирование*. – 2015. – № 3 (75). – С. 83–89.

8. Концепция создания условий для цифровой трансформации промышленного сотрудничества в рамках ЕАЭС и цифровой трансформации промышленности государств – членов Союза. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/dep_prom/SiteAssets/Proekt_Koncepciya_cifra.pdf (дата обращения: 20.08.2020). – Загл. с экрана.

9. Малый, А. Ф. Принципы права Евразийского экономического союза / А. Ф. Малый, О. Ю. Кондрашова // *Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство»*. – 2019. – Т. 7, № 2 (26). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://esj.pnzgu.ru> (дата обращения: 20.08.2020). – Загл. с экрана.

10. Нечаева, Е. К. Правовое регулирование научных исследований и технологического развития в рамках региональных интеграционных организаций (на примере Европейского Союза и Евразийского экономического союза): автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Нечаева Елена Константиновна. – М., 2017. – 33 с.

11. Основные направления реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 г. (утверждены Решением Высшего Евразийского экономического совета от 11 октября 2017 № 12). – Доступ из информ.-правового портала «Гарант.ру».

12. Пименова, О. И. Правовая интеграция в Европейском союзе и Евразийском экономическом союзе: сравнительный анализ / О. И. Пименова // *Вестник международных организаций*. – 2019. – № 1. – С. 76–93.

13. Приложение к Рекомендации Комиссии ЕЭК от 28 февраля 2017 № 5 «Перечень приоритетных направлений сотрудничества государств – членов ЕАЭС в целях ускорения технологической модернизации и повышения инновационной активности организаций государств – членов с учетом прикладных и фундаментальных исследований, проводимых государствами – членами». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01417291/clcr_02032017_5 (дата обращения: 04.09.2020). – Загл. с экрана.

14. Салиева, Р. Н. Правовые основы научно-технического сотрудничества государств Евразийского экономического союза / Р. Н. Салиева // *Вестник экономики, права и социологии*. – 2019. – Т. 2, № 3. – С. 144–147.

15. Хапилин, С. А. Теоретико-методологические аспекты исследования принципов евразийской

интеграции / С. А. Хапилин // *Финансовые исследования*. – 2015. – № 2 (47). – С. 173–181.

16. Четвериков, А. О. Организационно-правовые формы Большой науки (мегасайенс) в условиях международной интеграции: сравнительное исследование / А. О. Четвериков // *Юридическая наука*. – 2018. – № 2 (ч. 2). – С. 34–50.

REFERENCES

1. Anichkin E.S., Serebryakov A.A. Sistema pravovyh principov mezhdunarodnogo i nauchno-tekhnicheskogo sotrudnichestva v Shanhajskoj organizacii sotrudnichestva [The System of Law Principles of International Scientific and Scientific-Technical Cooperation in the Shanghai Cooperation organization]. *Altajskij juridicheskij vestnik* [Altai Juridical Bulletin], 2019, no. 2, pp. 13-19.

2. Anufrieva L.P. Principy i pravovye formy sotrudnichestva v oblasti nauki, tekhniki i innovacij mezhdru Rossiej i stranami ES [Principles and Legal Forms of Cooperation in Science, Technology and Innovation Between Russia and the EU Countries]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava* [Actual Problems of Russian Law], 2018, no. 12, pp. 175-186.

3. Bazarbaeva R.Sh. Nauchno-obrazovatel'noe sotrudnichestvo universitetov stran EAES: problemy i perspektivy [Scientific and Educational Cooperation of Universities of the EAEU Countries]. *Vestnik ekonomiki, prava i sociologii* [The Review of Economy, the Law and Sociology], 2019, no. 3, vol. 2, pp. 16-19.

4. *Deklaraciya o dal'nejshem razvitii integracionnyh processov v ramkah Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza 2018 g. (Sankt-Peterburg, 6 dekabrya 2018 g.)* [Declaration of the Further Development of Integrative Processes Within the Framework of the Eurasian Economic Union]. URL: <https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01420213/> (accessed 15 May 2020).

5. *Dogovor o Evrazijskom ekonomicheskom soyuze (Astana, 29 maya 2014 g.) (red. ot 15.03.2018 g.)* [The Treaty on Eurasian Economic Union]. Access from Reference Legal System 'KonsultantPlyus'.

6. D'yakonova A.A., Rahmatullina O.V. Pravovoe regulirovanie nauchno-tekhnicheskogo sotrudnichestva v usloviyah sovremennoj regional'noj integracii: opyt Respubliki Kazahstan [Legal Regulation of Scientific and Technical Cooperation in the Condition of Contemporary Regional Integration: Experience of the Republic of Kazakhstan]. *Pravo i gosudarstvo teoriia i praktika* [Law and State: Theory and Practice], 2019, no. 10, pp. 134-136.

7. Kirilenko V.P., Demidov D.G. Principy funkcionirovaniya Evrazijskogo ekonomicheskogo

soyuza (mezhdunarodno-pravovye aspekty) [Principles of Functioning of the Eurasian Economic Union (International Legal Aspects)]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie* [Administrative Consulting], 2015, no. 3 (75), pp. 83-89.

8. *Koncepciya sozdaniya uslovij dlya cifrovoj transformacii promyshlennogo sotrudnichestva v ramkah EAES i cifrovoj transformacii promyshlennosti gosudarstv – chlenov Soyuza* [Concept of Formation Conditions for Transformation of Cooperation in Industry Within the Framework of EAEU and for Digital Transformation of Industry of Member States of the Union]. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/dep_prom/SiteAssets/Proekt_Koncepciya_cifra.pdf (accessed 20 August 2020).

9. Malyj A.F., Kondrashova O.YU. Principy prava Evrazijskogo eko-nomicheskogo soyuza [Principles of the law of Eurasian Economic Union as a Basis for its Legal System]. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo* [Science. Society. State], 2019, vol. 7, no. 2 (26). URL: <http://esj.pnzgu.ru> (accessed 20 August 2020).

10. Nechaeva E.K. *Pravovoe regulirovanie nauchnyh issledovanij i tekhnologicheskogo razvitiya v ramkah regional'nyh integracionnyh organizacij (na primere Evropejskogo Soyuza i Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza): avtoref. diss. ... kand. jurid. nauk* [Legal Regulation of Scientific Research and Technological Development Within the Framework of Regional Integrative Organizations (On Example of the European Union and the Eurasian Union)]. Moscow, 2017. 32 p.

11. *Osnovnye napravleniya realizacii cifrovoj povestki Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza do 2025 g. (11 oktyabrya 2017 № 12)* [The Main Directions of Development of Realization of the Digital Agenda of Eurasian Economic Union (11 October 2017)]. Access from “Garant” Informational and Legal Web Portal.

12. Pimenova O.I. Pravovaya integraciya v Evropejskom soyuze i Evrazijskom ekonomicheskom soyuze: sravnitel'nyj analiz [Legal Integration in the

European Union and the Eurasian Economic Union: Comparative Analysis]. *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij* [International Organization Research Journal], 2019, no. 1, pp. 76-93.

13. *Prilozhenie k Rekomendacii Komissii EEK ot 28 fevralya 2017 № 5 «Perechen' prioritetnyh napravlenij sotrudnichestva gosudarstv-chlenov EAES v celyah uskoreniya tekhnologicheskoy modernizacii i povysheniya innovacionnoj aktivnosti organizacij gosudarstv – chlenov s uchetom prikladnyh i fundamental'nyh issledovanij, provodimyh gosudarstvami-chlenami* [Annex to Recommendation of the Eurasian Economic Commission “List of Priority Directions of Cooperation of Member States of EAEU for the Purposes of Accelerating the Technological Modernization and Increasing the Innovation Activity of Organizations of Member States, Taking into Account Applied and Basic Research, Conducted by Member States]. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01417291/clcr_02032017_5 (accessed 4 September 2020).

14. Salieva R.N. Pravovye osnovy nauchno-tekhnicheskogo sotrudnichestva gosudarstv Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza [Legal Foundation of Scientific and Technical Cooperation of States of the Eurasian Economic Union]. *Vestnik ekonomiki, prava i sociologii* [The Review of Economy, the Law and Sociology], 2019, no. 3, vol. 2, pp. 144-147.

15. Hapilin S.A. Teoretiko-metodologicheskie aspekty issledovaniya principov evrazijskoj integracii [Theoretical Aspects of Research of the Principles of Eurasian Integration]. *Finansovye issledovaniya* [Financial Studies], 2015, no. 2 (47), pp. 173-181.

16. Chetverikov A.O. Organizacionno-pravovye formy bol'shoj nauki (megasajens) v usloviyah mezhdunarodnoj integracii: sravnitel'noe issledovanie (Chast' 2) [Institutional and Legal Forms of Big Science (Megascience) in the Context of International Integration: Comparative Study (Part 2)]. *Yuridicheskaya nauka* [Legal Science], 2018, no. 2, pp. 34-50.

Information About the Author

Mark V. Shugurov, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Department of International Law, Saratov State Law Academy, Volskaya St, 1, 410056 Saratov, Russian Federation, shugurovs@mail.ru, <https://orcid.org/0000-003-3604-3961>

Информация об авторе

Марк Владимирович Шугуров, доктор философских наук, профессор кафедры международного права, Саратовская государственная юридическая академия, ул. Вольская, 1, 410056 г. Саратов, Российская Федерация, shugurovs@mail.ru, <https://orcid.org/0000-003-3604-3961>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.4.4>

UDC 347.1
LBC 67.404

Submitted: 12.11.2020
Accepted: 01.12.2020

**DIGITAL PLATFORMIZATION IN THE CONTEXT
OF INDUSTRY 4.0:
THE UNCERTAINTY OF THE CONCEPTUAL FRAMEWORK ¹**

Denis A. Appazov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Yulia A. Tymchuk

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the paper analyzes the prospects for creating a regulatory framework for the digital platforms in Russia. The paper examines the existing approaches to the definition of “digital platform” in the legislation and legal doctrine, determines their role in the implementation of the state policy on building a digital economy, as well as the factors that led to their accelerated implementation in public administration. A critical analysis of the actions planned in the National plan that ensure the restoration of employment and income of the population, economic growth and long-term structural changes in the economy associated with digital platformization is carried out. The paper reveals the existing problems in the domestic law enforcement practice related to the functioning of the digital platforms in the context of legal uncertainty. The paper examines the foreign experience of the legislative regulation of digital platforms. **Methods:** in the study, the authors used both the general scientific methods (dialectical method of cognition, analysis, synthesis, formal logical method, prognostic method, etc.) and the specific scientific methods (formal legal method, method of legal interpretation, etc.). **Results:** the need to create a regulatory framework for the digital platforms in order to eliminate the identified problems of the law enforcement practice is justified. **Conclusions:** based on the results of the study and taking into account the analysis of the positive foreign experience, the authors’ definition of the concept of digital (online) platform is formulated, and the main directions for improving the domestic legislation regulating the activities of the digital platforms in Russia are determined.

Key words: digital economy, COVID-19 pandemic, digital platform, digital technology (online) platform, aggregator of information about goods (services).

Citation. Appazov D.A., Tymchuk Yu.A. Digital Platformization in the Context of Industry 4.0: The Uncertainty of the Conceptual Framework. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2020, vol. 19, no. 4, pp. 33-42. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.4.4>

УДК 347.1
ББК 67.404

Дата поступления статьи: 12.11.2020
Дата принятия статьи: 01.12.2020

**ЦИФРОВАЯ ПЛАТФОРМИЗАЦИЯ
В УСЛОВИЯХ ИНДУСТРИИ 4.0:
НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА ¹**

Денис Альбертович Аппазов

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Юлия Александровна Тымчук

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: в статье анализируются перспективы создания нормативного регулирования цифровых платформ в России. Рассматриваются существующие в законодательстве и юридической доктрине подходы к определению понятия «цифровая платформа», определяется их роль в реализации государственной политики по построению цифровой экономики, а также факторы, обусловившие их ускоренное внедрение в государственное управление. Проводится критический анализ запланированных в Общенациональном плане действий, обеспечивающих восстановление занятости и доходов населения, рост экономики и долгосрочные структурные изменения в экономике, связанных с цифровой платформизацией. Выявляются существующие в отечественной правоприменительной практике проблемы, связанные с функционированием цифровых платформ в условиях правовой неопределенности. Исследуется зарубежный опыт законодательного регулирования цифровых платформ. **Методы:** в настоящем исследовании были использованы как общенаучные (диалектический метод познания, анализ, синтез, формально-логический метод, прогностический и др.), так и частнонаучные методы (формально-юридический, метод юридического толкования и др.). **Результаты:** обоснована необходимость создания нормативных основ цифровых платформ в целях устранения выявленных проблем правоприменительной практики. **Выводы:** по итогам проведенного исследования и с учетом анализа положительного зарубежного опыта сформулировано авторское определение понятия «цифровая (онлайн) платформа», определены основные направления совершенствования отечественного законодательства, регламентирующего деятельность цифровых платформ в России.

Ключевые слова: цифровая экономика, пандемия COVID-19, цифровая платформа, цифровая технологическая (онлайн) платформа, агрегатор информации о товарах (услугах).

Цитирование. Аппазов Д. А., Тымчук Ю. А. Цифровая платформизация в условиях Индустрии 4.0: неопределенность понятийного аппарата // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2020. – Т. 19, № 4. – С. 33–42. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.4.4>

Введение

В современных стремительно изменяющихся под влиянием различных объективных факторов условиях, связанных с динамичным развитием цифровых технологий, возникают новые формы общественных отношений, нуждающихся в надлежащем правовом обеспечении [5, с. 9; 29, с. 3].

По мнению авторов настоящей работы, сегодня к числу глобальных трендов цифрового развития следует отнести повсеместное внедрение в различные сферы общественной жизни цифровых технологических (онлайн) платформ [23, р. 27]. При этом фактором, усилившим данный тренд, выступает пандемия COVID-19, в условиях которой хозяйствующие субъекты, осознающие потребность в пересмотре традиционных подходов к ведению бизнеса, обратились к различным способам его цифровой трансформации, а именно внедрению платформенных бизнес-моделей, основанных на технологиях Индустрии 4.0 [7, с. 6]. С другой стороны, с точки зрения рядовых граждан, цифровые платформы выступают не только одним из способов удовлетворения различных бытовых потребностей, но и являются ключевым каналом для распространения информации, в том числе касающейся

ся COVID-19. Последнее обстоятельство по данным Организации экономического сотрудничества и развития породило серьезную проблему, связанную с дезинформацией о COVID-19, размещаемой на цифровых платформах [18].

Онлайн-платформы в Европейском союзе признаются важной частью цифровой экономики и цифрового европейского общества.

Зарубежные специалисты обращают внимание на то, что «цифровая платформа обеспечивает непрерывный бизнес-процесс, необходимый для улучшения взаимодействия с клиентами, сотрудниками и партнерами» [26].

В ежегодном рейтинге Doing Business, опубликованном Всемирным банком, также указывается, что экономики государств, набравших наибольшие баллы, обладают рядом особенностей, включая широкое использование электронных систем и онлайн-платформ, имеющих нормативные основы [22].

Востребованность для экономического роста и развития нашего государства цифровых платформ отмечается и на государственном уровне. В частности, в одном из своих обращений Президент РФ В.В. Путин подчеркнул, что «цифровые платформы кардинально повышают открытость и эффективность работы органов власти, компаний, бизнеса, социальных и образовательных учреждений» [2].

Большой массив возникающих в рамках цифровых платформ общественных отношений, заключаемых посредством них сделок между субъектами гражданского оборота, в том числе международного, объективно порождают вопрос об их правовом урегулировании [24, с. 421].

Вектор на создание нормативных основ для цифровой платформизации государственного управления и предпринимательской деятельности

Несмотря на высокую оценку возможностей цифровых платформ для ведения бизнеса [6, с. 8] и осуществления государственного управления, единообразного определения понятия «цифровая платформа» или «цифровая технологическая (онлайн) платформа» не сложилось ни в юридической науке, ни в законодательстве.

Вместе с тем возможно утверждать, что о некоторых их разновидностях имеется упоминание в нормативно-правовых актах, принятых на федеральном уровне. Так, в частности, речь идет о Законе РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей», в котором содержится определение понятия «владелец агрегатора информации о товарах (услугах)» [21, с. 27].

Кроме того, ряд ключевых инициатив в сфере государственного управления в настоящее время также базируется на цифровых платформенных решениях. Например, в Общенациональном плане действий, обеспечивающих восстановление занятости и доходов населения, рост экономики и долгосрочные структурные изменения в экономике [11], запланировано создание единой цифровой платформы (Государство как цифровая платформа для комплексного оказания государственных услуг в цифровом виде, комфортной работы и развития субъектов МСП, социальной поддержки населения с акцентом на адресность мер поддержки и пр.). Бесспорно, реализация обозначенного мероприятия положительно отразится на динамике развития цифровой экономики нашего государства, однако по смыслу программы создания комплексной нормативной основы для процессов цифровой платформизации не запланировано

(в разделе «Регуляторное обеспечение внедрения цифровых технологий» предусмотрены лишь точечные меры, например, определение антимонопольных требований к деятельности цифровых платформ и пр.). Данное обстоятельство, по мнению авторов, свидетельствует о том, что до настоящего времени рассматриваемая проблема не решена на законодательном уровне.

Определение понятия «цифровая платформа» возможно обнаружить в решении Высшего Евразийского экономического совета [15], в котором она рассматривается как система средств, поддерживающая использование цифровых процессов, ресурсов и сервисов значительным количеством субъектов цифровой экосистемы и обеспечивающая возможность их бесшовного взаимодействия. С одной стороны, подобный широкий подход к определению рассматриваемого понятия выглядит оправданным, однако, с другой стороны, в вышеприведенном определении обозначены далеко не все ключевые сущностные признаки цифровых платформ (например, снижение транзакционных издержек, алгоритмизация и пр.).

В юридической доктрине также существуют некоторые отдельные теоретические разработки по рассматриваемой проблематике, однако ее комплексного монографического исследования не проводилось.

Так, представители юридической науки предлагают понимать под цифровыми технологическими (онлайн) платформами «комплекс технологических решений в цифровом пространстве сети Интернет на основе сочетания программных алгоритмов (компьютерных кодов), компьютерного технологического оборудования, «облачных» вычислений, больших баз данных, а также других цифровых технологий (блокчейн-технологии, аналитика данных, искусственный интеллект и т. д.)» [8, с. 25].

В научном сообществе справедливо обращают внимание на то обстоятельство, что цифровые платформы остаются практически не затронутыми юридическими правилами [9, с. 31]. С данным утверждением сложно не согласиться.

Между тем стремительное увеличение масштабов использования физическими и юридическими лицами цифровых платформ в совокупности с объективной потребностью в

нормативном урегулировании возникающих правоотношений позволяет исследователям использовать категорию «платформенное право» [1, с. 245].

Существует и немногочисленная судебная практика по спорам с хозяйствующими субъектами, так называемыми платформенными компаниями. В числе ключевых проблем правоприменительной практики, которые в настоящее время решаются усилиями судебных органов: проблема имущественной ответственности платформенных компаний [10, с. 149] и проблема правового статуса лиц, работающих в цифровых компаниях [16, с. 18].

Так, например, в одном из дел по иску физического лица к цифровой платформе (ООО «Яндекс.Такси») о возмещении вреда, причиненного здоровью в результате ДТП, компенсации морального вреда суд с учетом позиции, изложенной в п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 26, отверг доводы платформенной компании о том, что организация не является перевозчиком, фрахтовщиком или диспетчерской службой, не является исполнителем услуги по отношению к истцу и т. д., поскольку платформенная компания в отношениях с истцом действовала исключительно от своего имени [3]. Следует отметить, что подобной позиции цифровая платформа придерживается и в ряде других споров [12–14].

В другом деле истец обратился в суд с иском к платформенной компании (ООО «Яндекс.Такси») об установлении факта трудовых отношений, обязанности заключить трудовой договор. По мнению истца, который являлся водителем в ООО «Яндекс.Такси», между ним и платформенной компанией фактически сложились трудовые правоотношения. Между тем данная позиция была признана ошибочной, поскольку из представленных в материалы дела документов не усматривалось наличие существенных условий, характеризующих трудовые отношения. В удовлетворении иска было отказано, апелляционная инстанция оставила решение суда первой инстанции без изменения [4].

Кроме того, отдельной серьезной проблемой, нуждающейся в нормативном регулировании, является и налогообложение цифровых компаний.

Европейский опыт законодательного регулирования цифровых платформ

Поскольку в настоящее время, исходя из анализа отечественного законодательства, цифровые платформы функционируют в условиях правовой неопределенности, что собственно влияет как на осуществление хозяйственной деятельности, так и на возможные риски, с которыми могут столкнуться как потребители услуг платформенных компаний, так и третьи лица, чьи права потенциально могут быть нарушены, обратимся к анализу положительного европейского опыта нормативного регулирования цифровых платформ.

В Европе формирование основ правового регулирования цифровых платформ началось в 2016 году.

В мае 2016 г. Европейской комиссией была проведена комплексная оценка онлайн-платформ, результатом которой стало несколько документов.

Так, был опубликован рабочий документ Комиссии по онлайн-платформам, который представляет собой обзор основных характеристик онлайн-платформ, в том числе наиболее популярных бизнес-моделей с использованием онлайн-платформ, и их социально-экономического вклада в Европе. Несмотря на то что данный документ не имеет нормативного характера, он представляет особую ценность, поскольку в нем детально описаны, в том числе с учетом проведенных консультаций с общественностью, концептуальные моменты, касающиеся сущности, особенностей функционирования и роли отдельных видов цифровых платформ, используемых в предпринимательской деятельности [19].

Вторым документом, который также был опубликован по итогам работы Комиссии, стал Отчет «Исследование о перспективах экономической политики в отношении онлайн-платформ», подготовленный Бертином Мартенсом. В отчете исследователь рассмотрел в том числе возможные регуляторные меры в области конкуренции, защиты прав потребителей и персональных данных, принятие которых целесообразно в связи с функционированием онлайн-платформ [25].

На момент проведения описываемой аналитической работы нормативное определение онлайн-платформ только формировалось. Вместе с тем проведенные социологические опросы позволили выявить положительное отношение к онлайн-платформам большинства респондентов, которые обращали внимание на преимущества данных цифровых инструментов [28].

В итоговом документе, разработанном по результатам проведенной работы, были сформулированы принципы, которыми рекомендовано руководствоваться при создании нормативного регулирования онлайн-платформ, среди которых такие, как: равные условия для сопоставимых цифровых услуг; ответственное поведение онлайн-платформ для защиты основных ценностей; прозрачность и справедливость для поддержания доверия пользователей и защиты инноваций; открытые и недискриминационные рынки в экономике, основанной на данных [20].

Представители европейского научного сообщества также приняли участие в разработке рассматриваемого вопроса. Так, группой зарубежных исследователей был опубликован проект Директивы об онлайн-посреднических платформах, известный также как Академический проект [17].

С точки зрения проблематики настоящего исследования интерес представляет анализ такого документа, как Регламент (ЕС) 2019/1150 Европейского парламента и Совета от 20 июня 2019 г. «О продвижении справедливости и прозрачности для бизнес-пользователей онлайн-посреднических услуг» (далее – Регламент) [27]. В Регламенте особо подчеркивается, что посреднические онлайн-услуги могут сыграть ключевую роль в деле достижения коммерческого успеха организации. Представляется, что такая позиция, особенно с учетом непредсказуемой эпидемиологической обстановки на фоне COVID-19, выглядит как никогда актуально. Вместе с тем для полного использования всех преимуществ ведения бизнеса посредством онлайн-платформ важно доверие к таким компаниям как со стороны контрагентов, так и со стороны потребителей, поскольку с ростом влияния таких компаний на рынке существуют вполне реальные риски, связанные с недобросовестным

поведением онлайн-платформ во взаимоотношениях с контрагентами, навязыванием невыгодных условий заключаемых договоров, несправедливой практики и пр.

Одним из преимуществ указанного Регламента, на наш взгляд, выступает максимальный учет существенных признаков цифровых платформ и тенденций их развития. В частности, общеизвестно, что цифровые платформы в настоящее время имеют глобальный характер. Данное обстоятельство учтено в Регламенте. Так, сфера действия Регламента распространяется на онлайн-платформы независимо от того, созданы ли они в каком-либо государстве-члене или за пределами Европейского союза. Регламентом также закрепляются основные понятия, требования к поставщикам услуг онлайн-посредничества, к информации о товарах и услугах, предоставляемых посредством онлайн-платформы, правила о разрешении споров, положения об органах, уполномоченных на обращение с исками в случае несоблюдения обязанностями субъектами правил Регламента и пр.

Представляется, что закрепленные в Регламенте правила отвечают критериям универсальности и могут быть восприняты отечественным законодателем.

Выводы

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам.

Цифровые платформы, являющиеся важной частью экосистемы цифровой экономики, возможно считать эффективным инструментом организации бизнеса, а также процессов государственного управления.

Возникающие в связи с функционированием цифровых платформ отношения нуждаются в надлежащем правовом обеспечении, которое в настоящее время фактически отсутствует.

При этом представляется, что первоочередной мерой в подобных условиях является теоретико-правовое осмысление категории «цифровая (онлайн) платформа». С учетом имеющихся в настоящее время доктринальных и нормативных разработок цифровую (онлайн) платформу возможно определить как интегрированную многофункциональную ин-

формационную систему в сети Интернет, основанную на сквозных и других цифровых технологиях, обеспечивающих процессы алгоритмизированного прямого взаимодействия, в том числе осуществления транзакций, между платформенными акторами, а также реализацию бизнес-процессов с наименьшими транзакционными, временными и иными издержками. На наш взгляд, наличие признака прямого взаимодействия платформенных акторов в рамках конкретной цифровой платформы также позволяет утверждать о целесообразности расширения теории организационных правоотношений в гражданском праве.

Регулирование общественных отношений, в которые вступают заинтересованные субъекты, обращаясь за оказанием услуг или приобретением товаров к цифровой платформе (цифровая платформа как бизнес-модель), осуществляется на уровне самих цифровых платформ (в пользовательских соглашениях, правилах оказания услуг и пр.). Восполнение имеющихся законодательных пробелов осуществляется на уровне правоприменителей, что не является нормальным явлением для страны, правовая система которой относится к романо-германской. Такая ситуация с учетом наличия потенциальных рисков нарушения прав как контрагентов цифровых платформ, так и рядовых потребителей недопустима.

Вместе с тем авторы не являются сторонниками позиции по «заурегулированию» рассматриваемых отношений. Представляется, что правовое регулирование столь специфических правоотношений в цифровой среде должно базироваться на принципах гибкости и динамичности.

В связи с этим представляется, что возможно воспринять положительный зарубежный опыт по организации работы по созданию нормативной базы для цифровых платформ. В подобной работе необходим комплексный подход, который не может ограничиваться разработкой и принятием отдельных законов, регулирующих ту или иную сферу деятельности цифровых платформ (например, антимонопольное законодательство и пр.). В частности, прежде всего, следует провести качественный и количественный анализ рынка цифровых платформ, функционирующих на территории России, ус-

тановить на нормативном уровне критерии отнесения компаний к цифровым, а также требования к содержанию локальных нормативных актов таких организаций, сведений, которые в обязательном порядке должны быть доступны для неопределенного круга лиц, в том числе потребителей товаров (услуг), рассмотреть возможность разработки специального налогового режима для цифровых платформ. Отдельного внимания также заслуживает вопрос об определении правового статуса лиц, задействованных в работе цифровых платформ, что обосновывается потребностью в минимизации нарушений прав таких лиц и в перспективе количества трудовых споров, рассматриваемых в судебном порядке.

После реализации обозначенного мероприятия, а также с учетом имеющегося технического уровня развития цифровых (онлайн) платформ возможно рассмотреть вопрос о подготовке законопроекта о внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса РФ, в гл. 4 «Юридические лица», в которой закрепить новую статью, определяющую понятие цифровой (онлайн) платформы.

Кроме того, представляется, что реформирование данного сектора цифровой экономики должно производиться поэтапно в целях предотвращения возникновения дополнительных расходов и убытков у цифровых компаний и недопущения отказа компаний от цифровой трансформации организации на фоне искусственно созданных нормативных барьеров для входа на рынок.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (проект № 20-18-00314).

The work was supported by Russian Science Foundation (project no. 20-18-00314).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алтухов, А. В. Платформенное право как механизм юридического регулирования цифровых платформ умных городов / А. В. Алтухов // Цивилизационная роль права в современных интеграционных процессах : науч.-практ. конф. – М., 2020. – С. 245–250.

2. АНО «Цифровые платформы». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://diplatforms.ru/> (дата обращения: 10.10.2020). – Загл. с экрана.
3. Информация по делу № 33-415164/2020. Решение Первомайского районного суда города Москвы от 24.07.2020 г. по делу № 2-706/20 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/66986c90-2006-11eb-8922-91f0d74f320e> (дата обращения: 20.10.2020). – Загл. с экрана.
4. Информация по делу № 33-53437/2019. Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 22.11.2020 по делу № 33-53437/2019 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/3a706793-408c-4059-9c94-8bdcc1f8dea7> (дата обращения: 20.10.2020). – Загл. с экрана.
5. Иншакова, А. О. Реакция права на вызовы высоких технологий в инновационной России / А. О. Иншакова // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2018. – Т. 17, № 4. – С. 6–15. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2018.4.1>.
6. Иншакова, А. О. Право как основа инфраструктурного обеспечения цифровой экономики и технологии Интернета вещей / А. О. Иншакова // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2019. – Т. 18, № 3. – С. 6–11. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.3.1>.
7. Иншакова, А. О. Право и информационно-технологические преобразования общественных отношений в условиях Индустрии 4.0 / А. О. Иншакова // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2019. – Т. 18, № 4. – С. 6–17. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.1>.
8. Карцхия, А. А. Цифровые технологические (онлайн) платформы: российский и зарубежный опыт регулирования / А. А. Карцхия // *Гражданское право*. – 2019. – № 3. – С. 25–28.
9. Кашкин, С. Ю. В поисках концепции правового регулирования искусственного интеллекта: платформенные правовые модели / С. Ю. Кашкин, А. В. Алтухов // *Вестник Университета им. О.Е. Кутафина*. – 2020. – № 4 (68). – С. 26–40.
10. Лютов, Н. Л. Водители такси, выполняющие работу через онлайн-платформы: каковы правовые последствия «уберизации» труда? / Н. Л. Лютов, И. В. Войтковская // *Актуальные проблемы российского права*. – 2020. – № 6. – С. 149–159.
11. Общенациональный план действий, обеспечивающих восстановление занятости и доходов населения, рост экономики и долгосрочные структурные изменения в экономике (одобрен на заседании Правительства РФ 23 сентября 2020 г. (протокол № 36, раздел VII) № П13-60855 от 2 октября 2020 г.). – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант.ру».
12. Решение Арбитражного суда Кемеровской области от 22.06.2020 по делу № А27-4842/2019 // *Картотека арбитражных дел*. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf/2b858598-1d69-4407-acd1-6f5d13c2389b/e3f2c5b8-8d48-4759-8ad9-54410c5bf8e6/%D0%9027-4842-2019__20200622.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 23.10.2020). – Загл. с экрана.
13. Решение Арбитражного суда Кемеровской области по делу № А27-4822/2020 от 23.12.2019 // *Картотека арбитражных дел*. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf/e309ee34-d876-4f94-9267-10894d09c601/f3816c4a-4723-42be-aea0-80888fab2c24/%D0%9027-4822-2019__20191223.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 23.10.2020). – Загл. с экрана.
14. Решение Арбитражного суда Ульяновской области от 22.01.2020 по делу № А72-13761/2019 // *Картотека арбитражных дел*. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf/7ebfd3b4-8599-4f25-8639-3c61005716fd/3334530d-1b3d-43dd-aab5-856dc478dd3b/%D0%9072-13761-2019__20200122.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 23.10.2020). – Загл. с экрана.
15. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11.10.2017 № 12 «Об основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года» // *Правовой портал Евразийского экономического союза*. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01415213/scd_10112017_12 (дата обращения: 12.10.2020). – Загл. с экрана.
16. Шуралева, С. В. Работники в «облаках»: влияние интернет-платформ на развитие трудовых отношений / С. В. Шуралева // *Трудовое право в России и за рубежом*. – 2019. – № 1. – С. 15–18.
17. Christoph Busch, Gerhard Dannemann, Hans Schulte-Nölke, Aneta Wiewirowska, Fryderyk Zoll *Discussion Draft of a Directive on Online Intermediary Platforms*. – Electronic text data. – Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/308522861_Discussion_Draft_of_a_Directive_on_Online_Intermediary_Platforms (date of access: 30.10.2020). – Title from screen.
18. *Combating COVID-19 disinformation on online platforms* // Organisation for Economic Cooperation and Development. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.oecd.org/coronavirus/policy-responses/combating-covid-19-disinformation-on-online-platforms-d854ec48/> (date of access: 15.10.2020). – Title from screen.
19. Commission Staff Working Document on Online Platforms, accompanying the document

«Communication on Online Platforms and the Digital Single Market» (COM(2016) 288) // European Commission. – Electronic text data. – Mode of access: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/commission-staff-working-document-online-platforms> (date of access: 25.10.2020). – Title from screen.

20. Communication from the commission to the European parliament, the Council, the European economic and social committee and the committee of the regions Online Platforms and the Digital Single Market Opportunities and Challenges for Europe COM/2016/0288 final // EUR-LEX. – Electronic text data. – Mode of access: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52016DC0288> (date of access: 26.10.2020). – Title from screen.

21. Deryugina, T. V. Systemic issues of legal regulation for information aggregator operation / T. V. Deryugina, A. O. Inshakova, M. V. Sevostyanov // *Studies in Computational Intelligence*. – 2019. – Vol. 826. – P. 27–34.

22. Doing Business 2020. Comparing Business Regulation in 190 Economies // *Doingbusiness. Measuring Business Regulations*. – Electronic text data. – Mode of access: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/32436/9781464814402.pdf> (date of access: 11.10.2020). – Title from screen.

23. Inshakova, E. I. Russian and Eurasian Technology Platforms: Progress and Challenges in Accelerating the Neo-Industrialization Processes / E. I. Inshakova, R. M. Kachalov, A. O. Inshakova // *Competitive Russia: Foresight Model of Economic and Legal Development in the Digital Age. CRFMELD 2019. Lecture Notes in Networks and Systems* / ed. by A. Inshakova, E. Inshakova. – 2020. – Vol. 110. Springer, Cham. – P. 27–34.

24. Inshakova, A. O. Civil law in the digital economy: Analysis of doctrinal adaptation trends / A. O. Inshakova, E. I. Inshakova, A. J. Ryzhenkov, M. V. Sevostyanov // *Lecture Notes in Networks and Systems*. – 2020. – Vol. 110. – P. 421–429.

25. Martens Bertin An Economic Policy Perspective on Online Platforms // *EU SCIENCE HUB*. – Electronic text data. – Mode of access: <https://ec.europa.eu/jrc/en/publication/eur-scientific-and-technical-research-reports/economic-policy-perspective-online-platforms?search> (date of access: 25.10.2020). – Title from screen.

26. Peter Bendor-Samuel What is a digital platform? // *The Enterprisers Project*. – Electronic text data. – Mode of access: <https://enterpriseproject.com/article/2018/12/what-digital-platform> (date of access: 11.10.2020). – Title from screen.

27. Regulation (EU) 2019/1150 of the European Parliament and of the Council of 20 June 2019 on promoting fairness and transparency for business users of online intermediation services (Text with EEA relevance) // *Eur-Lex*. – Electronic text data. – Mode of

access: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32019R1150&qid=1605002762270> (date of access: 25.10.2020). – Title from screen.

28. Synopsis report on the public consultation on the regulatory environment for platforms, online intermediaries and the collaborative economy // European Commission. – Electronic text data. – Mode of access: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/full-report-results-public-consultation-regulatory-environment-platforms-online-intermediaries> (date of access: 27.10.2020). – Title from screen.

29. Tarakanov, V. V. Information society, digital economy and law / V. V. Tarakanov, A. O. Inshakova, V. V. Dolinskaya // *Studies in Computational Intelligence*. – 2019. – Vol. 826. – P. 3–15.

REFERENCES

1. Altukhov A.V. Platformennoe pravo kak mekhanizm yuridicheskogo regulirovaniya cifrovyyh platform umnyh gorodov [Platform Law as a Mechanism for Legal Regulation of Digital Platforms of Smart Cities]. *Civilizacionnaya rol' prava v sovremennykh integracionnykh processah: nauch.-prakt. konf.* [Scientific and Practical Conference. The Civilizational Role of Law in Modern Integration Processes]. Moscow, Moscow Publ., 2020, pp. 245–250.

2. ANO «Cifrovyye platformy» [ANO “Digital Platforms”]. URL: <https://diplatforms.ru/> (accessed 27 October 2020).

3. Informaciya po delu № 33-415164/2020. Reshenie Pervomajnskogo rajonnogo suda goroda Moskvyy ot 24.07.2020 po delu № 2-706/20 [Information on case No. 33-415164/2020. Decision of the Pervomaisky District Court of Moscow of 24.07.2020 in case No. 2-706/20]. *Oficial'nyj portal sudov obshchej yurisdikcii goroda Moskvyy* [Official Portal of Courts of General Jurisdiction of Moscow]. URL: <https://www.mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/66986c90-2006-11eb-8922-91f0d74f320e> (accessed 20 October 2020).

4. Informaciya po delu № 33-53437/2019. Apellyacionnoe opredelenie Sudebnoj kollegii po grazhdanskim delam Moskovskogo gorodskogo suda ot 22.11.2020 po delu № 33-53437/2019 [Information on case No. 33-53437/2019. Appellate Determination of the Judicial Board for Civil Cases of the Moscow City Court from 22.11.2020 in case No. 33-53437/2019]. *Oficial'nyj portal sudov obshchej yurisdikcii goroda Moskvyy* [Official Portal of the Courts of General Jurisdiction of the City of Moscow]. URL: <https://www.mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/3a706793-408c-4059-9c94-8bdcc1f8dea7> (accessed 20 October 2020).

5. Inshakova A.O. Reakciya prava na vyzovy vysokih tekhnologij v innovacionnoj Rossii [The

Response of Law to the Challenges of High Technologies in Innovative Russia]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2018, no. 4 (17), pp. 6-15. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2018.4.1>.

6. Inshakova A.O. Pravo kak osnova infrastruktornogo obespecheniya cifrovoj ekonomiki i tekhnologii Interneta veshchey [Law as the Basis of Infrastructure Support of the Digital Economy and Technology of the Internet of Things]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2019, no. 3 (18), pp. 6-11. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.3.1>.

7. Inshakova A.O. Pravo i informacionno-tekhnologicheskie preobrazovaniya obshchestvennyh otnoshenij v usloviyah industrii 4.0 [Law and Information Technology Transformations of Public Relations in Industry 4.0]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2019, no. 4 (18), pp. 6-17. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.1>.

8. Kartskhia A.A. Cifrovye tekhnologicheskie (onlajn) platformy: rossijskij i zarubezhnyj opyt regulirovaniya [Digital Technological (Online) Platforms: Russian and Foreign Regulatory Experience]. *Grazhdanskoe pravo* [Civil Law], 2019, no. 3, pp. 25-28.

9. Kashkin S.Y., Altuhov A.V. V poiskah koncepcii pravovogo regulirovaniya iskusstvennogo intellekta: platformnyye pravovye modeli [In Search of the Concept of Legal Regulation of Artificial Intelligence: Platform Legal Models]. *Vestnik Universiteta im. O.E. Kutafina* [Bulletin of the O.E. Kutafin University], 2020, no. 4 (68), pp. 26-40.

10. Lyutov N.L., Vojtkovskaya I.V. Voditeli taksi, vypolnyayushchie rabotu cherez onlajn-platformy: kakovy pravovye posledstviya «uberizacii» truda? [Taxi Drivers Performing Work Through Online Platforms: What are the Legal Consequences of “Uberization” of Labor?]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava* [Current Problems of Russian Law], 2020, no. 6, pp. 149-159.

11. *Obshchenacional'nyj plan dejstvij, obespechivayushchih vosstanovlenie zanyatosti i dohodov naseleniya, rost ekonomiki i dolgosrochnye strukturnye izmeneniya v ekonomike (odobren na zasedanii Pravitel'stva RF 23 sentyabrya 2020 g. (protokol № 36, razdel VII) № P13-60855 ot 2 oktyabrya 2020 g.)* [A Nationwide Action Plan Ensuring the Restoration of Employment and Incomes of the Population, Economic Growth and Long-Term Structural Changes in the Economy (Approved at a Meeting of the Government of the Russian Federation on September 23, 2020 (Protocol No. 36, Section VII) No. P13-60855 of October 2, 2020)]. Access from Reference Legal System “Garant”.

12. Reshenie Arbitrazhnogo suda Kemerovskoy oblasti ot 22.06.2020 po delu № A27-4842/2019 [Decision of the Arbitration Court of the Kemerovo Region from 22.06.2020 in the case of A27-4842/2019]. *Kartoteka arbitrazhnyh del* [File Cabinet of Arbitration Cases]. URL: [https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf/2b858598-1d69-](https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf/2b858598-1d69-4407-acd1-6f5d13c2389b/e3f2c5b8-8d48-4759-8ad9-54410c5bf8e6/%D0%9027-4842-2019__20200622.pdf?isAddStamp=True)

[4407-acd1-6f5d13c2389b/e3f2c5b8-8d48-4759-8ad9-54410c5bf8e6/%D0%9027-4842-2019__20200622.pdf?isAddStamp=True](https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf/2b858598-1d69-4407-acd1-6f5d13c2389b/e3f2c5b8-8d48-4759-8ad9-54410c5bf8e6/%D0%9027-4842-2019__20200622.pdf?isAddStamp=True) (accessed 20 October 2020).

13. Reshenie Arbitrazhnogo suda Kemerovskoy oblasti po delu № A27-4822/2020 ot 23.12.2019 [Decision of the Arbitration Court of the Kemerovo Region in Case no. A27-4822/2020 dated 23.12.2019]. *Kartoteka arbitrazhnyh del* [File Cabinet of Arbitration Cases]. URL: https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf/e309ee34-d876-4f94-9267-10894d09c601/f3816c4a-4723-42be-aea0-80888fab2c24/%D0%9027-4822-2019__20191223.pdf?isAddStamp=True (accessed 20 October 2020).

14. Reshenie Arbitrazhnogo suda Ul'yanovskoy oblasti ot 22.01.2020 po delu № A72-13761/2019 [Decision of the Arbitration Court of the Ulyanovsk Region from 22.01.2020 in Case no. A72-13761/2019]. *Kartoteka arbitrazhnyh del* [File Cabinet of Arbitration Cases]. URL: https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf/7ebfd3b4-8599-4f25-8639-3c61005716fd/3334530d-1b3d-43dd-aab5-856dc478dd3b/%D0%9072-13761-2019__20200122.pdf?isAddStamp=True (accessed 23 October 2020).

15. Reshenie Vysshego Evrazijskogo ekonomicheskogo soveta ot 11.10.2017 g. №12 «Ob osnovnyh napravleniyah realizacii cifrovoj povestki Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza do 2025 goda» [Decision of the Supreme Eurasian Economic Council of 11.10.2017 No. 12 “On the Main Directions for the Implementation of the Digital Agenda of the Eurasian Economic Union Until 2025”]. *Pravovoj portal Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza* [Legal Portal of the Eurasian Economic Union]. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01415213/scd_10112017_12 (accessed 12 October 2020).

16. Shuraleva S.V. Rabotniki v «oblakah»: vliyanie internet-platform na razvitie trudovyh otnoshenij [Workers in the “Clouds”: The Influence of Internet Platforms on the Development of Labor Relations]. *Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom* [Labor Law in Russia and Abroad], 2019, no. 1, pp. 15-18.

17. *Christoph Busch, Gerhard Dannemann, Hans Schulte-Nölke, Aneta Wiewirowska, Fryderyk Zoll Discussion Draft of a Directive on Online Intermediary Platforms*. URL: https://www.researchgate.net/publication/308522861_Discussion_Draft_of_a_Directive_on_Online_Intermediary_Platforms (accessed 30 October 2020).

18. Combatting COVID-19 Disinformation on Online Platforms. *Organisation for Economic Cooperation and Development*. URL: <http://www.oecd.org/coronavirus/policy-responses/combating-covid-19-disinformation-on-online-platforms-d854ec48/> (accessed 15 October 2020).

19. Commission Staff Working Document on Online Platforms, Accompanying the Document “Communication on Online Platforms and the Digital

Single Market” (COM(2016) 288). *European Commission*. URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/commission-staff-working-document-online-platforms> (accessed 25 October 2020).

20. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions Online Platforms and the Digital Single Market Opportunities and Challenges for Europe COM/2016/0288 final. *EUR-LEX*. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52016DC0288> (accessed 26 October 2020).

21. Deryugina T.V., Inshakova A.O., Sevostyanov M.V. Systemic Issues of Legal Regulation for Information Aggregator Operation. *Studies in Computational Intelligence*, 2019, no. 826, pp. 27-34.

22. Doing Business 2020. Comparing Business Regulation in 190 Economies. *Doingbusiness. Measuring Business Regulations*. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/32436/9781464814402.pdf> (accessed 11 October 2020).

23. Inshakova E.I., Kachalov R.M., Inshakova A.O. Russian and Eurasian Technology Platforms: Progress and Challenges in Accelerating the Neo-Industrialization Processes. Inshakova A., Inshakova E., eds. *Competitive Russia: Foresight Model of Economic and Legal Development in the Digital Age. CRFMELD 2019. Lecture Notes in Networks and Systems*, 2020, vol. 110. Springer, Cham, pp. 27-34.

24. Inshakova A.O., Inshakova E.I., Ryzhenkov A.J., Sevostyanov M.V. Civil law in the Digital Economy: Analysis of Doctrinal Adaptation Trends. *Lecture Notes in Networks and Systems*, 2020, no. 110, pp. 421-429.

25. Martens Bertin An Economic Policy Perspective on Online Platforms. *EU SCIENCE HUB*. URL: <https://ec.europa.eu/jrc/en/publication/eur-scientific-and-technical-research-reports/economic-policy-perspective-online-platforms?search> (accessed 25 October 2020).

26. Peter Bendor-Samuel What is a Digital Platform? *The Enterprisers Project*. URL: <https://enterpriseproject.com/article/2018/12/what-digital-platform> (accessed 11 October 2020).

27. Regulation (EU) 2019/1150 of the European Parliament and of the Council of 20 June 2019 on promoting fairness and transparency for business users of online intermediation services (Text with EEA relevance). *Eur-Lex*. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32019R1150&qid=1605002762270> (accessed 25 October 2020).

28. Synopsis report on the public consultation on the regulatory environment for platforms, online intermediaries and the collaborative economy. *European Commission*. URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/full-report-results-public-consultation-regulatory-environment-platforms-online-intermediaries> (accessed 27 October 2020).

29. Tarakanov V.V., Inshakova A.O., Dolinskaya V.V. Information Society, Digital Economy and Law. *Studies in Computational Intelligence*, 2019, no. 826, pp. 3-15.

Information About the Authors

Denis A. Appazov, Laboratory Assistant, Department of Civil and Private International Law, Base Department of the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, gimchp@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1063-4202>

Yulia A. Tymchuk, Researcher, Department of Civil and Private International Law, Base Department of the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, tymchuk@volsu.ru, yuliannatymchuk@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0854-3179>

Информация об авторах

Денис Альбертович Аппазов, лаборант кафедры гражданского и международного частного права (базовая кафедра ЮИЦ РАН), Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, gimchp@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1063-4202>

Юлия Александровна Тымчук, научный сотрудник кафедры гражданского и международного частного права (базовая кафедра ЮИЦ РАН), Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, tymchuk@volsu.ru, yuliannatymchuk@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0854-3179>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.4.5>

UDC 347.447.82
LBC 67.404.201.9

Submitted: 29.09.2020
Accepted: 20.10.2020

TERMINATION OF A CIVIL CONTRACT DUE TO A SIGNIFICANT CHANGE IN CIRCUMSTANCES: LEGISLATION AND PRACTICE OF POST-SOVIET STATES

Mohammed Vidad Abdulhamid Alhamdawi

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Maxim M. Nenashev

PAO "Nizhnekamskneftekhim", Nizhnekamsk, Russian Federation

Introduction: the scientific interest in the study of peculiarities of regulating the termination of a civil contract due to a significant change in circumstances in the foreign practice is predetermined by both the discussion and lack of scientific coverage of the relevant issues, and the difficulties in interpreting and applying the relevant norms of the law of obligations in Russia. **Methods:** the methodological framework for the research is a set of methods of scientific cognition, among which the main ones are the general scientific dialectical, comparative legal, logical-syntactic, semantic methods of cognition, as well as the methods of cause-and-effect analysis, forecasting, synthesis and analysis. **Results:** the study reveals the features and main problematic aspects of the application of the rules on the termination of a civil contract due to a significant change in circumstances in a number of post-Soviet states. The paper presents the **insights** on the need to improve the statutory regulation of the considered grounds for the termination of a civil contract in Russia, including specifying the provisions of Article 451 of the Civil Code.

Key words: civil contract, dissolution of a contract, termination of a contract, contract law, significant change in circumstances

Citation. Alhamdawi Mohammed Vidad Abdulhamid, Nenashev M.M. Termination of a Civil Contract Due to a Significant Change in Circumstances: Legislation and Practice of Post-Soviet States. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2020, vol. 19, no. 4, pp. 43-47. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.4.5>

УДК 347.447.82
ББК 67.404.201.9

Дата поступления статьи: 29.09.2020
Дата принятия статьи: 20.10.2020

РАСТОРЖЕНИЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО ДОГОВОРА В СВЯЗИ С СУЩЕСТВЕННЫМ ИЗМЕНЕНИЕМ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ: ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВ

Мохаммед Видад Абдулхамид Альхамдави

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Максим Михайлович Ненашев

ПАО «Нижнекамскнефтехим», г. Нижнекамск, Российская Федерация

Введение: научный интерес к исследованию особенностей регулирования расторжения гражданско-правового договора в связи с существенным изменением обстоятельств в зарубежной практике предопределен как дискусионностью и пробельностью научного освещения соответствующей проблематики, так и сложностями толкования и применения соответствующих норм обязательственного права в России. **Мето-**

ды: методологическую основу данного исследования составляет совокупность методов научного познания, среди которых основное место занимают общенаучный – диалектический, сравнительно-правовой, логико-синтаксический, семантический методы познания, а также методы причинно-следственного анализа, прогнозирования, синтеза и анализа. **Результаты:** в исследовании выявлены особенности и основные проблемные аспекты применения норм о расторжении гражданско-правового договора в связи с существенным изменением обстоятельств в ряде государств постсоветского пространства. В статье обосновываются **выводы** о необходимости совершенствования нормативного регулирования рассматриваемого основания расторжения гражданско-правового договора в России, в том числе конкретизации положений ст. 451 ГК РФ.

Ключевые слова: гражданско-правовой договор, расторжение договора, прекращение договора, договорное право, существенное изменение обстоятельств.

Цитирование. Альхамдави Мохаммед Видад Абдулхамид, Ненашев М. М. Расторжение гражданско-правового договора в связи с существенным изменением обстоятельств: законодательство и практика постсоветских государств // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2020. – Т. 19, № 4. – С. 43–47. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.4.5>

Введение

Вопросы исследования практических аспектов расторжения гражданско-правового договора в связи с существенным изменением обстоятельств в современной российской цивилистике традиционно являются предметом дискуссий, что опосредовано как наличием ряда инициатив по совершенствованию регламентирующих данные вопросы норм законодательства, так и сложностями обеспечения их единообразного применения. Изложенные причины предопределяют значимость изучения сравнительно-правовых аспектов расторжения договоров по рассматриваемому основанию, в том числе на примере постсоветских государств, правовые системы которых в наибольшей степени близки российской – тем более, что данная проблематика, как ввиду комплексного характера, так и в силу динамизма развития правоприменительной практики, а также определенной новизны для соответствующих национальных правовых систем, исследована пока далеко не исчерпывающим образом.

Легальные дефиниции существенного изменения обстоятельств

Рассматриваемый правовой институт появился в российском законодательстве уже в постсоветский период, с принятием в 1994 г. первой части ГК [9, с. 3]. Исходя из абз. 2 п. 1 ст. 451 ГК РФ, текст которой в течение 26 лет действия остался неизменным, «изменение обстоятельств признается существенным,

когда они изменились настолько, что, если бы стороны могли это разумно предвидеть, договор вообще не был бы ими заключен или был бы заключен на значительно отличающихся условиях» [7]. Приведенная формулировка дословно (за исключением замены подчинительного союза «когда» на если») воспроизводится в ст. 421 ГК Республики Беларусь [5] и в ст. 412 ГК Кыргызстана [4], тогда как в гражданских кодексах ряда других стран постсоветского пространства текстуальные отличия более значимы и заслуживают отдельного внимания.

Так, в ст. 652 ГК Украины [8] аналогичная норма изложена без указания «разумности» предвидения, а также «значительности» отличия условий, что, с одной стороны, «разгружает» статью закона от сложных оценочных конструкций, с другой – как представляется, делает ее содержание еще менее определенным. Статья 422 ГК Азербайджана [3] текстуально близка упомянутой норме ГК РФ, однако приравнивает к объективным условиям изменения обстоятельств также и субъективное – ошибочность представлений сторон, лежащих в основе договора (как отмечается в компаративистских исследованиях, наличие такой оговорки характерно также для германского права [2]). Во всех же иных случаях, как видно из изложенного, речь идет об обстоятельствах, «внешних» для договорного правоотношения.

Наконец, есть на постсоветском пространстве и примеры отсутствия соответствующих норм, чем отличается ГК Казахстана [6].

Проблематика расторжения договора по рассматриваемому основанию

Проанализированные выше законодательные положения применительно к возможности расторжения гражданско-правового договора вызывают ряд сложностей в практической плоскости, оставаясь не в полной мере востребованными (так, суды ограничиваются, как правило, общими ссылками на соответствующие нормы; отмечаются лишь единичные примеры их применения, тогда как практика инициирования споров с соответствующим правовым основанием существенно шире, касаясь, в частности, вопросов расторжения валютных кредитов в свете финансовых кризисов последнего десятилетия и т. п.). При этом, во всех упомянутых государствах (за исключением, соответственно, Казахстана) предусматривается, что изменение договора по рассматриваемому основанию допускается по решению суда в исключительных случаях.

Тем самым национальные законодатели на постсоветском пространстве исходят из акцента на прекращении договора, как приоритетного перед его адаптацией (что, в свою очередь, можно характеризовать как региональную тенденцию, особенно ярко выраженную в белорусском законодательстве [1, с. 158], но отнюдь не мировую: законодательство и практика ряда развитых государств Запада исходит из обратного [2]). Думается, что названное обстоятельство выступает одним из факторов, искусственно ограничивающих спектр ситуаций применения соответствующих норм, наряду с превалирующим отрицательным отношением к судебному вмешательству в договорные отношения [10, с. 127] и необходимостью установления судами одновременного наличия ряда ограничительных условий (в большинстве рассмотренных государств, как и в п. 2 ст. 451 ГК РФ, их насчитывается 4).

Выводы

Проведенное исследование позволяет заметить, что гражданское законодательство как России, так и иных постсоветских государств в целом придерживается единых под-

ходов к регламентации расторжения договора по рассматриваемому основанию, что прослеживается в сходстве легальных дефиниций такого изменения, условий возможного расторжения или изменения (в исключительных случаях) договора в судебном порядке. При этом, вопреки последней отмеченной тенденции, думается, что предпочтительным правовым последствием при существенном изменении обстоятельств будет все же изменение договора, а не его расторжение, что обусловлено общими потребностями сохранения стабильности гражданского оборота и договорных отношений, благоприятствования развитию последних.

Анализируя соответствующую зарубежную практику на предмет возможной актуализации в России для целей совершенствования конструкции ст. 451 ГК РФ, видится уместным использование азербайджанского опыта введения субъективного условия существенного изменения обстоятельств в связи с ошибкой сторон. В то же время не видятся в данном контексте продуктивными ни украинский подход к минимизации в аналогичной норме оценочных понятий (как еще более снижающий степень определенности ее содержания), ни казахстанский, предполагающий отсутствие рассматриваемого правового института (ведь практический запрос субъектов гражданского оборота на его применение сомнений не вызывает). В этой связи основным вектором положительных изменений в применении положений ст. 451 ГК РФ в России видится развитие практических рекомендаций на уровне Верховного Суда РФ как в части квалификации соответствующих оценочных понятий, так и в плане формулирования примерного (безусловно, открытого) перечня обстоятельств, которые необходимо считать существенно изменившимися.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдеева, Т. В. Расторжение нарушенного договора: совершенствование законодательной модели / Т. В. Авдеева // Общество, право, личность. Методологические и прикладные проблемы: генезис, современность и будущее : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. – Минск : МИТСО, 2017. – С. 158–162.

2. Алиев, А. Ограничение свободы договора при существенном изменении обстоятельств в английском, немецком, российском и азербайджанском праве / А. Алиев // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. – 2017. – № 2 (47). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ogranichenie-svobody-dogovora-pri-suschestvennom-izmenenii-obstoyatelstv-v-angliyskom-nemetskom-rossiyskom-i-azerbaydzhanskom-prave> (дата обращения: 01.09.2020). – Загл. с экрана.

3. Гражданский кодекс Азербайджанской Республики от 28.12.1999 г. № 779-IQ // Сборник законодательных актов Азербайджанской Республики. – 2000. – № 4. – Ст. 250.

4. Гражданский кодекс Кыргызской Республики от 08.05.1996 г. № 15. Ч. I. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://minjust.gov.kg/ru/content/313> (дата обращения: 01.09.2020). – Загл. с экрана.

5. Гражданский кодекс Республики Беларусь от 07.12.1998 г. № 218-З. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://kodeksy-by.com/grazhdanskiy_kodeks_rb.htm (дата обращения: 01.09.2020). – Загл. с экрана.

6. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27.12.1994 г. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1006061#pos=5;-106 (дата обращения: 01.09.2020). – Загл. с экрана.

7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1994. – 5 дек. – № 32. – Ст. 3301.

8. Гражданский кодекс Украины от 16.01.2003 г. № 435-IV. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://kodeksy.com.ua/ka/grajdanskij_kodeks_ukraini.htm (дата обращения: 01.09.2020). – Загл. с экрана.

9. Очхаев, Т. Г. Изменение и расторжение договора в связи с существенным изменением обстоятельств: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Очхаев Тимур Геннадьевич. – М., 2015. – 249 с.

10. Сосипатрова, Н. Е. Толкование гражданско-правовых договоров в зарубежной и российской правовых системах / Н. Е. Сосипатрова, А. Ю. Бутова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2018. – № 1. – С. 122–129.

REFERENCES

1. Avdeeva T.V. Rastorzheniye narushennogo dogovora: sovershenstvovaniye zakonodatelnoy modeli [Dissolution of a Breached Contract: Improving the Legislative Model]. *Obshchestvo, pravo, lichnost.*

Metodologicheskiye i prikladnyye problemy: genesis, sovremennost i budushcheye: sb. st. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. [Society, Law, Personality. Methodological and Applied Problems: Genesis, Modernity and Future: Collection of Articles of the International Scientific and Practical Conference]. Minsk, MITSO, 2017, pp. 158-162.

2. Aliev A. Ogranicheniye svobody dogovora pri sushchestvennom izmenenii obstoyatelstv v angliyskom, nemetskom, rossiyskom i azerbaydzhanskom prave [Limitation of Freedom of Contract in Case of Substantial Change of Circumstances in English, German, Russian and Azerbaijani Law]. *Vestnik Instituta zakonodatelstva i pravovoy informatsii Respubliki Kazakhstan* [Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan], 2017, no. 2 (47). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ogranichenie-svobody-dogovora-pri-suschestvennom-izmenenii-obstoyatelstv-v-angliyskom-nemetskom-rossiyskom-i-azerbaydzhanskom-prave> (accessed 01 Septemder 2020).

3. Grazhdanskiy kodeks Azerbaydzhanskoй Respubliki ot 28.12.1999 g. № 779-IQ [The Civil Code of the Republic of Azerbaijan of December 28, 1999, no. 779-IQ]. *Sbornik zakonodatelnykh aktov Azerbaydzhanskoй Respubliki* [Collection of Legislative Acts of the Republic of Azerbaijan], 2000, no. 4, art. 250.

4. *Grazhdanskiy kodeks Kyrgyzskoy Respubliki ot 08.05.1996 g. № 15. Ch. I* [The Civil Code of the Kyrgyz Republic of May 8, 1996 no. 15 (the First Part)]. URL: <http://minjust.gov.kg/ru/content/313> (accessed 1 Septemder 2020).

5. *Grazhdanskiy kodeks Respubliki Belarus ot 07.12.1998 g. № 218-Z* [The Civil Code of the Republic of Belarus of December 7, 1998 no. 218-Z]. URL: https://kodeksy-by.com/grazhdanskiy_kodeks_rb.htm (accessed 1 Septemder 2020).

6. *Grazhdanskiy kodeks Respubliki Kazakhstan (Obshchaya chast) ot 27.12.1994 g.* [The Civil Code of the Republic of Kazakhstan (the Common Part) of December 27, 1994]. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1006061#pos=5;-106 (accessed 1 Septemder 2020).

7. *Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoй Federatsii (chast pervaya) ot 30.11.1994 g. № 51-FZ* [The Civil Code of the Russian Federation (the First part) of November 30, 1994 no. 51-FL]. *Sobraniye zakonodatelstva RF* [Collected Legislation of the Russian Federation], 1994, December 5 (no. 32), art. 3301.

8. *Grazhdanskiy kodeks Ukrainy ot 16.01.2003 g. № 435-IV* [The Civil Code of the Ukraine of January 16, 2003 no. 435-IV]. URL: https://kodeksy.com.ua/ka/grajdanskij_kodeks_ukraini.htm (accessed 1 Septemder 2020).

9. Ochkhayev T.G. *Izmeneniye i rastorzheniye dogovora v svyazi s sushchestvennym izmeneniyem*

obstoyatelstv: dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.03
[Amendment and Dissolution of the Contract Due to a Substantial Change in Circumstances. Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2015. 249 p.

10. Sosipatrova N.E., Burova A.Yu. *Tolkovaniye grazhdansko-pravovykh dogovorov v zarubezhnoy i*

rossiyskoy pravovykh sistemakh [Interpretation of Civil Law Contracts in Foreign and Russian Legal Systems]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Pravo* [Bulletin of the Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. Series: Law], 2018, no. 1, pp. 122-129.

Information About the Authors

Mohammed Vidad Abdulhamid Alhamdawi, Postgraduate Student, Department of Business Law, Arbitration and Civil Procedure, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, laweyerm@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0002-7614-8453>

Maxim M. Nenashev, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Head of the Department for Work with State Bodies and Resolution of Administrative and Legal Disputes, PAO "Nizhnekamskneftekhim", Sobolekovskaya St, Bld. 23, Office 129, 423574 Nizhnekamsk, Russian Federation, netnashev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8160-0520>

Информация об авторах

Мохаммед Видад Абдулхамид Альхамдави, аспирант кафедры предпринимательского права, арбитражного и гражданского процесса, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, laweyerm@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0002-7614-8453>

Максим Михайлович Ненашев, кандидат юридических наук, начальник отдела по работе с государственными органами и разрешению административно-правовых споров, ПАО «Нижнекамскнефтехим», ул. Соболековская, здание 23, офис 129, 423574 г. Нижнекамск, Российская Федерация, netnashev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8160-0520>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.4.6>

UDC 347.918.2
LBC 34.047

Submitted: 14.09.2020
Accepted: 10.10.2020

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND INTELLECTUAL PROPERTY: THE ISSUES OF THE LEGAL REGULATION OF PATENT RELATIONS ¹

Ekaterina V. Kupchina

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation

Introduction: in the paper, the author analyzed the current problems associated with the use of artificial intelligence in the field of intellectual property. Thanks to the active introduction of this technology in many areas of human activity, there is a rapid growth of innovative processes. On the one hand, such active improvement of the computer technology system creates a favorable environment for the development of economic, political and social relations. On the other hand, however, the potential for the further development of artificial intelligence is of serious concern in the scientific community. In particular, modern digital technologies are developing much faster than the legal framework designed to regulate them is improving. In this regard, the first branch of law that has faced the greatest difficulties is intellectual property law, since it is a branch of law directly related to innovation processes. The **purpose** of the research is achieved by solving a number of **tasks**: to determine the role of artificial intelligence as a "subject" of patent relations, as well as the boundaries of responsibility for patent infringement by AI. The **methodology** is based on a theoretical approach to the study of the legal framework in the field of intellectual property. Based on the analysis of the theoretical data obtained, the author provides the examples of patent violations related to the use of artificial intelligence technology, as well as highlights some modern approaches to solving this problem. The **results** of the research can be used to determine the key goals and objectives in the law enforcement, research, as well as in educational and teaching activities, in particular, during lectures and seminars on courses in intellectual property law, copyright and patent law. **Conclusions:** the development of artificial intelligence technologies is central to the development of better intellectual property management systems. The development of new doctrines for new technologies, the modification of the existing patent system, as well as the changes in the policy of intellectual property rights protection contribute to the effective development of innovative processes and the improvement of the legal system as a whole.

Key words: intellectual property, artificial intelligence, patents, inventions, property rights.

Citation. Kupchina E. V. Artificial Intelligence and Intellectual Property: The Issues of the Legal Regulation of Patent Relations. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2020, vol. 19, no. 4, pp. 48-54. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.4.6>

УДК 347.918.2
ББК 34.047

Дата поступления статьи: 14.09.2020
Дата принятия статьи: 10.10.2020

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ: ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПАТЕНТНЫХ ОТНОШЕНИЙ ¹

Екатерина Валентиновна Купчина

Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

Введение: в настоящей статье автором были проанализированы текущие проблемы, связанные с применением искусственного интеллекта в сфере интеллектуальной собственности. Благодаря активному внедрению данной технологии во многие сферы деятельности человека происходит стремительный рост инновационных процессов. С одной стороны, такое активное совершенствование системы компьютерных технологий создает благоприятную среду для развития экономических, политических и социальных отношений. Однако, с другой стороны, потенциал дальнейшего развития искусственного интеллекта вызывает серьез-

ную озабоченность в научной среде. В частности, современные цифровые технологии развиваются значительно быстрее, нежели совершенствуется правовая база, призванная их регулировать. В этой связи первая отрасль права, которая столкнулась с наибольшими трудностями – это право интеллектуальной собственности, так как является отраслью права, непосредственно связанной с инновационными процессами. **Цель** настоящего исследования достигается путем решения ряда задач: определить роль искусственного интеллекта, как «субъекта» патентных отношений, а также границы ответственности за нарушение патентных прав со стороны AI. **Методология** основывается на теоретическом подходе к исследованию правовой базы в сфере интеллектуальной собственности. На основе анализа полученных теоретических данных в настоящей работе автором приводятся примеры нарушений патентных прав, связанных с применением технологии искусственного интеллекта, а также освещаются некоторые современные подходы к решению данной проблемы. **Результаты** исследования могут быть использованы при определении ключевых целей и задач в правоприменительной, научно-исследовательской деятельности, а также в учебно-преподавательской деятельности, в частности, при лекциях и семинарских занятиях по курсам права интеллектуальной собственности, авторского и патентного права. **Выводы:** развитие технологий искусственного интеллекта является центральным звеном в разработке более совершенных систем управления интеллектуальной собственностью. Разработка новых доктрин для новых технологий, модификация существующей патентной системы, а также изменение политики защиты прав интеллектуальной собственности способствуют эффективному развитию инновационных процессов и совершенствованию правовой системы в целом.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, искусственный интеллект, патенты, изобретения, право собственности.

Цитирование. Купчина Е. В. Искусственный интеллект и интеллектуальная собственность: вопросы правового регулирования патентных отношений // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2020. – Т. 19, № 4. – С. 48–54. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.4.6>

Роль искусственного интеллекта в интеллектуальной собственности

Еще совсем недавно упоминание о технологиях искусственного интеллекта (Artificial Intelligence – AI) можно было встретить лишь на страницах фантастических романов. В настоящее время данная технология представляет собой неотъемлемую часть современного мира, являясь одним из ключевых катализаторов и движущих сил цифровой экономики. Безусловно, роль искусственного интеллекта в современном обществе нельзя недооценивать. Большинство ученых, которые ведут свои исследования в данной области, сходятся во мнении, что AI может превзойти человека во многих сферах деятельности уже в последующее десятилетие [8, с. 4437]. Мало кого сейчас можно удивить беспилотными автомобилями или программами для перевода, основу которых составляют технологии искусственного интеллекта. Уже большинство сфер человеческой жизнедеятельности, таких как здравоохранение, образование, транспорт и некоторые отрасли промышленного производства, неотъемлемо связаны с технологиями AI, существенно упрощая и делая их использование более доступным и эффективным.

До сих пор не существует единого определения искусственного интеллекта. Некоторые специалисты определяют его в широком смысле как компьютеризированную систему, демонстрирующую поведение, которое обычно считается требующим интеллекта, в то время как другие определяют AI как систему, способную принимать рациональные решения сложных проблем или принятия соответствующих действий для достижения своих целей в реальных условиях [11, с. 15].

Несомненно, что технологии искусственного интеллекта тесно и непосредственно связаны с правом интеллектуальной собственности (Intellectual Property – IP), так как это отрасль права, которая призвана регулировать отношения в сфере инноваций и цифровых технологий. На сегодняшний день при помощи глубокого машинного обучения (Deep Learning – DL) компьютеры могут создавать колоссальные массивы контента, помогая обрабатывать огромные объемы цифровой информации, например, в сфере предпринимательских отношений и даже судебной системе. Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта обуславливает стремительный рост частных и государственных инвестиций в их развитие, а также в разработку новых технологичес-

ких решений на основе искусственного интеллекта [6, с. 3]. С появлением компьютеров наступила эра интеллектуальных машин, которые позволили не только автоматизировать многие процессы, но и привели к возникновению сложных взаимосвязанных систем. Такие системы захватили наш образ жизни и, помогая решать повседневные задачи современного человека, все больше увеличивают зависимость от них [4, с. 32].

Ключевой особенностью искусственного интеллекта является его способность к самообучению. Анализируя данные, полученные на собственном опыте, AI способен решать многие аналитические задачи, такие как: оценка, классификация, прогнозирование и кластеризация данных. Пожалуй, на сегодняшний день DL является наиболее прогрессивной технологией. К первому уровню применения AI относятся наиболее известные в настоящее время:

- маркировка видео;
- машинный перевод.

Ко второму уровню возможностей искусственного интеллекта относится способность к восприятию окружающей среды сродни человеческим сенсорным функциям, таким как зрение, слух и устная речь. В свою очередь, под компьютерным зрением понимается разновидность восприятия объектов, обеспечиваемое алгоритмами DL. Данная технология успешно применяется во многих областях, например, распознавании лиц при поиске преступников или пропавших людей. В сфере здравоохранения компьютерное зрение нашло свое применение при диагностировании заболеваний. Так, например, американские ученые разработали алгоритм, который оценивает рентген грудной клетки на предмет признаков болезни. За весьма короткий срок их разработка превзошла опытных радиологов при диагностике пневмонии [12, с. 15].

В области распознавания речи алгоритмы DL достигли точности более 95 %. Большинство современных смартфонов, умных часов и игровых консолей имеют возможность воспринимать и определять речь человека. На сегодняшний день это является наиболее прогрессивной областью компьютерного восприятия с широким спектром вариантов использования, начиная от языкового моделирования

и классификации текста до машинного перевода в разговорные системы, так называемые Chatbots [13, с. 670].

По мере перехода от простых компьютерных технологий к искусственному интеллекту возникает вопрос о правовых последствиях такой технологии. Во всем мире сейчас идет «глобальная гонка» за построение таких систем, что порождает множество дискуссий, касающихся государственной политики, которая должна защищать широкие интересы общества. Наиболее обсуждаемыми в данной связи вопросами являются: государственно-частное партнерство, повышение доступности ресурсов, анонимность данных, приложения искусственного интеллекта и т. д. Все эти вопросы обуславливают потребность в сильной государственной поддержке, которая будет способствовать активному развитию искусственного интеллекта и интеллектуальной собственности, а также защищать потребности общества [14, с. 605].

В этой связи встает вопрос о необходимости совершенствования правовой базы интеллектуальной собственности, которая должна обеспечивать эффективное регулирование отношений, возникающих в результате активного внедрения технологий искусственного интеллекта [2, с. 130]. В настоящее время наиболее острым является вопрос правового регулирования патентных отношений, связанных с применением технологий AI.

AI как «субъект» патентных отношений

Большинство патентных законов создавались в то время, когда компьютеры еще не существовали. Сегодня компьютеры и программное обеспечение стали неотъемлемой частью цифрового общества. Недостаточная подготовка патентного законодательства к грядущим столкновениям с искусственным интеллектом может привести к негативным социальным, экономическим и этическим последствиям. Несмотря на постоянные изменения в патентном законодательстве, эволюция технологий происходит более быстрыми темпами [3, с. 90].

Анализируя современные тенденции по внедрению технологии искусственного интел-

лекта, можно выделить четыре основных вопроса патентного права, на которые оказывает непосредственное влияние AI:

- соответствие объектам патентования технологий искусственного интеллекта;
- патентоспособность изобретений, созданных с помощью AI;
- ответственность за нарушение патентных прав со стороны AI;
- роль искусственного интеллекта, как «субъекта» патентных отношений.

Вопрос права собственности, то есть кто является законным обладателем прав интеллектуальной собственности на изобретения: создатель алгоритмов или компьютер, обладающий искусственным интеллектом, среди всех стоит наиболее остро. Среди ученых и программистов по всему миру происходят постоянные попытки «легализовать» и признать право авторства за AI. Такое признание может иметь самые непредсказуемые и далеко идущие последствия не только для патентной системы, но и всего права интеллектуальной собственности. В данном ключе некоторые ученые-правоведы заявляют, что необходимо кардинально менять систему, отменяя старые законы и принимая новые, предвещая волну инноваций. Другие сходятся во мнении, что подобные меры могут иметь крайне негативные и беспрецедентные последствия [9, с. 10].

Рассмотрим для примера случай, произошедший в США с системой DABUS. Разработчиком данной системы является эксперт по искусственному интеллекту Стивен Талер. В общем смысле данная система представляет собой искусственную нейронную систему, имитирующую творческий процесс человека. Получая определенную информацию, DABUS генерирует ее в идеи. Системой были созданы два изобретения: первое – это контейнер для напитков, основанный на фрактальной геометрии, второе – это мерцающий свет, имитирующий мозговую деятельность человека. При попытке признать данные изобретения за искусственным интеллектом 22 апреля 2020 г. Управление США по патентам и товарным знакам (United States Patent and Trademark Office – USPTO) отклонило данную заявку, ссылаясь на то, что авторское право на изобретение в соответствии с патентным законодательством США может принадлежать толь-

ко физическим лицам. Данное решение USPTO основано на том, что в заявке, а также сопроводительных документах имя единственного изобретателя указано как DABUS, а фамилия как «изобретение, созданное искусственным интеллектом». Стивен Талер, выступая в качестве человека, подавшего патентную заявку, пояснял, что DABUS самостоятельно задумал изобретения с использованием обученных нейронных сетей, независимо и автономно, а также не проходил специальную подготовку в соответствующей области знаний. Однако данные аргументы не были приняты и USPTO выпустило документ, известный как «Notice to File Missing Parts» (Уведомление о подаче недостающих частей). В нем подчеркивалось, что исходя из данных, указанных в заявке, невозможно идентифицировать изобретателя по его юридическому имени. Последующие попытки Стивена Талера обжаловать данное решение, а также попытки зарегистрировать систему DABUS в качестве изобретателя в Европе и Великобритании, пока не увенчались успехом [10].

На сегодняшний день патентные законы во всем мире, в том числе и России, предоставляют права на изобретения только людям. Так, в ч. 4 Гражданского кодекса Российской Федерации указано, что изобретателем признается гражданин, творческим трудом которого создан соответствующий результат интеллектуальной деятельности [1, ст. 1347]. Тем не менее уже сейчас существуют машины, которые вносят значительный вклад в разработку новых технологий. Возможно, на данном этапе не имеет смысла целиком предоставлять права на интеллектуальную собственность компьютерам, поскольку они ни морально, ни юридически не обязаны защищать эти права. В данном контексте более целесообразным является подход, который закрепляет права на изобретение за физическим или юридическим лицом, которые изначально способствовали созданию самого программного обеспечения для компьютера с искусственным интеллектом.

Ответственность AI за нарушения патентных прав

Другим немаловажным аспектом применения технологии искусственного интеллекта

в сфере интеллектуальной собственности является вопрос нарушения со стороны AI патентных прав.

Как и в ситуации с правами на изобретение, о которой уже упоминалось в настоящей статье, проблема ответственности за действия искусственного интеллекта стоит очень остро. В большинстве юрисдикций под патентными правами понимается предоставление автору изобретения, полезной модели или промышленного образца исключительного права, а также права авторства.

Кроме того, автору изобретения, полезной модели или промышленного образца принадлежат право на получение патента, право на вознаграждение за служебное изобретение, полезную модель или промышленный образец. Также патентные права включают право изобретателей исключать других лиц от практики использования запатентованных изобретений без соответствующих на то разрешений в течение всего срока действия патента.

Ситуации, когда права на патенты нарушаются физическими или юридическими лицами, случаются довольно часто, и меры ответственности за подобные нарушения определены действующим патентным законодательством. Однако в случае нарушения данных прав со стороны искусственного интеллекта в законе существует пробел. Ответы на данные вопросы должны способствовать развитию и совершенствованию системы патентного права.

В настоящее время законодательство большинства стран исходит из практики привлечения к ответственности человека, а не AI [5].

Однако такой подход вызывает ряд дискуссий среди пользователей и разработчиков программного обеспечения искусственного интеллекта. Это обусловлено тем, что конечные пользователи, как правило, не могут предвидеть наступление нарушения патентных прав. Вопрос привлечения людей к ответственности за непредвиденные действия AI приводит к сдерживанию развития и использования искусственного интеллекта, а значит препятствует инновационным процессам.

С целью минимизировать риск наступления неблагоприятных последствий для создателей искусственного интеллекта была предложена система страхования, схожая с систе-

мой страхования автомобилей, а также создание специальных фондов для покрытия убытков, связанных с действиями AI [7, с. 458].

Другим вариантом решения проблемы ответственности является привлечение самого искусственного интеллекта. Такой подход требует внесения существенных изменений в действующее патентное законодательство, а также признания AI юридическим лицом. Однако несмотря на достаточно широкое определение понятия юридического лица, такой исход событий возможен только в долгосрочной перспективе.

Вывод

Несомненно, что будущее управления интеллектуальной собственностью во многом зависит от использования инновационных технологий, таких как искусственный интеллект. Для своего эффективного развития системы управления интеллектуальной собственностью должны максимально быстро адаптироваться к этим изменениям.

Развитие технологий искусственного интеллекта является центральным звеном в разработке более совершенных систем управления интеллектуальной собственностью.

Временной разрыв между развитием интеллектуальной собственности и вопросами совершенствования патентного законодательства приведет к созданию альтернативных стратегий работы с интеллектуальной собственностью в будущем. Несомненно, инновационные технологии требуют новых значимых механизмов защиты IP, таких как:

- разработка новых доктрин для новых технологий;
- модификация существующей патентной системы;
- изменение политики защиты прав интеллектуальной собственности.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ № НШ-2668-2020.6 «Национально-культурные и цифровые тренды социально-экономического и политико-правового развития Российской Федерации в XXI веке».

This work was financially supported by the Grant of the President of the Russian Federation no. НШ-2668-2020.6 “National-Cultural and Digital Trends in the Socio-Economic, Political and Legal Development of the Russian Federation in the 21st Century.”

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 26.07.2019, с изм. от 24.07.2020). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Купчина, Е. В. Кибербезопасность в международном коммерческом арбитраже при рассмотрении интеллектуальных споров / Е. В. Купчина // Правовая парадигма = Legal Concept. – 2020. – Т. 19, № 2. – С. 129–135. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.2.19>.
3. Купчина, Е. В. Рассмотрение интеллектуальных споров в США / Е. В. Купчина // Сравнительное право и проблемы частноправового регулирования в России и зарубежных странах : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. – М. : Изд-во Российского ун-та дружбы народов, 2016. – С. 89–94.
4. Мир в цифровую эпоху: политика, право и экономика XXI века / А. Ю. Мамычев, Д. А. Петрова, Я. В. Гайворонская, О. И. Мирошниченко, Ю. И. Каримова [и др.]. – М. : РИОР, 2020. – 216 с.
5. Резолюция Европарламента от 16 февраля 2017 года 2015/2013(INL) P8_TA-PROV(2017)0051. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2017-0051_EN.html (дата обращения: 28.08.2020). – Загл. с экрана.
6. Development of social market economy under the influence of noneconomic factors: modeling and regulation / A. O. Inshakova, E. E. Frolova, M. V. Galkina, E. P. Rusakova // International Journal of Sociology and Social Policy. – 2020. – P. 1–11.
7. Dickenson, J. Creative machines: ownership of copyright in content created by artificial intelligence applications / J. Dickenson, A. Morgan, B. Clark // European Intellectual Property Review. – 2017. – Vol. 39, № 8. – P. 457–460.
8. Digital technologies as a driver of intellectual stratification of human resources: Socio-economic inequality / E. P. Rusakova, M. N. Dudin, O. F. Shakhov, M. S. Shakhova, Yu. S. Sizova // International Journal of Recent Technology and Engineering. – 2019. – Vol. 8, № 2. – P. 4436–4440.
9. Firth-Butterfield, K. White Paper: Artificial Intelligence Collides with Patent Law / K. Firth-Butterfield, Y. Chae // World Economic Forum, Center for the Fourth Industrial Revolution, April 2018. – P. 1–24.
10. Gvoth, W. DABUS Denied: Only Natural Persons can be Named as Inventors on US Patents Blog Global Business IP and Technology Blog / William Gvoth, Douglas H. Goldhush. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=fd5c0397-922d-481d-a9a8-4e597d90d3ca>. – Title from screen.
11. Lambert, P. Computer Generated Works and Copyright: Selfies, Traps, Robots, AI and Machine Learning / P. Lambert // European Intellectual Property Review. – 2017. – Vol. 39, № 1. – P. 12–20.
12. Ramalho, A. Will Robots Rule the (Artistic) World? A Proposed Model for the Legal Status of Creations by Artificial Intelligence Systems / A. Ramalho // Journal of Internet Law. – 2017. – Vol. 21, № 1. – P. 12–25.
13. Rusakova, E. P. Digital rights as a new object of civil rights: issues of substantive and procedural law / E. P. Rusakova, E. E. Frolova, A. I. Gorbacheva // Advances in Intelligent Systems and Computing. – 2020. – Vol. 1100. – P. 665–673.
14. The model of distribution of human and machine labor at intellectual production in industry 4.0 / A. O. Inshakova, E. E. Frolova, E. P. Rusakova, S. I. Kovalev // Journal of Intellectual Capital. – 2020. – Vol. 21, № 4. – P. 601–622.

REFERENCES

1. *Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast chetvertaya) ot 18.12.2006 № 230-FZ (red. ot 26.07.2019. s izm. ot 24.07.2020)* [The Civil Code of the Russian Federation (Part four) of 18.12.2006 № 230-FZ (as amended on 26.07.2019, with amendments) from 24.07.2020)]. Access from Reference Legal System ‘KonsultantPlyus’.
2. Kupchina E.V. Kiberbezopasnost v mezhdunarodnom kommercheskom arbitrazhe pri rassmotrenii intellektualnykh sporov [Cybersecurity in International Commercial Arbitration when Considering Intellectual Disputes]. *Pravovaya paradigma* [Legal Concept], 2020, vol. 19, no. 2, pp. 129-135. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.2.19>.
3. Kupchina E.V. Rassmotreniye intellektualnykh sporov v SShA. *Sravnitelnoye pravo i problemy chastnopravovogo regulirovaniya v Rossii i zarubezhnykh stranakh: sb. st. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Consideration of Intellectual Disputes in the United States. In the Collection: Comparative Law and Problems of Private Law Regulation in Russia and Foreign Countries. Collection of Articles of the International Scientific and Practical Conference]. Moscow, Peoples’ Friendship University of Russia, 2016, pp. 89-94.

4. Mamychev A.Yu., Petrova D.A., Gajvoronskaya Ya.V., Miroshnichenko O.I., Karimova Yu.I., et al. *Mir v cifrovuyu epohu: politika, pravo i ekonomika XXI veka* [The World in the Digital Age: Politics, Law, and Economics in the 21st Century]. Moscow, LLC "Publishing Center RIOR", 2020. 216 p.

5. *Rezolyutsiya Evroparlamenta ot 16 fevralya 2017 goda 2015/2013(INL) P8_TA-PROV(2017)0051* [Resolution of the European Parliament of February 16, 2017 2015/2013 (INL) P8_TA-PROV(2017)0051]. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2017-0051_EN.html (accessed 28 August 2020).

6. Inshakova A.O., Frolova E.E., Galkina M.V., Rusakova E.P. Development of social market economy under the influence of noneconomic factors: modeling and regulation. *International Journal of Sociology and Social Policy*, 2020, pp. 1-11.

7. Dickenson J., Morgan A., Clark B. Creative machines: ownership of copyright in content created by artificial intelligence applications. *European Intellectual Property Review*, 2017, vol. 39, no. 8, pp. 457-460.

8. Rusakova E.P., Dudin M.N., Shakhov O.F., Shakhova M.S., Sizova Yu.S. Digital technologies as a driver of intellectual stratification of human resources: Socio-economic inequality. *International Journal of Recent Technology and Engineering*, 2019, vol. 8, no. 2, pp. 4436-4440.

9. Firth-Butterfield K., Chae Y. White Paper: Artificial Intelligence Collides with Patent Law. *World Economic Forum, Center for the Fourth Industrial Revolution, April 2018*, pp. 1-24.

10. William Gvoth, Douglas H. Goldhush. *DABUS Denied: Only Natural Persons can be Named as Inventors on US Patents Blog Global Business IP and Technology Blog*. URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=fd5c0397-922d-481d-a9a8-4e597d90d3ca>.

11. Lambert P. Computer Generated Works and Copyright: Selfies, Traps, Robots, AI and Machine Learning. *European Intellectual Property Review*, 2017, vol. 39, no. 1, pp. 12-20.

12. Ramalho A. Will Robots Rule the (Artistic) World? A Proposed Model for the Legal Status of Creations by Artificial Intelligence Systems. *Journal of Internet Law*, 2017, vol. 21, no. 1, pp. 12-25.

13. Rusakova E.P., Frolova E.E., Gorbacheva A.I. Digital rights as a new object of civil rights: issues of substantive and procedural law. *Advances in Intelligent Systems and Computing*, 2020, vol. 1100, pp. 665-673.

14. Inshakova A.O., Frolova E.E., Rusakova E.P., Kovalev S.I. The model of distribution of human and machine labor at intellectual production in industry 4.0. *Journal of Intellectual Capital*, 2020, vol. 21, no. 4, pp. 601-622.

Information About the Author

Ekaterina V. Kupchina, Senior Lecturer, Department of Civil Law and Procedure and Private International Law, Peoples' Friendship University of Russia, Miklukho-Maklaya St, 6, 117198 Moscow, Russian Federation, belousova_ev@pfur.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1318-3654>

Информация об авторе

Екатерина Валентиновна Купчина, старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса и международного частного права, Российский университет дружбы народов, ул. Миклухо-Маклая, 6, 117198 г. Москва, Российская Федерация, belousova_ev@pfur.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1318-3654>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.4.7>

UDC 340.12
LBC 67.1

Submitted: 01.11.2020
Accepted: 20.11.2020

THE GERMAN HISTORY OF CONCEPTS AND THE HISTORY OF POLITICAL AND LEGAL DOCTRINES: FACETS OF INTERACTION¹

Kirill S. Korovin

Ural State Law University, Yekaterinburg, Russian Federation

Abstract: the German history of concepts became popular after the translation into Russian of some articles from “The Historical Dictionary of Socio-Political Language in Germany”. This event is remarkable for legal science, since legal concepts are of particular importance for both the legislator and legal scientists when developing legal doctrine. The **purpose** of the paper is to apply a historical and conceptual approach to the study of state-legal phenomena in the history of political and legal doctrines. **Methods:** the methodological basis of this study is a systematic approach that allows to structure the constituent elements of the German history of concepts, as well as a structural and functional one, thanks to which the application of specific elements in practice was shown. **Results:** as a result of the analysis of the German experience of studying concepts, the author made conclusions that reflect the possibility of its use in law. First of all, the classification of concepts used in the dictionary is important. It allows you to structure and systematize the concepts used in the political and legal doctrines. The processes of transformation of concepts described methodologically by the Germans can be analyzed by analogy in Russian historical and legal science. The context of the emergence and evolution of the concepts reflects the fundamental changes in society and the state, so its description is necessary to explain the features of legal concepts. **Conclusions:** the adaptation of historical concepts with the help of modern legal language to the terminological apparatus of the theory of state and law is possible through the diachronic principle. The linguistic basis of the German dictionary is certainly interesting for lawyers from the point of view that the distinction between terms and concepts contributes to the improvement of legal techniques. Thus, the German history of concepts is largely interrelated with the history of political and legal doctrines, and further development of this issue is required.

Key words: history of concepts, history of political and legal doctrines, legal discourse, legal concepts, history of state and law, legal science, jurisprudence.

Citation. Korovin K.S. The German History of Concepts and the History of Political and Legal Doctrines: Facets of Interaction. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2020, vol. 19, no. 4, pp. 55-62. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.4.7>

УДК 340.12
ББК 67.1

Дата поступления статьи: 01.11.2020
Дата принятия статьи: 20.11.2020

НЕМЕЦКАЯ ИСТОРИЯ ПОНЯТИЙ И ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ: ГРАНИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ¹

Кирилл Сергеевич Коровин

Уральский государственный юридический университет, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Введение: немецкая история понятий стала популярной после перевода на русский язык некоторых статей из «Исторического словаря общественно-политического языка в Германии». Для юридической науки данное событие является примечательным, поскольку правовые понятия представляют особую важность как для законодателя, так и для ученых-юристов при разработке правовой доктрины. **Цель статьи** – применение историко-понятийного подхода к исследованию государственно-правовых феноменов в рамках истории политических и правовых учений. **Методы:** методологической основой данного исследования являются системный подход, позволяющий структурировать составные элементы немецкой истории понятий, а также структурно-функциональный, благодаря которому было показано применение конкретных элементов на

практике. **Результаты:** в процессе анализа немецкого опыта изучения понятий автором была показана возможность использования данного подхода в юриспруденции. Прежде всего важной представляется классификация понятий, используемая в словаре. Она позволяет структурировать и систематизировать понятия, содержащиеся в политико-правовых учениях. Процессы трансформации понятий, методологически описываемые немцами, по аналогии могут быть проанализированы в российской историко-правовой науке. Контекст возникновения и эволюции понятий отражает коренные изменения в обществе и государстве, поэтому необходимо его изучение для объяснения особенностей юридических понятий. **Выводы:** было установлено, что адаптация исторических понятий при помощи современного юридического языка к терминологическому аппарату теории государства и права возможна посредством диахронного принципа. Лингвистический базис немецкого словаря интересен, безусловно, для юристов с той точки зрения, что различие терминов и понятий способствует совершенствованию юридической техники. Таким образом, немецкая история понятий во многом взаимосвязана с историей политических и правовых учений, и требуется дальнейшая разработка этой проблематики.

Ключевые слова: история понятий, история политических и правовых учений, правовой дискурс, юридические понятия, история государства и права, юридическая наука, юриспруденция.

Цитирование. Коровин К. С. Немецкая история понятий и история политических и правовых учений: грани взаимодействия // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2020. – Т. 19, № 4. – С. 55–62. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.4.7>

Введение

История понятий в России стала магистральным междисциплинарным полем исследований в гуманитарных и социальных науках. Для юриспруденции данный методологический подход является актуальным, поскольку в изучении происхождения понятий, в установлении их истинного, исконного значения заинтересованы как теоретические, так и отраслевые правовые науки. Прежде всего методология истории понятий интересна для истории политических и правовых учений, поскольку задачей историка права, как считал В.С. Нерсисянц, является интерпретация прошлых политико-правовых доктрин [5, с. 11]. Именно их содержание, согласно О.Э. Лейсту, составляет понятийно-категориальный аппарат, отражающий различные понятия политической и правовой действительности [6]. Например, советская конституционная доктрина 1918 г. выражается в таких понятиях, как «социализм», «советы», «диктатура пролетариата», «советская федерация». Благодаря им раскрываются вопросы происхождения советского государства, его административно-территориального устройства, о целях и задачах конституционного строительства, методах решения политических вопросов, принципах социалистической правовой системы. Далее в статье методологические положения немецкой истории понятий будут обосновываться

примерами из истории советского государства и права.

Целью статьи является адаптация инструментария немецкой истории понятий к юриспруденции, в которой понятия всегда были непосредственно связаны с толкованием юридических текстов. Тема толкования является широко разработанной в науке, начиная с до-революционных юристов и правоведов советского периода вплоть до ученых-юристов наших дней. Под толкованием С.А. Степанов понимал «вне зависимости от побудительных оснований или комплекса факторов (экономических, политических, социологических, организационных и др.), от субъекта правотворческой инициативы, от уровня юридической силы предполагаемого правового акта... интерпретацию сложившихся, складывающихся в формальный и определенный юридический образ (модель) или предполагаемых (побуждаемых к возникновению) отношений, желательного или нежелательного правотворцу поведения субъектов» [12, с. 24]. Таким образом, толкование представляет собою процесс интерпретации определенной мыслительной модели или общественных отношений, независимый от социального контекста, самого субъекта права и места правового акта в иерархии. Позиция С.А. Степанова очень близка К. Скиннеру, который считал, что социальный контекст не влияет на содержание политико-правовых текстов, в то время как

автор произведения подвержен влиянию других текстов похожей тематики (интертекстуальное взаимодействие) [10].

Задача любой интерпретации, по словам Д.И. Луковской, состоит в выявлении смысла текста, отражающего политические и правовые проблемы современников, в котором материализуются понятия, идеи и концепции. Однако тексты закона и политико-правового учения будут отличаться между собой по свойствам, ибо для полной интерпретации текста учения может анализироваться целое научное направление. Нормы права, как писал С.С. Алексеев, находят свое выражение через юридический язык и документы [9, с. 121–123]. Что касается политико-правовых учений, то они выражаются в том числе посредством политического языка и принимают форму политических программ, трактатов. Получается, что изучение понятий возможно только посредством интерпретации их использования в конкретных политических и правовых текстах.

Традицию изучения юридических понятий в русле историко-понятийного подхода заложил В.С. Нерсисянц. Он писал, что «история политико-правовой мысли – это история новых понятий права и государства и формирующихся на их основе новых политико-правовых теорий» [5, с. 10]. С точки зрения В.М. Сырых, понятия выполняют две функции: теоретическую, когда используются для анализа политико-правовых явлений, и методологическую, если они являются основой методологических правил [13, с. 95]. Н.М. Золотухина как историк права считает, что нужно разграничивать историческое и современное содержание основных юридических понятий [4, с. 227]. В этом смысле она воспроизводит позицию медиевиста А.Я. Гуревича относительно того, что «понятия, которыми неизбежно пользуются гуманитарные науки, сложились в Новое время, и применение этих понятий к обществам далекого прошлого чревато опасностью приписать им такие отношения, которых тогда не существовало...» [2, с. 7–8]. В связи с этим нужно обратить особое внимание при изучении истории политических и правовых учений на то, чтобы использовать понятия «государство» и «право» только в их историческом значении.

Немецкая история понятий как методологический подход в истории политических и правовых учений

Развитие истории понятий как направления было связано с переосмыслением анализа идей: переход от канонического прочтения классических текстов к их контекстуализации. Эта эволюция, как метко подметил К. Гирц, была связана с тем, что предопределена общественными отношениями не сущность идей, а способы их выражения [1]. История понятий является крупным научным направлением в исследовании интеллектуальной истории. Именно оно дает правоведам инструментарий для анализа политической и правовой действительности. Социально-политические понятия составляют «ткань» любой политико-правовой доктрины. Как пишет А.Ф. Черданцев, «с точки зрения логики, семантики понятия в сфере права ничем не отличаются от любых других понятий» [16]. Справедливо говорил М.А. Исаев, что «знание старой юридической терминологии, несравнимой по богатству выражаемых оттенков с современной, окажет плодотворное влияние на профессиональное мышление нового поколения правоведов» [7, с. 110]. Таким образом, исторические понятия, используемые в юридической науке, могут объясняться при помощи современного категориального аппарата теории государства и права ради их лучшего уяснения, но только в объяснительных целях.

Немецкая история понятий стала популярна в российской науке благодаря переводу в 2014 г. некоторых статей из восьмитомного справочника «Основополагающие понятия, понимаемые исторически. Исторический словарь общественно-политического языка в Германии»², вышедших в издании «Словарь основных исторических понятий» благодаря усилиям Германского исторического института в Москве [11]. Там раскрывается и анализируется историческая семантика, относящаяся к эволюции общественных институтов и экономики. Под «основными историческими понятиями» создатели словаря понимали не термины, используемые в научной литературе, а понятия, которые имели значение в ходе исторического процесса. Поэтому исследова-

тельской задачей было изучить процесс исчезновения старого мира и создание современного [8, с. 23–24]. На основе анализа основных методологических положений немецкой истории понятий в статье показывается ее взаимодействие с историей политических и правовых учений.

Целью немецкого словаря являлась идентификация типов политических и социальных понятий, каждое из которых определяется в значении, используемом в современном немецком языке. Ключевая гипотеза словаря была в детальном анализе политических и социальных понятий, возникших в Европе нового времени. В ходе написания этого научного труда Р. Козеллек делал акцент на таких важных понятиях, которые «способствуют осмыслению структур» [8, с. 24]. Типы понятий будут проиллюстрированы примерами из истории Советского государства: «основные понятия, относящиеся к государственному строю» – советы, советская федерация, административно-территориальное устройство; «ключевые слова, относящиеся к политическому, экономическому и общественному устройству», – социализм, коммуна; «центральные понятия политических движений и их лозунги» – диктатура пролетариата, право наций на самоопределение. В истории политических и правовых учений основными темами, которые обсуждаются в политико-правовых доктринах, являются государственный строй, экономическое, социальное устройство и политические движения.

Лейтмотив словаря: «Описание современного мира посредством языка, его концептуализация и осознание с помощью тех понятий, которые являются не только понятиями прошлого, но также и нашими» [8, с. 25]. Основной эвристической презумпцией немецкой истории понятий было то, что старые понятия стали приобретать новое значение. Этот процесс может быть описан при помощи нескольких критериев [8, с. 27–32]:

1. Произошло расширение поля для применения понятий – это так называемая «демократизация» политического языка. Особенно ярко она видна перед Февральской революцией, когда был расцвет политической мысли разных направлений. Широта публичной сферы сохранялась до того момента, пока

левые эсеры не были изгнаны из Советского правительства.

2. «Темпорализация» смысловых значений понятий означала процесс, когда понятия с течением времени стали приобретать новое понимание и заменяться аналогичными понятиями. В том числе сюда можно отнести возникновение из предшествующих понятий «измов»: коммуна – коммунизм, социум – социализм, конституция – конституционализм.

3. «Политизация» вокабуляра проявилась в том, что, во-первых, в политическом языке появились парные слова – диктатура / демократия, социализм / либерализм – и новые метафоры на их основе, во-вторых, политические лидеры стали инструментами мобилизации политических понятий.

В рамках как учебного курса, так и в исследовательских практиках науки истории политических и правовых учений описываемые в словаре явления «демократизации», «темпорализации» и «политизации» представлены в форме метанарратива, согласно Х. Уайту [15]. Хотя эти процессы не акцентированы в научных юридических работах, они, безусловно, прослеживаются при внимательном прочтении текстов. В связи с этим историко-понятийный методологический подход позволяет концептуализировать происходившие в российской истории процессы и увидеть изменения, которые отразились в юридических понятиях в ту или иную эпоху.

В российской юриспруденции процесс возникновения юридических понятий детально описал Н.Н. Тарасов, который выделил два способа их генезиса – историческая реконструкция и теоретическое конструирование. Для историков права, безусловно, приемлем только первый способ, поскольку второй не согласуется с принципом историзма, но, несомненно, удобен для теоретиков права. «Самым распространенным способом возникновения юридических понятий можно считать прохождение в профессиональной рефлексии юридического явления от простого знакового замещения до собственно понятия как знаниевой конструкции». Данный процесс первоначально не разделен с юридической деятельностью, в которой правовым явлениям просто присваивается определенное имя. Номинация еще далека от понятий как «знаниевых единиц».

Только вследствие профессиональной рефлексии создаются юридические понятия «в форме помысленного, представленного в профессиональном юридическом мышлении явления». Описанный процесс можно проследить в ходе дискуссий при разработке и принятии Конституции РСФСР 1918 г., когда происходило содержательное формирование тех или иных конституционных понятий [14, с. 10–11].

**Ключевые положения
немецкой истории понятий
для истории политических
и правовых учений**

В истории политических и правовых учений метод немецкой истории понятий следует описывать в инструментальном аспекте. Его можно охарактеризовать, если исходить из посылок, которые Р. Козеллек изложил во введении к словарю [8, с. 33–36]:

1. Акцент делается на историческом исследовании употребления слов в своей эпохе в различных социально-политических контекстах. Прежде всего изучается область применения слова, кому адресовано это понятие, для каких целей использовалось. Слова изучаются в их социальном и политическом контекстах, соотносятся с фактами действительности, и на этом основании делается «историко-критический» вывод. Например, понятие «диктатура пролетариата» применялось как в области политики (партийные собрания и митинги), так и в юридической сфере (использовалось в Конституции РСФСР 1918 г.). Это понятие было нацелено на классы пролетариата и беднейшего крестьянства и стало выгодным в том смысле, что позволяло легитимировать террор и иные явления революционной эпохи.

2. Диахронный принцип позволяет вытащить понятие из его исторического контекста, проследить его эволюцию во времени и дать соответствующий термин в современном языке для описания сути явления. Это «перевод существовавшего в прошлом смыслового содержания слов на язык, доступный нашему сегодняшнему пониманию». Также этот принцип позволяет увидеть значения слов, которые уже не соответствуют действительности. Например, «демократия» исконно была оппозицией диктатуре, а в понимании В.И. Ленина

именно выражением самой настоящей демократии является диктатура пролетариата. В Советском государстве классическое представление о демократии уже не будет соответствовать историческим условиям.

Контекстуальный анализ идей применялся в советской историко-правовой науке с 1960-х годов. Это было связано как с влиянием исторической науки на юриспруденцию, так и с серьезными теоретическими разработками в области истории политических и правовых учений в Институте государства и права. Тем не менее немецкая история понятий привносит новое для юриспруденции измерение – диахронный анализ понятий, который позволяет использовать термины современной теории государства и права для обозначения исторических понятий. Например, термином «государство» обозначается понятие «диктатура пролетариата», которое и составляет сущность Советского государства в 1917–1918 годах.

Лингвистический базис словаря является важным, поскольку использование только исторических методов не позволит проникнуть во всю глубину понятия и познать его с разных сторон. Также это еще связано с тем, что право является лингвистическим феноменом, по словам правоведа А.Б. Дидикина, к которому применимы лингвистические методы и грамматические конструкции [3, с. 77–78]. Методологические посылки Р. Козеллека в области лингвистики плодотворны для использования их в исследованиях по истории политических и правовых учений [8, с. 36–38]:

1. Лингвистический подход используется инструментально, чтобы понять историческую глубину понятия. «Семасиологический аспект» нацелен на выявление всех значений термина (слова). Например, понятие «диктатура пролетариата» будет рассмотрено в немецком понимании Ф. Энгельса и К. Маркса в XIX в. и в российском осмыслении В.И. Лениным в XX веке. Это будут очень сильно отличающиеся друг от друга представления о данном феномене. «Ономасиологический аспект», то есть аккумуляция всех наименований для вещи, будет плодотворен для правового исследования, поскольку множество идеологических терминов, обозначающих одно и то же понятие, использовалось члена-

ми конституционной комиссии при разработке Конституции РСФСР 1918 года.

2. Различие между словом и понятием позволяет рассматривать последнее как «концентрат множества смысловых наполнений». «Все разнообразные реалии с их собственной терминологией схватываются словом... и приводятся к одному понятию». Слово – это лингвистический инструмент обозначения понятия, в то время как понятие является хранилищем смыслов разных исторических эпох. Важно подметить, что «значения слова могут точно определяться дефинициями, а понятия могут только интерпретироваться». Слово «советский конституционализм» как сочетание прилагательного «советский» и существительного «конституционализм» становится понятием, характеризующим советскую политико-правовую доктрину, только благодаря таким другим понятиям, его раскрывающим, как «социализм», «советы», «диктатура пролетариата» и т. д.

Выводы

Итак, взаимодействие немецкой истории понятий и истории политических и правовых учений происходит в нескольких основных аспектах.

Во-первых, типы понятий, представленные в немецком словаре, соответствуют тем категориям, которые анализируются в рамках истории политических и правовых учений. Получается, что расхождений между этими двумя науками в классификации понятий нет, а существуют лишь содержательные отличия в рассматриваемых понятиях.

Во-вторых, процессы «демократизации», «темпорализации» и «политизации» политического и юридического языка так или иначе исследовались в истории политических и правовых учений. Немецкая история понятий, лишь акцентируя внимание на данных явлениях, обозначает их как значимые категории исторического анализа.

В-третьих, принципы контекстуального и диахронного анализа понятий в своей совокупности представляют строго научный метод, позволяющий поместить юридическое понятие в социальный, политический, культурный и экономический контексты, а затем адаптировать при помощи использования современ-

ного юридического языка это понятие для конкретных исследовательских задач.

В-четвертых, лингвистические принципы, используемые в немецкой истории понятий, делают возможным восполнить пробел, существующий в истории политических и правовых учений. Связан он прежде всего с тем, что термин и понятие принципиально правоведами не различаются в нарративных исторических исследованиях. Использование данных наработок для анализа юридического языка позволит не только найти похожие слова, но и систематизировать правовой вокабуляр для дальнейшего его обобщения и изучения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 20-011-00779 «Историография, источниковедение и методология истории политических и правовых учений: теоретические и прикладные проблемы исследовательских практик».

The article was funded by RFBR, grant no. 20-011-00779 “Historiography, Source Studies and Methodology of the history of political and legal doctrines: theoretical and applied problems of research practices”.

² Название словаря по-немецки: «Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гирц, К. Интерпретация культур / К. Гирц. – М., 2004. – 557 с.
2. Гуревич, А. Я. Категории средневековой культуры / А. Я. Гуревич. – М., 1984. – 350 с.
3. Дидикин, А. Б. Право как лингвистический феномен: к постановке проблемы / А. Б. Дидикин // Проблемы методологии и философии права : сб. ст. участников III Междунар. круглого стола (г. Самара, 26–27 февр. 2016 г.). – Самара : Изд-во Самар. гуманит. акад., 2016. – С. 76–86.
4. Золотухина, Н. М. Историческое и современное значение политико-юридической терминологии / Н. М. Золотухина // Lex Russica (Русский закон). – 2016. – № 10. – С. 202–230.
5. История политических и правовых учений : учеб. для вузов / под общ. ред. В. С. Нерсесянца. – 4-е изд. – М., 2004. – 944 с.
6. История политических и правовых учений : учеб. для вузов / под ред. О. Э. Лейста и В. А. Томсинова. – 3-е изд., доп. – М., 2009. – 576 с.

7. Кодан, С. В. Формирование и становление понятийно-исторического подхода в европейской и отечественной социально-гуманитарной науке / С. В. Кодан // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2019. – № 4. – С. 95–112.

8. Козеллек, Р. Введение (Einleitung) / Р. Козеллек // Словарь основных исторических понятий : избранные статьи в 2 т. Т. 1 / сост. Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле. – М., 2014. – С. 23–44.

9. Луковская, Д. И. Политические и правовые учения: историко-теоретический аспект / Д. И. Луковская. – Л., 1985. – 161 с.

10. Скиннер, К. Значение и понимание в истории идей / К. Скиннер // Кэмбриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / сост. Т. Атнашев, М. Велижев. – М., 2018. – С. 53–122.

11. Словарь основных исторических понятий : избранные статьи в 2 т. Т. 1 / сост. Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле. – М., 2014. – 736 с.

12. Степанов, С. А. Интерпретация интерпретации / С. А. Степанов // Российский юридический журнал. – 2017. – № 6 (117). – С. 23–33.

13. Сырых В. М. История и методология юридической науки : учебник / В. М. Сырых. – М., 2012. – 464 с.

14. Тарасов, Н. Н. К вопросу о предмете общей теории права и теоретических понятиях / Н. Н. Тарасов // Российский юридический журнал. – 2015. – № 6 (105). – С. 9–21.

15. Уайт, Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX в. / Х. Уайт. – Екатеринбург, 2002. – 528 с.

16. Черданцев, А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции: монография / А. Ф. Черданцев. – М., 2012. – 320 с.

REFERENCES

1. Girc K. *Interpretatsiya kultur* [Interpretation of Cultures]. Moscow, 2004. 557 p.

2. Gurevich A.Ya. *Kategorii srednevekovoy kultury* [Categories of Medieval Culture]. Moscow, 1984. 350 p.

3. Didikin A.B. *Pravo kak lingvisticheskiy fenomen: k postanovke problemy* [Law as a Linguistic Phenomenon: Towards Problem Statement]. *Problemy metodologii i filosofii prava: sb. st. uchastnikov III Mezhdunar. kruglogo stola. 26–27 fevr. 2016 g.* [Problems of Methodology and Philosophy of Law]. Samara, Izd-vo Samar. gumanit. akad., 2016, pp. 76-86.

4. Zolotuhina N.M. *Istoricheskoye i sovremennoye znachenije politiko-yuridicheskoy terminologii* [Historical and Modern Meaning of Political and Legal Terminology]. *Lex Russica (Russkiy zakon)*, 2016, no. 10, pp. 202-230.

5. Nersesyants V.S., ed. *Istoriya politicheskikh i pravovykh ucheniy: ucheb. dlya vuzov* [History of Political and Legal Doctrines. Textbook for Universities]. Moscow, 2004. 944 p.

6. Leyst O.E., Tomsinov V.A., eds. *Istoriya politicheskikh i pravovykh ucheniy: ucheb. dlya vuzov* [History of Political and Legal Doctrines. Textbook for Universities]. Moscow, 2009. 576 p.

7. Kodan S.V. *Formirovaniye i stanovleniye ponyatiyno-istoricheskogo podkhoda v evropeyskoy i otechestvennoy sotsialno-gumanitarnoy nauke* [Formation and Development of a Conceptual-Historical Approach in European and Domestic Social and Humanitarian Science]. *Istoriko-pravovyye problemy: novyy rakurs* [Historical and Legal Problems: A New Perspective], 2019, no. 4, pp. 95-112.

8. Kozellek R. *Vvedeniye (Einleitung)* [Introduction (Einleitung)]. Zaretskiy Yu., Levinson K., Shirle I., eds. *Slovar osnovnykh istoricheskikh ponyatiy: izbrannyye stati v 2 t. T. 1* [Dictionary of Basic Historical Concepts: Selected Articles in 2 volumes. Vol. 1]. Moscow, 2014, pp. 23-44.

9. Lukovskaya D.I. *Politicheskkiye i pravovyye ucheniya: istoriko-teoreticheskiy aspekt* [Political and Legal Doctrines: Historical and Theoretical Aspect]. Leningrad, 1985. 161 p.

10. Skinner K. *Znachenije i ponimaniye v istorii idey* [Meaning and Understanding in the History of Ideas]. Atnashev T., Velizhev M., eds. *Kembridzhskaya shkola: teoriya i praktika intellektualnoy istorii* [The Cambridge School: Theory and Practice of Intellectual History]. Moscow, 2018, pp. 53-122.

11. Zaretskiy Yu., Levinson K., Shirle I. *Slovar osnovnykh istoricheskikh ponyatiy: izbrannyye stati v 2 t. T. 1* [Dictionary of Basic Historical Concepts: Selected Articles in 2 volumes. Vol. 1]. Moscow, 2014. 736 p.

12. Stepanov S.A. *Interpretatsiya interpretatsii* [Interpretation of Interpretation]. *Rossiyskiy yuridicheskij zhurnal*, 2017, no. 6 (117), pp. 23-33.

13. Syrykh V.M. *Istoriya i metodologiya yuridicheskoy nauki: uchebnik* [History and Methodology of Legal Science: Textbook]. Moscow, 2012. 464 p.

14. Tarasov N.N. *K voprosu o predmete obshchey teorii prava i teoreticheskikh ponyatiyakh* [On the Subject of the General Theory of Law and Theoretical Concepts]. *Rossiyskiy yuridicheskij zhurnal*, 2015, no. 6 (105), pp. 9-21.

15. Uayt Kh. *Metaistoriya: Istoricheskoye voobrazheniye v Evrope XIX v.* [Metahistory: Historical Imagination in 20th Century Europe]. Ekaterinburg, 2002. 528 p.

16. Cherdantsev A.F. *Logiko-yazykovyye fenomeny v yurisprudentsii: monografiya* [Logic-Linguistic Phenomena in Jurisprudence: Monograph]. Moscow, 2012. 320 p.

Information About the Author

Kirill S. Korovin, Postgraduate Student, Department of Theory of State and Law, Ural State Law University, Komsomolskaya St, 21, 620137 Yekaterinburg, Russian Federation, korovinscience@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1746-2458>

Информация об авторе

Кирилл Сергеевич Коровин, аспирант кафедры теории государства и права, Уральский государственный юридический университет, ул. Комсомольская, 21, 620137 г. Екатеринбург, Российская Федерация, korovinscience@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1746-2458>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.4.8>

UDC 342.8
LBC 67.3

Submitted: 28.09.2020
Accepted: 01.11.2020

DUALITY OF THE ELECTORAL AND LEGAL CULTURE AND POLITICAL COMMUNICATION IN THE ELECTIONS OF THE LANDTAG OF PRUSSIA (1849–1918) ¹

Yuri A. Bokov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Erwin A. Akhverdiev

Central Office of the Federal Tax Service of Russia, Moscow, Russian Federation

Introduction: based on a wide range of historical sources about the elections of the Landtag of Prussia in 1849–1918, an attempt is made to examine the electoral and legal culture through the prism of political communication. The **aim** of the research is a comprehensive analysis of the relationship between the communication processes and the level of electoral and legal culture of Prussian residents in 1849–1918. **Results:** the paper substantiates the conclusion that the study of political culture should not be limited to the analysis of the level of participation, but it is necessary to equally study political behavior in a very broad sense, since both are inextricably linked. On the example of the election campaigns to the Landtag of Prussia in 1849–1918 it is noted that the rejection of the current situation in the state leads to a decrease in the level of public participation in the elections, while low turnout is not always a consequence of an insufficient level of electoral and legal culture. **Conclusions:** the political and legal culture of the inhabitants of Prussia, their legendary habit of observing the law, had a decisive influence on the choice of the type of political communication. The Prussians, preferring legal forms of political communication, thereby confirmed their faith in the law, in the institution of elections. Political communication should not be limited to periodic voting. Citizens should be given the rights to influence the functioning of the state. If these requirements are not met, the legal types of political communication, even with a sufficiently high level of legal culture of the population, are replaced by semi-legal and illegal ones, and the reformist mode of activity of political forces is changed to a revolutionary one.

Key words: elections, electoral and legal culture, political communication, the Landtag of Prussia, class electoral system, electoral law.

Citation. Bokov Yu. A., Akhverdiev E. A. Duality of the Electoral and Legal Culture and Political Communication in the Elections of the Landtag of Prussia (1849–1918). *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2020, vol. 19, no. 4, pp. 63-68. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.4.8>

УДК 342.8
ББК 67.3

Дата поступления статьи: 28.09.2020
Дата принятия статьи: 01.11.2020

ДВУЕДИНСТВО ЭЛЕКТОРАЛЬНО-ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ НА ВЫБОРАХ ПРУССКОГО ЛАНДТАГА (1849–1918 гг.) ¹

Юрий Александрович Боков

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Эрвин Алибекович Ахвердиев

Центральный аппарат Федеральной налоговой службы России, г. Москва, Российская Федерация

Введение: на основе обширного спектра исторических источников о выборах ландтага Пруссии в 1849–1918 гг. предпринята попытка рассмотреть электорально-правовую культуру через призму политической коммуникации. В качестве **цели** исследования определен комплексный анализ взаимосвязи коммуникативных процессов и уровня электорально-правовой культуры жителей Пруссии в 1849–1918 годах. **Результаты:** в работе обосновывается вывод, что исследование политической культуры не следует ограничивать анализом уровня участия, а необходимо одинаково изучать политическое поведение в очень широком смысле, поскольку и то и другое неразрывно связаны. На примере избирательных кампаний в Прусский ландтаг в 1849–1918 гг. отмечается, что неприятие существующего положения в государстве приводит к снижению уровня участия населения на выборах, при этом низкая явка не всегда является следствием недостаточного уровня электорально-правовой культуры. **Выводы:** политико-правовая культура жителей Пруссии, их легендарная привычка соблюдать закон оказывали определяющее влияние на выбор вида политической коммуникации. Пруссаки, отдавая предпочтение легальным видам политической коммуникации, тем самым подтверждали свою веру в закон, в институт выборов. Политическая коммуникация не должна ограничиваться лишь периодически проводимым голосованием. Гражданам должны быть предоставлены права, позволяющие влиять на функционирование государства. В случае несоблюдения данных требований, легальные виды политической коммуникации, даже при достаточно высоком уровне правовой культуры населения, сменяются полулегальными и нелегальными, а реформистский способ деятельности политических сил меняется на революционный.

Ключевые слова: выборы, электорально-правовая культура, политическая коммуникация, ландтаг Пруссии, классовая избирательная система, избирательное право.

Цитирование. Боков Ю. А., Ахвердиев Э. А. Двуединство электорально-правовой культуры и политической коммуникации на выборах Прусского Ландтага (1849–1918 гг.) // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2020. – Т. 19, № 4. – С. 63–68. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.4.8>

В первых эмпирических работах по политической коммуникации поведенческий репертуар населения определялся как пирамида действий, в основе которой находятся: активность зрителей-участников, их информированность и выборы. Вершину пирамиды политического участия составляли «гладиаторские поединки» – активное участие в партиях и органах принятия политических решений [7]. Таким образом, в основе политической коммуникации выделялось четыре измерительные величины: выборы, участие в избирательной кампании, активность населения (включающая в себя протестные акции).

В настоящее время вызывает некоторое удивление феномен политической активности граждан в XIX – начале XX в. в отстаивании и реализации политических, в особенности избирательных, прав и свобод. Граждане массово участвовали в политических демонстрациях, работе политических партий, выборах. Проанализируем взаимосвязь коммуникационных процессов и электоральной культуры на выборах ландтага королевства Пруссии в период с 1849 по 1918 год.

Королевским указом прусского короля Фридриха Вильгельма IV от 30 мая 1849 г. для избрания ландтага – нижней палаты прус-

ского парламента (Verordnung über die Ausführung der Wahl der Abgeordneten zur Zweiten Kammer) [10, S. 205] было установлено трехклассное избирательное право («Dreiklassenwahlrecht»), просуществовавшее с незначительными изменениями до 1918 года. Целью установления классового избирательного права было наделение элит более значительным количеством голосов и сокращение числа небогатых избирателей [4, S. 116]. Замена существовавшего относительно демократичного для своего времени избирательного права (относительно всеобщего мужского избирательного права) [1, с. 104–105] реакционным избирательным правом воспринималась значительной частью населения негативно. Однако существенных действий, направленных на защиту ранее действовавшего избирательного права, не предпринималось. На наш взгляд, на выбор форм защиты ущемленного права, форм политической коммуникации оказывал влияние уровень политико-правовой культуры жителей Пруссии, их известная привычка соблюдать закон.

На основании указа короля избиратели разделялись на три класса в зависимости от уплачиваемых прямых государственных налогов (подходящий налог, налог на имущество

и строительный налог, налог на торговлю плюс налог на компанию). Только с 1 апреля 1895 г. прямые коммунальные, районные и провинциальные налоги стали также учитываться. Для каждого лица, не облагаемого государственным подоходным налогом, для расчета применялась условная сумма (якобы уплачиваемых платежей), равная трем маркам. Лица, освобожденные от уплаты налогов, относились к тому отделению, к которому принадлежали бы в том случае, если бы платили их.

Министр внутренних дел Пруссии Ф. Эйленбург, пытаясь найти хоть какие-то достоинства действующей избирательной системы, указывал на следующее: «Никто, даже в низшем классе, не может голосовать иначе, чем если бы он был в состоянии уплачивать более высокий доход. Трехклассная избирательная система оценена чрезмерно строго и в большинстве случаев не объективно. В основу системы положена важнейшая идея, согласно которой в отношении выборов тот должен иметь больше полномочий, кто платит больше налогов. Насколько я знаю, это еще не оспаривалось, разве что теми, которые вообще при любых обстоятельствах утверждают, что всеобщее избирательное право – единственное средство спасения всех нас. Но тот, кто не придерживается этой точки зрения, должен быть в состоянии признать, что в системе трехклассного голосования есть обоснованная мысль» [9, S. 3].

Противники трехклассной избирательной системы характеризовали ее как право выбора не человека, а денежного мешка. На избирательной листовке под названием «Три класса избирателей» («Die drei Wählerklassen»), изданной социал-демократической партией к выборам 1908 г., была представлена карикатура на несправедливость распределения избирателей по классам в Пруссии. На листовке изображен мешок с деньгами крупного налогоплательщика, относящегося к первому классу, и указана на этом мешке цифра «10 000», обозначающая количество принадлежащих ему денег и соответственно голосов на выборах. Далее изображен представитель второго класса с мешком поменьше с цифрой «1 000». Представитель третьего класса с мешочком, на котором виднеется цифра «1» [3, с. б/нумерации].

Широкие массы населения требовали демократизации избирательного права, указывая, что они вносят более весомый вклад в развитие страны, чем считают сторонники трехклассной избирательной системы. 7 марта 1910 г. в Берлине была проведена крупнейшая в истории демонстрация с требованиями изменения избирательного законодательства, позволявшего поддерживать правление юнкеров. В демонстрации участвовало приблизительно от 50 000 – по данным полиции [6, S. 1] и до 150 000 человек – по данным социал-демократической партии [11, S. 1).

Система выборов в Прусский ландтаг составляла предмет серьезного раздора между либеральными и консервативными партиями Германии. Либерализации избирательного права требовали даже наиболее умеренные среди левых парламентских партий, например, национал-либералы. Во всей Пруссии буржуазия и рабочие протестуют против сохранения классовой системы выборов [2, л. 199].

Массовые акции прусских социал-демократов против трехклассной избирательной системы, низкая явка избирателей, которая составляла в среднем менее одной трети, свидетельствуют о неудовлетворенности населения существующим положением.

В политической коммуникации важную роль играют средства массовой информации, деятельность которых направлена на формирование общественного мнения. Эта роль средств массовой информации лучше всего прослеживается в избирательных кампаниях, потому что политические игроки представляют там свою работу и замысел в относительно концентрированной форме. Избирательные кампании относительно наглядны и потому легче поддаются анализу, чем политическая деятельность в целом.

В Пруссии накануне выборов традиционно появлялось значительное количество статей, посвященных предвыборной агитации и направленных на формирование общественного мнения. Существенное значение играли проправительственные издания, тиражи которых были сравнительно высокими.

Полуофициальной газетой прусского правительства была «Neueste Mittheilungen». Обратим внимание на некоторые опубликованные в ней агитационные материалы. «День

выборов на пороге! Пусть каждый избиратель осознает высокую ответственность и долг, которые, учитывая наше великое прошлое, сейчас находятся на наших плечах. С гордостью мы можем оглянуться на то, что создал великий император и что благодаря ему стало нашим достоянием. Захочет ли какое-нибудь легкомысленное сердце поставить под сомнение или под угрозу наше здоровое государственное развитие? Опыт истории учит нас, что последствия политики часто бывают другими, чем предполагают ее идеологи, и что однажды ошибочные пути могут легко привести к тревожным потрясениям. Напомним лишь о периоде начала правления великого императора, когда либеральные идеи имели преобладающий характер и в соблазнительной форме превозносились как единственное средство социального и государственного блага. Потребовалось много усилий и труда, чтобы возместить причиненный ими ущерб. И теперь эти идеи, хотя и в несколько ином виде, звучат снова, выражается мнение, что в настоящее время пришло время для их реализации. Кто может это знать? Но одно несомненно, то что этим будут проложены пути, которые постепенно отводят далеко от твердынь, лежащих в основе трудов великого императора и должны привести к серьезной, тяжелой борьбе за трон и Отечество. Наша история настойчиво призывает нас к напоминанию: “храни то, что у тебя есть!” Имея это в виду, избиратели, придерживайтесь старого лозунга: “С Богом за царя и Отечество!”» [8, S. 1].

Представленные примеры публикаций наглядно демонстрируют желание их авторов повлиять на электоральное поведение граждан путем воззвания к их ценностям и убеждениям. Обращение к читателям преследует цель не только поддержки проправительственных партий, но и увеличение явки на избирательные участки. Участие в голосовании преподносилось как активный гражданский долг добродетельного жителя. Авторами публикаций презюмировалось, что среди не явившихся сторонников короля больше, чем противников. Кроме того, при агитации за явку, в расчет бралось и то, что не у каждого пришедшего на избирательный участок (при отсутствии принципа тайны голосования) хватит духу открыто про-

голосовать за партии, выступающие против существующего режима, против короля.

Исследование политической культуры не должно ограничиваться только анализом уровня участия, но и должно одинаково изучать политическое поведение в очень широком смысле, поскольку и то и другое неразрывно связано. Анализ статистических данных показывает, что значительная часть граждан бойкотировали выборы ландтага Пруссии в знак протеста против существующего избирательного права. Многие левые партии, в особенности социал-демократы, агитировали своих сторонников не участвовать в голосовании. Социал-демократы активно голосовали за кандидатов в депутаты Германского рейхстага, однако до 1900 г. не принимали участие в избрании Прусского ландтага (не только не выдвигали своих кандидатов, но даже не принимали участия в избрании выборщиков).

На выборах Германского рейхстага жители Пруссии принимали более активное участие, чем на выборах Прусского ландтага. Данное обстоятельство, очевидно, свидетельствует о том, что некоторые граждане не принимали существующую трехклассную избирательную систему и своим бойкотом пытались повлиять на ее демократизацию. В данном случае низкая явка на выборах не являлась безусловным следствием низкого уровня электорально-правовой культуры населения Пруссии, а, наоборот, может свидетельствовать о ее высоком уровне. Воздерживаясь от участия в голосовании, граждане тем самым пытались использовать преимущественно законные механизмы противодействия антидемократическим изменениям в избирательном праве.

Если провести классификацию политической коммуникации на виды, то можно выделить легальные и нелегальные. Пруссаки использовали преимущественно легальные виды коммуникации: выборы, собрания, демонстрации и др. Хотя применялись и нелегальные виды, например, выпуск и распространение запрещенных изданий. Отдавая предпочтение легальным видам коммуникации, жители Пруссии тем самым подтверждали свою веру в закон, в институт выборов.

Н. Гаш указывает, что политическая система заинтересована в создании, поддер-

жании и распространения позиции, согласно которой существующие политические институты являются наилучшими возможными для данного общества. Для эффективного функционирования существующей политической системы, среди прочих инструментов могут применяться «электоральное насилие», «коррупционированность», «компромиссные выборы» [5, р. 107].

Участие населения в функционировании государственной власти посредством процедуры выборов относится к основным формам осуществления демократии. Выборы и избирательные кампании в свете некоторых современных исследований политической культуры рассматриваются как условия для развития политической коммуникации. При этом политическая коммуникация не должна ограничиваться лишь периодически проводимым голосованием. Граждане должны быть наделены правами, позволяющими влиять на функционирование государства.

Под политическим участием понимаются действия граждан с целью оказания влияния на политические, кадровые решения или участия в их принятии. Важное значение имеет активность и гражданственность населения, уровень правовой, электоральной культуры, причем не только отдельной личности, но и общества в целом. Очевидным является то, что коммуникация зависит от уровня культуры лиц, участвующих в общении. Коммуникация в среде правонарушителей существенно отличается от коммуникации граждан, уважающих правовые предписания. Не следует также забывать, что практически отсутствует смысл в голосовании граждан, если большинство из них невежественны, некомпетентны, имеют низкий уровень политической культуры.

Выводы

Проведенное исследование позволяет утверждать о двуединстве электорально-правовой культуры и политико-правовой коммуникации на выборах Прусского ландтага (1849–1918 гг.). Культура может рассматриваться как форма коммуникации людей, электорально-правовая культура – как форма политико-правовой коммуникации. При осуще-

ствлении политической коммуникации необходимо учитывать коммуникативную природу культуры. От уровня культуры зависят коммуникативные процессы. Низкая явка на выборах в ландтаг Пруссии не являлась безусловным следствием низкого уровня электорально-правовой культуры населения Пруссии, а, наоборот, может свидетельствовать о ее высоком уровне. В обществе должны быть созданы такие институты, которые являются наилучшими из возможных для данного общества. Их создание будет способствовать развитию гражданственности человека, вовлеченности его в общественные дела. Неприятие существующего положения приводит к неконструктивной, нелегальной политической активности и снижению уровня участия населения на выборах.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00436.

The reported study was funded by RFBR, project no. 20-011-00436.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Боков, Ю. А. Зарождение избирательных прав пруссаков (19 ноября 1808 – 30 мая 1849 года) / Ю. А. Боков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5, Юриспруденция. – 2012. – № 2 (17). – С. 99–105.
2. РГАСПИ. – Ф. 215. – Оп. 1. – Д. 11 : Листовки, газетные вырезки (1909–1917 гг.). – Л. 199 : Объявление-листовка «О проведении собрания, посвященного избирательной реформе в Пруссии».
3. РГАСПИ. – Ф. 215. – Оп. 1. – Д. 171 : Газеты и вырезки из газет за 1901–1910 гг. и 1919 г. со статьями о предвыборных кампаниях; о роспуске рейхстага (1906 г.). Журналы, листовки (1901–1910, 1919 гг.) [Б. н.] : Объявление-листовка «Избирательям ландтага 8 июня 1908 года».
4. Bundesarchiv Deutschland. – Bestand Plak 002 – Weimarer Republik. – Signatur Plak 002-020-116.
5. Gash, N. Politics in the Age of Peel: A Study in the Technique of Parliamentary Representation, 1830–1850 / N. Gash. – N. Y., 1971. – P. 105–109.
6. Königliche privilegierte Berlinische Zeitung von Staats – und gelehrten Saachen. – 07.03.1910. – № 111. – S. 1.

7. Milbrath, L.W. *Political Participation. How and Why Do People Get Involved in Politics?* / L. W. Milbrath. – Chicago: Rand McNally & Company, 1965. – P. 16–17.
8. *Neueste Mittheilungen*. – 23.10.1888. – № 97. – S. 1.
9. *Provinzial-Correspondenz*. – 10.02.1869. – № 6. – S. 3.
10. *Verordnung über die Ausführung der Wahl der Abgeordneten zur Zweiten Kammer vom 30. Mai 1849 // Gesetz-Sammlung für die Königlichen Preußischen Staaten*. – 1850. – S. 205.
11. *Vorwärts*. – 07.03.1910. – № 55a. – S. 1.

REFERENCES

1. Bokov Yu.A. *Zarozhdenie izbiratel'nykh prav prussakov (19 noyabrya 1808 – 30 maya 1849 goda)* [The Birth of Prussian Suffrage (November 19, 1808 – May 30, 1849)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5. Yurisprudenciya* [Science Journal of Volgograd State University. Series 5. Jurisprudence], 2012, no. 2 (17), pp. 99-105.
2. *RGASPI*, F. 215, Op. 1, D. 11: Listovki, gazetnye vyrezki (1909–1917 gg.). L. 199: Obyavleniye-listovka «O provedenii sobraniya. posvyashchennogo izbiratelnoy reforme v Prussii» [Leaflets, newspaper clippings (1909-1917). L. 199: Announcement-leaflet “On holding a meeting dedicated to electoral reform in Prussia”].
3. *RGASPI*, F. 215, Op. 1, D. 171: Gazety i vyrezki iz gazet za 1901–1910 gg. i 1919 g. so stat'yami o predvybornykh kampaniyah; o rospuske rejhstaga (1906 g.). *Zhurnaly, listovki (1901–1910, 1919 gg.) [B. numeracii]: Ob’yavlenie-listovka «Izбирatelyam landtaga 8 iyunya 1908 goda»* [Newspapers and Newspaper Clippings for 1901-1910 and 1919 with Articles on Election Campaigns; on the Dissolution of the Reichstag (1906). Magazines, Leaflets (1901-1910, 1919) [B. Numbering]: Announcement-Leaflet “To the Voters of the Landtag on June 8, 1908”].
4. *Bundesarchiv Deutschland. Bestand Plak 002. Weimarer Republik. Signatur Plak 002-020-116*.
5. Gash N. *Politics in the Age of Peel: A Study in the Technique of Parliamentary Representation, 1830–1850*. New York, 1971, pp. 105-109.
6. *Königliche privilegierte Berlinische Zeitung von Staats – und gelehrten Saachen*, 07.03.1910, no. 111, p. 1.
7. Milbrath L.W. *Political Participation. How and Why Do People Get Involved in Politics?* Chicago, Rand McNally & Company, 1965, p. 16-17.
8. *Neueste Mittheilungen*, 23.10.1888, no. 97, p. 1.
9. *Provinzial-Correspondenz*, 10.02.1869, no. 6, p. 3.
10. *Verordnung über die Ausführung der Wahl der Abgeordneten zur Zweiten Kammer vom 30. Mai 1849. Gesetz-Sammlung für die Königlichen Preußischen Staaten*, 1850, p. 205.
11. *Vorwärts*, 07.03.1910, no. 55a, pp. 1.

Information About the Authors

Yuri A. Bokov, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Constitutional and Municipal Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, bokov2004@yandex.ru, bokov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6357-9599>

Erwin A. Akhverdiev, Consultant, Bankruptcy Support Department, Central Office of the Federal Tax Service of Russia, Neglinnaya St, 23, 127381 Moscow, Russian Federation, erwin.gelli@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4264-2821>

Информация об авторах

Юрий Александрович Боков, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, bokov2004@yandex.ru, bokov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6357-9599>

Эрвин Алибекович Ахвердиев, консультант, Управление обеспечения процедур банкротства, Центральный аппарат Федеральной налоговой службы России, ул. Неглинная, 23, 127381 г. Москва, Российская Федерация, erwin.gelli@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4264-2821>

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.4.9>

UDC 336.221
LBC 67.402.02

Submitted: 12.10.2020
Accepted: 30.10.2020

THE FEATURES OF THE LEGAL REGULATION OF A COMMERCIAL TRANSACTION IN TAX RELATIONS

Ruslan D. Farkhutdinov

Russian State University of Justice (Kazan Branch), Kazan, Russian Federation

Introduction: in the paper the author proposes to consider the interbranch relations of civil and other branches of law, for example, the financial one, proposing a resolution of establishing the “depth” of the limit of the synthesis of public economic interest in a commercial transaction, defining this conceptual framework, and to develop the proposals for resolving this problem in a practical aspect, applying the criteria (categories) of denoting the limit. **The purpose and novelty:** the scientific novelty of this topic lies in the fact that, first, it considers and decides the important legal problems of protection of the parties to the contract against the influence of public interest, and secondly, it provides the criteria for the evaluation of limits of mutual synthesis of public to private and private to public, and thirdly, it provides for the discussion and development of a new conceptual framework of interbranch relations. **Methods:** the paper uses the comparative, formal-legal and functional research methods. **Results:** the results of the research on the features of the legal regulation of the interbranch relations between the civil and financial branches indicate the existence of problems and contradictions in their enforcement by the subjects, in particular, the issue of the influence of public economic interest in a commercial transaction is considered. **Conclusion:** the protection of public economic interest in a commercial transaction is a “mirror” model for protecting the rights of the parties in such a transaction. Thus, the tools for protecting the violated rights of public economic interest are identical to the tools for protecting rights in the presence of vertical relations between the parties in a commercial transaction. The application of criteria for assessing the limit of synthesis of public economic interest in a transaction is a priority task, not only in the material terms, but also in virtual reality.

Key words: public economic interest, commercial transaction, criteria for the limit of public interest, reality of the consequences of a transaction, imitation risks, business purpose of a transaction.

Citation. Farkhutdinov R.D. The Features of the Legal Regulation of a Commercial Transaction in Tax Relations. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2020, vol. 19, no. 4, pp. 69-74. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.4.9>

УДК 336.221
ББК 67.402.02

Дата поступления статьи: 12.10.2020
Дата принятия статьи: 30.10.2020

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КОММЕРЧЕСКОЙ СДЕЛКИ В НАЛОГОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

Руслан Дамирович Фархутдинов

Казанский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Казань, Российская Федерация

Введение: в статье автор предлагает рассмотреть межотраслевые связи гражданского и иных отраслей права, к примеру финансового, предложив разрешение проблемы установления «глубины» предела синтеза

публичного экономического интереса в коммерческой сделке, определив для этого понятийный аппарат, и выработать предложения для разрешения указанной проблемы в практическом аспекте, применяя при этом критерии (категории) обозначения предела. **Цель и научная новизна:** научная новизна данной тематики заключается в том, что, во-первых, рассматриваются и решаются важные правовые проблемы защиты сторон договора от влияния публичного интереса; во-вторых, предлагаются критерии оценки пределов взаимного синтеза публичного в частное и частного в публичное; в-третьих, предлагается для обсуждения и выработки новый понятийный аппарат межотраслевых правоотношений. **Методы:** в статье применяются сравнительный, формально-юридический и функциональный методы исследования. **Результаты:** результаты исследований особенностей правового регулирования межотраслевых взаимоотношений между гражданской и финансовой отраслями указывают на наличие проблем и противоречий в правоприменении субъектами таковых, в частности рассматривается вопрос влияния публичного экономического интереса в коммерческой сделке. **Выводы:** защита публичного экономического интереса в коммерческой сделке является «зеркальной» моделью защиты прав сторон в таковой. Так, инструменты защиты нарушенных прав публичного экономического интереса тождественны инструментам защиты прав при наличии вертикальных отношений сторон в коммерческой сделке. Применение критериев оценки предела синтеза публичного экономического интереса в сделке является первоочередной задачей, при этом не только в материальном плане, но и в виртуальной действительности.

Ключевые слова: публичный экономический интерес, коммерческая сделка, критерии предела публичного интереса, реальность последствий сделки, имитационные риски, деловая цель сделки.

Цитирование. Фархутдинов Р. Д. Особенности правового регулирования коммерческой сделки в налоговых правоотношениях // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2020. – Т. 19, № 4. – С. 69–74. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.4.9>

Введение

Актуальность рассматриваемой темы обосновывается необходимостью разрешения на практике проблемы синтеза публичного экономического интереса в коммерческой сделке.

Новизна вопроса обозначена необходимостью изучения и рассмотрения проблем не только синтеза публичного экономического интереса в коммерческую сделку, его влияния на частнопровые отношения, но и оценки нарушения прав сторон в диспозитивной модели.

Разрешение указанной проблемы позволит определить правовые критерии (пределы) синтеза публичного экономического интереса в диспозитивных отношениях, разрешить вопрос определения и применения инструментов защиты прав сторон в коммерческой сделке. Исследуя данный вопрос, нельзя не коснуться понятийного аппарата, применяемого в межотраслевых связях гражданского и финансового права, суть которого используется и реализуется в рамках частнопрового интереса в сделке.

Понятия «публичный экономический интерес» и «коммерческая сделка»

Понятие «публичный экономический интерес» [11, с. 24] проявляет себя как предос-

тавленное право на свободное использование своих способностей, препятствуя при этом злоупотреблению этой свободой в ущерб интересам общества.

Развитие идеи о необходимости введения понятия [7, с. 145] «коммерческая сделка» как особого вида гражданского договора, являющегося предметом данного исследования, наглядно демонстрирует наличие в таковой поставки товара (продукции, работ, услуг, результатов творческой деятельности) в соответствии с условиями, установленными в соглашении. При этом следует отметить, что в такой сделке участвует особый субъектный состав – его сторонами являются только те лица, как организации, так и индивидуальные предприниматели, которые занимаются целенаправленно коммерческой торговлей. Здесь субъекты имеют специальную цель – установление, изменение и прекращение гражданских прав и обязанностей в сфере торговли или содействия торговле. Для закрепления данного понятия в межотраслевых связях гражданского и налогового права, в 2017 г. в Налоговый кодекс РФ была внесена особая норма в виде статьи 54.1, которая ввела понятие *деловая цель сделки*.

Полагаем спорным вывод Я.А. Коломойцева, который утверждает, что введение термина «деловая цель» позволит усилить нало-

говый контроль [8, с. 50]. Деловая цель сделки изначально регулируется гражданским законодательством [4].

При изучении данной проблемы особенно важно определить – насколько возможна оценка категории *деловая цель сделки* в рамках только налоговых правоотношений, без использования инструментов гражданского права, применяемых к сделкам.

Технология заключения коммерческой сделки – это прежде всего поиск и выбор партнера, подготовительная работа по изучению контракта, его заключение и, самое главное, деятельность по реализации условий такой сделки.

Способы защиты прав в коммерческой сделке

Под способом защиты гражданских прав в коммерческих сделках предлагается понимать средства, которые могут пресекать, предотвращать, устранять нарушение указанных прав, восстанавливать таковые, а также компенсировать потери, вызванные таким нарушением.

Следует отметить, что в современной юридической литературе понятие «способ защиты» рассматривают с разных точек зрения [5; 6]. В монографии М.И. Брагинского и В.В. Витрянского под способами защиты гражданских прав понимаются предусмотренные законодательством средства, «с помощью которых могут быть достигнуты пресечение, предотвращение, устранение нарушений права, его восстановление и (или) компенсация потерь, вызванных нарушением права» [3; с. 776]. Ю.Н. Андреев определяет способ защиты гражданских прав как совокупность приемов (подходов, технологий) для достижения поставленной цели гражданско-правовой защиты (правопризнание, предупреждение, пресечение, устранение отрицательных последствий правонарушения, восстановление нарушенных прав, первоначального положения, двусторонняя или односторонняя реституция, компенсация понесенных потерь и т. д.) [1].

Переходя к обозначению и рассмотрению проблемы определения критериев пределов публичного экономического интереса в коммерческой сделке, обратимся прежде всего к технологии ее заключения.

Первостепенное значение в такой технологии имеет поиск и выбор партнера (организации или индивидуального предпринимателя).

Важным и основополагающим обстоятельством служит также вопрос государственной регистрации юридического лица или предпринимателя, фактически осуществляющего коммерческую деятельность. Многочисленная судебная практика указывает на исключение формального подхода к указанному первому этапу, изучение не только рынка товаров, работ и услуг, но и фактическое осуществление предпринимательской деятельности организации.

Как абсолютно верно отмечает А.Н. Левушкин, «правовой институт государственной регистрации юридических лиц имеет важное значение для осуществления предпринимательской деятельности на территории РФ и осуществления контроля за ней со стороны государства, а также обеспечения определенной безопасности лиц, участвующих в предпринимательской деятельности, то есть является своеобразным механизмом, средством обеспечения публичных и частных интересов» [9].

При этом баланс подразумевает равновесие, интерес же определяет пожелания и победительный мотив действий субъектов [2, с. 52].

Вторым этапом технологии является изучение контракта (коммерческой сделки), позволяющее сделать вывод и определить легитимность коммерческой сделки.

Противоречивым в этом контексте видится вопрос применения критерия в межотраслевых связях гражданского и финансового права по оценке коммерческого договора, особенно его существенных условий.

Как правило, такие противоречия, заложенные прежде всего в Налоговом кодексе РФ, по результатам налогового контроля находят отражение в судебных решениях.

На данном этапе правильным, по нашему мнению, может стать либо выработка и закрепление критериев оценки в нормах финансового или налогового права, либо применение к коммерческим сделкам норм 169, 170 ГК РФ, но с учетом особенностей защиты диспозитивных прав сторон в сделке.

Соответственно, для обсуждения предлагается критерий финансового и налогово-

го права – имитация коммерческого договора, который ясно отображает и включает в себя формальное наличие договора, но без экономических последствий, при том что требования ГК РФ к заключению сделки не нарушены.

Заключительным, третьим этапом предлагается рассмотреть вопрос исполнения коммерческого договора, в котором применим критерий «реальность последствий сделки» [12]. Именно *реальность последствий сделки*, так как в данном случае мы затрагиваем не статичные особенности сделки, а процедуру ее фактического исполнения – от намерения заключить на определенных условиях до факта изменения гражданских прав.

Основной проблемой, обозначенной в статье для разрешения, является вопрос баланса публичного и частного интереса в предпринимательской сделке, отграничение влияния публичного интереса, то есть государственной оценки коммерческой сделки.

Разрешением проблемы, по нашему мнению, является применение указанных выше критериев оценки синтеза публичного интереса в коммерческой сделке.

В качестве таковых критериев предлагаются:

- деловая (экономическая) цель в рамках оцениваемой коммерческой сделки с использованием межотраслевых критериев;
- имитация коммерческой сделки посредством применения формального документооборота без наличия возможностей для ее исполнения;
- реальность последствий коммерческой сделки.

Выводы

Подводя промежуточный итог по выбранной теме исследования, считаем важным раскрыть каждый из предложенных критериев, а именно:

- деловая (экономическая) цель в рамках оцениваемой коммерческой сделки применяется только с учетом анализа и выводов целей и хозяйственных возможностей сторон коммерческой сделки;
- являясь критерием предела синтеза публичного экономического интереса, деловая

цель сделки представляет собой инструмент защиты сторон договора;

– имитация коммерческой сделки (путем применения формального документооборота без наличия возможностей для ее исполнения) по своей правовой сути заменяет в публичных правоотношениях недействительную или ничтожную сделку. Применение такого критерия позволяет дать правовую оценку коммерческой сделке в случае нарушения субъектами сделки публичного экономического интереса.

Критерий «реальность последствий коммерческой сделки» позволяет перейти из плоскости регулирования в статике в плоскость процедуры ее фактического исполнения.

Допустимо, в определенных случаях, одновременное применение всех трех критериев оценки синтеза публичного экономического интереса в коммерческой сделке, что позволит разграничить правоприменение по отраслям права.

К примеру, предлагаем рассмотреть ст. 54.1 НК РФ [10], в которой государство оценивает коммерческую сделку при отсутствии критериев такой оценки в финансовом и налоговом праве, гражданском законодательстве.

Так, своим решением налоговый орган привлекает налогоплательщика к налоговой ответственности, применяя ст. 54.1 НК РФ [10] и оценивая коммерческую сделку критериями гражданского права, что, по нашему мнению, является ошибочным.

Для разрешения существующей проблемы предлагаем применить вышеперечисленные критерии, в результате чего налоговым органом при оценке деловой (экономической) цели коммерческой сделки могут быть использованы абстрактные критерии – экономический эффект от заключения и исполнения сделки, гражданская и правовая возможность для заключения такой сделки (гражданская – возможность исполнения через трудовые ресурсы, производственные и финансовые активы и т. д.).

Между тем нельзя не учитывать экономический критерий «деловая цель коммерческой сделки», который проявляется в виде экономической прибыли, хотя, может быть, и не экономической, например: наработка имиджа,

формирование бренда и статуса, оценить которые в числовом экономическом смысле невозможно.

Имитация коммерческой сделки как критерий глубины синтеза публичного экономического интереса представляет применение сторонами сделки формального документооборота без наличия возможностей для ее исполнения. Действительно, неоспорим факт законодательного закрепления предлагаемого критерия для однозначного правоприменения в межотраслевых связях гражданского и финансового права.

Итогом данного исследования доказывається необходимость выработки критериев предела публичного экономического интереса в коммерческой сделке, обосновывается концепция, создающая теоретическую основу для разрешения практической проблемы защиты публичного экономического интереса в сделке.

Защита публичного экономического интереса в коммерческой сделке является «зеркальной» моделью защиты прав сторон в таковой. Так, инструменты защиты нарушенных прав публичного экономического интереса тождественны инструментам защиты прав при наличии вертикальных отношений сторон в коммерческой сделке. Применение критериев оценки предела синтеза публичного экономического интереса в сделке является первоочередной задачей, при этом не только в материальном, но и в виртуальной действительности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев, Ю. Н. Механизм гражданско-правовой защиты / Ю. Н. Андреев. – М. : Норма : Инфра-М, 2010. – 462 с.
2. Большой юридический энциклопедический словарь / авт. и сост. А. Б. Барихин. – М. : Кн. мир, 2000. – 792 с.
3. Брагинский, М. И. Договорное право: Общие положения / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. – 3-е изд., стер. – Кн. 1. – М. : Статут, 2001. – 848 с.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Гражданское право : учебник. В 3 т. Т. 1 / под ред. А. П. Сергеева. – М. : Велби, 2008. – 1006 с.

6. Гражданское право : учебник. Ч. 1 / под ред. Ю. К. Толстого, А. П. Сергеева. – СПб. : Теис, 1996. – 550 с.

7. Иващенко, А. А. Коммерческие сделки («предпринимательские сделки») и «предпринимательская деятельность»: соотношение понятий / А. А. Иващенко // Общество и право. – 2011. – № 3 (35). – С. 145–148.

8. Коломойцев, Я. А. Деловая цель сделки как инструмент налогового контроля / Я. А. Коломойцев // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. – 2014. – № 3. – С. 49–56.

9. Левушкин, А. Н. Совершенствование правового регулирования государственной регистрации юридических лиц: проблемы обеспечения баланса публичного и частного интереса / А. Н. Левушкин // Журнал предпринимательского и корпоративного права. – 2017. – № 3 (7). – С. 39–42.

10. Налоговый кодекс РФ от 31 июля 1998 года № 146-ФЗ : в ред. от 20.07.2020 (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2020) – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Никитина, Н. А. Публичные экономические интересы: понятие, система, механизмы их реализации / Н. А. Никитина // Вопросы экономики и права. – 2013. – № 3. – С. 24–29.

12. Фархутдинов, Р. Д. Реальность последствий сделки как межотраслевой институт гражданского права / Р. Д. Фархутдинов // Арбитражный и гражданский процесс. – 2017. – № 3. – С. 43–46.

REFERENCES

1. Andreev Yu.N. *Mekhanizm grazhdansko-pravovoy zashchity* [Mechanism of Civil Protection]. Moscow, Norma, Infra-M Publ., 2010. 462 p.
2. Barikhin A.B. *Bolshoy yuridicheskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Big Legal Encyclopedia]. Moscow, Knizhnyy mir Publ., 2000. 792 p.
3. Braginsky M.I., Vitryansky V.V. *Dogovornoe pravo: Obshchie polozheniya* [Contract Law. General provisions. Book one]. Moscow, Statut Publ., 2001. 848 p.
4. *Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ* [The Civil Code of the Russian Federation (part one) of 30.11.1994 no. 51-FZ]. Access from the Referemce Legal System 'KonsultantPlyus'.
5. Sergeev A.P. *Grazhdanskoe pravo : uchebnik. V 3 t. T. 1* [Civil law: textbook. In 3 vols. Vol. 1]. Moscow, Velbi Publ., 2008. 1006 p.
6. Tolstoy Yu.K., Sergeev A.P. *Grazhdanskoe pravo: uchebnik. Ch. 1* [Civil law: textbook. Part 1]. Saint Petersburg, Teis Publ., 1996. 550 p.
7. Ivashchenko A.A. *Kommercheskie sdelki («predprinimatelskie sdelki») i «predprinimatelskaya*

deyatelnost»: sootnoshenie ponyatiy [Commercial Transactions (“business transactions”) and “business activity”]: Correlation of Concepts]. *Obshchestvo i pravo* [Society and Law], 2011, no. 3 (35), pp. 145-148.

8. Kolomoitsev Ya.A. Delovaya tsel sdelki kak instrument nalogovogo kontrolya [Business Purpose of the Transaction as a Tax Control Tool]. *Vestnik Rossiyskogo ekonomicheskogo universiteta im. G.V. Plekhanova* [Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics], 2014, no. 3, pp. 49-56.

9. Levushkin A.N. Sovershenstvovanie pravovogo regulirovaniya gosudarstvennoy registratsii yuridicheskikh lits: problemy obespecheniya balansa publichnogo i chastnogo interesa [Improving the Legal Regulation of State Registration of Legal Entities: Problems of Ensuring the Balance of Public and Private Interest]. *Zhurnal predprinimatelskogo i korporativnogo prava*

[Journal of Business and Corporate Law], 2017, no. 3 (7), pp. 39-42

10. *Nalogovyy kodeks RF ot 31 iyulya 1998 goda № 146-FZ: v red. ot 20.07.2020 (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.10.2020)* [The tax code of the Russian Federation of 31 July 1998 N 146-FZ]. Access from the Reference Legal System ‘KonsultantPlyus’.

11. Nikitina N.A. Publichnye ekonomicheskie interesy: ponyatie, sistema, mekhanizmy ikh realizatsii [Public Economic Interests: Concept, System, Mechanisms of Their Implementation]. *Voprosy ekonomiki i prava* [Economics and Law], 2013, no. 3, pp. 24-29.

12. Farkhutdinov R.D. Realnost posledstviy sdelki kak mezhotraslevoy institut grazhdanskogo prava [The Reality of the Consequences of the Transaction as an Intersectoral Institute of Civil Law]. *Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess* [Arbitration and Civil Procedure], 2017, no. 3, pp. 43-46.

Information About the Author

Ruslan D. Farkhutdinov, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of State and Legal Disciplines, Russian State University of Justice (Kazan Branch), 2-ya Azinskaya St, 7a, 420088 Kazan, Russian Federation, r77farhutdinof@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7138-6161>

Информация об авторе

Руслан Дамирович Фархутдинов, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Казанский филиал Российского государственного университета правосудия, ул. 2-я Азинская, 7а, 420088 г. Казань, Российская Федерация, r77farhutdinof@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7138-6161>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.4.10>

UDC 342.8

LBC 67.400.5

Submitted: 06.11.2020

Accepted: 25.11.2020

TERMS IN ELECTORAL LAW THROUGH THE PRISM OF THE CONCEPT OF BALANCE OF THE CONSTITUTIONAL REGULATION OF ELECTORAL RELATIONS

Ekaterina M. Yakimova

Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation

Introduction: the concept of terms in electoral law is an established system of views on the procedural aspects of the implementation of electoral legal relations. However, certain aspects of electoral terms have been and will continue to be changed in order to improve the electoral process. The **purpose** of the work is to identify the substantial factors that influence the transformation of electoral terms. **Methods:** in the course of the research, both general scientific and special methods of cognition of social and legal phenomena (the formal legal method and the circular causality method) were used. **Results:** the reasons for the transformation of electoral terms under the influence of the implementation of the concept of balance of the constitutional regulation, which in this case has a transformative effect on the electoral legal relations, are revealed. **Conclusions:** the search for a balance between the need to form the public authorities and modern realities, which do not always allow for the effective organization of the electoral process, will be accompanied by the transformation of the legally established concept of electoral terms implemented in modern Russia.

Key words: elections, electoral law, electoral legal relations, balance, terms.

Citation. Yakimova E.M. Terms in Electoral Law Through the Prism of the Concept of Balance of the Constitutional Regulation of Electoral Relations. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2020, vol. 19, no. 4, pp. 75-79. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.4.10>

УДК 342.8

ББК 67.400.5

Дата поступления статьи: 06.11.2020

Дата принятия статьи: 25.11.2020

СРОКИ В ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРАВЕ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КОНЦЕПЦИИ РАВНОВЕСИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Екатерина Михайловна Якимова

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Введение: концепция сроков в избирательном праве является сложившейся системой взглядов на процедурные аспекты реализации избирательных правоотношений. Вместе с тем отдельные проявления избирательных сроков подвергались и будут подвергаться изменениям в целях совершенствования избирательного процесса. **Целью** работы является выявление субстанциональных факторов, оказывающих воздействие на трансформацию избирательных сроков. **Методы:** в процессе исследования получили применение как общенаучные, так и специальные методы познания социально-правовых явлений (формально-юридический метод, метод круговой причинности). **Результаты:** выявлены причины трансформации избирательных сроков под влиянием реализации концепции равновесия конституционного регулирования, в данном случае имеющей преобразовательное воздействие на избирательные правоотношения. **Выводы:** поиски баланса между необходимостью формирования органов публичной власти и современными реалиями, не всегда позволяющими эффективно организовать избирательный процесс, будут сопровождаться трансформацией легально закрепленной концепции избирательных сроков, реализуемой в современной России.

Ключевые слова: выборы, избирательное право, избирательные правоотношения, равновесие, сроки.

Цитирование. Якимова Е. М. Сроки в избирательном праве через призму концепции равновесия конституционного регулирования избирательных правоотношений // *Legal Concept = Правовая парадигма.* – 2020. – Т. 19, № 4. – С. 75–79. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.4.10>

Введение

Выбор того или иного варианта правового регулирования различных видов правоотношений зависит от множества факторов. Стоит учитывать, что значительное влияние на композицию правового пространства оказывает достижение цели обеспечения равновесия внутри интаэросистемы [8] «человек – общество – государство» посредством обеспечения равновесия системы правового регулирования, под которым можно понимать комплекс воздействующих на общественную систему сходящихся сил с целью обеспечения устойчивого ее развития с использованием средств правового регулирования [12].

Значение темпоральной составляющей избирательного процесса

Значение сроков в избирательном праве не стоит недооценивать, поскольку в концепции сроков находит, как представляется, отражение вся избирательная система конкретного государства (в настоящей работе избирательная система понимается в широком смысле как система общественных отношений, связанных с формированием органов публичной власти, охватывающая вопросы определения круга избирателей и инфраструктуры выборов, отношений на каждой стадии избирательного процесса [4, с. 104]), дается ответ на вопрос о базовых установках организации и проведении выборов.

Аналізу сроков в избирательном праве посвящены работы О.Ю. Евсеевой [1], В.В. Игнатенко [3], С.Д. Князева [5], Е.М. Коровина [6], С.Н. Слободчиковой [10] и других исследователей. Авторы признают важность сроков для всей избирательной системы, а не только избирательного процесса, с чем сложно не согласиться.

Избирательные сроки могут быть подвергнуты обобщению, однако следует учитывать, что они вписаны в избирательную систему конкретного государства, только совместное исследование сроков и иных способов

поддержания равновесия правового регулирования избирательных правоотношений позволяет сделать достоверные выводы о том, как сроки влияют на избирательную систему и как избирательная система влияет на сроки.

Срок процессуальной деятельности является, помимо субъектного состава, цели и задач, действий, процессуальных документов, одной из субстанциональных характеристик стадии любого процесса. Несмотря на то что большинство сроков не являются пресекательными, они служат ориентиром для участников процесса и характеризуют значение процессуальных действий на конкретной стадии определенной правовой деятельности. Чрезмерная растянутость сроков вызывает снижение эффективности процессуальных действий конкретной стадии и процессуальной активности в целом, следовательно установление сроков стадий определенной деятельности и контроль за их соблюдением являются условием реализации целей такой деятельности. Для избирательного процесса соблюдение сроков особенно важно в связи с тем, что, если формирование органа публичной власти связано с проведением выборов, нарушение сроков вызовет невозможность обеспечения государственно-управленческой функции [9], а следовательно, нарушит равновесное состояние общественной и государственной системы.

Избирательный процесс за весь период использования выборов как способа формирования органа публичной власти, а также занятия отдельных публичных должностей эволюционировал. В полной мере данное утверждение относится и к выборам. Причиной тому стал технический прогресс (сокращение времени доставки бюллетеней по участкам, получение информации о результатах выборов с участков и их обобщение). Ярким примером являются выборы Президента США, когда технические ограничения сыграли значительную роль в использовании института выборщиков. В настоящее время данная проблема устарела, и неизменность избирательной системы связана уже с иными факторами.

Избирательные сроки: трансформация и ее причины

Продолжительность избирательной кампании на выборах в различные органы публичной власти или занятия отдельных публичных должностей может изменяться, что связано как с развитием информационных систем, формированием устоявшейся партийной системы, так и с трансформацией избирательной системы. К примеру, Федеральный закон от 17 мая 1995 г. № 76-ФЗ «О выборах Президента РФ» предусматривал срок избирательной кампании в 214 дней, а Федеральный закон от 10 января 2003 г. № 19-ФЗ «О выборах Президента РФ» – 90 дней; Федеральный закон от 21 июня 1995 г. № 90-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ» устанавливал срок кампании в 153 дня, Федеральный закон от 22 февраля 2014 г. № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ» – 90 дней (расчет проведен Е.М. Коровиным, см.: [7, с. 215–216]). Причем не прослеживается тенденция постоянного сокращения срока избирательной кампании. Например, Федеральный закон от 31 декабря 1999 г. № 228-ФЗ «О выборах Президента РФ» в различных редакциях устанавливал разные сроки избирательной кампании: редакция 2003 г. – 80 дней, 2004 г. – 94 дня, 2008 г. – 95 дней, 2012 г. – 100 дней, 2014 г. – 90 дней. Таким образом, примерно девяностодневный срок оказался равновесным, позволил сочетать различные функции избирательного процесса с оптимальными временными затратами.

Уменьшение сроков предвыборной агитации также является показателем того, что выборы приобретают технический характер, но это необязательно говорит о незаинтересованности граждан в процессе получения информации о кандидатах, а скорее, о достижении равновесия избирательной системы и готовности решать те же задачи за меньший срок с использованием более действенных сроков донесения информации до избирателей.

Среди факторов, способствующих трансформации избирательных сроков, стоит отметить и формирование партийных систем. В настоящее время короткие сроки избирательных кампаний (в Великобритании –

20 дней, в Японии – 12–17) свойственны преимущественно государствам с устоявшейся партийной системой, когда граждане сформировали свои политические убеждения или имеют четкое представление о программе основных претендентов на распределение мест в представительном органе или кандидате на замещение публичной должности. Появление на политической арене новых игроков, способных получить значительное для формирования сильной фракции число голосов (например, Шотландская националистическая партия в Великобритании), вносит коррективы в состав представительного органа, но не оказывает влияние на саму партийную, а вместе с ней избирательную систему.

В современной России проводится интересный эксперимент, наглядно показывающий, что изменение избирательных сроков может повлечь глубокую трансформацию всей избирательной системы: увеличение периода голосования с одного до нескольких дней привело к актуализации вопроса об изменении сроков предвыборной агитации.

В сентябре 2020 г. в Российской Федерации стадия голосования была увеличена до трех дней. Однозначную положительную оценку данному новшеству дать достаточно сложно, поскольку цель «разгрузить» воскресенье достигнута не была: избиратели преимущественно голосовали в воскресный день (например, в Иркутской области на досрочных выборах губернатора явка 11 сентября составила 8,1 %, 12 сентября – 7,89 %, 13 сентября – 16,61 % при итоговом показателе в 32,6 %, в Ленинградской области на досрочных выборах губернатора явка 11 сентября составила 15,45 %, 12 сентября – 12,84 %, 13 сентября – 23,23 % при итоговом показателе 51,52 %, однако есть и исключения: в Еврейской автономной области на выборах губернатора явка 11 сентября составила 32,5 %, 12 сентября – 25,39 %, 13 сентября – 15,13 % при итоговом показателе в 73,02 %) [2]. Кроме того, стоит учитывать, что усложнилась процедура обеспечения прозрачности выборов с точки зрения недопущения совершения противоправных деяний.

Изменение сроков голосования повлекло возникновение накладок на стадиях предвыборной агитации и голосования. Однако такое наложение позволило взглянуть по-другому на

«день тишины» и перенести из научных дискуссий в сферу обсуждения законодателями и правоприменителями вопрос о его трансформации, который, как представляется, давно назрел.

Призывы скорректировать сроки предвыборной агитации давно высказываются юридическим сообществом. В частности, С.Н. Слободчикова утверждает: в соответствующем законодательстве следует указать, что агитационный период, предвыборная агитация «прекращается в ноль часов по местному времени дня, следующего за днем голосования» [11, с. 15]. В качестве обоснования исследователь отмечает, что современная реальность априори не позволяет «создать информационный вакуум. Большинство агитационных материалов сохраняются ко дню голосования и продолжают в определенной степени воздействовать на электоральный выбор. К примеру... листовки, плакаты и иные печатные агитационные материалы, размещенные на рекламных конструкциях или иных стабильно размещенных объектах, могут сохраняться в день голосования. В свою очередь, в условиях организации социальных взаимоотношений в сети Интернет вообще не представляется возможным остановить весь оборот агитационных материалов ко “дню тишины”. Следовательно, положения законодательных актов Российской Федерации, запрещающих предвыборную агитацию в указанный период, не реализуются и требуют внесения соответствующих изменений» [11, с. 124]. Из положений диссертационного исследования С.Н. Слободчиковой прослеживается мысль, что «день тишины» в полном объеме нецелесообразно отменять, поскольку его элементы в реальном мире способствуют поддержанию режима минимизации давления информационного поля на волю избирателей. Вместе с тем инициативы по проведению трехдневного голосования ставят вопрос об изменении подхода к необходимости соблюдения «дня тишины» и его существованию со стороны законодателя, поскольку голосование проводится в пятницу, когда «день тишины» еще не наступил.

Выводы

Таким образом, сроки в избирательном праве не произвольны, они дополняют изби-

рательную систему и могут выступать фактором ее изменения (например, сокращение сроков избирательной кампании влечет за собой трансформацию работы партий с населением, что приводит к изменениям структуры самих партий). Стремление обеспечить сбалансированность избирательной системы является краеугольным камнем ее построения и функционирования, что реализуется и в установленных сроках осуществления процессуальных действий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Евсеева, О. Ю. Сроки в избирательном праве Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Евсеева Ольга Юрьевна. – М., 2012. – 22 с.
2. Единый день голосования 13 сентября 2020 года // ЦИК Российской Федерации. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://cikrf.ru/analog/ediny-den-golosovaniya-2020/kategorii-viborov/> (дата обращения: 05.11.2020). – Загл. с экрана.
3. Игнатенко, В. В. Электоральные сроки в механизме защиты избирательных прав граждан / В. В. Игнатенко // Академический юридический журнал. – 2020. – № 1 (79). – С. 62–66.
4. Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации : учеб. для вузов / отв. ред. А. В. Иванченко. – М. : Норма, 1999. – 856 с.
5. Князев, С. Д. Российское избирательное право : учебник / С. Д. Князев. – Владивосток : Изд-во Дальневосточ. ун-та, 2001. – 448 с.
6. Коровин, Е. М. Порядок и сроки оспаривания итогов голосования и результатов выборов в контексте правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации / Е. М. Коровин // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 7. – С. 12–16.
7. Коровин, Е. М. Электоральные сроки как условие реализации и защиты избирательных прав граждан в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Коровин Евгений Михайлович. – Владивосток, 2019. – 216 с.
8. Крылов, Ю. К. Интаэрология и синергетика / Ю. К. Крылов // Синергетика и методы науки / под ред. М. А. Васина. – СПб. : Наука, 1998. – С. 77–94.
9. Приходько, Т. В. Случаи ограничения прав и свобод человека и гражданина на примере России и Германии: сравнительно-правовой анализ / Т. В. Приходько // Сибирский юридический вестник. – 2012. – № 1. – С. 129–132.

10. Слободчикова, С. Н. Правовая природа сроков в российском избирательном праве / С. Н. Слободчикова // Академический юридический журнал. – 2014. – № 3 (57). – С. 48–54.

11. Слободчикова, С. Н. Свободные выборы как избирательный стандарт (конституционно-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Слободчикова Светлана Николаевна. – Иркутск, 2019. – 219 с.

12. Якимова, Е. М. Концепция равновесия системы конституционного регулирования предпринимательской деятельности : монография / Е. М. Якимова. – М. : Юстицинформ, 2020. – 320 с.

REFERENCES

1. Evseeva O.Ju. *Sroki v izbiratelnom prave Rossiyskoy Federatsii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.02* [Terms in the Electoral Law of the Russian Federation. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Moscow, 2012. 22 p.

2. *Ediny den golosovaniya 13 sentyabrya 2020 goda* [Single Voting Day September 13, 2020]. URL: <http://cikrf.ru/analog/ediny-den-golosovaniya-2020/kategorii-viborov/> (accessed 5 November 2020).

3. Ignatenko V.V. Jelektoralnye sroki v mekhanizme zashchity izbiratelnykh prav grazhdan [Electoral Terms in the Mechanism for Protecting the Electoral Rights of Citizens]. *Akademicheskij yuridicheskij zhurnal* [Academic Law Journal], 2020, no. 1 (79), pp. 62–66.

4. *Izбирательное право и избирательный процесс в Rossiyskoy Federatsii* [Electoral Law and the Electoral Process in the Russian Federation: A Textbook for Universities]. Moscow, Norma Publ., 1999. 856 p.

5. Knjazev S.D. *Rossiyskoei zbiratelnoe pravo* [Russian Electoral Law]. Vladivostok, Far Eastern University Publishing house, 2001. 448 p.

6. Korovin E.M. Poryadok i sroki osparivaniya itogov golosovaniya i rezultatov vyborov v kontekste

pravovykh pozitsiy Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii [Procedure and Deadlines for Challenging the Results of Voting and Election Results in the Context of the Legal Positions of the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo* [Constitutional and Municipal Law], 2015, no. 7, pp. 12–16.

7. Korovin E.M. *Jelektoralnye sroki kak uslovie realizatsii i zashchity izbiratelnykh prav grazhdan v Rossiyskoy Federatsii: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.02* [Electoral Deadlines as a Condition for the Realization and Protection of Electoral Rights of Citizens in the Russian Federation. Cand. jurid. sci. diss.]. Vladivostok, 2019. 216 p.

8. Krylov Ju.K. Intaerologiya i sinergetika [Intaerology and Synergy]. *Sinergetika i metody nauki* [Synergy and Methodology of Science]. Sankt-Peterburg, Nauka Publ., 1998, pp. 77–94.

9. Prikhodko T.V. Sluchai ogranicheniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina na primere Rossii i Germanii: sravnitelno-pravovoy analiz [Cases of Restriction of Human and Civil Rights and Freedoms on the Example of Russia and Germany: Comparative Legal Analysis]. *Sibirskiy yuridicheskij vestnik* [Siberian Law Bulletin], 2012, no. 1, pp. 129–132.

10. Slobodchikova S.N. Pravovaya priroda srokov v rossiyskom izbiratelnom prave [The Legal Nature of Deadlines in Russian Electoral Law]. *Akademicheskij yuridicheskij zhurnal* [Academic Law Journal], 2014, no. 3 (57), pp. 48–54.

11. Slobodchikova S.N. *Svobodnye vybory kak izbiratelnyy standart (konstitutsionno-pravovoe issledovanie): dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.02* [Free Elections as an Electoral Standard (Constitutional and Legal Study). Cand. jurid. sci. diss.]. Irkutsk, 2019. 219 p.

12. Jakimova E.M. *Kontseptsiya ravnovesiya sistemy konstitutsionnogo regulirovaniya predprinimatelskoy deyatel'nosti* [Concept of the Equilibrium of the System of Constitutional Regulation of Entrepreneurial Activity]. Moscow, Justicinform Publ., 2020. 320 p.

Information About the Author

Ekaterina M. Yakimova, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Legal Support of National Security, Baikal State University, Lenina St, 11, 664003 Irkutsk, Russian Federation, yakimova_katerin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2951-4131>

Информация об авторе

Екатерина Михайловна Якимова, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры правового обеспечения национальной безопасности, Байкальский государственный университет, ул. Ленина, 11, 664003 г. Иркутск, Российская Федерация, yakimova_katerin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2951-4131>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.4.11>

UDC 340.11; 340.12
LBC 67.0; 67.1

Submitted: 20.11.2020
Accepted: 08.12.2020

REDRAWING THE BOUNDARIES: R. DVORKIN'S INTERPRETATIVISM IN THE LIGHT OF TRADITIONAL TYPOLOGIES OF LEGAL THEORIZING¹

Sergey N. Kasatkin

Samara Law Institute of the FSIN of Russia, Samara, Russian Federation;
Samara State University of Economics, Samara, Russian Federation

Introduction: the paper is devoted to the interpretative concept of the outstanding American jurist Ronald Dworkin, formulated in his “Law’s Empire” (1986) and a number of other works. The **subject** of the paper is the characteristic of R. Dworkin’s methodological approach. As its basis the author uses the interpretation of a “methodological model” of the thinker, proposed by the Mexican researcher Imer Flores, which is valuable for the effort to relate a (polemical and only partly explicit) approach of the American jurist with the classical criteria system of the typology of legal doctrines. Accordingly, the paper **aims** to identify (using the general scientific and specific scientific **methods**) R. Dworkin’s interpretativism in the context of the basic divisions of legal theories in modern Western (Anglo-American) jurisprudence, as well as to establish the impact of interpretativism on existing legal-theoretical typologies. As a **result**, the paper, first, outlines the key ideas of R. Dworkin’s doctrine, and secondly, examines I. Flores’s interpretation of the content and meaning of the interpretive methodology, thirdly, assesses the validity of such an interpretation with the justification of the status of interpretativism in the system of classical types of legal theorizing and its methodological implications. As a general **conclusion**, the paper argues for the status of R. Dworkin’s doctrine as a private and normative jurisprudence of the “internal point of view”. I. Flores’s thesis about the unification of traditional types of legal theories in interpretativism and transcending the dichotomy between positivism and natural law is disputed. Interpretativism challenges the established system of criteria for differentiating legal theories, rejecting a number of relevant methodological perspectives, primarily a general descriptive and morally neutral theory of law. By defending a necessary connection between law and morality, interpretativism, in fact, legitimizes the claims of natural-law concepts as to a proper explanation of “law as it is”, transferring their long-standing dispute with positivism to a new – methodological – level.

Key words: R. Dworkin, legal interpretativism, hermeneutical theory of law, legal interpretation, types of legal theories, methodology of jurisprudence, legal positivism.

Citation. Kasatkin S.N. Redrawing the Boundaries: R. Dworkin’s Interpretativism in the Light of Traditional Typologies of Legal Theorizing. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2020, vol. 19, no. 4, pp. 80-88. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.4.11>

УДК 340.11; 340.12
ББК 67.0; 67.1

Дата поступления статьи: 20.11.2020
Дата принятия статьи: 08.12.2020

ПЕРЕКРАИВАЯ ГРАНИЦЫ: ИНТЕРПРЕТАТИВИЗМ Р. ДВОРКИНА В СВЕТЕ ТРАДИЦИОННЫХ ТИПОЛОГИЙ ПРАВОВОГО ТЕОРЕТИЗИРОВАНИЯ¹

Сергей Николаевич Касаткин

Самарский юридический институт ФСИН России, г. Самара, Российская Федерация;
Самарский государственный экономический университет, г. Самара, Российская Федерация

Введение: статья посвящена интерпретативной концепции выдающегося американского правоведа Рональда Дворкина, сформулированной им в «Империи права» (1986) и ряде других работ. **Предметом** статьи выступает характеристика методологического подхода Р. Дворкина. В качестве ее основы используется трактовка «методологической модели» мыслителя, предложенная мексиканским исследователем Имером Флоресом, ценная стремлением соотнести (дискуссионный и лишь отчасти эксплицированный) подход

американского правоведа с системой классических критериев типологии правовых учений. Соответственно, **цель** статьи состоит в идентификации (с использованием общенаучных и частнонаучных **методов**) интерпретативизма Р. Дворкина в контексте базовых делений правовых теорий в современной западной (англо-американской) юриспруденции, а также в установлении следствий интерпретативизма для существующих теоретико-правовых типологий. Как **результат**, в работе, во-первых, очерчиваются ключевые идеи доктрины Р. Дворкина; во-вторых, исследуется трактовка содержания и значения интерпретативной методологии, данная И. Флоресом; в-третьих, оценивается состоятельность такой трактовки с обоснованием статуса интерпретативизма в системе классических типов правового теоретизирования и его методологических импликаций. В качестве общих **выводов** в статье аргументируется статус доктрины Р. Дворкина как частной и нормативной юриспруденции «внутренней точки зрения». Оспаривается тезис И. Флореса об объединении в интерпретативизме традиционных типов правовых теорий и преодолении им дихотомии позитивизма и естественного права. Интерпретативизм бросает вызов сложившейся системе критериев дифференциации правовых теорий, отвергая ряд связанных с ней методологических перспектив, прежде всего общую описательную и морально-нейтральную теорию права. Отстаивая необходимую связь права и морали, интерпретативизм, по сути, легитимирует притязания концепций естественно-правового толка на надлежащее объяснение «права как оно есть», переводя их давний спор с позитивизмом на новый – методологический – уровень.

Ключевые слова: Р. Дворкин, юридический интерпретативизм, герменевтическая теория права, юридическое толкование, типы правовых теорий, методология юриспруденции, юридический позитивизм.

Цитирование. Касаткин С. Н. Перекраивая границы: интерпретативизм Р. Дворкина в свете традиционных типологий правового теоретизирования // *Legal Concept = Правовая парадигма.* – 2020. – Т. 19, № 4. – С. 80–88. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.4.11>

Введение

В отечественной литературе воззрения известного американского правоведа Рональда Дворкина, как правило, характеризуются с опорой на его «ранние» труды, прежде всего – книгу «О правах всерьез» (1977) [12]. Тем самым оставляются в стороне более поздние разработки автора, связанные с проектом юридического интерпретативизма и, по сути, выступающие одним из элементов «полюсического ядра» современной англо-американской философии права и теоретической юриспруденции. Не являясь простым переформулированием своих работ 1960–1970-х гг., интерпретативные идеи Р. Дворкина (выраженные им в «Империи права» (1986) [11] и др.) образуют весьма оригинальную и провокационную модель правового теоретизирования – модель, альтернативную классическим доктринам права и традиционной правоведаческой методологии и оказавшую существенное влияние на характер постановки и решения вопросов в современной западной теоретической юриспруденции. В этом плане учет идей Р. Дворкина видится значимым для правовой теории, создаваемой в текущем интеллектуальном контексте и озабоченной состоятельностью и востребованностью своих суждений.

В свете сказанного настоящая статья адресована прежде всего интерпретативной концепции Р. Дворкина и имеет общей целью экспликацию реализуемого им методологического подхода, который не получил системного изложения в «Империи права» и остается дискуссионным в зарубежной мысли. В качестве предметной основы работы используется трактовка «методологической модели» Р. Дворкина, предложенная известным мексиканским правоведам Имером Флоресом [14], ценная стремлением автора соотнести интерпретативизм с системой классических критериев типологии правовых учений. Соответственно, статья будет структурно включать, во-первых, очерк основных идей интерпретативизма Р. Дворкина, во-вторых, квалификацию И. Флоресом интерпретативной методологии Р. Дворкина и ее следствий для (англо-американской) правовой мысли, в-третьих – оценку обоснованности такой квалификации.

Интерпретативизм Р. Дворкина: основные позиции

Интерпретативная доктрина Рональда Дворкина, как она представлена в его фундаментальном труде «Империя права», включает целый ряд идей положительного и критического плана разной степени общности. Его наи-

более важные позиции, соотносящие интерпретативизм с классическими концепциями права, можно изложить следующим образом.

Прежде всего Р. Дворкин ассоциирует право не с предзаданными историческими («простыми») фактами – официальными решениями и стандартами, а с системой практик обоснования правовых суждений. По мысли автора, юридическая практика носит прежде всего аргументативный (немеханический, нормативный, институциональный) характер, когда истинность или ложность правовых суждений, как и любых правил в системе, задается самой этой практикой, ее общим смыслом [11, р. 13]. В свою очередь, смысл юридической практики (в отличие от высказываний отдельных ее участников) можно постичь лишь через «конструктивное толкование», связанное с целями / решениями не автора, а интерпретатора и предполагающее «наложение» цели на объект с тем, чтобы представить его наилучшим примером соответствующей формы или жанра [11, р. 52].

Как следствие, настаивает Р. Дворкин, любые правовые суждения не являются чисто описательными или оценочными в отношении права (его истории), но носят комплексный – интерпретативный – характер [7, р. 147]. Отсюда, с одной стороны, судья, разрешающий дело, должен как установить общий смысл прежних решений, так и найти наилучший вариант их применения [7, ch. 5; 9, ch. 7]. С другой стороны, теоретик права, чтобы постичь смысл юридической практики, должен принять в ней участие, вовлекаясь в ее конструктивное истолкование и представляя право в наилучшем свете. Суждения теоретика и практика по природе едины, а теория права выступает общей интерпретативной основой любого юридического решения / вывода [11, р. 90].

На этой основе Р. Дворкин продвигает свою идею «права как целостности». Таковая предполагает, во-первых, обусловленность прав и обязанностей не только прошлыми юридическими решениями, но и лежащими в их основе принципами личной и политической морали [11, р. 96]; во-вторых, сочетание двух принципов «политической целостности»: законодательного принципа, призывающего законодателя к созданию морально непротиворе-

чивой совокупности норм, и судебного принципа, предписывающего рассматривать право таким непротиворечивым образом [11, р. 176]; в-третьих, неприятие трактовок правовых суждений как ретроспективных отчетов «конвенционализма» (позитивизма) либо проспективных инструментальных программ «прагматизма» (реализма, экономического анализа права и т. п.), но их понимание как интерпретативных утверждений, которые включают оба таких элемента и толкуют юридическую практику как «разворачивающееся политическое повествование»: «право как целостность» отвергает бесполезный древний вопрос – находят ли судьи право или изобретают его, «мы понимаем правовое рассуждение... лишь постигая смысл, в котором судьи делают и то, и другое, и одновременно не делают ни того, ни другого» [11, р. 225].

«Методологическая модель»

интерпретативизма: взгляд И. Флореса

Как отмечалось, в трудах Р. Дворкина фиксируются лишь некоторые черты его методологического подхода, что обуславливает ценность системной экспликации последнего для лучшего понимания интерпретативизма и его вклада в юриспруденцию. В связи с этим представляется интересным опыт решения данной задачи известным мексиканским правоведом, профессором национального автономного университета Мехико Имером Флоресом.

Подходя к анализу «методологической модели» интерпретативизма, И. Флорес обращается к традиционным типологиям правовых теорий, принятым в западной (англо-американской) юриспруденции [2, гл. 1, § 1; 3, р. 1071; 4, § 21–29; 6, ch. 1–2; 15, р. 239]. В числе исходных ученых называет, во-первых, деление правовых теорий на *общие* и *частные* (если первые адресованы тому, что присуще всем правовым системам или культурам, то вторые – специфике конкретных систем или культур); во-вторых, деление теорий на *описательные* / *объяснительные* и *нормативные* / *оправдательные* (если первые отвечают на вопросы о том, что есть право, вопросы о фактах, то вторые – на вопросы о том, чем должно быть право, вопросы о ценностях). На этой основе

автор выстраивает систему координат (см. таблицу), в рамках которой возможно определение правовых учений по двум названным параметрам: 1 – общие описательные, 2 – общие нормативные, 3 – частные описательные и 4 – частные нормативные. Кроме того, здесь допускается создание более сложных теоретических комплексов (например, включающих переход от прояснения общих черт правовых систем или особенностей конкретной культуры (1 и 3) к их критике (2 и 4) [4, § 21–29]) и даже объединение всех методологических перспектив (1–4) [14, р. 167–170].

Сосредоточиваясь на отношениях теорий 1-го и 2-го типа, И. Флорес отмечает, с одной стороны, традиционное принятие нормативной / оправдательной позиции классическим юснатурализмом (полагающим, что нормативное исчерпывает содержание и природу права или что право сводимо к прескриптивному: «несправедливый закон законом не является»), с другой стороны – чисто описательное кредо позитивизма Джона Остина, Ганса Кельзена, Герберта Харта (нацеленного на объяснение «права, как оно есть» в противовес оправданию «права, каким оно должно быть») [14, р. 168–170]. Помимо этого, И. Флорес выделяет по вопросу и ряд более детальных позиций [14, р. 170–172]:

– признание независимости теорий 1-го и 2-го типа, а также строгая приверженность первому из них с допущением о моральном, а не правовом характере нормативного / оправдывающего измерения, а также возможности морально нейтрального или «косвенно оценочного» статуса теории права (жесткий / исключаящий позитивизм) [6; 18];

– допущение контингентных отношений теорий 1-го и 2-го типа при подчинении второго типа первому на основе того, что именно право включает отсылки к морали, а значит и его теория сводима к чисто понятийному анализу без нормативных или оправдательных целей (мягкий / включающий позитивизм) [5; 16];

– признание возможности и даже необходимости соединения 1-го и 2-го типа правовых теорий (нормативный позитивизм) [19; 20];

– соединение теорий 1-го и 2-го типа по максиме «несправедливый закон – закон действительный, но извращенный» («слабая» теория естественного права) [13].

Идентифицируя в этом контексте «методологическую модель» Рональда Дворкина, И. Флорес определяет его подход как: а) конструктивный, б) интерпретативный (аргументативный), в) оценочный и г) интегративный.

А. Конструктивность. По мысли ученого, начиная с рецензии на «Теорию справедливости» Джона Ролза (1973) [12, ch. 6] Р. Дворкин придерживается «конструктивной модели» философствования. Если «естественная модель» презюмирует описание открываемой людьми объективной моральной реальности, воссоздающее базовые принципы путем соединения в верном порядке конкретных суждений (как палеонтолог воссоздает животное по найденным костям), то «конструктивная модель» рассматривает интуиции справедливости как предполагаемые особенности формулируемой общей теории (подобно скульптору, вырезающему животное, наиболее подходящее к случайному набору костей). Такая модель презюмирует не объективные принципы справедливости, а скорее, ответственность людей (или должностных лиц) за сведение конкретных суждений, лежащих в основе их действий, в единую согласованную программу [12, р. 160; 14, р. 173–174].

Б. Интерпретативность. Согласно И. Флоресу, начиная с полемики со Стенли Фишем Р. Дворкин оценивает свой подход как конструктивный и отчасти творческий, при этом интерпретативный, а не изобретательный. Полагая право «интерпретативным понятием», постижимым лишь через «конструктивное толкование» практики, Р. Дворкин, с одной стороны, оспаривает «семантические теории» (прежде всего позитивизм), трактующие право как «критериальное понятие» или

Система правовых теорий

	Описательные / объяснительные	Нормативные / оправдательные
Общие	1	2
Частные	3	4

«понятие естественного вида» с необходимым и достаточными признаками [9, p. 158–163; 10, p. 10–12; 11, p. 31–96]. С другой стороны, он, во-первых, определяет конструктивное толкование как «наложение цели на объект или практику с тем, чтобы представить их наилучшим примером формы или жанра, к которому, как считается, они относятся» – а это требует нахождения «равновесия» юридической практики и ее наилучшего оправдания, что, по И. Флоресу, означает «аргументативный» характер подхода Р. Дворкина [14, p. 175]. Во-вторых, он выделяет три стадии конструктивного толкования: доинтерпретативную стадию, где устанавливаются правила и стандарты, которые обеспечивают предварительное содержание практики, интерпретативную стадию, на которой толкователь определяется с общим обоснованием выявленных ранее главных элементов практики, и постинтерпретативную, или реформирующую, стадию, на которой он правит свое понимание «действительных» требований практики так, чтобы оно лучше служило обоснованию, принятому на интерпретативной стадии [11, p. 66]. В-третьих, правовед настаивает на том, что природа подобного рассуждения скорее интерпретативна, чем изобретательна: обоснованию не нужно соответствовать каждому аспекту / особенности существующей практики – соответствие должно быть «достаточным, чтобы толкователь мог видеть, что он толкует практику, а не изобретает новую» [11, p. 66; 14, p. 174–176].

В. *Оценочность*. По И. Флоресу: хотя, на первый взгляд, Р. Дворкин, формулируя идею права как толкования (1982) [7, ch. 5], принижает значение оценки и описания в пользу интерпретации, в итоге становится ясно, что он придерживается морального прочтения практики, требующего отсылок к ценности и даже объективных ценностных суждений. Р. Дворкин, с одной стороны, утверждает: правовые суждения не просто описательны в отношении истории права или оценочны в каком-то оторванном от нее смысле – они «толкуют историю права, сочетая элементы описания и оценки, но отличаясь от обоих из них» [7, p. 147]. С другой стороны, на примере феномена «учтивости» он раскрывает двухэлементность «интерпретативной установки». Первый элемент – это допущение, что прак-

тика учтивости «не просто существует, но имеет ценность, служит определенному интересу, цели, реализует определенный принцип, – короче, что она имеет определенный смысл, – которые можно констатировать независимо от простого описания правил, составляющих эту практику» [11, p. 47]. Второй – это последующее допущение, что требования учтивости не являются необходимо или исключительно тем, чем, как считалось, они были всегда, но «чувствительны к ее смыслу, так что строгие правила должны пониматься, применяться, расширяться, изменяться или ограничиваться этим смыслом». По мере утверждения интерпретативной установки институт учтивости перестает быть механическим («слепым почитанием рунического порядка»): люди начинают стремиться «придать данному институту значение – увидеть его в наилучшем свете – а затем перестроить его в свете этого значения» [11, p. 47; 14, p. 176–177].

Г. *Интегративность*. Согласно И. Флоресу, если в «Империи права» Р. Дворкин строит концепцию «права как целостности» на идеях непротиворечивости и соответствия [11, ch. 7; 14, p. 177–178], то далее он выходит на более фундаментальный уровень, критикуя общую идею обособленности ценностей – «архимедову» юриспруденцию и эпистемологию: он заявляет интегративную концепцию ценностей (тезис их единства), по которой каждая из них находит место в более общей, интерпретативной и взаимозависимой сети убеждений [9, p. 1, 14–19, 100; 10, p. 158–168]. Таким образом, право в итоге мыслится Р. Дворкиным уже как «политическое понятие» или «раздел политической морали», что смещает акценты с вопроса о взаимодействии права и морали как отдельных систем к вопросу о том, как выделять понятие права, чтобы показать его в качестве особой части понятия морали [9, p. 402–405; 14, p. 177–181].

В итоге, как резюмирует И. Флорес, Р. Дворкин формулирует оригинальную и влиятельную концепцию права с самобытной методологией. Эта концепция размывает границы не только между созданием и применением права, законотворчеством и судом, теорией и практикой, но и между классическими типами правовых доктрин, интегрируя различные (общие и частные, описательные и норматив-

ные) методологические возможности в более сложную теоретико-правовую и общеправовую рамку. Таким образом, она оспаривает не только теорию, но и саму методологию позитивизма как общего описательного и морально-нейтрального учения о праве, а также преодолевает давнюю дихотомию позитивизма и естественного права [14, p. 159–162, 172].

Интерпретативизм как правовая теория: идентификация и следствия

Анализ Имера Флореса фиксирует значимые особенности методологии Рональда Дворкина, а также связанную с ней проблематизацию классических делений правового теоретизирования. Однако, во-первых, выделяемые ученым черты интерпретативизма даются «списком», без анализа их взаимоотношений и указания их содержательной основы, порождающей размывание и объединение традиционных методологических позиций. Во-вторых, выделенные черты не соотносятся с классическими типами правовых доктрин (не говоря о молчании И. Флореса по значимому делению перспектив «участника» и «наблюдателя»), не позволяя четко вписать интерпретативизм в сложившуюся систему правовых теорий. В-третьих, рассмотрение концепции Р. Дворкина в свете базовых критериев типологии правовых теорий, по-видимому, дает иные результаты. Доктрина американского правоведа, с одной стороны, не является объединением всех (указанных И. Флоресом) перспектив, с другой – скорее подрывает классические критерии типологизации и, соответственно, ряд вытекающих из нее методологических возможностей. Таким образом, выводы мексиканского исследователя нуждаются в переосмыслении.

Итак, во-первых, можно говорить о разнорядковости выделенных элементов подхода Р. Дворкина: конструктивности, интерпретативности, оценочности и интегративности. С одной стороны, они вполне независимы друг от друга, к тому же интерпретативность как позиция заявляется Р. Дворкиным лишь в 1980-е гг., тогда как иные черты просматриваются у него и ранее (например, в идеях конструктивизма / антиреализма права и морали как социальных институтов [12,

ch. 6, 13], укорененности правовых принципов и институциональных обязанностей судей в политической морали сообщества [12, ch. 2–4], в идее права как «бесшовного сплетения» и фигуре вымышленного судьи Геркулеса [10, ch. 4], в сочетании концептуального и нормативного в юриспруденции [12, ch. 1]). С другой стороны, в доктрине интерпретативизма именно идея толкования (авторски понятая) становится теоретической и методологической рамкой, которая объединяет иные черты и перспективы и обуславливает оригинальность позиции мыслителя в правоведческих спорах.

Во-вторых, выделенные И. Флоресом черты скорее вычлениют ряд положений текстов Р. Дворкина, тогда как включение интерпретативизма в систему правоведения требует применения к нему базовых критериев типологии правовых теорий, причем дополненных значимым для современной юриспруденции делением теорий «внутренней» и «внешней» точек зрения. (Такое деление предполагает различие и методологизацию перспективы *участника*, принимающего и использующего правила некоего правопорядка, и *наблюдателя*, лишь рассуждающего о таких правилах и их практических аспектах с неких обособленных, обычно фактуальных, позиций [15, p. 240–244]). В этом контексте интерпретативизм Р. Дворкина представляется частной, нормативной / оправдательной теорией «внутренней» точки зрения. Так, доктрина правоведа провозглашается как теория, рассуждающая с позиций участника юридической практики (прежде всего судьи), сосредоточенного на вопросах истинности и обоснованности правовых суждений [8, p. 2097; 11, p. 13–15]. Отсюда ее предметом выступает исторически и национально определенная юрисдикция: «интерпретативные теории по своей природе адресованы конкретной правовой культуре, обычно культуре их авторов» [11, p. 102]. Наконец, будучи частью нормативно-аргументативной юридической практики, ставя и решая задачи установления ее смысла и обоснования суждений о правах и обязанностях, интерпретативная доктрина имеет с необходимостью нормативные притязания [8, p. 2097–2104].

В-третьих, подобная оценка интерпретативизма Р. Дворкина, с одной стороны, говорит не об объединении им различных методологических перспектив в системе базовых теоретико-правовых координат (как утверждает И. Флорес), а скорее, о занятии им особой, более частной, методологической позиции. С другой стороны, данная позиция может считаться весьма радикальной – отвергающей ряд традиционных делений и проектов правовых теорий, а по сути подрывающей саму систему их типологизации. Так, Р. Дворкин оспаривает (значимый для позитивизма и др.) проект «внешней» правовой теории. По мнению правоведа, такой подход либо бесполезен (решает лишь периферийные для юриспруденции задачи, не связанные со смыслом юридической практики и истинностью правовых суждений), либо вообще несостоятелен (необоснованно презюмирует «точку Архимеда», находящуюся вне социальной практики, по сути скрывая свою включенность в морально-политические споры о праве) [8, p. 2097 ff.; 9, ch. 7]. Согласно Р. Дворкину, постижение права как аргументативной социальной практики невозможно без участия в ней, без вовлечения в ее «конструктивное истолкование», без применения здесь собственных представлений о силе и слабости используемых аргументов [11, p. 13–14]. А раз так, становится невозможной как чисто описательная юриспруденция (суждения которой, реконструирующие смыслы практики, должны сочетать описание и морально-политическую оценку), так и общая теория права (стремящаяся найти универсальные признаки крайне разнородных правовых систем с очень разными системами морали и политической идеологии [11, p. 102–103]).

В свете сказанного Р. Дворкин действительно оспаривает подход позитивизма (а равно других учений, принимающих классические методологические границы). Однако, вопреки И. Флоресу, это не означает «преодоления дихотомии позитивизма и естественного права». С одной стороны, при всех аргументах Р. Дворкина его оппоненты выдвинули целый ряд убедительных контрдоводов (альтернативную идею толкования, разграничение моральных и неморальных ценностей теории, плюрализм правовых доктрин и возможность общего объяснения и пр. [6; 17, ch. 6; 18]), сохраняющих в полемическом

поле правоведа позитивистскую позицию. С другой стороны, учение Р. Дворкина предлагает «преодоление» сложившейся локализации юснатурализма, ограниченной лишь вопросами должного, давая альтернативное позитивизму описание «права, как оно есть». Между тем, учитывая утверждение мыслителем необходимой связи права и морали, интерпретативизм, по сути, может считаться новой версией теории естественного права [1], переводящей ее классический спор с позитивизмом на методологический уровень.

Выводы

Рональд Дворкин предлагает самобытную правовую доктрину, следуя от оригинальной идеи толкования к формированию интерпретативной (герменевтической) концепции и методологии права и далее к общей проблематизации классических делений и типов правового теоретизирования. Провозглашаемая американским правоведам «Империя» действительно перекраивает привычную карту правовых теорий, проводя экспансионистскую политику и вынося весьма радикальные решения относительно статуса традиционных теоретических порядков и территорий. Успешность авторского проекта интерпретативизма – предмет дискуссий. Таковые, однако, не отменяют важный результат построений Р. Дворкина – обоснование серьезного методологического вызова традиционной структуре юриспруденции, обогатившего пространство современной философско-правовой мысли и создавшего новые стимулы для ее развития.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 18-011-01213 «Право как целостность – право как интерпретация: теоретико-методологическая и проблемно-историческая реконструкция доктрины юридического интерпретативизма Рональда Дворкина (1967–1986)».

The reported paper was funded by RFBR, project no. 18-011-01213 “Law as integrity – law as interpretation: theoretical-methodological and problematic-historical reconstruction of Ronald Dworkin’s doctrine of legal interpretivism (1967–1986)”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Касаткин, С. Н. Концепция «раннего» Р. Дворкина как «третья теория права» / С. Н. Касаткин // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2019. – № 2. – С. 94–107.
2. Кельзен, Г. Чистое учение о праве / Г. Кельзен. – 2-е изд. – СПб. : Алеф-Пресс, 2015. – 542 с.
3. Austin, J. *Lectures on Jurisprudence, or The Philosophy of Positive Law* / J. Austin. – 5th rev. ed. – 2 vols. – London : J. Murray, 1885. – 1132 p.
4. Bentham, J. *An Introduction to the Principles of Morals and Legislation* / J. Bentham. – London : Athlone Press, 1970. – 343 p.
5. Coleman, J. L. *The Practice of Principle* / J. L. Coleman. – New York : OUP, 2001. – 252 p.
6. Dickson, J. *Evaluation and Legal Theory* / J. Dickson. – Oxford : Hart Publ., 2001. – 160 p.
7. Dworkin, R. *A Matter of Principle* / R. Dworkin. – Cambridge, Ma., London : HUP, 1985. – 425 p.
8. Dworkin, R. *Hart's Posthumous Reply* / R. Dworkin // *Harvard Law Review*. – 2017. – Vol. 130. – P. 2096–2130.
9. Dworkin, R. *Justice for Hedgehogs* / R. Dworkin. – Cambridge, Ma. : HUP, 2011. – 506 p.
10. Dworkin, R. *Justice in Robes* / R. Dworkin. – Cambridge, Ma., London : HUP, 2006. – 308 p.
11. Dworkin, R. *Law's Empire* / R. Dworkin. – Cambridge, Ma. : HUP, 1986. – 483 p.
12. Dworkin, R. *Taking Rights Seriously* / R. Dworkin. – 2nd ed. – Cambridge, Ma. : HUP, 1978. – 392 p.
13. Finnis, J. *Natural Law and Natural Rights* / J. Finnis. – Oxford : OUP, 1980. – 442 p.
14. Flores, I. B. *The Legacy of Ronald Dworkin (1931–2013): A Legal Theory and Methodology for Hedgehogs, Hercules, and One Right Answers* / I. B. Flores // *Problema*. – 2015. – № 9. – P. 157–192.
15. Hart, H. L. A. *The Concept of Law* / H. L. A. Hart. – 2nd ed. with Hart's Postscript. – Oxford : Clarendon Press, 1994. – 336 p.
16. Himma, K. E. *Reconsidering a Dogma: Conceptual Analysis, the Naturalistic Turn, and Legal Philosophy* / K. E. Himma // *Law and Philosophy: Current Legal Issues*. – Oxford : OUP, 2008. – P. 3–36.
17. Leiter, B. *Naturalizing Jurisprudence* / B. Leiter. – New York : OUP, 2007. – 300 p.
18. Raz, J. *Ethics in the Public Domain* / J. Raz. – rev. edn. – Oxford : OUP, 1994. – 390 p.
19. Schauer, F. *Positivism as Pariah* / F. Schauer // *The Autonomy of Law. Essays on Legal Positivism*. – Oxford : OUP, 1996. – P. 31–56.
20. Waldron, J. *Normative (or Ethical) Positivism* / J. Waldron // *Hart's Postscript*. – New York : OUP, 2001. – P. 410–434.

REFERENCES

1. Kasatkin S.N. *Kontseptsiya «rannego» R. Dworkina kak «tretya teoriya prava»* [Conception of “Early” R. Dworkin as a “Third Theory of Law”]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo* [Bulletin of Voronezh State University. Series: Law], 2019, no. 2, pp. 94–107.
2. Kelsen G. *Chistoe ucheniye o prave* [Pure Doctrine of Law]. Saint-Petersburg, Alef-Press, 2015. 542 p.
3. Austin J. *Lectures on Jurisprudence, or The Philosophy of Positive Law*. 5th ed. 2 vols. London, J. Murray, 1885. 1132 p.
4. Bentham J. *An Introduction to the Principles of Morals and Legislation*. London, Athlone Press, 1970. 343 p.
5. Coleman J.L. *The Practice of Principle*. New York, OUP, 2001. 252 p.
6. Dickson J. *Evaluation and Legal Theory*. Oxford, Hart Publ., 2001. 160 p.
7. Dworkin R. *A Matter of Principle*. Cambridge, Ma., London, HUP, 1985. 425 p.
8. Dworkin R. *Hart's Posthumous Reply*. *Harvard Law Review*, 2017, vol. 130, pp. 2096–2130.
9. Dworkin R. *Justice for Hedgehogs*. Cambridge, Ma., HUP, 2011. 506 p.
10. Dworkin R. *Justice in Robes*. Cambridge, Ma., London, HUP, 2006. 308 p.
11. Dworkin R. *Law's Empire*. Cambridge, Ma., HUP, 1986. 483 p.
12. Dworkin R. *Taking Rights Seriously*. 2nd ed. Cambridge, Ma., HUP, 1978. 392 p.
13. Finnis J. *Natural Law and Natural Rights*. Oxford, OUP, 1980. 442 p.
14. Flores I.B. *The Legacy of Ronald Dworkin (1931–2013): A Legal Theory and Methodology for Hedgehogs, Hercules, and One Right Answers*. *Problema*, 2015, no. 9, pp. 157–192.
15. Hart H.L.A. *The Concept of Law*. 2nd ed. with Hart's *Postscript*. Oxford, Clarendon Press, 1994. 336 p.
16. Himma K.E. *Reconsidering a Dogma: Conceptual Analysis, the Naturalistic Turn, and Legal Philosophy*. *Law and Philosophy: Current Legal Issues*. Oxford, OUP, 2008, pp. 3–36.
17. Leiter B. *Naturalizing Jurisprudence*. New York, OUP, 2007. 300 p.
18. Raz J. *Ethics in the Public Domain*. rev. edn. Oxford, OUP, 1996. 390 p.
19. Schauer F. *Positivism as Pariah*. *The Autonomy of Law. Essays on Legal Positivism*. Oxford, OUP, 1996, pp. 31–56.
20. Waldron J. *Normative (or Ethical) Positivism*. *Hart's Postscript*. New York, OUP, 2001, pp. 410–434.

Information About the Author

Sergey N. Kasatkin, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, Samara Law Institute of the FSIN of Russia, Rylskaya St, 24v, 443022 Samara, Russian Federation; Associate Professor, Department of Theory of Law and Philosophy, Samara State University of Economics, Sovetskoy Armii St, 141, 443090 Samara, Russian Federation, kasatka_s@bk.ru, tigr@samlawin.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5541-9181>

Информация об авторе

Сергей Николаевич Касаткин, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, Самарский юридический институт ФСИН России, ул. Рыльская, 24в, 443022 г. Самара, Российская Федерация; доцент кафедры теории права и философии, Самарский государственный экономический университет, ул. Советской Армии, 141, 443090 г. Самара, Российская Федерация, kasatka_s@bk.ru, tigr@samlawin.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5541-9181>

ВОПРОСЫ ЧАСТНОПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.4.12>

UDC 347.45/47
LBC 67.404.3

Submitted: 16.09.2020
Accepted: 10.10.2020

THE CONTENT OF A PAID MEDICAL SERVICES CONTRACT: THEORETICAL AND APPLIED ANALYSIS

Denis E. Matytsin

Volga Branch of the International Law Institute, Volzhsky, Russian Federation

Tatyana A. Plaksunova

Volzhsky Branch of Volgograd State University, Volzhsky, Russian Federation

Introduction: the paper deals with the features and conditions of a contract structure that is widely in demand at the present time – a paid medical services contract. The paper analyzes the provisions of the key legal acts regulating the sphere of paid medical services, including their contractual formalization, the legislation on consumer protection, which applies to the legal relations of the parties arising from paid medical services contracts, and the content of this contract. Special attention is paid to the consideration of the legislative and doctrinal approaches to the issue of essential and mandatory conditions of the contract under consideration, as well as to the relevant judicial and contractual practice. **Methods:** in the presented research, the traditional general scientific research methods were used, such as the dialectical method of cognition, analysis, synthesis, induction, deduction, etc., as well as the specific scientific legal methods, including formal legal, the method of legal interpretation, etc. **Results:** the authors substantiate the point of view that the essential conditions of the paid medical services contract are only the conditions on its subject. The authors believe that the conditions stipulated in par. 17 of the Decree of the Government of the Russian Federation No. 1006 of 04.10.2012 “On approval of the Rules for providing paid medical services by medical organizations” should be considered as mandatory conditions. Taking into account the existing approaches in the law enforcement practice, the conditions that are reflected in the paid medical services contract would help prevent disputes, as well as protect the rights and legitimate interests of the parties to the contract. Based on the analysis of the judicial practice, a list of conditions of the paid medical services contract that infringe on the rights of consumers has been formed, which should not be included in it. **Conclusions:** based on the results of the study, the two groups of factors were identified, which influence the formation of the methodological recommendations for drawing up a paid medical services contract; the recommendations for improving contractual work in the medical organizations are formulated.

Key words: medical service, paid medical services contract, patient, consumer, performer, legal regulation, terms of a contract.

Citation. Matytsin D.E., Plaksunova T.A. The Content of a Paid Medical Services Contract: Theoretical and Applied Analysis. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2020, vol. 19, no. 4, pp. 89-99. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.4.12>

**СОДЕРЖАНИЕ ДОГОВОРА
ОБ ОКАЗАНИИ ПЛАТНЫХ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ:
ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНОЙ АНАЛИЗ**

Денис Евгеньевич Матыцин

Волжский филиал Международного юридического института, г. Волжский, Российская Федерация

Татьяна Алексеевна Плаксунова

Волжский филиал Волгоградского государственного университета, г. Волжский, Российская Федерация

Введение: в статье рассмотрены особенности и условия широко востребованной в настоящее время договорной конструкции – договора возмездного оказания медицинских услуг. Проанализированы положения ключевых нормативно-правовых актов, регламентирующих сферу оказания платных медицинских услуг, в том числе в части их договорного оформления, законодательство о защите прав потребителей, которое распространяется на правоотношения сторон, вытекающих из договоров возмездного оказания медицинских услуг, содержание указанного договора. Особое внимание уделено законодательным и доктринальным подходам по вопросу существенных и обязательных условий рассматриваемого договора, соответствующей судебной и договорной практике. **Методы:** в работе были использованы традиционные общенаучные методы исследования, такие как диалектический метод познания, анализ, синтез, индукция, дедукция и пр., а также частнонаучные юридические методы, среди которых формально-юридический, метод юридического толкования и др. **Результаты:** обоснована точка зрения об отнесении к числу существенных условий договора возмездного оказания медицинских услуг исключительно условия о его предмете; к числу обязательных условий, по мнению автора, следует отнести условия, закрепленные п. 17 Постановления Правительства РФ от 04.10.2012 № 1006 «Об утверждении Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг». С учетом сложившихся в правоприменительной практике подходов определены условия, отражение которых в договоре об оказании платных медицинских услуг способствовало бы предотвращению споров, а также защите прав и законных интересов сторон договора. На основе анализа судебной практики сформирован перечень ущемляющих права потребителей условий договора возмездного оказания медицинских услуг, которые недопустимо включать в него. **Выводы:** по итогам проведенного исследования выявлены две группы факторов, которые влияют на формирование методических рекомендаций по составлению договора возмездного оказания медицинских услуг, сформулированы рекомендации по совершенствованию договорной работы в медицинских организациях.

Ключевые слова: медицинская услуга, договор возмездного оказания медицинских услуг, пациент, потребитель, исполнитель, правовое регулирование, условия договора.

Цитирование. Матыцин Д. Е., Плаксунова Т. А. Содержание договора об оказании платных медицинских услуг: теоретико-прикладной анализ // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2020. – Т. 19, № 4. – С. 89–99. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.4.12>

Введение

В настоящее время в условиях непротой эпидемиологической обстановки, связанной с COVID-19, повышения востребованности платных медицинских услуг, в том числе оказываемых в отдельных случаях в нетрадиционном дистанционном формате, теоретико-прикладные исследования вопросов юридического оформления отношений, складывающихся между медицинской организацией (исполнителем платной медицинской услуги)

и пациентом-потребителем, представляются актуальными и своевременными.

Известно, что охрана здоровья граждан является одним из приоритетных направлений государственной политики. Право на охрану здоровья и медицинскую помощь вытекает из ст. 41 Конституции Российской Федерации, где предусматриваются меры по развитию государственной, муниципальной и частной систем здравоохранения. Международно-правовые нормы, в частности п. «д» ч. 2 ст. 12 Международного пакта об экономических, социальных

и культурных правах, принятого 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496 пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН, также устанавливаются обязанности Российской Федерации по созданию условий, которые обеспечивали бы всем медицинскую помощь и медицинский уход в случае болезни.

К сожалению, как отмечают О.Г. Печникова и А.П. Печников, государственные и муниципальные учреждения здравоохранения не способны удовлетворить потребности граждан в медицинских услугах на бесплатной основе [7, с. 54]. В связи с этим повсеместное развитие получает рынок частных медицинских организаций, оказывающих медицинские услуги на условиях возмездности. При этом требования к качеству медицинских услуг и своевременности их оказания не зависят от того, кто является учредителем медицинской организации: государство, органы местного самоуправления или частное лицо. Контроль соответствующих показателей, в том числе соблюдение лицензионных требований, осуществляется уполномоченными государственными органами систематически.

Нормативная основа договора возмездного оказания медицинских услуг

В связи с особой важностью социальной роли медицинского обслуживания отечественный законодатель основательно подходит к правовому регулированию правил оказания платных медицинских услуг. Так, основу нормативного правового регулирования договора возмездного оказания медицинских услуг составляет ряд положений ГК РФ, Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», Закон Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» [2, с. 25], а также Постановление Правительства РФ от 04.10.2012 № 1006 «Об утверждении Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг» [8]. Несмотря на тщательную проработанность правового регулирования оказания платных медицинских услуг, споры по вопросам медицинского обслуживания регулярно возникают в правоприменительной практике. Следует констатировать, что медицинские ус-

луги на современном этапе развития технологий характеризуются большим разнообразием. Вместе с тем нормы вышеперечисленных нормативно-правовых актов, которые сформулированы в общем виде, позволяют предусмотреть в договоре условия, которые характеризуют специфику конкретной медицинской услуги.

Договор об оказании платных медицинских услуг с точки зрения формы и содержания находится под пристальным вниманием контрольно-надзорных органов. Так, в частности, при анализе КоАП РФ возможно обнаружить порядка восьми составов административных правонарушений, которые потенциально могут совершаться при осуществлении деятельности по оказанию платных медицинских услуг (ст. 5.39, ст. 4.1, ст. 14.3, ст. 14.4, ст. 14.4.2, ст. 14.7, ст. 14.8, ст. 19.7.8 КоАП РФ). В контексте настоящего исследования следует обратить внимание на ч. 2 ст. 14.8 КоАП РФ, которая закрепляет административную ответственность за совершение административного правонарушения, которое состоит во включении в договор условий, ущемляющих права потребителя, установленные законодательством.

Доктринальные и законодательные подходы к классификации условий договора об оказании платных медицинских услуг

В науке гражданского права условия договора традиционно классифицируются на существенные, обычные и случайные [4, с. 4].

С точки зрения гражданского законодательства (абз. 2 п. 1 ст. 432 ГК РФ) бесспорно существенным условием договора об оказании платных медицинских услуг является его предмет, который выражается через вид и объем оказываемой медицинской услуги (ч. 1 ст. 779 ГК РФ).

В правовой доктрине отсутствует единообразный подход к перечню существенных условий рассматриваемого вида договора.

Ряд исследователей отстаивают позицию об отнесении к существенным условиям данного договора только условия о предмете [7, с. 56].

Другие же, наоборот, считают, что такой подход недопустим в силу специфики ме-

дицинских услуг, и поэтому предлагают, напротив, расширить их спектр и включать в них не только предмет, но и условие о цене, сроках и сведения об исполнителе и заказчике услуг [15, с. 82].

На наш взгляд, расширять перечень существенных условий договора возмездного оказания юридических услуг нецелесообразно как раз в силу специфики оказываемых медицинских услуг.

Так, из ст. 708 ГК РФ вытекает требование об установлении начального и конечного срока оказания услуги, однако в судебной практике встречается и противоположная позиция. Дело в том, что далеко не во всех случаях представляется возможным предусмотреть этот срок из-за особенностей некоторых медицинских услуг. Порой срок оказания медицинской услуги непредсказуем и зависит от множества факторов.

Условие о цене договора об оказании платных медицинских услуг в законодательстве прямо не закреплено, в связи с чем в судебной практике отсутствует единство в отнесении указанного условия к существенным или рекомендательным. Сторонники позиции, согласно которой цена не является существенным условием договора об оказании платных медицинских услуг, аргументируют свою точку зрения тем, что стоимость оказанных услуг, подлежащая оплате, исчисляется по аналогии с иными сравнимыми услугами при подобных обстоятельствах, а именно в соответствии с установленными тарифами, прейскурантами и иными локальными актами медицинской организации. Мы склонны согласиться с указанной позицией и не включать условие о цене в перечень существенных условий договора об оказании платных медицинских услуг.

Специфической особенностью договора об оказании платных медицинских услуг выступает наличие так называемых обязательных условий договора, отсутствие которых не влечет недействительности указанного договора, однако является наказуемым в соответствии с законодательством об административных правонарушениях.

Отсутствие обязательных условий влечет ответственность за совершение административного правонарушения, предусмотренного ст. 14.4 КоАП РФ. Существование кате-

гории обязательных условий договора об оказании платных медицинских услуг обусловлено необходимостью защиты публичных интересов в целях обеспечения безопасности жизни и здоровья неограниченного круга лиц. Необходимо подчеркнуть уникальность указанного правового явления, поскольку категория обязательных условий договора характерна только для специфических видов договоров об оказании услуг: образовательных и медицинских [3, с. 90].

Закрепленные в п. 17 Постановления Правительства РФ от 04.10.2012 № 1006 «Об утверждении Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг» (далее – Правила) обязательные условия договора об оказании платных медицинских услуг возможно классифицировать на несколько групп: сведения о лице-исполнителе, оказывающем платные медицинские услуги, включая сведения о наличии лицензии и лице, заключающем договор от его имени, сведения о потребителе платной медицинской услуги, сведения об оказываемой платной медицинской услуге, условия об ответственности сторон, порядке изменения и расторжения договора, иные условия, определяемые по соглашению сторон.

Вышеперечисленные группы обязательных условий задают некую структуру договора об оказании платных медицинских услуг, не касаясь вопросов наполнения отдельных блоков смысловым содержанием. Данный подход представляется оправданным как с точки зрения юридической техники, так и с точки зрения разнообразия и специфики медицинских услуг.

Основываясь на анализе сложившейся судебной практики, мы предпримем попытку выработать ряд условий, отражение которых в договоре об оказании платных медицинских услуг способствовало бы предотвращению ряда споров, а также защите прав и законных интересов сторон договора.

Наибольшее число споров возникает на почве того, что по итогам лечения выздоровление по каким-либо причинам не возникает. Вопрос о наличии причинно-следственной связи между процессом лечения и отсутствием его результата или возникновением осложнений, побочных эффектов и иных ухудшений

состояния здоровья является ключевым по указанной категории споров.

Анализ договорной практики показывает, что ряд субъектов, имеющих лицензию на осуществление медицинской деятельности, в целях предотвращения возможных споров по данным вопросам включает в типовой договор об оказании платных медицинских услуг [1] условие об исключении ответственности исполнителя в случае наступления осложнений, если медицинская услуга оказана с соблюдением всех необходимых требований. Вместе с тем широко распространена практика включения в договор общей формулировки о наступлении ответственности в случаях, предусмотренных в законодательстве [10].

Представляется, что второй из обозначенных подходов является оправданным и менее рисковым для организации – исполнителя платной медицинской услуги, поскольку внесение в договор условия об исключении ответственности за результат оказанной услуги может быть квалифицировано уполномоченными органами как ущемление прав потребителя согласно ст. 16 Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей».

Разумеется, путем указания в договоре какого-либо условия решить проблему окончательно не получится. В любом случае решение вопроса о наличии такой связи возможно только путем применения судебно-медицинской экспертизы. И тем не менее внесение в договор пункта о возможном недостижении результата лечения, факторах, не зависящих от медицинской организации, которые могут ухудшить состояние пациента, по нашему мнению, поможет, во-первых, дисциплинировать пациентов к точному выполнению врачебных рекомендаций, во-вторых, защитить права и законные интересы медицинских работников, добросовестно и квалифицированно осуществляющих лечение.

Примерами неосмотрительного поведения пациента, пренебрегшего рекомендациями медицинского персонала, могут послужить следующие дела из судебной практики [5].

Так, в одном из дел пациент обратился в суд с иском к исполнителю медицинской услуги с требованием о возмещении убытков и компенсации морального вреда. По мнению истца из-за некачественного удаления

коронки с зуба развился гнойный периостит, в результате чего был удален еще один зуб и потребовалось протезирование. В ходе рассмотрения дела было установлено, что неблагоприятные последствия, указанные истцом, возникли в результате нарушения им процедуры лечения. Так, истец уклонился от повторного приема после удаления коронки с зуба, что подтверждалось соответствующими доказательствами. В удовлетворении исковых требований было отказано.

В другом деле истцу, заявившему требование о компенсации морального вреда и возмещении материального ущерба ввиду некачественного лечения глаза, было отказано, поскольку при разбирательстве дела было выявлено, что пациент отказался от дальнейшего лечения и был выписан из больницы по его требованию, несмотря на наличие отечности роговицы глаза и язвенной поверхности на ней. В дальнейшем пациент самостоятельно употреблял лекарства в нарушение режима, рекомендованного врачом. Суд пришел к выводу об отсутствии правовых оснований для удовлетворения заявленных требований.

Положение об информировании восходит к положениям ст. 783, п.1 ст. 732 ГК РФ и п.1 ст. 10 Закона РФ «О защите прав потребителей», в соответствии с которыми исполнитель обязан до заключения договора предоставить заказчику необходимую и достоверную информацию о предлагаемых услугах, обеспечивающую возможность их правильного выбора. Информированное добровольное согласие как отдельный юридически значимый документ подписывается уже после подписания договора об оказании платных медицинских услуг, и его подписание не подменяет собой договор. При этом, на наш взгляд, в целях предупреждения возможных рисков и конфликтных ситуаций с пациентом рекомендуется включать и в текст договора возмездного оказания медицинских услуг как формулировку, закрепленную в п. 15 Правил, так и положение об обязанности пациента до подписания договора сообщить исполнителю обо всех имеющихся и известных ему противопоказаниях к приему препаратов, хронических заболеваниях и пр., а также соблюдать все рекомендации исполнителя во время лечения и после его проведения в срок, установленный исполнителем.

Еще один важный пункт, связанный с информированием пациента, предполагает сообщение сведений о возможности получения рассматриваемой медицинской услуги бесплатно. Это положение относится уже к обязанностям исполнителя. Одна из рекомендуемых формулировок указанного пункта может выглядеть следующим образом: «Исполнитель обязан в доступной форме проинформировать Пациента о возможности получения платных медицинских услугах бесплатно по Программам государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи» [17].

В условиях нестабильной финансовой обстановки и повышенного спроса на медицинские услуги нередко потребители используют для их оплаты заемные средства, полученные по соответствующим кредитным договорам. Подобные денежные средства являются целевыми. Вместе с тем на практике такой вариант расчетов с медицинской организацией в отдельных случаях представляется достаточно рискованным [13].

Недопустимость включения в публичный договор об оказании платных медицинских услуг условий, ущемляющих права потребителей

Договор об оказании платных медицинских услуг в соответствии с ч. 1 ст. 426 ГК РФ относится к категории публичного договора, и поэтому цена услуг, а также иные условия договора не могут устанавливаться исходя из преимуществ отдельных потребителей или оказания им предпочтения, а потребитель медицинских услуг не оказывает влияния на содержание договора.

Так, в частности, анализ судебной практики позволяет выявить условия, которые недопустимо включать в рассматриваемый вид договора возмездного оказания услуг в связи с тем, что подобные условия нарушают положения Закона РФ «О защите прав потребителей» и ущемляют права потребителя. Среди них:

– условие о наложении штрафа или неустойки за то, что пациент не исполняет обязанности по договору, за исключением случаев, если удержание обосновано и подтверждено расходами исполнителя [12];

– условие об установлении для пациента-потребителя обязательного претензионного порядка урегулирования споров, поскольку такое условие прямо противоречит ст. 310 ГК РФ, ст. 10, 17, 31 Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» [12];

– условие об уплате штрафа за неисполнение пациентом-потребителем непредусмотренной законом обязанности [12];

– условие, связанное с установлением договорной подсудности (рассмотрение любых споров по договору в суде по месту нахождения исполнителя) [14];

– условие о возмещении потребителем убытков, понесенных медицинской организацией, если по его вине она не смогла оказать услугу или была вынуждена прекратить ее оказание [14]. Закон «О защите прав потребителей» в ст. 32 закрепляет лишь обязанность пациента возместить понесенные расходы медицинской организации при одностороннем отказе от исполнения договора. В этом случае необходимо обратить внимание на нетождественность понятий «понесенные расходы» и «убытки», ведь последнее включает в себя в том числе будущие расходы организации, оказывающей медицинские услуги, которые она понесет в связи с отказом пациента, а также неполученные доходы;

– условие о полной предоплате медицинских услуг, оказываемых по договору [9];

– условие о праве исполнителя в одностороннем порядке изменить стоимость услуг при возникновении необходимости в проведении дополнительных работ [11];

– условие об одностороннем отказе исполнителя от договора. Правомерность включения подобного условия в договор возмездного оказания услуг стала предметом рассмотрения в Конституционном Суде РФ, который пришел к выводу о недопустимости одностороннего отказа исполнителя от договора возмездного оказания медицинских услуг, поскольку это приводит к «неправомерному ограничению конституционного права на охрану здоровья и медицинскую помощь, чрезмерному ограничению (умалению) конституционной свободы договора для гражданина, заключающего договор об оказании медицинских услуг, создавало бы неравенство, недопустимое с точки зрения требования справедливости» [6].

Выводы

Подводя итог, следует отметить, что правовое регулирование договора об оказании платных медицинских услуг в настоящее время находится в состоянии разработанности, достаточной для защиты прав и законных интересов сторон указанного договора. Основные специфические моменты, не отраженные в законодательстве, которые должны быть предусмотрены в договоре, касаются предоставления информации медицинской организацией и пациентом контрагенту. С их помощью при возникновении спора защита прав и законных интересов сторон договора об оказании медицинских услуг станет гораздо проще. Однако исполнителям медицинских услуг при составлении договора об оказании платных медицинских услуг нельзя забывать о риске привлечения к административной ответственности как медицинской организации, так и конкретных ее должностных лиц за включение в договор условий, ущемляющих права граждан.

Таким образом, возможно выделить две группы факторов, которые влияют на формирование методических рекомендаций по составлению договора возмездного оказания медицинских услуг:

1) нормативно-правовой фактор, который состоит в наличии закрепленных на законодательном уровне обязательных условий договора, помимо существенных, обычных и случайных, которые должны содержаться в договоре;

2) правоприменительный фактор, который выражается в недопустимости включения в договор условий, ущемляющих права граждан-потребителей.

Для повышения эффективности ведения договорной работы в медицинских организациях целесообразно на регулярной основе, помимо мониторинга изменений действующего законодательства в рассматриваемой сфере, проводить анализ и мониторинг судебной практики и, используя эти данные, постоянно обновлять чек-лист условий договора, которые недопустимо включать в него.

Подобный подход позволит, на наш взгляд, снизить риски исполнителя медицинских услуг как в части привлечения к административной ответственности, так и в слу-

чае возникновения конфликтных ситуаций с гражданином-потребителем [16].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Договор на оказание платных медицинских услуг // Государственное лечебно-профилактическое учреждение «Санаторий имени Н.А. Семашко». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://san-semashko.ru/info/normativno-pravovye-dokumenty.html> (дата обращения: 05.09.2020). – Загл. с экрана.

2. Егиазарян, К. А. Нормативно-правовое регулирование оказания платных медицинских услуг в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения / К. А. Егиазарян, Л. Ж. Аттаева // Медицинский альманах. – 2013. – № 2 (26). – С. 24–26.

3. Иншакова, А. О. Теоретико-прикладные подходы к квалификации гражданских отношений по оказанию услуг / А. О. Иншакова, Н. В. Кагальникова // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2019. – № 2. – С. 90–93. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.2.14>.

4. Ненашев, М. М. Существенные условия договора: классический подход / М. М. Ненашев, Ю. А. Тымчук // Юрист. – 2015. – № 8. – С. 4–7.

5. Обзор практики рассмотрения судами Красноярского края споров, связанных с ненадлежащим оказанием медицинских услуг (извлечение) // Информационно-правовой портал «Гарант.ру». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/18553000/> (дата обращения: 05.06.2020). – Загл. с экрана.

6. Определение Конституционного Суда РФ от 06.06.2002 № 115-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Мартыновой Евгении Захаровны на нарушение ее конституционных прав пунктом 2 статьи 779 и пунктом 2 статьи 782 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2003. – № 1.

7. Печникова, О. Г. К вопросу об условиях договора оказания платных медицинских услуг / О. Г. Печникова, А. П. Печников // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2012. – № 2 (20). – С. 54–58.

8. Постановление Правительства РФ от 04.10.2012 № 1006 «Об утверждении Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг» // Российская газета. – 2012. – 10 окт. (№ 233).

9. Предоплата при медицинской услуге // Управление Федеральной службы по надзо-

ру в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Республике Марий Эл. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://12.rosпотребнадзор.ru/bytag3/-/asset_publisher/qK7Z/content/%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D0%BF%D0%BB%D0%B0%D1%82%D0%B0-%D0%BF%D1%80%D0%B8-%D0%BC%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D1%86%D0%B8%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B8-%D1%83%D1%81%D0%BB%D1%83%D0%B3%D0%B5 (дата обращения: 05.09.2020). – Загл. с экрана.

10. Приказ ФГАУ «НМИЦ «МНТК «Микрохирургия глаза» им. акад. С.Н. Федорова» Минздрава России от 29.11.2019 «Об утверждении и введении в действие типовых форм документов при оказании медицинских услуг» // МНТК «Микрохирургия глаза». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://mntk.ru/files/upload/prikaz242-29.11.2019_.pdf (дата обращения: 05.09.2020). – Загл. с экрана.

11. Решение Арбитражного суда Челябинской области от 24.08.2015 по делу № А76-8265/2015 // Картотека арбитражных дел. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/ba55e846-ce08-42db-8982-df2c2bc439a9/e5616d3f-e31c-41d9-83a1-5f9e98dfb59c/A76-8265-2015_20150824_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 05.09.2020). – Загл. с экрана.

12. Решение Арбитражного суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 12.03.2015 по делу № А81-40/2015 // Картотека арбитражных дел. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/808662cb-f5ec-47b9-9e68-aa8d762cfe25/15db9fd9-b21f-4b9e-bb13-3b10503390f6/A81-40-2015_20150312_Reshenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 05.09.2020). – Загл. с экрана.

13. Решение Ленинского районного суда г. Комсомольска-на-Амуре Хабаровского края от 14 января 2020 г. по делу № 2-1853/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/zA70rvT3glUw/?regular-txt=%D0%BC%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D1%86%D0%B8%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5+%D1%83%D1%81%D0%BB%D1%83%D0%B3%D0%B8®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F+14.8.+%D0%9D%D0%B0%D1%80%D1%83%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5+%D0%B8%D0%BD%D1%8B%D1%85+%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2+%D0%BF%D0%BE%D1%82%D1%80%D0%B5%D0%B1%D0%BA%D1%82%D0%B5%D0%BB%D0%9A%D0%9E%D0%90%D0%9F%29®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&_=1599899536400&snippet_pos=3948#snippet (дата обращения: 05.09.2020). – Загл. с экрана.

14. Решение Юргинского городского суда Кемеровской области № 12-144/2016 от 24 мая 2016 г. по делу № 12-144/2016 // Судебные и нормативные акты РФ. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/ZI1hnNrvLjVP/?regular-txt=®ular-case_doc=12-144%2F2016®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=%D0%AE%D1%80%D0%B3%D0%B8%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9+%D0%B3%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B4%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9+%D1%81%D1%83%D0%B4+%28%D0%9A%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D1%80%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F+%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%8C%29®ular-judge=&_=1599899175777 (дата обращения: 05.09.2020). – Загл. с экрана.

15. Ситдикова, Л. Б. Теория и практика применения законодательства в вопросе определения содержания круга существенных условий в договоре возмездного оказания медицинских услуг / Л. Б. Ситдикова // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2016. – № 4 (24). – С. 77–82.

16. Старчиков, М. Ю. Предупреждение конфликтных ситуаций между медицинскими организациями и пациентами: положения законодательства, практические рекомендации и типовые образцы документов / М. Ю. Старчиков. – М.: Инфотропик Медиа, 2019. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

17. Торубаров, П. Договор на оказание платных медицинских услуг: требования, особенности оформления, образец бланка / П. Торубаров // Директор клиники. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.dirklinik.ru/article/126-dogovor-na-okazanie-platnyh-meditsinskih-uslug-trebovaniya-osobennosti-oformleniya-aktualnye> (дата обращения: 04.09.2020). – Загл. с экрана.

REFERENCES

1. Dogovor na okazanie platnyh medicinskih uslug [Contract for the Provision of Paid Medical Services]. *Gosudarstvennoe lechebno-profilakticheskoe*

uchrezhdenie «Sanatorij imeni N.A. Semashko» [State Medical and Preventive Institution “Sanatorium named after N.A. Semashko”]. URL: <http://san-semashko.ru/info/normativno-pravovye-dokumenty.html> (accessed 5 September 2020).

2. Egiazaryan K.A., Attaeva L.Z. Normativno-pravovoe regulirovanie okazaniya platnyh medicinskih uslug v gosudarstvennyh i municipal’nyh uchrezhdeniyah zdравоохранeniya [Regulatory and Legal Regulation of the Provision of Paid Medical Services in State and Municipal Health Care Institutions]. *Medicinskij al’manah* [Medical Almanac], 2013, no. 2 (26), pp. 24-26.

3. Inshakova A.O., Kagal’nickova N.V. Teoretiko-prikladnye podhody k kvalifikacii grazhdanskikh otnoshenij po okazaniyu uslug [Theoretic-Applied Approaches to the Qualification of Civil Relations in the Provision of Services]. *Legal Concept*, 2019, no. 2, pp. 90-93. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.2.14>.

4. Nenashev M.M., Tymchuk Y.A. Sushchestvennye usloviya dogovora: klassicheskij podhod [Essential Terms of the Contract: Classical Approach]. *Yurist* [Lawyer], 2015, no. 8, pp. 4-7.

5. Obzor praktiki rassmotreniya sudami Krasnoyarskogo kraja sporov, svyazannyh s nenadlezhashchim okazaniem medicinskih uslug (izvlechenie) [Review of the Practice of the Courts of the Krasnoyarsk Territory Considering Disputes Related to the Inadequate Provision of Medical Services (Extraction)]. *Informacionno-pravovoj portal «Garant.ru»* [Information and Legal Portal. Garant.ru] URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/18553000/> (accessed 5 September 2020).

6. Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 06.06.2002 № 115-O «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanki Martynovoj Evgenii Zaharovny na narushenie ee konstitucionnyh prav punktom 2 stat’i 779 i punktom 2 stat’i 782 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii» [Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation of 06.06.2002 no. 115-O “About Refusal in Acceptance to Consideration of the Complaint of the Citizen Evgenia Zakharovna Martynova to Violation of Her Constitutional Rights Paragraph 2 of Article 779 and Paragraph 2 of Article 782 of the Civil Code of the Russian Federation”]. *Vestnik Konstitucionnogo Suda RF* [Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation], 2003, no. 1.

7. Pechnikova O.G., Pechnikov A.P. K voprosu ob usloviyah dogovora okazaniya platnyh medicinskih uslug [To the Question of the Terms of the Contract for the Provision of Paid Medical Services]. *Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel’naya praktika* [Legal Science and Law Enforcement Practication], 2012, no. 2 (20), pp. 54-58.

8. Postanovlenie Pravitel’stva RF ot 04.10.2012 № 1006 «Ob utverzhdenii Pravil predostavleniya medicinskimi organizacijami platnyh medicinskih uslug» [Decree of the Government of the Russian Federation dated 04.10.2012 no. 1006 “On the Approval of the Rules for the Provision of Paid Medical Services by Medical Organizations”]. *Rossiyskaya gazeta* [Rossiyskaya Gazeta], 2012, Oct. 10 (no. 233).

9. Predoplata pri medicinskoj usluge [Prepayment for Medical Services]. *Upravlenie Federal’noj sluzhby po nadzoru v sfere zashchity prav potrebitel’ej i blagopoluchiya cheloveka po Respublike Marij El* [Office of the Federal Service for Supervision in the Field of Consumer Protection and Human Welfare in the Republic of Mari El]. URL: http://12.rospotrebnadzor.ru/bytag3/-/asset_publisher/qK7Z/content/%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D0%BF%D0%BB%D0%B0%D1%82%D0%B0-%D0%BF%D1%80%D0%B8-%D0%BC%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D1%86%D0%B8%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B8-%D1%83%D1%81%D0%BB%D1%83%D0%B3%D0%B5 (accessed 5 September 2020).

10. Prikaz FGau «NMIC «MNTK “Mikrohirurgiya glaza” im. akad. S.N. Fedorova» Minzrava Rossii ot 29.11.2019 «Ob utverzhdenii i vvedenii v dejstvie tipovyh form dokumentov pri okazanii medicinskih uslug» [Order of FSAU “NMIC “ISTC “Eye Microsurgery” Named After Akad. S.N. Fedorov” Ministry of Health of Russia from the 29.11.2019 “On the Approval and Implementation of Standard Forms of Documents in the Provision of Medical Services”]. *MNTK «Mikrohirurgiya glaza»* [ISTC “Eye Microsurgery”]. URL: https://mntk.ru/files/upload/prikaz242-29.11.2019___.pdf (accessed 5 September 2020).

11. Reshenie Arbitrazhnogo suda Chelyabinskoy oblasti ot 24.08.2015 po delu № A76-8265/2015 [Decision of the Arbitration Court of the Chelyabinsk Region from 24.08.2015 in Case no. A76-8265/2015]. *Kartoteka arbitrazhnyh del* [File of Arbitration Cases]. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/ba55e846-ce08-42db-8982-df2c2bc439a9/e5616d3f-e31c-41d9-83a1-5f9e98dfb59c/A76-8265-2015_20150824_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (accessed 5 September 2020).

12. Reshenie Arbitrazhnogo suda Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga ot 12.03.2015 g. po delu № A81-40/2015 [Decision of the Arbitration Court of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug of 12.03.2015 in Case no. A81-40/2015]. *Kartoteka arbitrazhnyh del* [File of Arbitration Cases]. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/808662cb-f5ec-47b9-9e68-aa8d762cfe25/15db9fd9-b21f-4b9e-bb13-3b10503390f6/A81-40-2015_20150312_Reshenie.pdf?isAddStamp=True (accessed 5 September 2020).

13. Reshenie Leninskogo rajonnogo suda g. Komsomol'ska-na-Amure Habarovskogo kraja ot 14 yanvarya 2020 g. po delu № 2-1853/2019 [Decision of the Leninsky District Court of Komsomolsk-on-Amur of the Khabarovsk Territory Dated January 14, 2020 in case no. 2-1853/2019]. *Sudebnye i normativnye akty RF* [Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/zA70rvT3glUw/?regular-txt=%D0%BC%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D1%86%D0%B8%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5+%D1%83%D1%81%D0%BB%D1%83%D0%B3%D0%B8®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F+14.8.+%D0%9D%D0%B0%D1%80%D1%83%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5+%D0%B8%D0%BD%D1%8B%D1%85+%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2+%D0%BF%D0%BE%D1%82%D1%80%D0%B5%D0%B1%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%B9%28%D0%9A%D0%9E%D0%90%D0%9F%29®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&_id=1599899536400&snippet_pos=3948#snippet (accessed 5 September 2020).

14. Reshenie Yurginskogo gorodskogo suda Kemerovskoj oblasti № 12-144/2016 ot 24 maya 2016 g. po delu № 12-144/2016 [Decision of the Yurginsky City Court of the Kemerovo Region no. 12-144/2016 of May 24, 2016 in Case no. 12-144/2016]. *Sudebnye i normativnye akty RF* [Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/ZI1hnNrvLjVP/?regular-txt=®ular-case_doc=12-144%2F2016®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=%D0%AE%D1%80%D0%B3%D0%B8%

[D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9+%D0%B3%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B4%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9+%D1%81%D1%83%D0%B4+%28%D0%9A%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D1%80%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F+%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%8C%29®ular-judge=&_id=1599899175777](https://sudact.ru/regular/doc/zA70rvT3glUw/?regular-txt=%D0%BC%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D1%86%D0%B8%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5+%D1%83%D1%81%D0%BB%D1%83%D0%B3%D0%B8®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F+14.8.+%D0%9D%D0%B0%D1%80%D1%83%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5+%D0%B8%D0%BD%D1%8B%D1%85+%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2+%D0%BF%D0%BE%D1%82%D1%80%D0%B5%D0%B1%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%B9%28%D0%9A%D0%9E%D0%90%D0%9F%29®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&_id=1599899175777) (accessed 5 September 2020).

15. Sitdikova L.B. Teoriya i praktika primeneniya zakonodatel'stva v voprose opredeleniya soderzhaniya kruga sushchestvennykh uslovij v dogovore vozmezdnoho okazaniya medicinskih uslug [Theory and Practice of Application of Legislation in Determining the Content of the Range of Material Conditions in the Contract for the Reimbursable Provision of Medical Services]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki* [Bulletin of Moscow City Pedagogical University. Series: Legal Sciences], 2016, no. 4 (24), pp. 77-82.

16. Starchikov M.Y. *Preduprezhdenie konfliktnykh situacij mezhdru medicinskimi organizacijami i pacientami: polozheniya zakonodatel'stva, prakticheskie rekomendacii i tipovye obrazcy dokumentov* [Prevention of Conflict Situations Between Medical Organizations and Patients: Legal Provisions, Practical Recommendations and Model Documents]. Moscow, Infotropik Media Publ., 2019. Access from References Legal System 'KonsultantPlyus'.

17. Torubarov P. Dogovor na okazanie platnyh medicinskih uslug: trebovaniya, osobennosti oformleniya, obrazec blanka [Contract for the Provision of Paid Medical Services: Requirements, Design Features, Sample Form]. *Direktor kliniki* [Director of the Clinic]. URL: <https://www.dirklinik.ru/article/126-dogovor-na-okazanie-platnyh-meditsinskih-uslug-trebovaniya-osobennosti-oformleniya-aktualnye> (accessed 4 September 2020).

Information About the Authors

Denis E. Matytsin, Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Department of Civil Law and Procedure, Volga Branch of the International Law Institute, Bolshhevistskaya St, 7, 404106 Volzhsky, Russian Federation, d_matytsin@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4038-4032>

Tatyana A. Plaksunova, Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Researcher, Department of Scientific and International Activities, Volzhsky Branch of Volgograd State University, 40 let Pobedy St, 11, 404133 Volzhsky, Russian Federation, tatjana.plaksunova@vgi.volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5104-2401>

Информация об авторах

Денис Евгеньевич Матыцин, кандидат экономических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса, Волжский филиал Международного юридического института, ул. Большевикская, 7, 404106 г. Волжский, Российская Федерация, d_matytsin@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4038-4032>

Татьяна Алексеевна Плаксунова, кандидат экономических наук, доцент, научный сотрудник отдела научной и международной деятельности, Волжский филиал Волгоградского государственного университета, ул. 40 лет Победы, 11, 404133 г. Волжский, Российская Федерация, tatjana.plaksunova@vgi.volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5104-2401>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.4.13>

UDC 349.6
LBC 67.407

Submitted: 01.11.2020
Accepted: 23.11.2020

SUBJECTS AND OBJECTS OF ENVIRONMENTAL LEGAL RELATIONS

Anatoly Ya. Ryzhenkov

B.B. Gorodovikov Kalmyk State University, Elista, Russian Federation

Introduction: the need to study the category “legal relationship” is generally recognized in the theory of law and state, as well as in all sectoral sciences. However, if the category “legal relationship” is sufficiently developed in relation to the “traditional” branches of law, then this issue remains relevant and new in relation to a fairly young branch of environmental law. The **purpose** of the research: to show the dynamics of development of modern doctrinal discussions on key issues of the theory of environmental law, namely, the categories of the subject and object of environmental legal relations. **Objectives:** to show the position of major Russian and foreign scientific schools on the theory of ecological legal relations; to identify the main scientific doctrine concerning the understanding of the subject of environmental legal relations; to consider the existing point of view on the category of the object of ecological relations. **Methods:** dialectical, system, logical, analysis, synthesis. **Results:** the dynamics of the doctrinal development of the concept of the subject and object of environmental relationship is investigated; the points of view of the leading environmental law schools of the CIS countries on the existing and prospective subjects of ecological legal relations are considered; the views of modern scholars regarding the recognition of climate as well as the person to be the subject of environmental legal relations are assessed within the category “the object of ecological relationship”. **Conclusions:** the paper argues that in the theory of environmental law, the categories “subject” and “object” of environmental legal relations are the most discussed today. The emergence of a new subject of environmental legal relations – “future generations”, mentioned in the legislation, seems to be justified. The paper presents a number of arguments in support of the existing proposals to expand the traditional list of the objects of environmental legal relations, with the addition of quasi-natural objects, agricultural ecosystem, climate, and many others.

Key words: legal relationship, subject, object, climate, environmental law, man, nature, future generations.

Citation. Ryzhenkov A.Ya. Subjects and Objects of Environmental Legal Relations. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2020, vol. 19, no. 4, pp. 100-109. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.4.13>

УДК 349.6
ББК 67.407

Дата поступления статьи: 01.11.2020
Дата принятия статьи: 23.11.2020

СУБЪЕКТЫ И ОБЪЕКТЫ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Анатолий Яковлевич Рыженков

Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова, г. Элиста, Российская Федерация

Введение: необходимость изучения категории «правоотношение» является общепризнанной в теории права и государства, а также во всех отраслевых науках. Однако если применительно к «традиционным» отраслям права категория «правоотношение» является достаточно проработанной, то в отношении достаточно молодой отрасли экологического права данный вопрос сохраняет свою актуальность и новизну. **Цель исследования:** показать динамику развития современных доктринальных дискуссий по ключевым проблемам теории экологического права, а именно по категориям субъект и объект экологического правоотношения. **Задачи:** показать позицию основных российских и зарубежных научных школ по вопросам теории экологического правоотношения; выявить основные научные доктрины, касающиеся понимания субъекта экологического правоотношения; рассмотреть сложившиеся точки зрения на категорию объект экологического правоотношения. **Методы:** диалектический, системный, логический, анализ, синтез. **Результаты:** исследована динамика развития доктринальной концепции субъекта и объекта экологического правоотношения, рассмотрены точки зрения ведущих эколого-правовых научных школ стран СНГ о существующих и

перспективных субъектах экологических правоотношений, в рамках категории «объект экологического правоотношения» дана оценка взглядам современных ученых относительно признания климата, а также человека объектом экологического правоотношения. **Выводы:** в статье аргументируется вывод о том, что в теории экологического права наибольшие дискуссии сегодня вызывают категории «субъект» и «объект» экологического правоотношения. Представляется обоснованным появление нового субъекта экологических правоотношений – «будущих поколений», упоминаемых в законодательстве. В статье высказывается ряд аргументов в поддержку существующих предложений по расширению традиционного перечня объектов экологических правоотношений с добавлением в него квазиприродных объектов, аграрной экосистемы, климата и многих других.

Ключевые слова: правоотношение, субъект, объект, климат, экологическое право, человек, природа, будущие поколения.

Цитирование. Рыженков А. Я. Субъекты и объекты экологических правоотношений // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2020. – Т. 19, № 4. – С. 100–109. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.4.13>

Введение

Необходимость изучения категории «правоотношение» является общепризнанной в теории права и государства, а также во всех отраслевых науках. Однако если применительно к «традиционным» отраслям права категория «правоотношение» является достаточно проработанной, то в отношении достаточно молодой отрасли экологического права данный вопрос сохраняет свою актуальность и новизну. Специфику таким дискуссиям придает то, что в рамках науки экологического права существует два подхода к пониманию его предмета. Сторонники широкого подхода полагают, что нормы экологического права регулируют природоресурсные (по использованию вод, лесов, недр и иных природных ресурсов) и природоохранные (по охране и восстановлению надлежащего качества природных объектов и комплексов) отношения [5, с. 37–38]. Представители узкого подхода отмечают, что земельное, водное, лесное, горное, фаунистическое право находятся на разных стадиях оформления в качестве самостоятельных отраслей в системе российского права, а наименование «природоресурсное право» (как их общее название) означает лишь признание родственных целей и методов правового регулирования соответствующих отношений (как частное право – это общее название гражданского, семейного и жилищного права) [2, с. 91–97].

Соответственно, экологическое право не регулирует отношения собственности или иных (вещных и обязательственных) прав на природные ресурсы и делает основной акцент

лишь на природоохранных вопросах. При этом сторонники данной концепции не отрицают наличие тесной взаимосвязи между использованием и охраной природных ресурсов, однако объясняют ее посредством концепции межотраслевых связей, детально разработанной, например, в науке гражданского права М.Ю. Чельшевым [24].

Исходя из указанных обстоятельств, понятие и содержание экологических правоотношений будет сильно отличаться в зависимости от того, какой из названных позиций придерживается конкретный исследователь. Попробуем рассмотреть теорию экологических правоотношений в узком смысле.

При таком подходе экологические правоотношения – это урегулированные нормами экологического и иных отраслей права общественные отношения в сфере взаимодействия природы и общества по поводу исполнения и соблюдения природопользователями экологических требований, нормативов и технических регламентов, создания особо охраняемых природных территорий и охраны отдельных природных объектов, а также использования гражданами мер по защите своего права на благоприятную окружающую среду.

Субъекты экологических правоотношений

Правовые отношения «всегда предполагают наличие субъектов права, общественно-производственные отношения которых опосредуются как правовые. Субъектом права может быть только человек или человеческий коллектив – индивидуальный или коллек-

тивный хозяйствующий субъект, но не имущество, не какая-либо цель, и не любое имя или понятие» [8, с. 295–296].

Единой общепризнанной классификации субъектов экологических правоотношений в настоящий момент не разработано. В связи с этим одни авторы (А.И. Федор) предлагают выделять по критерию содержания прав и обязанностей четыре группы таких субъектов: природопользователи, органы исполнительной (в том числе специально уполномоченные органы) и представительной власти, общественные экологические организации, органы судебно-прокурорского надзора [22, с. 15–16]. Положительным в этой классификации является то, что учтены все три ветви власти, действительно по-разному участвующие в экологических правоотношениях (поскольку нормотворчество или отправление правосудия – это тоже формы участия). Кроме того, эта классификация позволяет отобразить все уровни публичных субъектов экологических правоотношений (федеральные, региональные и муниципальные органы).

Однако при таком подходе не учитываются граждане и иные (необщественные) объединения, не являющиеся природопользователями.

Другие авторы выделяют в качестве субъектов: государство; государственные органы; юридические лица (в том числе иностранные и международные); физические лица (в том числе иностранцы и лица без гражданства); иностранные государства [17, с. 51]. Однако в данном случае не совсем ясен критерий, по которому разделяются «государство» и «государственные органы», поскольку функции государства как раз и реализуются посредством деятельности его органов. Кроме того, в этой классификации нет органов местного самоуправления (которые в силу ст. 12 Конституции РФ не входят в систему органов государственной власти). Что же касается иностранных государств, то они могут выступать субъектами экологических правоотношений на территории России только в порядке и объеме, предусмотренном международными договорами. Наконец, отмечу, что юридические лица указаны авторами все вместе (и коммерческие организации, и общественные объединения), однако их правосубъ-

ектность не совпадает. Примечательно, что последняя позиция о выделении в качестве отдельных субъектов экологических правоотношений иностранных государств является довольно распространенной и в научных школах за пределами России. Например, их выделяют в белорусской эколого-правовой научной школе [25, с. 56]. При этом, если в Беларуси ст. 6 Закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» от 26 ноября 1992 г. № 1982-ХІІ (ред. от 18.06.2019) иностранные государства прямо обозначены, то в его российском аналоге (Федеральном законе «Об охране окружающей среды» от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ) таких упоминаний нет. В связи с этим включение иностранных государств в перечень субъектов экологических правоотношений можно рассматривать как предложение восполнить пробел в праве.

А.И. Мирошниченко предлагает считать участниками экологических правоотношений «человека, органы государственной власти и общественного самоуправления, общественные, международные, и межправительственные организации» [13, с. 13]. В данной классификации, однако, не совсем понятны отличия между «общественными» организациями и органами «общественного самоуправления», причем автор не упоминает органы местного самоуправления. Представляется, что в числе субъектов экологических правоотношений следует указать граждан, юридических лиц (коммерческих и некоммерческих, включая иностранных), Российскую Федерацию, субъектов РФ и муниципальные образования. Кроме того, следует обратить внимание на два обстоятельства. Во-первых, в некоторых (общерегулятивных) правоотношениях граждане участвуют вне зависимости от возраста и состояния дееспособности. Речь в данном случае идет об отношениях в сфере общего природопользования (право дышать чистым воздухом, употреблять безопасную для здоровья питьевую воду и т. д.). Во-вторых, характерной чертой субъектного состава экологических правоотношений является практически постоянное участие в них государства (Российской Федерации, субъектов РФ), реже – муниципальных образований.

Отдельным дискуссионным субъектом экологических правоотношений являются «бу-

душие поколения», о которых идет речь во множестве международных актов. Об ответственности перед «нынешним и будущими поколениями» упоминается в преамбуле Конституции РФ. Будущие поколения в разных контекстах упоминаются в ст. 1 Градостроительного кодекса РФ (в рамках принципа устойчивого развития территории), Федеральном законе «Об охране окружающей среды» (преамбула и ст. 63.1), ст. 35 Закона РФ «О недрах», ст. 3 Федерального закона «Об охране атмосферного воздуха» и ряде других федеральных экологических законодательных актов. Об этом также было сказано и в Послании Президента РФ Федеральному Собранию от 20 февраля 2019 г.: «Мы должны передать будущим поколениям экологически благополучную страну, сохранить природный потенциал и заповедный фонд России» [15]. Однако никаких четких критериев и процедур по реализации прав данной разновидности субъектов экологическое законодательство пока не предусматривает.

Объект экологических правоотношений

В советской юридической науке были обоснованы две концепции объекта правоотношений – монистическая и плюралистическая. В рамках первой выделялись две теории объекта (вещная и поведенческая).

Монистическая концепция считала объектом правоотношения только вещи как предметы материального мира, которые могут находиться в твердом, жидком, газообразном или ином физическом состоянии, а также результаты интеллектуальной деятельности. Поведенческая теория «признавала объектом правоотношения действия субъектов, в то время как материальные и нематериальные блага являлись целью, ради которой лица вступали в правоотношения» [23, с. 106–108].

В рамках плюралистической концепции указывалось на то, что не может быть одного (единственного) объекта правоотношения, их существует множество и они носят разнообразный характер. В зависимости от вида гражданского правоотношения «в качестве его объекта могут выступать как материальные и духовные блага, получение и использо-

вание которых составляет интерес управомоченной стороны, так и действия по их приобретению» [21, с. 406]. Разграничение материальных благ и действий как объектов экологических правоотношений в экологическом праве пока не разработано, и большинство авторов считает объектом экологических правоотношений то благо, на которое направлено поведение его участников. Таким благом являются компоненты природной среды, природные объекты и комплексы. Между тем исследование действий в рамках плюралистической концепции представляется весьма важным, поскольку в экологическом праве интересы сторон могут быть направлены исключительно на совершение действий (требования о получении экологической информации), лишь опосредовано относящихся к конкретным природным объектам. Именно в этом смысле понимают категорию «объект» представители харьковской научной школы экологического права (Украина), различая в качестве объектов экологических правоотношений природные объекты, вещи, неимущественные блага, а также результаты действий [26, с. 14].

Не менее интересно и предложение юристов-экологов из Республики Казахстан, полагающих, что «объектом экологического правоотношения является юридически упорядоченное взаимодействие субъектов данного отношения, складывающееся в процессе реализации экологического права, законного экологического интереса либо экологической обязанности» [3, с. 61]. Думается, что дальнейшая разработка правовой категории «объект экологического правоотношения» должна включать изучение не только объектов материального мира (природных объектов), но и действий субъектов, а также нематериальных благ. При рассмотрении объектов экологических правоотношений весьма важным представляется решение вопроса об отграничении данной категории от объектов, регулируемых нормами иной отраслевой принадлежности.

Так, представители белорусской правовой науки отмечают, что отнесение белорусским законодательством о животном мире диких животных, находящихся в неволе, к объектам экологических правоотношений (животному миру) некорректно, равно как и включение дендрологических парков и ботаничес-

ких садов в состав ООПТ. Совсем другое дело – это включение рядом международных актов в разряд объектов экологических правоотношений «биологического разнообразия» [25, с. 58]. В свою очередь, российские ученые отмечают, что «следует как минимум выделить в качестве особого объекта правового регулирования биологические ресурсы, биоразнообразие, экосистемы, безопасность человека, глобальные экологические услуги» [4, с. 128–129]. В данном случае следует заметить, что выделение биологического разнообразия или экосистем в качестве объекта экологических правоотношений вполне оправдано. Для отграничения экологических от иных объектов правоотношений необходимо использовать критерий нахождения конкретного объекта в состоянии взаимодействия с природной средой.

Следовательно, животные, находящиеся в зоопарке или цирке (а равно земля в цветном горшочке, вода в водопроводе и др.) не могут являться объектами экологических правоотношений. Эти отношения регулируются нормами других отраслей права (главным образом, гражданского права). Относительно же обоснованности отнесения дендрологических парков и ботанических садов к категории ООПТ следует заметить, что этот вопрос не имеет однозначного ответа. С одной стороны, данные коллекции растений носят искусственный характер и высажены человеком. С другой стороны, такие территории выполняют важные экосистемные функции и заслуживают особой охраны.

Отдельный вопрос состоит в том, являются ли объектом экологических правоотношений бродячие животные (кошки, собаки), которые, с одной стороны, являются домашними животными, а с другой – выпадают из системы гражданских правоотношений. Такие животные находятся в состоянии естественной свободы и часто склонны к одичанию, в результате чего окончательно утрачивают свойства объекта гражданских прав. Представляется, что такие животные занимают особое место в системе объектов правоотношений, образуя отдельную группу, а их правовой режим определяется нормами экологического, административного, муниципального и гражданского права.

Кроме того, стоит заметить, что развитие научных технологий уже ставит на повестку дня вопрос о том, следует ли рассматривать в качестве экологических отношения в сфере производства генетически модифицированных продуктов или продукции, полученной с использованием нанотехнологий.

Не меньшие дискуссии вызывают следующие вопросы, связанные с дальнейшим развитием категории «объект экологического правоотношения»:

1. В научной литературе отмечается, что преобразовательная деятельность современного человека влечет появление самых разных искусственных природных объектов. Кроме уже упомянутых дендрологических парков и ботанических садов, в результате строительной деятельности постоянно создаются искусственные земельные участки, каналы, водохранилища, пруды, а также обводненные карьеры. Российский законодатель признает их природными объектами, используя фикцию искусственного уподобления и приравнивания (распространения правового режима). Это обстоятельство обусловило появление весьма перспективного предложения о том, чтобы в системе природных объектов (как объектов правоотношений) выделить названные объекты (искусственно созданные) в отдельную подгруппу и обозначить их как «квазиприродные» объекты, имеющие реально существующие экологические связи с окружающей средой [6, с. 15]. Действительно, ряд объектов, хотя и признаются природными, не имеют естественного происхождения, обладая двойным статусом (природный объект и объект недвижимости).

В целом поддерживая данное предложение, следует все же заметить, что не совсем ясны критерии, отграничивающие данную новую правовую конструкцию от смежных категорий. Например, в ходе мелиорации происходит строительство мелиоративных систем (которые могут обладать признаками недвижимости) в целях улучшения качества земельных участков сельскохозяйственного назначения. Кроме того, в силу п. 4 ст. 13 ЗК РФ при проведении связанных с нарушением почвенного слоя строительных работ и работ по добыче полезных ископаемых плодородный слой почвы снимается и используется для улучше-

ния малопродуктивных земель. Отсюда возникает следующий вопрос: влечет ли мелиорация перемещение почвы, появление «квази-природного объекта», или же это иная правовая реальность? Можно ли сказать, что правовая конструкция «квазиприродный объект» распространяется только на водохранилища, пруды и искусственные земельные участки? Эти вопросы требуют дальнейшего исследования и проработки.

Столь же интересным является и предложение К.А. Селивановой о выделении нового объекта экологических правоотношений – «аграрной экосистемы», под которой понимается «искусственно созданная или измененная человеком экосистема, имеющая пространственно-территориальные границы, в которой природные и природно-антропогенные объекты взаимодействуют между собой как единое функциональное целое, связаны обменом веществ, энергией и воздействием человека, с целью повышения продуктивности сельскохозяйственного производства» [18, с. 9]. Поддерживая в целом такое предложение (являющееся дальнейшим развитием классификации объектов экологических правоотношений на естественные, модифицированные и трансформированные, предложенной еще В.В. Петровым [14, с. 100]), представляется необходимым четко определиться в вопросе о том, является ли аграрная экосистема природным, природно-антропогенным или антропогенным объектом.

2. В последние годы в эколого-правовой науке развернулась дискуссия о том, является ли человек объектом экологических правоотношений. Сторонники данной концепции считают, что человек – это часть природы [7, с. 163; 10, с. 29], а не только субъект правоотношений, и такое включение человека в перечень объектов охраны окружающей среды не противоречит сущности экологического законодательства [16, с. 83–87]. Они пишут, что человек – это биологическое существо, также, как и человечество – «это часть природы, и как бы они по своему уровню развития качественно не выделялись среди других ее форм, их существование возможно лишь внутри природной среды и на основании ее звеньев» [20, с. 5].

Противники данной концепции указывают на тот факт, что если человек – часть

природы, то ему право не нужно, в том числе и экологическое право. Природа живет не по праву. В природе все происходит по объективным законам материального мира. «Между тем, объясняя юридическое понятие природы и характеризуя экологическое право в целом, необходимо подчеркнуть, что человек, благодаря присущим ему способностям мыслить и производительно трудиться, выделился из природной среды и образовал общество. Он научился разумно управлять своим поведением, в связи с чем человеку необходимы знания законов природы, закономерностей взаимодействия общества и природы и основанные на этих знаниях социальные инструменты, в частности право, для управления развитием общества в гармонии с природой» [11, с. 34].

Аналогичным образом, другие авторы считают, что человек и гражданин России, «вопреки теории отдельных ученых, никак не может быть объектом экологических отношений. В противном случае человек автоматически становится объектом и в природоресурсных правоотношениях, если продолжать объяснять в учебниках для юристов, что экологическое право есть комплексная отрасль права, объединяющая два противоречивых интереса» [12, с. 60].

Утверждение, что человек является «объектом» права, «идет вразрез с гуманистической концепцией права и уравнивает человеческую личность, творческому потенциалу которой обязано своим существованием, в том числе, и право как достижение мировой культуры, с явлениями иного порядка, лишенными созидательной силы» [19, с. 109–159]. В связи с этим, с одной стороны, человека нельзя рассматривать в качестве объекта экологического права, поскольку, даже являясь своеобразной «частью природы», он сильно отличается от любых других объектов правоотношений. На это обращал внимание Н.Н. Вопленко, отмечавший, что «современное цивилизованное государство не может и не должно рассматривать человеческую личность в качестве объекта правовых отношений, ибо это ведет к ее ограничению в гражданских правах, превращает в товар, объект купли-продажи и т. д.» [9, с. 622]. С другой стороны, человек как

биологический вид объективно является частью природы, и, как и другие биологические виды, страдает от загрязнения окружающей среды. Соответственно, невозможно охранять окружающую среду только в интересах человека, без учета интересов других живых существ. В связи с этим, исходя из современного состояния правовой системы России, человек не является объектом экологических правоотношений. В то же время в случае дальнейшего развития комплексного подхода к целям и задачам экологического законодательства, ухода от акцента только на интересы человека произойдет трансформация категории «объект правоотношений» с включением в нее человека, что позволит учесть и интересы всех остальных живых организмов.

3. В настоящий момент глобальные изменения климата ставят перед человечеством две основные стратегии выживания: адаптации к изменениям климата и смягчения таких последствий. «Зарубежные эксперты определяют “смягчение” как антропогенное вмешательство, направленное на уменьшение источников или сокращение выбросов парниковых газов» [1, с. 85–91]. Напротив, «адаптация» является «регулятором естественных или человеческих систем в ответ на фактические или ожидаемые климатические изменения или их эффекты, которые смягчают вред или предоставляют новые выгодные возможности. Меры по смягчению последствий изменения климата часто являются превентивными, поскольку обращаются к источникам изменения климата, тогда как адаптация создана как мера реагирования на эффекты уже изменившегося климата» [27, с. 6].

При этом если климат как объект экологических правоотношений в той или иной форме указывается в экологическом законодательстве ряда зарубежных стран (например, в ст. 57 Закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды»), то в Российской Федерации мы встретим упоминание о нем только в ряде подзаконных актов (направленных на реализацию международных обязательств России), но не в основных актах экологического законодательства, что, несомненно, требует корректировки.

Заключение

Таким образом, понимание экологического правоотношения различается в рамках широкого и узкого подходов к предмету экологического права. В рамках узкого подхода наибольшие дискуссии вызывают категории «субъект» и «объект» экологического правоотношения. Представляется обоснованным появление нового субъекта экологических правоотношений – «будущих поколений», упоминаемых в законодательстве. В настоящий момент уже высказан ряд предложений и по расширению традиционного перечня объектов экологических правоотношений, с добавлением в него квази-природных объектов, аграрной экосистемы, климата и многих других. Данные предложения получили различную оценку в научной литературе. Думается, что безусловной поддержки заслуживает включение в состав объектов экологических правоотношений климата, как это уже было сделано в ряде республик бывшего СССР.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анисимов, А. П. Климат как объект экологических правоотношений / А. П. Анисимов // Аграрное и земельное право. – 2015. – № 8. – С. 85–91.
2. Анисимов, А. П. Экологическое право как отрасль права и его место в системе права России: дискуссионные вопросы / А. П. Анисимов // Аграрное и земельное право. – 2016. – № 7. – С. 91–97.
3. Бекишева, С. Д. Экологическое право Республики Казахстан : учеб. пособие / С. Д. Бекишева. – Караганда : Арко, 2009. – 472 с.
4. Боголюбов, С. А. Экологическое право : учебник / С. А. Боголюбов, О. Л. Дубовик. – М. : ТК Велби, Проспект, 2003. – 584 с.
5. Боголюбов, С. А. Сочетание правовых международных и национальных терминов и принципов в экологической сфере / С. А. Боголюбов // Международно-правовое и национальное регулирование экологической сферы общества : сб. ст. – М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2011. – С. 35–59.
6. Болтанова, Е. С. Эколо-правовые основы регулирования застройки земель зданиями и сооружениями в России : дис. ... д-ра юрид. наук / Болтанова Елена Сергеевна. – Томск, 2014. – 457 с.

7. Бринчук, М. М. Экологическое право (Право окружающей среды) / М. М. Бринчук. – М. : Юристъ, 1998. – 688 с.
8. Венедиктов, А. В. Правовая природа государственных предприятий. Избранные труды по гражданскому праву. В 2 т. Т. 1 / А. В. Венедиктов. – М. : Статут, 2004. – 463 с.
9. Вопленко, Н. Н. Очерки общей теории права / Н. Н. Вопленко. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2009. – 898 с.
10. Дубовик, О. Л. Экологическое право : учебник / О. Л. Дубовик, Л. Кремер, Г. Люббе-Вольфф. – М. : Эксмо, 2005. – 768 с.
11. Колбасов, О. С. Терминологические блуждания в экологии / О. С. Колбасов // Государство и право. – 1999. – № 10. – С. 27–37.
12. Максимова, Е. А. Право в социальной структуре обеспечения экологической и природоресурсной безопасности населения в Российской Федерации / Е. А. Максимова, Н. Т. Разгельдеев // Правовые институты и методы охраны окружающей среды в России, странах СНГ и Европейского союза: состояние и эффективность : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. преподавателей, практических сотрудников, студентов, магистрантов, аспирантов, соискателей : сб. науч. ст. – Саратов : Саратовский источник, 2017. – С. 58–61.
13. Мирошниченко, А. И. Правовой механизм защиты экологического интереса: теоретико-правовой анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Мирошниченко Александр Игоревич. – Краснодар, 2011. – 28 с.
14. Петров, В. В. Экологическое право России : учебник для вузов / В. В. Петров. – М. : БЕК, 1995. – 557 с.
15. Послание Президента Федеральному Собранию. 20 февраля 2019 года. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/59863> (дата обращения: 20.10.2020). – Загл. с экрана.
16. Пуряева, А. Ю. Человек в системе объектов охраны окружающей среды / А. Ю. Пуряева // Журнал российского права. – 2007. – № 5. – С. 83–87.
17. Саркисов, О. Р. Экологическое право : учеб. пособие / О. Р. Саркисов, Е. Л. Любарский. – Казань : Центр инновационных технологий, 2014. – 335 с.
18. Селиванова, К. А. Эколого-правовой механизм в аграрном секторе экономики: направления реализации : дис. ... канд. юрид. наук / Селиванова Ксения Алексеевна. – Оренбург, 2016. – 192 с.
19. Сенчищев, В. И. Объект гражданского правоотношения / В. И. Сенчищев // Актуальные проблемы гражданского права / под ред. М. И. Брагинского. – М. : Статут, 1999. – С. 109–159.
20. Соломина, С. Н. Взаимодействие общества и природы: философские проблемы / С. Н. Соломина. – М. : Мысль, 1983. – 252 с.
21. Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. – М. : Юристъ, 1997. – 672 с.
22. Федор, А. И. Экологическое право : учеб. пособие / А. И. Федор. – Волгоград : Волгоградский государственный аграрный университет, 2015. – 120 с.
23. Чаркин, С. А. Земельные правоотношения как межотраслевая правовая категория : монография / С. А. Чаркин. – М. : Юрайт, 2012. – 237 с.
24. Чельшев, М. Ю. Система межотраслевых связей гражданского права: цивилистическое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Чельшев Михаил Юрьевич. – Казань, 2009. – 42 с.
25. Экологическое право : пособие / С. А. Балашенко [и др.]. – Минск : Изд-во БелГУ, 2013. – 240 с.
26. Anisimova, A. V. Objects of Environmental Legal Relations: Modern Approaches / A. V. Anisimova // Теорія і практика правознавства. – 2014. – Вып. 1 (5). – С. 14.
27. Parker-Flynn, J. E. The Intersection of Mitigation and Adaptation in Climate Law and Policy / J. E. Parker-Flynn. – Davis : University of California, Davis, 2014. – Vol. 38. – P. 1–47.

REFERENCES

1. Anisimov A.P. Klimat kak obyekt jekologicheskikh pravootnoshenij [Climate as an Object of Ecological Legal Relations]. *Agrarnoe i zemel'noe pravo* [Agrarian and Land Law], 2015, no. 8, pp. 85-91.
2. Anisimov A.P. Jekologicheskoe pravo kak otrasl' prava i ego mesto v sisteme prava Rossii: diskussionnye voprosy [Environmental Law as a Branch of Law and Its Place in the System of Law of Russia: Debatable Issues] *Agrarnoe i zemel'noe pravo* [Agrarian and Land Law], 2016, no. 7, pp. 91-97.
3. Bekisheva S.D. *Jekologicheskoe pravo Respubliki Kazahstan: uchebnoe posobie* [Environmental Law of the Republic of Kazakhstan: Study Guide]. Karaganda, Arko Publ., 2009. 472 p.
4. Bogolyubov S.A., Dubovik O.L. *Jekologicheskoe pravo: uchebnik* [Environmental Law: Textbook]. Moscow, TK Welby, Prospect Publ., 2003. 584 p.
5. Bogolyubov S.A. Sochetanie pravovykh mezhdunarodnykh i nacional'nykh terminov i principov v jekologicheskoy sfere [Combination of International and National Legal Terms and Principles in the Environmental Sphere] *Mezhdunarodno-pravovoe i nacional'noe regulirovanie e'kologicheskoy sfery' obshchestva: sbornik statej* [International Legal and National Regulation of the Environmental Sphere of

Society: Collection of Articles]. Moscow, Institute of Legislation and Comparative Law Under the Government of the Russian Federation, 2011, pp. 35-59.

6. Boltanova E.S. *Jekologo-pravovye osnovy regulirovaniya zastrojki zemel' zdanijami i sooruzhenijami v Rossii* [Ecological and Legal Bases of Regulation of Land Construction by Buildings and Constructions in Russia: Dissertation of Doctor of Law]. Tomsk, 2014. 457 p.

7. Brinchuk M.M. *Jekologicheskoe pravo (Pravookruzhajushhej sredy)* [Environmental Law (Environmental Law)]. Moscow, Jurist Publ., 1998. 688 p.

8. Venediktov A.B. *Pravovaja priroda gosudarstvennyh predpriyatij. Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu. V 2 t. T. 1* [Legal Nature of State Enterprises. Selected Works on Civil Law. In 2 vols. Vol. 1.]. Moscow, Statut Publ., 2004. 463 p.

9. Voplenko N.N. *Ocherki obshhej teorii prava* [Essays of the General Theory of Law]. Volgograd, Publishing house of Volgograd State University, 2009. 898 p.

10. Dubovik O.L., Kremer L., Lubbe-Wolff G. *Jekologicheskoe pravo: uchebnik* [Environmental Law: A Textbook]. Moscow, Eksmo Publ., 2005. 768 p.

11. Kolbasov O.S. Terminologicheskie bluzhdaniya v jekologii [Terminology Wanderings in the Ecology]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 1999, no. 10, pp. 27-37.

12. Maksimova E.A., Razgeldeev N.T. Pravo v social'noj strukture obespechenija jekologicheskoy i prirodoresursnoj bezopasnosti naselenija v Rossijskoj Federacii [Law in the Social Structure of Environmental and Natural Resource Security of the Population in the Russian Federation]. *Pravovy'e instituty' i metody' ohrany' okruzhayushhej sredy' v Rossii, stranax SNG i Evropejskogo soyuza: sostoyanie i e'ffektivnost': materialy' III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii prepodavatelej, prakticheskix sotrudnikov, studentov, magistrantov, aspirantov, soiskatelej. Sbornik nauchny'x statej* [Legal Institutions and Methods of Environmental Protection in Russia, CIS Countries and the European Union: Status and Effectiveness: Materials of the III International Scientific and Practical Conference of Teachers, Practitioners, Students, Undergraduates, Graduate Students, Applicants. Collection of Scientific Articles]. Saratov, Saratov source Publ., 2017, pp. 58-61.

13. Miroshnichenko A.I. *Pravovoj mehanizm zashchity jekologicheskogo interesa: teoretiko-pravovoj analiz* [Legal Mechanism of Protection of Ecological Interest: Theoretical and Legal Analysis: Abstract of the Dissertation of the Candidate of Legal Sciences]. Krasnodar, 2011. 28 p.

14. Petrov V.V. *Jekologicheskoe pravo Rossii: uchebnik dlja vuzov* [Environmental Law of Russia:

Textbook for Universities]. Moscow, BEK Publ., 1995. 557 p.

15. *Poslanie Prezidenta Federalnomu Sobraniuu. 20 fevralya 2019 goda* [President's Message to the Federal Assembly on February 20, 2019]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/59863> (accessed 20 October 2020).

16. Puryaeva A.Yu. Chelovek v sisteme obyektov ohrany okruzhajushchej sredy [Man in the System of Objects of Environmental Protection]. *Zhurnal rossijskogo prava* [Journal of Russian Law], 2007, no. 5, pp. 83-87.

17. Sarkisov O.R., Lubarsky E.L. *Jekologicheskoe pravo: uchebnoe posobie* [Environmental Law: Training for the Expedient]. Kazan, Center for Innovative Technologies, 2014. 335 p.

18. Selivanova K.A. *Jekologo-pravovoj mehanizm v agrarnom sektore jekonomiki: napravlenija realizacii* [Ecological and Legal Mechanism in the Agricultural Sector of the Economy: Directions of Implementation: Dissertation of the Candidate of Legal Sciences]. Orenburg, 2016. 192 p.

19. Senchishev V.I. Obyekt grazhdanskogo pravootnosheniya [Object of Civil Legal Relationship]. M.I. Braginsky, ed. *Aktual'ny'e problemy' grazhdanskogo prava* [Actual Problems of Civil Law]. Moscow, Statut Publ., 1999, pp. 109-159.

20. Solomina S.N. *Vzaimodejstvie obshhestva i prirody: filosofskie problemy* [The Interaction of Society and Nature: Philosophical Problem]. Moscow, Mysl' Publ., 1983. 252 p.

21. Matuzov N I., Malko A.V., eds. *Teorija gosudarstva i prava: kurs lekcij* [Theory of State and Law: A Course of Lectures]. Moscow, Jurist Publ., 1997. 672 p.

22. Fedor A.I. *Jekologicheskoe pravo: uchebnoe posobie* [Environmental Law: A Textbook]. Volgograd, Volgograd State Agrarian University, 2015. 120 p.

23. Charkin S.A. *Zemel'nye pravootnosheniya kak mezhotraslevaja pravovaja kategorija* [Land Relations as a Cross-Cutting Right Category. A Monograph]. Moscow, Yurayt Publ., 2012. 237 p.

24. Chelyshev M.Yu. *Sistema mezhotraslevykh svyazey grazhdanskogo prava: civilisticheskoe issledovanie* [System of Intersectoral Relations of Civil Law: Civil Research: Abstract of the Dissertation of Doctor of Law]. Kazan, 2009. 42 p.

25. Balashenko S.A., et al. *Jekologicheskoe pravo: posobie* [Environmental Law: Manual]. Minsk, Publishing House of the Belarusian State University, 2013. 240 p.

26. Anisimova A.V. Objects of Environmental Legal Relations: Modern Approaches. *Theory and Practice of Legal Cognition*, 2014, vol. 1 (5), p. 14.

27. Parker-Flynn J.E. *The Intersection of Mitigation and Adaptation in Climate Law and Policy*. Davis, University of California, 2014, vol. 38, pp. 1-47.

Information About the Author

Anatoly Ya. Ryzhenkov, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor, Department of Civil Law and Procedure, B.B. Gorodovikov Kalmyk State University, A.S. Pushkina St, 11, Bld. 1A, 358000 Elista, Russian Federation, 4077778@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2015-1709>

Информация об авторе

Анатолий Яковлевич Рыженков, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права и процесса, Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова, ул. А.С. Пушкина, 11, корп. 1А, 358000 г. Элиста, Российская Федерация, 4077778@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2015-1709>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.4.14>

UDC 34.347
LBC 67.404

Submitted: 10.10.2020
Accepted: 01.11.2020

THE CONCEPT AND CIVIL ASPECTS OF CULTURAL ACTIVITIES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Maxim V. Sevostyanov

Volzhsky Branch of Volgograd State University, Volzhsky, Russian Federation

Introduction: cultural activities are important in the lives of people at all stages of human development without exception. At present, culture as the basis of the activity under consideration is the subject of research in many humanities and other sciences. However, this activity also has private law properties that are in many cases identical to the system elements of civil law. The **purpose** of the publication is to identify these properties that affect the legal nature of cultural activities. **Methods:** the research is based on the system method, civilized techniques and the methods of interpretation, the methods of analysis and synthesis, and the comparative legal method. **Results:** the paper substantiates the author's view of cultural activity as a system of actions of the civil turnover participants aimed at creating, transforming, preserving, distributing and applying cultural values in the sphere of spiritual and material needs of a person. The studied activity is characterized by the subject elements of the civil law branch, which are manifested in the legal nature of the participants, the dynamics of ownership of the cultural objects, the contractual regulation of "cultural" relations, and the means of protecting cultural rights. **Conclusions:** in the course of the research, the author identifies the qualifying features of the cultural activity, united by the dynamics of cultural values in the context of improving the spiritual and material needs of people. The essence of civil law aspects inherent in cultural activities at the present stage of civil turnover development is determined and argued. The systemic nature of the fundamental, subject, object, real-law, contractual, intellectual, protective and other private-law aspects allows us to qualify cultural activities as a process of exercising civil rights.

Key words: culture, cultural activities, civil law, civil law aspects, civil law system, civil rights implementation process.

Citation. Sevostyanov M.V. The Concept and Civil Aspects of Cultural Activities in the Russian Federation. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2020, vol. 19, no. 4, pp. 110-115. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.4.14>

УДК 34.347
ББК 67.404

Дата поступления статьи: 10.10.2020
Дата принятия статьи: 01.11.2020

ПОНЯТИЕ И ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Максим Владимирович Севостьянов

Волжский филиал Волгоградского государственного университета, г. Волжский, Российская Федерация

Введение: культурная деятельность имеет важное значение в жизни людей на всех без исключения этапах человеческого развития. В настоящее время культура как основа рассматриваемой деятельности является предметом исследований многих гуманитарных и иных наук. Вместе с тем эта деятельность обладает и частноправовыми свойствами, которые во многих случаях являются идентичными для системных элементов гражданского права. Выявление этих свойств, влияющих на правовую природу культурной деятельности, и является **целью** настоящей публикации. **Методы:** в основу проводимого исследования положены системный метод, цивилистические приемы и способы толкования, методы анализа и синтеза, сравнительно-правовой метод. **Результаты:** в статье обосновывается авторский взгляд на культурную деятельность как на систему действий участников гражданского оборота, направленных на создание, преобразование, сохранность, распространение и применение культурных ценностей в сфере духовно-материальных потребностей человека. Изучаемой деятельности присущи предметные элементы гражданско-правовой отрасли, проявляющиеся в пра-

вой природы ее участников, динамике права собственности на объекты культуры, договорном регулировании «культурных» отношений, средствах защиты культурных прав. **Выводы:** в процессе исследования выявляются квалифицирующие признаки культурной деятельности, объединенные динамикой культурных ценностей в контексте совершенствования духовных и материальных потребностей людей. Определяется и аргументируется сущность гражданско-правовых аспектов, присущих культурной деятельности на современном этапе развития гражданского оборота. Системный характер основополагающих, субъектных, объектных, вещно-правовых, договорных, интеллектуальных, охранительных и иных частноправовых аспектов позволяет квалифицировать культурную деятельность как процесс осуществления гражданских прав.

Ключевые слова: культура, культурная деятельность, гражданское право, гражданско-правовые аспекты, система гражданского права, процесс осуществления гражданских прав.

Цитирование. Севостьянов М. В. Понятие и гражданско-правовые аспекты культурной деятельности в Российской Федерации // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2020. – Т. 19, № 4. – С. 110–115. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.4.14>

Введение

В настоящее время культурная деятельность является неизбежным элементом общественных отношений. Несмотря на свою многогранность, эта деятельность в недостаточной степени изучена средствами цивилистической науки, что ограничивает ее осуществление в гражданском обороте. **Цель** проводимого исследования заключается в выявлении частноправовой природы культурной деятельности на современном этапе общественного развития. Для достижения цели необходимо решить две научные задачи: 1) сформулировать определение понятия «культурная деятельность»; 2) выявить и обосновать наличие ее гражданско-правовых аспектов.

В контексте методологии исследования следует обратить внимание на два фактора: во-первых, определения понятий воплощают в себе свойства окружающего нас мира и являются своеобразным взглядом на соответствующую правоприменительную область, отражающим в себе «познавательную силу диалектики» [1, с. 288]; во-вторых, ядром решения первой задачи будет выступать прием цивилистического толкования, представляющий собой анализ и последующий синтез результатов словесного и юридического толкования [2, с. 98, 127] термина «культурная деятельность».

Определение понятия «культурная деятельность»

В источниках российской лексикографии отмечается многоаспектный характер терми-

на «культура». Например, в словаре С.И. Ожегова под ним понимается: 1) «совокупность производственных, общественных и духовных достижений людей»; 2) «разведение, выращивание какого-нибудь растения или животного»; 3) высокий уровень развития человеческих навыков. Дополняет указанные свойства и сущность слова «культурный», смысл которого заключается в наличии определенного результата деятельности людей, полученного в процессе «обработки», «возделывания», «выращивания» различных материальных и духовных объектов. Слово «деятельность» («деятельный») означает «занятие, труд, энергия...» [5, с. 167, 216, 314].

Таким образом, в словесном толковании «культурная деятельность – это проявление человеческой энергии посредством труда, работы, занятий, направленной на получение, сохранение, развитие, преобразование производственных и общественно-духовных потребностей людей на соответствующем этапе исторического развития».

В учебной литературе по культуре используется термин «социально-культурная деятельность», которая своими корнями уходит в сферы различных гуманитарных наук и по этой причине имеет комплексную природу [3, с. 5], отражающуюся на юридических свойствах изучаемого термина и его интерпретациях. Например, в ст. 44 Конституции РФ используется сочетание «культурная жизнь», в Гражданском кодексе РФ (далее – ГК) – «культурные ценности» (ч. 5 ст. 1), «культура» как образ жизни различных групп населения страны, в частности казачества (ч. 1 ст. 123.15), малочисленных народов (ст. 123.16) и др.

Однако наиболее полное и буквальное юридическое толкование этого термина содержится в специализированных правовых источниках о культуре [6], где под культурной деятельностью понимается та деятельность, которая направлена на сохранение, создание, распространение и освоение культурных ценностей.

Для полноценного выявления сущности изучаемого вида деятельности необходимо определить содержание термина «культурные ценности», выступающего ее структурным элементом, а также составной частью различных гражданско-правовых норм, закрепленных, но не получивших в достаточной степени определенности в положениях ГК.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что «культурные ценности» представляют собой своеобразный синтез материальных и нематериальных объектов человеческой жизнедеятельности, большинству из которых присущи признаки объектов гражданских прав. Например, к ним относятся результаты деятельности человека (художественные промыслы и ремесла, произведения искусства), вещи, имеющие историко-культурное значение, и др. [6].

Многогранность «культуры» отмечается и в современных научных правовых исследованиях, в которых рассматриваемое понятие объединяет в себе не только определенные ценности, но и различные верования, жизненный уклад, некоторые аспекты участия людей в жизни социума, отдельные области деятельности государства и муниципалитетов [7, с. 13].

Таким образом, на основании проведенного анализа и последующего синтеза можно дать авторское определение понятия «культурная деятельность». Под ней понимается «деятельность человека (граждан и/или организаций), преследующая своей целью создание (преобразование), сохранение, распространение и применение культурных ценностей в области материальных и духовных потребностей людей на определенном этапе развития общественных отношений».

Гражданско-правовые аспекты культурной деятельности

В лексическом значении термин «аспект» означает «точку зрения, взгляд на что-нибудь»

[5, с. 37]. В юридическом смысле под «культурными аспектами» понимается потенциал развития общественных, экономических, научных и иных направлений человеческой деятельности с точки зрения взаимного влияния полученных результатов на динамику культуры [6].

Таким образом, под гражданско-правовыми аспектами следует понимать влияние культурной деятельности на систему гражданского права с точки зрения динамики самой деятельности и составных элементов названной отрасли.

Исследователи культурной деятельности выделяют ее нормативную функцию, то есть способность влиять на формирование тех или иных правовых норм, ориентированных на определенные ценности как результаты культурного развития [3, с. 11]. В связи с этим фактором в статье анализу будут подвергаться положения ГК, в которых: 1) непосредственно содержатся отдельные, производные элементы от термина «культурная деятельность», поскольку в буквальном смысле искомый термин не используется в структуре кодекса («культура», «культурные ценности» и др.); 2) применяются термины и сочетания слов, напрямую не содержащие производные элементы от термина «культурная деятельность» или «культура», но по своему духовно-нравственному и (или) смысловому значению тем или иным способом выражают соответствующие «культурные» аспекты; 3) имеются элементы государственно-муниципальной политики в области культуры, а также культурные компоненты субъектного состава участников гражданских отношений.

Основополагающий аспект базируется на основных началах гражданского законодательства, представленных в ст. 1 ГК. Например, граждане и организации обязаны действовать «добросовестно». И хотя по отношению к этому термину законодатель не применяет «культурные» элементы, в доктрине гражданского права отмечается «ярко выраженная» зависимость действия этого принципа с содержанием дошедших до нас памятников культуры, например «Псковской судной грамоты» [4, с. 32–33].

Другим составным элементом рассматриваемого аспекта является зависимость введения ограничений на динамику товаров и ус-

луг от необходимости охраны «культурных ценностей» (ч. 5 ст. 1 ГК).

Субъектный аспект. Как известно, участниками гражданского оборота, или субъектами гражданского права, являются физические и юридические лица, определение правового положения которых является составной частью предмета исследуемой отрасли. Так, многие элементы рассматриваемого аспекта находят свое выражение в содержании правоспособности физического лица (ст. 18 ГК). Например, «культурные» составляющие просматриваются в имущественных отношениях граждан, в их праве на занятие предпринимательством, учреждении организаций, совершении сделок, выборе места жительства, реализации авторских и иных интеллектуальных прав.

Однако ярко выраженный культурный фактор содержится в праве гражданина иметь или не иметь «отчество» как составной элемент своего имени, во многом обусловленный национально-культурными обычаями.

Понятие «культура» в различных интерпретациях влияет и на правоспособность некоторых юридических лиц, выступая при этом составным элементом целей их учреждения и деятельности. Так, внесенные в реестр казачьи общества, общины коренных малочисленных народов России учреждаются с целью сохранения и развития своей культуры (ст. 123.15, 123.16 ГК).

Сущность **объектного аспекта** заключается в том, что составные элементы понятия «культура» и его производные представляют собой объекты гражданских прав в различных их интерпретациях (ст. 128 ГК). И хотя названная статья кодекса в буквальном смысле не содержит термина «культура», его составные элементы отчетливо просматриваются в фактическом содержании всех объектов. Например, «культурные ценности» представляют собой ничто иное как разновидность вещей во всем их многообразии, культурные компоненты могут входить в результаты работ, выступать составным элементом оказания услуг, интеллектуальной собственности и нематериальных благ.

Вещно-правовой аспект обусловлен свойствами культурных ценностей представлять собой объект материального мира (двор-

цы культуры, музеи и др.), по отношению к которому и возникают соответствующие правомочия: право собственности или иные вещные права. Элементы культурной деятельности влияют на основания возникновения права собственности (например, клад как культурная ценность) и на ее прекращение (например, определенный ст. 240 ГК выкуп культурных ценностей), а также на последствия утери собственником недвижимости права пользования участком земли, в том случае если на этом участке находятся «памятники культуры» (ч. 2 ст. 272 ГК).

Договорный аспект проявляется в том, что договор является не только средством индивидуально-правового регулирования отношений, складывающихся в процессе осуществления культурной деятельности, но и средством защиты прав ее участников. При помощи договоров создаются новые культурные объекты материального мира, оказываются различные виды культурных услуг, осуществляется процесс передачи культурных ценностей и решаются иные «культурные» задачи. Поскольку договор представляет собой разновидность сделки и обязательства, то наряду со специальными нормами (гл. 30, 37, 39 ГК и др.) к договорным отношениям применяются общие положения кодекса о сделках, обязательствах и о договорах, что, безусловно, дополнительно подчеркивает гражданско-правовую сущность рассматриваемого аспекта.

Интеллектуальный аспект обусловлен правовой сущностью культурной деятельности, обладающей созидательным, творческим и иным подобным характером, проявляющимся в создании результатов интеллектуальной деятельности.

Охранительный аспект. Несмотря на то что базовые начала охраны государством объектов культурного наследия носят публично-правовой характер, охрана различных элементов культурной деятельности может осуществляться и при помощи предпринимательской охранной деятельности, имеющей ярко выраженную частноправовую природу. Например, в условиях распространения коронавирусной инфекции обеспечение пропускного и внутриобъектового режимов на объектах культуры (наличие масок, перчаток, соблюдение соци-

альной дистанции и др.) может выступать средством защиты жизни и здоровья участников культурной деятельности и квалифицироваться как оказание охранных услуг [8, с. 128]. Подобные услуги могут быть востребованы и в случае защиты культурных объектов (зданий, концертных площадок и др.) от различного рода противоправных посягательств, а также в случае проведения массовых культурных мероприятий [9], которые стали неизбежным атрибутом государственных и профессиональных праздников.

Выводы

1. Культурная деятельность представляет собой целенаправленную деятельность граждан и организаций, имеющую направленность на созидание, сохранение, распространение и использование ценностей культуры в сфере материально-духовных потребностей людей, востребованных на соответствующих этапах общественного развития.

2. Культурная деятельность обладает ярко выраженными гражданско-правовыми аспектами, придающими этой деятельности частнопредправовой характер и позволяющими квалифицировать ее как процесс осуществления гражданских прав.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев, С. С. Общая теория права. В 2 т. Т. 1 / С. С. Алексеев. – М. : Юрид. лит., 1981. – 361 с.
2. Васильковский, Е. В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов / Е. В. Васильковский. – М. : АО «Центр ЮрИнфоР», 2002. – 580 с.
3. Кемерова, Т. А. Теория социально-культурной деятельности : учеб. пособие / Т. А. Кемерова. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. – 103 с.
4. Коновалов, А. В. Принципы гражданского права: методологические и практические аспекты исследования : дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03 / Коновалов Александр Владимирович. – М., 2019. – 1161 с.
5. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М. : Рус. яз., 1989. – 924 с.
6. Основы законодательства Российской Федерации о культуре : утв. ВС РФ 09.10.1992 № 3612-1 // Рос. газ. – 1992. – 17 нояб (№ 248).
7. Сазонникова, Е. В. Наука конституционного права России и концепт «культура»: вопросы

теории и практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Сазонникова Елена Викторовна. – М., 2012. – 46 с.

8. Шаронов, С. А. Понятие, правовая природа и классификация оказания охранных услуг как объекта гражданских прав в контексте осуществления предпринимательской охранной деятельности / С. А. Шаронов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2018. – № 2. – С. 126–130.

9. Шаронов, С. А. Средства охраны прав участников концертных услуг / С. А. Шаронов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2009. – № 3. – С. 219–222.

REFERENCES

1. Alekseev S.S. *Obshchaya teoriya prava. V 2 t. T. 1* [General Theory of Law. In 2 vols. Vol. 1]. Moscow, Yurid. lit, 1981. 361 p.
2. Vask'kovskiy E.V. *Tsivilisticheskaya metodologiya. Uchenie o tolkovanii i primenении grazhdanskikh zakonov* [Methodology of the Civil Law. The Doctrine of the Interpretation and Application of Civil Laws]. Moscow, JSC "Center Yurinform", 2002. 580 p.
3. Kemerova T.A. *Teoriya sotsial'no-kulturnoy deyatel'nosti: uchebnoe posobie* [Theory of Socio-Cultural Activity: Textbook]. Yekaterinburg, Ed. Ural. Un-ta, 2019. 103 p.
4. Konovalov A.V. *Printsipi grazhdanskogo prava: metodologicheskie i prakticheskie aspekti issledovaniya: dis. ... d-ra yurid. nauk: 12.00.03* [Principles of Civil Law: Methodological and Practical Aspects of Research. Dr. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2019. 1161 p.
5. Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo yazika* [Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Rus. yaz. Publ., 1989. 924 p.
6. *Osnovi zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii o kulture: utv. VSRF 09.10.1992 № 3612-1* [Fundamentals of the Legislation of the Russian Federation on Culture: Approved. Russian armed forces 09.10.1992 No. 3612-1]. *Ros. Gaz*, no. 248. 17.11.1992.
7. Sazonnikova E.V. *Nauka konstitutsionnogo prava Rossii i kontsept «kultura»: voprosi teorii i praktiki: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk: 12.00.01* [Science of Constitutional Law of Russia and the Concept of "Culture": Questions of theory and Practice. Dr. jurid. sci. abs. diss.]. Moscow, 2012. 46 p.
8. Sharonov S.A. *Ponyatie, pravovaya priroda i klassifikatsiya okazaniya okhrannikh uslug kak objekta grazhdanskikh prav v kontekste oshushyestvleniya*

predprinimatel'skoy okhrannoï deyatel'nosti [Concept, Legal Nature and Classification of Security Services as an Object of Civil Rights in the Context of Business Security Activities]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 2018, no. 2, pp. 126-130.

9. Sharonov S.A. Sredstva okhrani prav uchastnikov kontsertnikh uslug [Means of Protecting the Rights of Participants of Concert Services]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosi teorii i praktiki*, 2009, no. 3, pp. 219-222.

Information About the Author

Maxim V. Sevostyanov, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Director, Volzhsky Branch of Volgograd State University, 40 let Pobedy St, 11, 404133 Volzhsky, Russian Federation, Sev_mv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7248-9349>

Информация об авторе

Максим Владимирович Севостьянов, кандидат юридических наук, доцент, директор Волжского филиала Волгоградского государственного университета, ул. 40 лет Победы, 11, 404133 г. Волжский, Российская Федерация, Sev_mv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7248-9349>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.4.15>

UDC 347.61.64
LBC 67.404.4

Submitted: 02.11.2020
Accepted: 25.11.2020

THE LEGAL REGULATION OF PROTECTION OF THE RIGHTS AND INTERESTS OF THE PARTIES TO ALIMONY OBLIGATIONS

Gulnara S. Dzhumagazieva

Astrakhan State University, Astrakhan, Russian Federation

Introduction: the paper analyzes the institution of alimony obligations, namely, the protection of the legal rights and interests of the parties in the event of alimony relations between them. The **purpose** is to determine the essence and importance of alimony obligations and protect the rights of the parties to alimony legal relations under modern family law. In this regard, the author analyzes the concept and legal nature of alimony obligations in family law of the Russian Federation, and also considers the application of legal liability measures in alimony obligations. Using the **methods** of scientific knowledge, the author analyzed the legal nature of alimony obligations, as well as the application of legal liability measures in this area in order to identify the ways to improve the protection of the rights and interests of the parties in the field of alimony obligations. **Results:** the insufficient scientific development of a number of issues related to the characterization of alimony obligations and liability of persons who violate them negatively affects the understanding of the legal nature of such liability, reduces the efficiency of its application and serves as an obstacle to further improvement of the relevant section of the family legislation. **Conclusions:** the analysis of the legal consolidation and practical implementation of measures of responsibility for non-performance or improper performance of alimony obligations is an essential part of the science of family law. The applicable rules of liability are regulated by a whole set of legal acts of various branches of industry, and the differentiation of such measures is implemented in different ways in modern law.

Key words: family legislation, alimony legal relations, alimony obligations, measure of legal responsibility, family members, legal rights and interests, protection of rights.

Citation. Dzhumagazieva G.S. The Legal Regulation of Protection of the Rights and Interests of the Parties to Alimony Obligations. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2020, vol. 19, no. 4, pp. 116-122. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.4.15>

УДК 347.61.64
ББК 67.404.4

Дата поступления статьи: 02.11.2020
Дата принятия статьи: 25.11.2020

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ СТОРОН В АЛИМЕНТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ

Гульнара Сарсенбаевна Джумагазиева

Астраханский государственный университет, г. Астрахань, Российская Федерация

Введение: в данной статье анализируется институт алиментных обязательств, а именно защита законных прав и интересов сторон при возникновении между ними алиментных правоотношений. **Цель** состоит в определении сущности и значения алиментных обязательств и защиты прав сторон алиментных правоотношений по современному семейному праву, в связи с этим автором анализируется понятие и правовая природа алиментных обязательств в семейном праве Российской Федерации, а также рассматривается применение мер юридической ответственности в алиментных обязательствах. С помощью сравнительно-правового **метода** познания автором в целях выявления направлений совершенствования защиты прав и интересов сторон в области алиментных обязательств была проанализирована сущность и правовая природа алиментных обязательств. Используя **общенаучные методы** (анализ, синтез) и **специальные методы познания** (формально-юридический), автор провел исследование вопроса применения мер юридической ответственности за неисполнение алиментных обязательств. **Результаты:** недостаточная научная разработка ряда вопросов,

относящихся к характеристике алиментных обязательств и ответственности нарушающих их лиц, негативно сказывается на понимании правовой природы такой ответственности, снижает эффективность ее применения и служит препятствием для дальнейшего совершенствования соответствующего раздела семейного законодательства. **Выводы:** применяемые нормы ответственности в алиментных обязательствах регулируются целым комплексом нормативно-правовых актов различной отраслевой принадлежности, а дифференциация таких мер по-разному реализуется в современном праве. Наиболее результативным способом восстановления нарушенного права алиментополучателя и одновременно воздействия на неплательщика алиментов является взыскание неустойки, которая может исчисляться как законодательно, так и на договорной основе.

Ключевые слова: семейное законодательство, алиментные правоотношения, алиментные обязательства, мера юридической ответственности, члены семьи, законные права и интересы, защита прав.

Цитирование. Джумагазиева Г. С. Правовое регулирование защиты прав и интересов сторон в алиментных обязательствах // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2020. – Т. 19, № 4. – С. 116–122. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.4.15>

Введение

Семья – главная ячейка общества, которая характеризуется добровольностью союза, общностью быта, наличием брачных отношений и стремлением к рождению и воспитанию детей. По закону Российской Федерации, семейное право ставит целью создать семейные отношения, в которых бы имели место партнерство и поддержка между каждым членом семьи. Понимать и осознавать это могут не все, поэтому заботы и материальной помощи некоторым членам семьи не хватает. Становится больше семей, где только один родитель. Неполные семьи, как правило, финансово незащищены, ведь работает в них только один человек. Страдают в первую очередь несовершеннолетние, поэтому современное семейное право, защищая интересы детей, требует сохранить алиментные обязательства.

В соответствии с законодательством Российской Федерации обязанность по выплате алиментов ложится на членов семьи на законодательном уровне. Такая поддержка оказывается нуждающимся гражданам в добровольном порядке, но при несогласии выплачивать алименты они взыскиваются с алиментоплательщика через судебные разбирательства, то есть реализация данного обязательства обеспечивается принудительной силой со стороны государства.

Сфера алиментных правоотношений является одной из главных областей современного семейного законодательства. В данный момент алиментные отношения относятся к наиболее конфликтным и поэтому заслужива-

ют пристального внимания со стороны государства. Судебные разногласия в данной области семейных правоотношений всегда должны рассматриваться тщательно и всесторонне, так как от этого часто зависит обеспечение жизненных нужд и благополучие наименее социально защищенных граждан.

Понятие и правовая природа алиментных обязательств в семейном праве Российской Федерации

Россия является социальным государством. Соответствуя общественно-правовой концепции, оно обязано обеспечивать условия для достойной жизни всем своим гражданам. Не стоит забывать, что создать достойные материальные условия для жизни каждому гражданину, не имеющему достаточной социальной поддержки, непросто даже экономически устойчивому государству. В результате государство обязано ввести и узаконить требование о материальной помощи кровных родственников друг другу. Таким образом, в Семейном кодексе РФ это условие отражено, алиментные обязательства узаконены. В рамках данного законного требования члены семьи становятся морально обязанными со всеми вытекающими из этого статуса последствиями. Речь, в частности, о финансовой составляющей. Однако в процессе исполнения алиментных обязательств наступают неоднозначные ситуации, требующие уточнения и конкретного истолкования нюансов на законодательном уровне.

В переводе на русский язык слово «алименты» означает содержание. Говоря о праве

на алименты, имеется в виду право на содержание. Право на алименты вытекает из сложившихся ранее родственных отношений. В более широком понимании право на содержание дает гражданско-правовая сделка, это договор пожизненного содержания с иждивением. Это деликт, право на возмещение вреда, полученного от потери кормильца или утраты работоспособности. Право на содержание – это и пенсии, назначаемые государством при наступлении определенных условий и являющиеся мерой социальной защиты.

Существует также различие между алиментными правоотношениями и материальным содержанием одним членом семьи другого, в том числе бывшего. Это разные события, и их нужно разделять. Алименты имеют признаки формальной определенности и являются обязательствами. Алиментное обязательство становится таковым по решению суда, утверждающего решение о принудительном взыскании или констатирующего факт добровольного принятия обязательств одной стороны по отношению к другой с помощью заключения соглашения.

Приведенные дефиниции не раскрывают порядка установления алиментных обязательств – по судебному акту или соглашению сторон, не берут во внимание факт принадлежности. Речь идет о возможности алиментных отношений между субъектами, не являющимися членами одной семьи.

Учитывая названные выше аргументы, можно дать такое толкование понятию «алименты». Средства на содержание, уплачиваемые членами семьи и иными лицами в пользу членов семей или иных лиц, определенных законом, и при наличии предусмотренных законом факторов, определенных в ходе судебного решения или добровольного соглашения.

Применение мер юридической ответственности в алиментных обязательствах

Как следует из смысла обязательств по алиментным правоотношениям, установленным Семейным кодексом РФ [11], они должны обеспечить такие условия жизни несовершеннолетним детям или другим лицам, нуждающимся в материальной поддержке, кото-

рые позволят получать всестороннее развитие, воспитание и образование.

Семейный кодекс РФ [11] является базой, регулирующей отношения, связанные с алиментными обязательствами. При этом используется правовой институт обязательств в области алиментных правоотношений. Алиментные обязанности регулируются не только семейным законодательством. К процессу подключаются нормы других областей права – уголовного, административного, гражданско-процессуального.

Чаще всего алиментные правоотношения устанавливаются между кровными родственниками. Традиционно являлось нормой добровольное исполнение функций по оказанию помощи близкому человеку. Однако такой подход все больше отходит на второй план в современном мире. Все больше субъектов копируют моральные устои и традиции, закрепившиеся ранее в обществе. Они слабо исполняют или вообще отказываются исполнять свои обязанности по поддержке кровных родственников. Это явление негативно отражается на всем обществе. Если у большей части подрастающего поколения недостаточно средств для всестороннего развития, общество получает недоразвитый людской ресурс, снижается его экономический и духовный потенциал. Понимая всю пагубность происходящих в сфере алиментных отношений событий, государство ужесточает ответственность за неуплату алиментов. В законы вносятся соответствующие изменения и поправки. Таким образом, изучение легального закрепления и практического осуществления мер ответственности в данной сфере является крайне актуальным.

За ненадлежащее или полное игнорирование исполнения алиментных обязанностей придется отвечать. Как считает Л.Е. Чичерова, ответственность предусмотрена законодательными актами и разделяется на имущественную, уголовную, исполнительную [13, с. 43]. С нашей точки зрения, меры ответственности можно разделить на 4 вида: семейно-правовая, гражданско-правовая, административная, уголовная.

Рассмотрим понятие ответственности в семейном праве.

В доктрине даются различные определения понятию семейно-правовой ответственности

ти. По мнению А.М. Нечаевой, это наступление неблагоприятных последствий, отягощенных дополнительными обременениями [10, с. 168]. Нельзя сказать, что это наиболее исчерпывающее и емкое определение. Оно не ошибочно, но неполно из-за отсутствия признаков именно семейно-правовой ответственности.

Другое определение дано М.В. Антокольской. В ее интерпретации семейно-правовая ответственность есть предъявление правонарушителю дополнительных обременений различного вида или лишение его субъективного права. Данное толкование можно оценить как более глубокое и точное [1, с. 126].

Заметим, что семейно-правовая ответственность назначается с целью вернуть права, отнятые из-за допущенного нарушения. Следовательно, ее применение обеспечивает защиту нарушенных семейных прав.

Таким образом, для того чтобы привлечь лицо к семейно-правовой ответственности, требуется констатировать его противоправное поведение. Наличие вреда и вина правонарушителя во внимание не берутся. Причинная связь также роли не играет.

Если состав правонарушения установлен в полном объеме, в силу вступает ст. 115 СК РФ. Она требует определить ответственность нарушителя, не выполнившего условия соглашения между получателем и плательщиком алиментов. По закону, получатель алиментов имеет право требовать возмещения убытков, нанесенных невыплатой алиментов или задержкой их выплаты, но только в случае непокрытия их неустойкой.

Как решается вопрос о правовой природе указанных воззрений в юридической литературе? Некоторые авторы, в их числе Н.Ф. Звенигородская, считают меры ответственности, указанные в ст. 115 СК РФ, семейно-правовыми, поскольку они определены нормами Семейного кодекса [4, с. 113].

Такого же мнения придерживается О.Ю. Косова [8, с. 6], ссылаясь на норму из п. 2 ст. 115. При этом неустойка, назначаемая за неисполнение алиментной обязанности, играет роль способа обеспечения требуемого законом действия. На нормы ГК РФ в этом случае опираться вряд ли уместно.

В случае с алиментными обязательствами неустойка, являясь одним из способов

обеспечения обязательств и мерой ответственности за нарушение обязательства, реализует функцию не столько штрафную, сколько восстановительно-компенсационную, поскольку стимулирующая функция неустойки в значительной степени девальвирована и алименты, рассчитанные в долях от заработка и не выплаченные вовремя, в процессе инфляции теряют свои обеспечительные функции. Именно поэтому законодатель, учитывая компенсационный характер законной неустойки, предусмотрел в п. 2 ст. 115 СК РФ санкции за неисполнение алиментных обязательств в размере 0,1 % от суммы невыплаченных алиментов за каждый день просрочки. При этом сумма неустойки может быть снижена по решению суда, принимая во внимание семейное и материальное положение лица, обязанного уплачивать алименты, если неустойка несопоставима последствиям, вытекающим из обязательств по уплате алиментов.

По нашему мнению, размер неустойки, предусмотренный семейным законодательством, не является действенным способом, побуждающим должника к надлежащему исполнению возложенных на него обязанностей. На практике очень часто встречаются случаи, когда граждане сами высчитывают размер неустойки (что не запрещено законом), не обращая при этом за помощью в службу судебных приставов, но проблема заключается в том, что делают они это неверно. Тем более, что временами и судебные приставы-исполнители ошибаются в исчислениях неустойки. Ввиду вышесказанного представляется необходимым внесение пояснения в ст. 115 СК РФ о порядке исчисления неустойки от суммы.

Ряд специалистов уверяют [9], что нормы ст. 115 СК РФ следует отнести к категории гражданско-правовых. Это вытекает из их имущественного характера. По мнению М.В. Карпова, в алиментном соглашении могут не указываться условия ответственности [6, с. 26]. В этом случае следует ориентироваться на ст. 101 СК РФ, ее п. 1, устанавливающий гражданско-правовую ответственность за нарушение обязательств. Алиментные обязательства выражаются в денежной форме, поэтому допустимо применение нормы ст. 395 ГК РФ [2].

Если сравнить вышеперечисленные позиции, то более убедительным представляется мнение О.Ю. Косовой. К ее утверждению можно добавить, что, если алиментные отношения не урегулированы Семейным кодексом, допускается применение норм гражданского законодательства по аналогии.

Определение убытка дает ГК РФ. Убытки означают реальный ущерб и упущенную выгоду. В Семейном кодексе понятие не описано. Однако доктрина считает, что трактовка термина в том и другом своде законов – ГК РФ и СК РФ – разная.

По мнению Е.В. Каймаковой, в семейном праве нелогично использовать термин «упущенная выгода» [5, с. 8]. Семейные правоотношения имеют в большей степени доверительный характер, и полученные средства не могут быть использованы для получения прибыли. По нашему мнению, по толкованию термина «убытки» в семейном праве следует понимать, что имеется в виду только упущенная выгода, а не реальный ущерб. Упущенная выгода есть средства, которые получатель алиментов потерял из-за противоправного поведения второй стороны. Однако при привлечении плательщика алиментов к семейно-правовой ответственности за алиментные правонарушения причиненный им вред не учитывается.

Что касается использования института компенсации морального вреда в семейно-правовых отношениях, в доктрине мнения на этот счет разделились. ГК РФ считает, что применение этой нормы допустимо лишь в экстренных случаях, установленных законом. Статья 30 Семейного кодекса предусматривает наступление этого вида ответственности при установлении недействительности брака. Ряд авторов высказывают мнение о необходимости внесения изменений в ст. 115 СК РФ, устанавливающих компенсацию морального вреда как меру семейно-правовой ответственности.

Проанализировав мнения ученых, можно прийти к выводу о необходимости закрепления данной меры ответственности в Семейном кодексе Российской Федерации за совершение алиментного правонарушения. Однако важно отметить, что компенсация морального вреда в семейных правоотношениях возможна только при условии исключительных обстоятельств. Например, когда для получа-

теля алименты являются одним из основных источников средств к существованию, их просрочка негативно сказывается на материальном положении, или когда лицо в течение долгого времени безуспешно пыталось взыскать их с лица, уклоняющегося от выплаты алиментов или допускающего их задержку.

За злостное нарушение алиментных обязательств в отношении наследодателя, согласно ст. 1117 ГК РФ, предусмотрена гражданско-правовая ответственность в форме лишения права наследования.

Административная ответственность представляет собой меры принудительного воздействия, заключающиеся в ограничении имущественных или иных прав нарушителя либо устанавливающие для него дополнительные обязательства. Отличие административной ответственности от уголовного преступления заключается в отсутствии общественной опасности или в ее минимальном наличии.

Если семейно-правовая ответственность подразумевает восстановление материального положения получателя алиментов, то административная – преследует цель наказать нарушителя.

За неуплату средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей предусмотрена уголовная ответственность. Мера ответственности устанавливает ст. 157 УК РФ [12]. К ответственности могут быть привлечены родители и совершеннолетние трудоспособные дети. Потерпевшими признаются несовершеннолетние дети, совершеннолетние, но нетрудоспособные дети.

В рамках декриминализации УК РФ ст. 157 попала под частичные изменения. Декриминализация, предложенная в 2015 г., ставила своей целью гуманизировать уголовное законодательство в России, так как имеющие судимость граждане испытывают в дальнейшем негативные последствия. Поправки в закон убирала эти отрицательные последствия. Кроме того, декриминализация нескольких статей УК РФ должна была уменьшить количество уголовных дел.

Выводы

Следить за выполнением алиментных обязательств сегодня помогают множество

нормативно-правовых актов. Это Конституция [7], Семейный кодекс РФ [11], Гражданский кодекс РФ [2], Гражданско-процессуальный кодекс РФ [3], Уголовный кодекс РФ [12], указы Президента РФ, постановления Правительства РФ и др. При всем многообразии инструментов контроля права получателей алиментов нередко нарушаются, не реализуясь в полном объеме.

Семейное законодательство в области алиментных обязательств претерпевало существенные изменения последний раз более 20 лет назад. Поэтому недоработок в законодательных актах достаточно много, что сказывается на ситуации с алиментными обязательствами не лучшим образом. Экономическая ситуация в стране также ведет к необходимости постоянного изменения законов об алиментных правоотношениях.

В период принятия Семейного кодекса Российской Федерации заложенные в нем нормы были рассчитаны на нормальное функционирование, на условия стабильности в обществе. Но на сегодня этого нет, зато есть рост населения, нуждающегося в алиментах, и увеличение неофициальных доходов физических лиц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антокольская, М. В. Меры защиты и ответственности в алиментных обязательствах / М. В. Антокольская // Советское государство и право. – 1990. – № 8. – С. 125–132.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ : (ред. от 12.05.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ : (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.
4. Звенигородская, Н. Ф. Договорные семейно-правовые санкции / Н. Ф. Звенигородская // Вестник Пермского университета. – 2013. – № 2 (8). – С. 113–117.
5. Каймакова, Е. В. Защита семейных прав : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Каймакова Елена Васильевна. – Курск, 2011. – 25 с.
6. Карпов, М. В. О некоторых вопросах применения мер ответственности в семейно-правовых отношениях / М. В. Карпов // Семейное и жилищное право. – 2013. – № 2. – С. 24–29.

7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г.) (с поправками от 30.12.2008, 05.02.2014, 21.07.2014, 14.03.2020) // Российская газета. – 1993. – 25 дек. (№ 237).

8. Косова, О. Ю. Об ответственности за просрочку уплаты алиментов / О. Ю. Косова // Нотариус. – 2010. – № 3. – С. 5–6.

9. Макеева, О. А. Ответственность в алиментных обязательствах – основные особенности и порядок реализации / О. А. Макеева // Семейное и жилищное право. – 2015. – № 1. – С. 17–20.

10. Нечаева, А. М. Семейное право. – 7-е изд., перераб. и доп. / А. М. Нечаева. – М. : Юрайт, 2015. – 303 с.

11. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ : (ред. от 06.02.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 1. – Ст. 16.

12. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ : (ред. от 27.10.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

13. Чичерова, Л. Е. Ответственность в алиментных обязательствах / Л. Е. Чичерова // Юрист. – 2014. – № 6. – С. 42–44.

REFERENCES

1. Antokol'skaya M.V. Mery zashchity i otvetstvennosti v alimentnykh obyazatel'stvakh [Measures of Protection and Responsibility in Alimony Obligations]. *Sovetskoye gosudarstvo i pravo* [Soviet State and Law], 1990, no. 8, pp. 125-132.
2. Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ: (red. ot 12.05.2020) [Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994 No. 51-FZ: (as amended on May 12, 2020)]. *Sobraniye zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii* [A Collection of Legislation of the Russian Federation], 1994, no. 32, art. 3301.
3. Grazhdanskiy protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 14.11.2002 № 138-FZ (red. ot 31.07.2020) [The Civil Procedure Code of the Russian Federation of November 14, 2002 No. 138-FZ (as amended on July 31, 2020)]. *Sobraniye zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii* [A Collection of Legislation of the Russian Federation], 2002, no. 46, art. 4532.
4. Zvenigorodskaya N.F. Dogovornyye semeyno-pravovyye sanktsii [Contractual Family Legal Sanctions]. *Vestnik Permskogo universiteta* [Bulletin of Perm University], 2013, no. 2 (8), pp. 113-117.
5. Kaymakova Ye.V. Zashchita semeynykh prav: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Protection of Family Rights. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Kursk, 2011. 25 p.

6. Karpov M.V. O nekotorykh voprosakh primeneniya mer otvetstvennosti v semeynopravovykh otnosheniyakh [On Some Issues of Application of Measures of Responsibility in Family Legal Relations]. *Semeynoye i zhilishchnoye parvo* [Family and Housing Law], 2013, no. 2, pp. 24-29.

7. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniyem 12 dekabrya 1993 g.) (s popravkami ot 30.12.2008, 05.02.2014, 21.07.2014, 14.03.2020) [The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) (as amended on 12/30/2008, 02/05/2014, 07/21/2014, 03/14/2020)]. *Rossiyskaya gazeta*, 1993, 25 Dec., no. 237.

8. Kosova O.Yu. Ob otvetstvennosti za prosrochku uplaty alimentov [About Responsibility for Late Payment of Alimony]. *Notarius* [Notary], 2010, no. 3, pp. 5-6.

9. Makeyeva O.A. Otvetstvennost' v alimentnykh obyazatel'stvakh – osnovnyye osobennosti i poryadok realizatsii [Responsibility for Alimony Obligations – The Main Features and Implementation Procedure].

Semeynoye i zhilishchnoye parvo [Family and Housing Law], 2015, no. 1, pp. 17-20.

10. Nechayeva A.M. *Semeynoye pravo* [Family Law]. Moscow, Yurayt Publ., 2015. 303 p.

11. Semeynyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 29.12.1995 № 223-FZ: (red. ot 06.02.2020) [Family Code of the Russian Federation of December 29, 1995 No. 223-FZ: (as amended on February 6, 2020)]. *Sobraniye zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii* [A Collection of Legislation of the Russian Federation], 1996, no 1, art. 16.

12. Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 27.10.2020) [The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 27.10.2020)]. *Sobraniye zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii* [A Collection of Legislation of the Russian Federation], 1996, no. 25, art. 2954.

13. Chicherova L.Ye. Otvetstvennost' v alimentnykh obyazatel'stvakh [Responsibility for Alimony Obligations]. *Yurist* [Lawyer], 2014, no. 6, pp. 42-44.

Information About the Author

Gulnara S. Dzhumagazieva, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Civil Law, Astrakhan State University, Tatishcheva St, 20A, 414056 Astrakhan, Russian Federation, gulnara.dz@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7873-1493>

Информация об авторе

Гульнара Сарсенбаевна Джумагазиева, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права, Астраханский государственный университет, ул. Татищева, 20А, 414056 г. Астрахань, Российская Федерация, gulnara.dz@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7873-1493>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.4.16>

UDC 347.477.52
LBC 67.404.201

Submitted: 11.11.2020
Accepted: 01.12.2020

AGREEMENTS TO ELIMINATE LIABILITY FOR BREACH OF A CONTRACTUAL OBLIGATION: COMPARATIVE ANALYSIS OF THE LEGAL REGULATION AND JUDICIAL PRACTICE

Natalia V. Kagalnitskova

Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russian Federation

Olga S. Tolstova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: modern legal science is faced with the task of developing the concept of an agreement on the elimination of contractual civil liability: determining its legal nature, scope and conditions for its implementation. For this **purpose**, the authors of the paper attempt to model the theoretical and legal basis of the agreement on the elimination of contractual liability of the debtor for non-performance, improper performance of its obligations. Using the general scientific **methods** – synthesis, analysis, comparative and dialectical methods, as well as the specific scientific methods of cognition, in particular, formal-legal, structural-functional and others, the authors determine the legal nature and scope of the agreement on the elimination of contractual liability for violation of a contractual obligation, and examine the practice of such application. **Results:** it is indicated that within the framework of the agreement on the elimination of contractual liability, it is possible to expand the list of circumstances related to “force majeure”, but taking into account the criterion of the latter: emergency and insurmountability. **Conclusions:** an agreement to eliminate contractual liability is not possible in contractual obligations involving a weak party, unless it is concluded in its favor. Therefore, the main scope of their application is the obligations related to the implementation of business activities. The possibility of concluding this agreement is a manifestation of the principles of autonomy of will and freedom of contract.

Key words: civil contract, contractual obligations, liability, elimination of liability, exemption from liability.

Citation. Kagalnitskova N.V., Tolstova O.S. Agreements to Eliminate Liability for Breach of a Contractual Obligation: Comparative Analysis of the Legal Regulation and Judicial Practice. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2020, vol. 19, no. 4, pp. 123-130. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.4.16>

УДК 347.477.52
ББК 67.404.201

Дата поступления статьи: 11.11.2020
Дата принятия статьи: 01.12.2020

СОГЛАШЕНИЯ ОБ УСТРАНЕНИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ДОГОВОРНОГО ОБЯЗАТЕЛЬСТВА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Наталья Владимировна Кагальницкова

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Ольга Сергеевна Толстова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: перед современной правовой наукой стоит задача разработки концепции соглашения об устранинии договорной гражданско-правовой ответственности: определение его правовой природы, сферы

применения и условий его реализации. С этой целью авторы настоящей статьи предпринимают попытку моделирования теоретико-правовых основ соглашения об устранении договорной ответственности должника за неисполнение, ненадлежащее исполнение своих обязательств. С помощью общенаучных методов – синтеза, анализа, сравнительного и диалектического методов, а также частно-научных методов познания, в частности, формально-юридического, структурно-функционального и других, авторы определяют правовую природу и сферу применения соглашения об устранении договорной ответственности за нарушение договорного обязательства, исследуют практику такого применения. **Результаты:** указывается на то, что в рамках соглашения об устранении договорной ответственности возможно расширить перечень обстоятельств, относящихся к «непреодолимой силе», но с учетом критерия последней: чрезвычайности и непреодолимости. **Выводы:** соглашение об устранении договорной ответственности невозможно в договорных обязательствах с участием слабой стороны, если только оно не заключено в ее пользу. Следовательно, основная сфера их применения – это обязательства, связанные с осуществлением предпринимательской деятельности. Наличие возможности заключения данного соглашения является проявлением принципов автономии воли и свободы договора.

Ключевые слова: гражданско-правовой договор, договорные обязательства, ответственность, устранение ответственности, освобождение от ответственности.

Цитирование. Кагальницкова Н. В., Толстова О. С. Соглашения об устранении ответственности за нарушение договорного обязательства: сравнительный анализ правового регулирования и судебной практики // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2020. – Т. 19, № 4. – С. 123–130. – DOI: <https://doi.org/10.15688/1c.jvolsu.2020.4.16>

Введение

Исходя из принципов автономии воли и свободы договора, предприниматели свободны вступать в договорные отношения с контрагентами по их выбору и заключать договоры на любых условиях, которые не противоречат закону. В частности, предприниматели могут своим соглашением разрешать и вопросы ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих договорных обязанностей. В отношении остальных договорных обязательств с участием граждан, соглашения об ограничении или освобождении от ответственности должны подвергаться усиленному ex post контролю. Отсутствие в теории единой концепции соглашения об устранении гражданско-правовой ответственности непосредственным образом отражается на состоянии действующего законодательства, которое характеризуется наличием пробелов и коллизий, что, в свою очередь, отражается на правоприменительной практике, которая в ряде случаев отличается противоречивостью.

Гражданско-правовые понятия «устранение» и «освобождение» от ответственности в российском праве

Последовательный анализ ГК РФ позволяет выявить несколько случаев упоминания

соглашений, посредством которого стороны могут устранить ответственность. Так, согласно п. 5 ст. 53.1 ГК РФ соглашение об устранении или ограничении ответственности лиц, которые в силу закона, иного правового акта или учредительного документа юридического лица уполномочены выступать от его имени, членов коллегиальных органов юридического лица, а также лиц, имеющих фактическую возможность определять действия юридического лица, за совершение недобросовестных действий, а в публичном обществе – за совершение недобросовестных и неразумных действий ничтожно. В соответствии с п. 3 ст. 75 ГК РФ соглашение участников товарищества об ограничении или устранении ответственности, предусмотренной в настоящей статье, ничтожно. В силу п. 2 ст. 461 ГК РФ соглашение сторон об освобождении продавца от ответственности в случае истребования приобретенного товара у покупателя третьими лицами или об ее ограничении недействительно [11, с. 102–103]. Наконец, в п. 4 ст. 401 ГК РФ указывается, что заключенное заранее соглашение об устранении или ограничении ответственности за умышленное нарушение обязательства ничтожно.

Между тем во всех случаях законодатель использует различные термины для обозначения схожих ситуаций: «освобождение от ответственности», «исключение ответственности» и «устранение ответственности». Раз-

граничению данных гражданско-правовых понятий не было уделено должного внимания в юридической литературе, на что обращали внимание ряд исследователей [2, с. 194]. Так, некоторые ученые используют данные термины непоследовательно, говоря об одном гражданско-правовом институте [4, с. 10].

Данному аспекту была посвящена часть научного исследования Д.В. Богданова, который предлагает разграничивать указанные понятия [1, с. 42], понимая под освобождением от гражданско-правовой ответственности безусловное и окончательное избавление от обязанности претерпевать меры ответственности за совершенное, имеющее все элементы состава гражданское правонарушение, а под исключением гражданско-правовой ответственности – избавление от привлечения к ответственности в связи с отсутствием в деянии одного или нескольких элементов (условий) состава. При этом содержание термина «устранение ответственности» не раскрывается вовсе.

Представляется, что термин «устранение ответственности», указанный в п. 4 ст. 401 ГК РФ, ближе по значению к «освобождению от ответственности», поскольку лицо, заключившее соглашение, которое исключает ответственность контрагента за нарушение обязательства, даже если в деянии лица есть состав правонарушения, отказывается от негативных действий по отношению к нему. Соответственно, законодатель полагает нецелесообразным применять к лицу меры гражданско-правовой ответственности за нарушение, если стороны согласны с этим. Этот подход напрямую вытекает из фундаментальных принципов гражданского права: автономии воли участников гражданских правоотношений и свободы договора.

Соглашение об устранении договорной ответственности в зарубежном праве

Соглашения об устранении договорной ответственности получили признание в иностранных правовых системах.

В английском праве оговорка, которая полностью исключает ответственность, не очень распространена из-за законодательного вмешательства, особенно в договорах меж-

ду предпринимателями и потребителями (далее – b2c) [16, р. 1212]. Регулирование таких соглашений (exemption clause) было закреплено в Законе о несправедливых договорных условиях 1977 г. (Unfair Contract Terms Act 1977). Затем в Законе о несправедливых договорных условиях в потребительских договорах 1999 г. (Unfair Terms in Consumer Contracts Regulations 1999), замененном Законом о правах потребителей 2015 г. (Consumer Rights Act 2015). Наконец, в Великобритании распространяется действие Директивы ЕС о несправедливых условиях в потребительских договорах (European Directive on Unfair Terms in Consumer Contracts).

Кроме того, в англо-американской правовой системе посредством ряда судебных прецедентов были выработаны принципы, которые комплексно регулируют данную оговорку:

- оговорка должна иметь четкое и недвусмысленное толкование, что позволяло бы точно определить намерения сторон [18];

- оговорка не может быть зафиксирована таким образом, что будет охватывать все обязательство [21];

- оговорка не может трактоваться широко и должна применяться только в рамках «четырёх углов» договора, то есть того, о чем договорились стороны. Например, если в договоре перевозки стороны договорились, что ответственность перевозчика за утрату товара исключается, данная оговорка не будет действовать, если товар перевозился на палубе корабля, а не в трюме, как договорились стороны [19];

- если оговорка все же не будет ясна для суда, он будет ее толковать против той стороны, которая ее предложила (принцип *Contra Proferentem*);

- ответственность за небрежность может быть исключена или ограничена, если используются слова, которые в достаточной степени указывают на то, что стороны именно на это дали свое согласие. Однако, поскольку по своей природе маловероятно, что одна из сторон договора намерена полностью освободить другую сторону от последствий собственной небрежности последней, к положениям, которые, как утверждается, полностью исключают ответственность за небрежность, применяются более строгие стандарты. Обязанность суда подходить к рассмотрению та-

ких клаузул была резюмирована в виде трехступенчатого теста, предложенного Лордом Мортонем в деле *R. v Canada S. S. Lines Ltd*;

– время от времени высказывалось предположение о том, что, если нарушение одной из сторон свидетельствует о «преднамеренном игнорировании его обязательств», оно не будет охватываться соглашением об устранении договорной ответственности [20];

– в части распределения бремени доказывания именно сторона, стремящаяся сослаться на оговорку об изъятии, должна доказать, что эта оговорка, исходя из ее истинной конструкции, охватывает обязательство или ответственность, которые она намеревается ограничить или устранить [17].

На континенте соглашения об устранении договорной ответственности также нашли свою нишу. В абзаце 3 § 276 ГГУ закреплено, что лицо не может быть освобождено от ответственности в случае умышленного нарушения обязательства. В швейцарском праве лицо не может избежать ответственности посредством заключения соглашения об ее исключении, если ущерб был причинен умышленно или по грубой неосторожности. В ФГК отсутствуют нормы, регулирующие данное соглашение, а есть только нормы, регулирующие ограничение ответственности должника (например, 1150 ФГК). Несмотря на это, в результате эволюции доктрины и судебной практики, оно не только признается во французском праве, которое исходит из принципиального признания юридической силы за оговорками об устранении или ограничении ответственности как проявлением частной автономии и договорной свободы, но и составляет одну из основ общего учения о договорном регулировании, однако подвергается существенным ограничениям [15].

Данный институт зафиксирован также и в негосударственных сводах гражданского права [14].

Применение соглашения об устранении договорной ответственности за нарушение обязательства и его конструкция в российском праве

Российский законодатель, закрепив в п. 4 ст. 401 ГК РФ возможность участников гражданско-

данского оборота заключать соглашения об устранении договорной ответственности, стремился комплексно урегулировать гражданско-правовые отношения между всеми субъектами частного права. Тем не менее фактически данная норма не регулирует правоотношения между предпринимателем и потребителем.

Новые экономические реалии показали, что граждане являются более слабой и зависимой стороной [3]. Эволюция законодательства пошла путем выравнивания положений сторон и установления баланса посредством принятия специального закона – Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей», в котором императивно фиксируется минимальный объем прав и обязанностей сторон, что не традиционно для договорного права [13] (далее – Закон РФ № 2300-1). Уже в преамбуле указываются основные положения, которые подлежат защите [12].

Дальнейшее развитие законодательства и судебной практики продолжило заданную линию как путем фиксации отдельных статей в общей части обязательственного и договорного права (например, ст. 400 и 438 ГК РФ), так и путем создания отдельных договорных моделей.

Наконец, в юридической литературе отмечается, что данный пункт стал предметом *ex post* контроля: «суды стали использовать этот пункт закона для обоснования своего права на контроль за содержанием договора и на признание недействительными его условий, идущих вразрез с интересами потребителей» [13].

Таким образом, в связи с изложенным выше, становится очевидным, что соглашение, в котором профессиональный участник оборота освобождается от ответственности перед потребителем за нарушение обязательства, будет признано ничтожным. Соответственно п. 4 ст. 401 ГК РФ не распространяется на подобные отношения, а само соглашение будет признано ничтожным. Тем не менее соглашение будет признано действительным в остальных случаях: если оно заключено между профессиональными участниками оборота, между гражданами и между предпринимателем и потребителем, если преимущество от него получает гражданин.

Участники гражданского оборота могут сконструировать соглашение об исключении ответственности различными способами. Так,

стороны могут заключить его как в форме отдельного документа, так и включить его как один из пунктов договора. Ответственность может исключаться как за неисполнение основного, так и дополнительного обязательства. Однако соглашение может быть заключено только до нарушения обязательства. Если же оно заключено позже, то по своей сущности оно будет представлять прощение долга (ст. 415 ГК РФ).

Текстуально данное соглашение может быть изложено по-разному. Однако при этом участникам оборота необходимо четко зафиксировать в договоре тот институт, посредством которого должник будет освобождаться от ответственности. В российском гражданском законодательстве одним из оснований, освобождающих от ответственности, является обстоятельство непреодолимой силы.

Однако конструирование соглашения об освобождении от ответственности посредством отнесения определенных сторонами обстоятельств к обстоятельствам непреодолимой силы не способствует в полной мере достижению цели соглашения: полное освобождение стороны от ответственности. В рамках соглашения об устранении ответственности возможно расширение перечня обстоятельств, относящихся к «непреодолимой силе», но с учетом критериев последней: чрезвычайности и непреодолимости.

Соглашение об ограничении ответственности невозможно в договорных обязательствах с участием слабой стороны (например, потребитель), следовательно, основная сфера их применения – это обязательства, связанные с осуществлением предпринимательской деятельности. При этом нельзя соглашением исключить ответственность за умышленное противоправное действие.

Анализ правоприменительной практики показал, что соглашения об устранении договорной ответственности не получили широкого распространения в гражданском обороте. Кроме того, неоднозначен и спорен подход судов к данному соглашению. Полагаем, что это связано с тем, что такие соглашения не столь распространены среди участников гражданского оборота в связи с тем, что не всякое лицо будет согласно вступить в договорные отношения на таких условиях [5–10].

Выводы

Реализация принципа свободы договора и автономии воли лица в гражданских правоотношениях позволяет участникам гражданского оборота заключать соглашение об устранении договорной ответственности, в результате которого кредитор отказывается от права требовать в судебном порядке применения мер гражданско-правовой ответственности. Возможность использовать данное условие позволяет сторонам договора более гибко подойти к регулированию своего взаимодействия, в том числе путем предоставления кредитору дополнительных преимуществ.

Соглашение об устранении договорной ответственности невозможно в договорных обязательствах с участием слабой стороны, если только оно не заключено в ее пользу. Следовательно, основная сфера их применения – это обязательства, связанные с осуществлением предпринимательской деятельности. При этом нельзя соглашением исключить ответственность за умышленное противоправное действие, в том числе и при наличии безвиновной ответственности.

Наиболее очевидным недостатком данного института является то, что он, по сути, расшатывает основу обязательства – связанность им должника. С другой стороны, именно наличие возможности заключения данного соглашения является проявлением принципов автономии воли и свободы договора, предприниматели свободны вступать в договорные отношения с контрагентами по их выбору и заключать договоры на любых условиях, которые не противоречат закону, при наличии равных возможностей при переговорах и при добросовестности сторон.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богданов, Д. В. Освобождение от ответственности и ее исключение в российском гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук / Богданов Дмитрий Вадимович. – Пермь, 2012. – 192 с.
2. Витрук, Н. В. Общая теория юридической ответственности / Н. В. Витрук. – М. : НОРМА, 2009. – 431 с.
3. Гришаев, С. П. Защита прав потребителей / С. П. Гришаев. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс», 2020.

4. Каплунова, Е. С. Непреодолимая сила и смежные с ней понятия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Каплунова Елена Сергеевна. – Томск, 2003. – 25 с.

5. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 12.04.2012 по делу № А56-45043/2011. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс», 2020.

6. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 04.07.2016 № Ф05-8688/2016. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс», 2020.

7. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 18.12.2015 № 09АП-54056/2015-ГК по делу № А40-57000/15. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс», 2020.

8. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 21.11.2017 № Ф05-16387/2017 по делу № А40-68851/2017. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс», 2020.

9. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 28.11.2016 № Ф05-14291/2016 по делу № А40-221384/2015. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс», 2020.

10. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 06.07.2017 № Ф10-2456/2017 по делу № А64-6293/2016. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс», 2020.

11. Церковников, М. А. Ответственность продавца в случае изъятия товара у покупателя / М. А. Церковников. – М. : Статут, 2016. – 160 с.

12. Чернова, О. А. «Комментарий к Закону РФ от 07.02.1992 № 2300-1 “О защите прав потребителей” (постатейный)» / О. А. Чернова, Е. Ю. Буряк. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс», 2020.

13. Ширвиндт, А. М. Ограничение свободы договора в целях защиты прав потребителей в российском и европейском частном праве / А. М. Ширвиндт ; под общ. ред. А. Л. Маковского. – М. : Статут, 2014. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс», 2020.

14. Ширвиндт, А. М. Режим соглашений об ответственности за нарушение обязательства в негосударственных сводах гражданского права / А. М. Ширвиндт // Вестник гражданского права. – 2014. – № 3. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс», 2020.

15. Ширвиндт, А. М. Соглашения об ответственности за нарушение обязательства во французском праве / А. М. Ширвиндт // Вестник гражданского права. – 2013. – № 3. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс», 2020.

16. Chitty on Contracts. – 32nd ed. – Sweet & Maxwell (U.K.), 2015. – Vol. 1. – P. 1212.

17. Firestone Tyre & Rubber Co Ltd v Vokins & Co Ltd. [1951] 1 Lloyd's Rep. 32. – Electronic text data. –

Mode of access: <https://www.i-law.com/ilaw/doc/view.htm?id=143902> (date of access: 10.11.2020). – Title from screen.

18. Gordon Alison & Co Ltd v Wallsend Shipway and Engineering Co Ltd. [1927] 27 Ll.L.Rep. 285. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.i-law.com/ilaw/doc/view.htm?id=140540> (date of access: 10.11.2020). – Title from screen.

19. Kenyon Son & Craven Ltd v Baxter Hoare & Co Ltd. [1971] 1 Lloyd's Rep. 232. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.i-law.com/ilaw/doc/view.htm?id=147137> (date of access: 10.11.2020). – Title from screen.

20. Suisse Atlantique Societe d'Armement Maritime SA v NV Rotterdamsche Kolen Centrale [1967] 1 AC 361. – Electronic text data. – Mode of access: <http://swarb.co.uk/suisse-atlantique-societe-darmement-maritime-sa-v-nv-rotterdamsche-kolen-centrale-hl-1966/> (date of access: 10.11.2020). – Title from screen.

21. Tor Line AB v Alltrans Group of Canada Ltd. [1982] 1 Lloyd's Rep. 617. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.i-law.com/ilaw/doc/view.htm?id=148735> (date of access: 10.11.2020). – Title from screen.

REFERENCES

1. Bogdanov D.V. *Osvobozhdenie ot otvetstvennosti i ee iskliuchenie v rossiiskom grazhdanskom prave: dis. ... kand. yurid. nauk* [Exemption from Liability and its Exclusion in Russian Civil Law. Thesis. Dis. ... Cand. Legal. Science]. Perm, 2012. 192 p.

2. Vitruk N.V. *Obshchaia teoriia iuridicheskoi otvetstvennosti* [General Theory of Legal Responsibility]. Moscow, NORMA Publ., 2009. 431 p.

3. Grishaev S.P. *Zashchita prav potrebitelei* [Consumer Rights Protection]. Access from Reference Legal System 'KonsultantPlyus'.

4. Kaplunova E.S. *Nepreodolimaia sila i smezhnye s nei poniatia: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Irresistible Force and Related Concepts: Author. Dis. ... Cand. Legal. Science]. Tomsk, 2003. 25 p.

5. *Postanovlenie Trinadtsatogo arbitrazhnogo apelliatsionnogo suda ot 12.04.2012 po delu № A56-45043/2011* [Resolution of the Thirteenth Arbitration Court of Appeal dated 12.04.2012 in case No. A56-45043/2011]. Access from Reference Legal System 'KonsultantPlyus'.

6. *Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga ot 04.07.2016 № F05-8688/2016* [Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of 04.07.2016 No. F05-8688/2016]. Access from Reference Legal System 'KonsultantPlyus'.

7. *Postanovlenie Deviatogo arbitrazhnogo apellatsionnogo suda ot 18.12.2015 № 09AP-54056/2015-GK po delu № A40-57000/15* [Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated December 18, 2015 No. 09AP-54056/2015-GK in case No. A40-57000/15]. Access from Reference Legal System 'KonsultantPlyus'.

8. *Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga ot 21.11.2017 № F05-16387/2017 po delu № A40-68851/2017* [Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of November 21, 2017 No. F05-16387/2017 in case No. A40-68851/2017]. Access from Reference Legal System 'KonsultantPlyus'.

9. *Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga ot 28.11.2016 № F05-14291/2016 po delu № A40-221384/2015* [Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of November 28, 2016 No. F05-14291/2016 in case No. A40-221384/2015]. Access from Reference Legal System 'KonsultantPlyus'.

10. *Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Tsentralnogo okruga ot 06.07.2017 № F10-2456/2017 po delu № A64-6293/2016* [Resolution of the Arbitration Court of the Central District dated 06.07.2017 No. F10-2456/2017 in case No. A64-6293/2016]. Access from Reference Legal System 'KonsultantPlyus'.

11. Tserkovnikov M.A. *Otvetstvennost prodavtsa v sluchae izieiatiia tovara u pokupatelya* [The Responsibility of the Seller in the Event of Withdrawal of the Goods from the Buyer]. Moscow, Statut Publ., 2016. 160 p.

12. Chernova O.A., Buryak E.Yu. «Kommentarii k Zakonu RF ot 07.02.1992 № 2300-1 "O zashchite prav potrebiteli" (postateinyi)» ["Commentary to the Law of the Russian Federation of 07.02.1992 No. 2300-1" On Protection of Consumer Rights "(itemized)."]. Access from Reference Legal System 'KonsultantPlyus'.

13. Shirvindt A.M., Makovskiy A.L., ed. *Ogranichenie svobody dogovora v tseliakh zashchity prav potrebiteli v rossiiskom i evropeiskom chastnom prave* [Restriction of Freedom of Contract in Order to

Protect Consumer Rights in Russian and European Private Law]. Moscow, Statut Publ., 2014. Access from Reference Legal System 'KonsultantPlyus'.

14. Shirvindt A.M. *Rezhim soglashenii ob otvetstvennosti za narushenie obiazatelstva v negosudarstvennykh svodakh grazhdanskogo prava* [The Regime of Agreements on Liability for Violation of an Obligation in Non-State Civil Law]. *Vestnik grazhdanskogo prava* [Vestnik Civil Law], 2014, no. 3. Access from Reference Legal System 'KonsultantPlyus'.

15. Shirvindt A.M. *Soglasheniya ob otvetstvennosti za narusheniye obyazatelstva vo frantsuzskom prave* [Agreements on Liability for Breach of Obligation in French Law]. *Vestnik grazhdanskogo prava* [Vestnik Civil Law], 2013, no. 3. Access from Reference Legal System 'KonsultantPlyus'.

16. *Chitty on Contracts*. 32nd ed. Sweet & Maxwell (U.K.), 2015, vol. 1, p. 1212.

17. *Firestone Tire & Rubber Co Ltd v Vokins & Co Ltd*. [1951] 1 *Lloyd's Rep.* 32. URL: <https://www.i-law.com/ilaw/doc/view.htm?id=143902> (accessed 10 November 2020).

18. *Gordon Alison & Co Ltd v Wallsend Shipway and Engineering Co Ltd*. [1927] 27 *L.L. Rep.* 285. URL: <https://www.i-law.com/ilaw/doc/view.htm?id=140540> (accessed 10 November 2020).

19. *Kenyon Son & Craven Ltd v Baxter Hoare & Co Ltd*. [1971] 1 *Lloyd's Rep.* 232. URL: <https://www.i-law.com/ilaw/doc/view.htm?id=147137> (accessed 10 November 2020).

20. *Suisse Atlantique Societe d'Armement Maritime SA v NV Rotterdamsche Kolen Centrale* [1967] 1 *AC* 361. URL: <http://swarb.co.uk/suisse-atlantique-societe-darmement-maritime-sa-v-nv-rotterdamsche-kolen-centrale-hl-1966> (accessed 10 November 2020).

21. *Tor Line AB v Alltrans Group of Canada Ltd*. [1982] 1 *Lloyd's Rep.* 617. URL: <https://www.i-law.com/ilaw/doc/view.htm?id=148735> (accessed 10 November 2020).

Information About the Authors

Natalia V. Kagalnitskova, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Law and Methods of Teaching Law, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Prosp. Lenina, 27, 400005 Volgograd, Russian Federation, kafprava@vspu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2683-9424>

Olga S. Tolstova, Senior Lecturer, Department of Civil and Private International Law, Base Department of the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, samir-555-@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2984-4980>

Информация об авторах

Нагалья Владимировна Кагальницкова, кандидат юридических наук, доцент кафедры права и методики преподавания права, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, просп. им. В.И. Ленина, 27, 400005 г. Волгоград, Российская Федерация, kafprava@vspu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2683-9424>

Ольга Сергеевна Толстова, старший преподаватель кафедры гражданского и международного частного права (базовая кафедра ЮИЦ РАН), Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, samir-555-@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2984-4980>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.4.17>

UDC 347.4
LBC 67.404

Submitted: 19.11.2020
Accepted: 07.12.2020

ASTROTURFING TECHNOLOGIES ON A POINT OF LAW

Pavel L. Likhter

Penza State University, Penza, Russian Federation

Introduction: in the social conditions that are changing under the influence of information and communication technologies, it is of particular importance to protect the interests of consumers from illegal actions of unscrupulous market participants. Increasingly, astroturfing technologies are becoming an integral part of marketing and trading strategies, which make it possible to provide distorted data to the general public under the guise of objective information. The **purpose** of the study is to find an adequate definition of astroturfing on a point of law; to distinguish legitimate marketing practices from illegal acts that distort perceptions of a product or company; to identify the law enforcement practices in foreign countries; to evaluate the existing approaches to solving the problem in order to correct the Russian legislation. The paper uses the **methods** of description and interpretation; normative-value, system, logical, dialectical, structural-functional approaches. **Results:** the forms and features of astroturfing are considered in order to develop its definition; the ways to counteract such technologies are studied and compared; there is a need for amendments that could fill the gaps in the legal regulation of astroturfing. **Conclusions:** the term “astroturfing” is formulated and its possible forms are listed. It is proposed to investigate the possibility of recognizing contractual relationships, whose subject is online publishing of fabricated reviews, cheating likes, bot mailing via chats, etc. as anti-social transactions. It is considered appropriate to tighten responsibility for the use of astroturfing technologies.

Key words: astroturfing, unfair competition, consumer protection, anti-social transactions.

Citation. Likhter P.L. Astroturfing Technologies on a Point of Law. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2020, vol. 19, no. 4, pp. 131-136. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.4.17>

УДК 347.4
ББК 67.404

Дата поступления статьи: 19.11.2020
Дата принятия статьи: 07.12.2020

ТЕХНОЛОГИИ АСТРОТУРФИНГА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПРАВА

Павел Леонидович Лихтер

Пензенский государственный университет, г. Пенза, Российская Федерация

Введение: в социальных условиях, меняющихся под воздействием информационно-коммуникационных технологий, особое значение приобретает защита интересов потребителей от противоправных действий недобросовестных участников рынка. Все чаще неотъемлемой частью маркетинговой и торговой стратегии становятся технологии астротурфинга, которые позволяют под видом объективной информации предоставлять широкому кругу лиц искаженные данные. **Целями** настоящего исследования являются поиск адекватного определения астротурфинга с правовой точки зрения; отграничение правомерных маркетинговых практик от противоправных деяний по искажению представлений о товаре или компании; выявление правоприменительной практики в зарубежных странах; оценка сложившихся подходов к решению проблемы с целью корректировки законодательства России. В работе используются **методы** описания и интерпретации; нормативно-ценностные, системные, логические, диалектические, структурно-функциональные подходы. **Результаты:** рассматриваются формы и признаки астротурфинга с целью выработки его определения; изучаются и сопоставляются способы противодействия подобным технологиям; отмечается необходимость поправок, которые могли бы восполнить образовавшиеся пробелы в отношении правового регулирования астротурфинга. **Выводы:** дается формулировка термина «астротурфинг», перечисляются его возможные формы. Предлагается исследовать возможность признания договорных отношений, предметом которых является

размещение сфабрикованных отзывов, «накручивание» лайков, бот-рассылка по чатам и т. п., антисоциальными сделками. Признается целесообразным ужесточение ответственности за использование технологий астротурфинга.

Ключевые слова: астротурфинг, недобросовестная конкуренция, защита прав потребителей, антисоциальные сделки.

Цитирование. Лихтер П. Л. Технологии астротурфинга с точки зрения права // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2020. – Т. 19, № 4. – С. 131–136. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.4.17>

Введение

Важными факторами изменения окружающего мира становятся расширение виртуального пространства и экспансия транснациональных компаний в значимые процессы общественных отношений. Законотворческая практика сталкивается с необходимостью защиты социальных и потребительских прав граждан в новых условиях. Повышаются требования к «сильной» стороне гражданского правоотношения – продавцу, который должен действовать на основе принципов добросовестности, обеспечения объективной и адекватной информацией о товарах (работах, услугах).

Уже сегодня из 100 самых значительных экономик мира большинство не государства, а корпорации (52 из 100). Ими финансируются более 80 % всех НИОКР. При этом все чаще открываются факты целенаправленного введения в заблуждение потребителей относительно качественных характеристик товара. Так, в 2019 г. стало известно о заключении фирмой Coca-Cola серии договоров на проведение исследований с ведущими научными организациями Северной Америки [2]. По условиям договоров общей стоимостью более 1,5 млн долл., исполнители должны были найти доказательства отсутствия вреда от употребления сладких газированных напитков. В права заказчика входили полномочия по контролю над промежуточными результатами исследований и по корректировке статей. Результатом работ стала серия спорных публикаций о том, что потребление газированных напитков не влияет на проблемы с лишним весом [12]. Только после широкого освещения в прессе фактов недобросовестных научных изысканий указанные договорные отношения были прекращены.

Подобная деятельность стала нормой маркетинговой стратегии при производстве табачной продукции, гомеопатических меди-

каментов, биологически активных добавок. Нефтедобывающие компании финансируют исследования, направленные на отрицание угроз изменения климата и глобального потепления и т. д. [7].

Перечисленные случаи представляют собой примеры недобросовестной конкуренции в новой форме под названием «астротурфинг» (от англ. – *astroturfing*). Термин связан с наименованием искусственного покрытия «*Astro Turf*», эмитирующего живую траву. С помощью астротурфинга могут достигаться различные экономические, политические или идеологические цели правомерного, а также противоправного содержания. Сегодня наибольшее распространение астротурфинг приобрел в маркетинге и торговле.

Формы и признаки астротурфинга

Методы астротурфинга разнообразны. Это не только финансирование мероприятий по влиянию на общественное мнение с привлечением крупных научных центров, но также деятельность физических лиц по продвижению положительных или негативных отзывов в сети Интернет о товарах, работах, услугах определенных компаний [11]. Используемые для этого аккаунты в социальных сетях (Instagram, Facebook, YouTube) могут принадлежать реальным людям (как правило, известным блогерам), а могут создаваться искусственно с помощью специального программного обеспечения.

Китайскими корпорациями в 2008 г. было организовано широкое применение технологий астротурфинга для противостояния информации о некачественном детском питании (из-за содержащегося в сухих смесях меланина пострадали тысячи детей в разных странах). Для лоббирования интересов производителей было привлечено более 300 000 астротурферов, в обязанности которых входила регуляр-

ная публикация положительных постов о продукте. Так как за каждый отзыв в сети Интернет выплачивалось около половины доллара, журналисты назвали их «пятидесятицентовой армией» [3].

Одной из форм астротурфинга является комментирование постов на сайтах конкурентов в грубой или уничижительной форме, направленное на дискредитацию других участников рынка. Так, в блогах или на форумах появляются провокационные или оскорбительные сообщения, которые оставляют негативное восприятие о компании или предлагаемом товаре.

Различные направления астротурфинга применяют в своей маркетинговой стратегии корпорации Sony, L'Oréal, ExxonMobil, Walmart и другие [6]. Эксперты по интеллектуальному анализу данных подсчитали, что сегодня около трети всех отзывов потребителей в сети Интернет не являются аутентичными [13].

Астротурфинг стал неотъемлемой частью современной цифровой реальности и воплощается в следующих формах:

- 1) доведение до потребителей под видом объективной информации искаженных данных;
- 2) продвижение товара с недоказанной пользой, умолчание о некоторых его качественных характеристиках;
- 3) лоббирование интересов отдельных корпораций;
- 4) вытеснение мнений реальных клиентов сгенерированными отзывами;
- 5) реализация астротурфинга в иных формах, целями которых является сокрытие или искажение важной для потребителя информации.

В свою очередь астротурфинг следует отделять от правомерных маркетинговых технологий для оказания помощи покупателю при подборе качественных и нужных товаров (работ, услуг). Основное отличие здесь заключается в умысле заказчика, направленном на введение в заблуждение потребителя относительно характеристик товаров или различных аспектов деятельности юридических лиц. Заинтересованная сторона осознает, что определенные сообщения в сети Интернет приведут к искаженному восприятию адресатом информации, знает об альтернативных способах доведения сведений рекламного и иного

характера до потребителя, однако желает или сознательно допускает введение покупателя в заблуждение с целью разрешения собственных задач.

Для отграничения технологий астротурфинга от добросовестного поведения на рынке необходимо выделить следующие их признаки:

- 1) создание подставных аккаунтов;
- 2) сфабрикованная массовая рассылка;
- 3) использование ботов для «накручивания» лайков, рассылки по чатам и каналам;
- 4) платный характер публикации отзыва или мнения;
- 5) использование методов, вызывающих конфликты, страх и т. п.

Зарубежное законодательство в сфере противодействия астротурфингу

Потребительские риски, угрозы информационной безопасности и иные негативные последствия актуализировали вопрос о правовом противодействии астротурфингу. Активный поиск новых инструментов регулирования происходит в Европейском союзе, Великобритании, США и других государствах.

В настоящее время сформировалось два подхода к борьбе с противоправным использованием технологий астротурфинга на рынке – применение уже сложившихся правовых конструкций (о запрете недобросовестной конкуренции, ненадлежащей рекламы, etc.) и разработка новых законодательных актов.

В Директиву Европейского союза «О недобросовестных коммерческих практиках» [5] внесено требование об обязательном раскрытии информации о спонсоре при размещении любых платных материалов в блогах и публикациях средств массовой информации. Аналогичные положения были имплементированы в законодательство Германии, Франции и других европейских государств.

Великобритания приняла собственное Положение о защите прав потребителей от недобросовестной торговли [4], которое запрещает ложно представлять себя в качестве потребителя при написании отзывов в Интернете под угрозой лишения свободы сроком до двух лет.

В Австралии противодействие астротурфингу осуществляется с помощью Потребитель-

тельского кодекса, предусматривающего значительные имущественные санкции за искажение сведений о товаре, доводимых до потребителя в информационном пространстве [10].

Согласно принятым в США Правилам использования положительных утверждений в целях рекламы [9] «до покупателя должны доводиться объективные отзывы, способные помочь им делать рациональный выбор». Искажение же объективной информации с применением технологий астротурфинга наказывается существенными штрафами. Кроме того, компанию могут обязать удалить все некорректные сообщения рекламного характера, способные ввести клиента в заблуждение. Так, к корпорации Apple были применены указанные санкции за использование учетных записей iTunes при написании отзывов, создающих впечатление их авторства незаинтересованными лицами [8].

Анализ опыта зарубежных стран позволяет констатировать тенденции более широкого применения публично-правовых средств защиты прав потребителей, так как иные инструменты не всегда обладают той эффективностью воздействия, которая способна заставить недобросовестных участников рынка отказаться от противоправных методов ведения бизнеса.

Правоприменительная практика по ограничению астротурфинга в России

Сегодня можно говорить о некотором отставании российского законодательства о защите конкуренции и антимонопольном регулировании в условиях новых вызовов. В России не урегулирован порядок размещения рекламы в блогах, отсутствует концепция административного наказания за недобросовестное поведение производителей в рассматриваемой сфере, что подтверждает необходимость соответствующей корректировки Закона «О рекламе», Кодекса об административных правонарушениях и других правовых актов.

И хотя российское право не содержит специальных норм для противодействия астротурфингу, антимонопольная служба периодически рассматривает дела, связанные с ним. В редких случаях астротурферы привлекаются к ответственности по ст. 14.3 Ко-

декса Российской Федерации об административных правонарушениях, которая предусматривает штрафы за нарушение законодательства о рекламе. Борьба с размещением недостоверных отзывов в виртуальном пространстве под видом незаинтересованных потребителей наглядно прослеживается в Решениях Московского УФАС России от 07.11.2018 по делу № 3-18-234/77-18, Волгоградского УФАС России от 23.06.2020 по делу № 034/05/5-37/2020, Челябинского УФАС России от 28.01.2019 по делу № 135-14.3Ч.1/18 и др.

Однако, например, нарушение соответствующих требований о продвижении медицинских препаратов или биологически активных добавок (п. 5 рассматриваемой статьи) влечет наложение штрафа на физических лиц в размере до 2 500 рублей. Очевидно, что столь незначительные санкции не стимулируют к отказу от практик астротурфинга.

Согласно Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. [1] информационное общество – это общество, в котором информация и формы ее применения кардинальным образом влияют на экономические и социокультурные условия жизни граждан. В соответствии с п. 22 Стратегии приоритетным направлением развития является формирование цифрового пространства с учетом потребностей граждан в получении достоверных сведений. Задача государства – создать условия для обеспечения граждан объективной информацией в различных сферах общественных отношений.

Сегодня в российском сегменте Интернета широко представлены услуги по написанию положительных или отрицательных отзывов, работают боты для «накрутки» подписчиков и т. п. Подобная практика искажает ряд базовых принципов гражданского права, в том числе принцип добросовестного поведения и запрета на злоупотребление правом. Кроме того, несмотря на признанный в гражданском праве принцип свободы договора, данные сделки можно отнести к антисоциальным сделкам, то есть хотя и законным по форме, однако нарушающим публичные и частные интересы. В данном случае речь идет о нарушении основополагающих принципов обеспечения прав потребителей, в конечном счете связанных с их здоровьем и имущественной сферой.

Выводы

По итогам исследования можно предложить следующее определение астротурфинга: это умышленная деятельность недобросовестных участников рынка по формированию искаженного представления потребителями о качественных и количественных характеристиках товара в целях максимизации прибыли с помощью создания подставных аккаунтов, сфабрикованной массовой рассылки, использования чат-ботов, распространения неаутентичных отзывов, комментариев и т. д.

Согласно ст. 169 Гражданского кодекса Российской Федерации положения договора, заключенного с целью заведомо противной базовым основам права и нравственности, признаются ничтожными. Пробелом гражданского законодательства является неопределенность понятий «основы правопорядка» и «нравственность», упомянутых в рассматриваемой статье. Это влечет отсутствие единообразного понимания терминов со стороны правоприменителей в отношении сделок по астротурфингу. По нашему мнению, договоры на заказ псевдонаучных исследований, купли-продажи положительных отзывов в сети Интернет, услуг по «накручиванию» лайков и т. п. следует относить к антисоциальным сделкам, квалифицирующим признаком которых является предоставление потребителю недостоверной информации с целью максимизации продаж.

Действующее законодательство не обеспечивает эффективную борьбу с астротурфингом. Узкоотраслевых юридических инструментов по пресечению неправомерной торговой и маркетинговой стратегий становится недостаточно. Надлежащее правовое регулирование рассматриваемой проблемы возможно только при достижении оптимального баланса интересов потребителей, бизнеса и всего общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Собрание законодательства РФ. – 15.05.2017. – № 20. – Ст. 2901.
2. “Always read the small print”: a case study of commercial research funding, disclosure and agreements with Coca-Cola / S. Steele [et al.] // *Journal of Public Health Policy*. – 2019. – Vol. 39. – P. 1–13.
3. China joins a turf war. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.theguardian.com/media/2008/sep/22/chinathemedia> (date of access: 19.11.2020). – Title from screen.
4. Consumer Protection from Unfair Trading Regulations № 1277 of 27 May 2008. – Electronic text data. – Mode of access: http://www.legislation.gov.uk/uksi/2008/1277/pdfs/uksi_20081277_en.pdf (date of access: 19.11.2020). – Title from screen.
5. Directive 2005/29/EC Of The European Parliament And Of The Council of 11 May 2005 concerning unfair business-to-consumer commercial practices in the internal market and amending Council Directive 84/450/EEC, Directives 97/7/EC, 98/27/EC and 2002/65/EC of the European Parliament and of the Council and Regulation (EC) No 2006/2004 of the European Parliament and of the Council (‘Unfair Commercial Practices Directive’). – Electronic text data. – Mode of access: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32005L0029> (date of access: 19.11.2020). – Title from screen.
6. Edwards, L. Wal-Mart chipping in for advocate / L. Edwards. – Electronic text data. – Mode of access: <https://web.archive.org/web/20070927235004/http://www.nwanews.com/adg/Business/140371/> (date of access: 19.11.2020). – Title from screen.
7. Garvey, E. Exxon global CO2 measurement system / E. Garvey // *IEEE Transactions on Instrumentation and Measurement*. – 1982. – Vol. IM-31, iss. 1. – P. 32–36.
8. Gross, G. FTC settles complaint about fake video game testimonials. Reuters. 26.08.2010 / G. Gross. – Electronic text data. – Mode of access: https://www.reuters.com/article/urnidgns852573c_4006938/ (date of access: 19.11.2020). – Title from screen.
9. Guides Concerning the Use of Endorsements and Testimonials in Advertising. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.ftc.gov/news-events/media-resources/truth-advertising/> (date of access: 19.11.2020). – Title from screen.
10. Malbon, J. Taking Fake Online Consumer Reviews Seriously / J. Malbon // *Journal of Consumer Policy*. – 2013. – № 36 (2). – P. 139–157.
11. Monbiot, G. The need to protect the internet from ‘astroturfing’ grows ever more urgent / G. Monbiot // *The Guardian*. – London : UK, 2011.
12. O’Connor, A. Research Group Funded by Coca-Cola to Disband / A. O’Connor. – Electronic text data. – Mode of access: <https://well.blogs.nytimes.com/2015/12/01/research-group-funded-by-coca-cola-to-disband> (date of access: 19.11.2020). – Title from screen.

13. Streitfeld, D. The Best Book Reviews Money Can Buy / D. Streitfeld // *The New York Times*. – 25.08.2012. – P. 14–16.

REFERENCES

1. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 09.05.2017 № 203 O Strategii razvitiya informacionnogo obshchestva v Rossijskoj Federacii na 2017–2030 gody [Decree of the President of the Russian Federation of 09.05.2017 No. 203 On the strategy for the development of the information society in the Russian Federation for 2017-2030]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of legislation of the Russian Federation], 15.05.2017, no. 20, art. 2901.
2. Steele S., Gary Ruskin G., McKee M., Stuckler D. “Always read the small print”: a case study of commercial research funding, disclosure and agreements with Coca-Cola. *Journal of Public Health Policy*, 2019, vol. 39, pp. 1-13.
3. *China joins a turf war*. URL: <https://www.theguardian.com/media/2008/sep/22/chinathemedia> (accessed 19 November 2020).
4. *Consumer Protection from Unfair Trading Regulations № 1277 of 27 May 2008*. URL: http://www.legislation.gov.uk/ukxi/2008/1277/pdfs/ukxi_20081277_en.pdf (accessed 19 November 2020).
5. *Directive 2005/29/EC Of The European Parliament And Of The Council of 11 May 2005 concerning unfair business-to-consumer commercial practices in the internal market and amending Council Directive 84/450/EEC, Directives 97/7/EC, 98/27/EC and 2002/65/EC of the European Parliament and of the Council and Regulation (EC) No 2006/2004 of the European Parliament and of the Council ('Unfair Commercial Practices Directive')*. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32005L0029> (accessed 19 November 2020).
6. Edwards L. *Wal-Mart chipping in for advocate*. URL: <https://web.archive.org/web/20070927235004/http://www.nwanews.com/adg/Business/140371/> (accessed 19 November 2020).
7. Garvey E. Exxon global CO2 measurement system. *IEEE Transactions on Instrumentation and Measurement*, 1982, vol. IM-31, iss. 1, pp. 32-36.
8. Gross G. *FTC settles complaint about fake video game testimonials*. *Reuters*. 26.08.2010. URL: <https://www.reuters.com/article/urnidgns852573c4006938/> (accessed 19 November 2020).
9. *Guides Concerning the Use of Endorsements and Testimonials in Advertising*. URL: <https://www.ftc.gov/news-events/media-resources/truth-advertising/> (accessed 19 November 2020).
10. Malbon J. Taking Fake Online Consumer Reviews Seriously. *Journal of Consumer Policy*, 2013, no. 36 (2), pp. 139-157.
11. Monbiot G. The need to protect the internet from ‘astroturfing’ grows ever more urgent. *The Guardian*. London, UK, 2011.
12. O'Connor A. *Research Group Funded by Coca-Cola to Disband*. URL: <https://well.blogs.nytimes.com/2015/12/01/research-group-funded-by-coca-cola-to-disband> (accessed 19 November 2020).
13. Streitfeld D. The Best Book Reviews Money Can Buy. *The New York Times*, 25.08.2012, pp. 14-16.

Information About the Author

Pavel L. Likhter, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Private and Public Law, Penza State University, Krasnaya St, 40, 440000 Penza, Russian Federation, lixter@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8950-4325>

Информация об авторе

Павел Леонидович Лихтер, кандидат юридических наук, доцент кафедры частного и публичного права, Пензенский государственный университет, ул. Красная, 40, 440000 г. Пенза, Российская Федерация, lixter@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8950-4325>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.4.18>

UDC 347.461
LBC 67.404.9

Submitted: 21.11.2020
Accepted: 12.12.2020

TRANSNATIONAL CORPORATIONS AS BUSINESS ENTITIES IN THE BANKING SECTOR

Tatyana V. Kokoreva

LLC “Kontsessii teplosnabzheniya”, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the paper is devoted to the study of the essence of understanding TNCs in the banking sector through the analysis of such concepts as “transnational company (corporation)”, “international company (corporation)”, “international bank” and “transnational bank”. **To this end**, the author examines the concept and features of transnational corporations in the banking sector, their essential features, highlighted by the civil doctrine and used by judicial practice. Using the **methods** of scientific cognition, primarily the method of system and comparative analysis, the author identifies the constituent features of a transnational corporation by applying an insight-substantive approach to the study of the concept of TNCs as the largest intermediary in the system of international capital migration. **Results:** it is established that in the modern scientific literature there is no single approach to understanding the transnational corporation in the banking sector. In order to determine the main approaches to the understanding of TNCs in the banking sector, the author’s approaches to the definition of this phenomenon are systematized. The study identifies three groups of approaches: a TNC as a national company transcending the state; a TNC as a set of national companies; a TNC as a parent company operating in several states. **Conclusions:** the author concludes that a TNC in the banking sector should be understood as a transnational bank operating in several countries on the basis of an institutionalized network of representative offices operating on the basis of the national legislation of the countries of operation, which allows them to ensure the international movement of capital in order to diversify the economy and stimulate the innovative development of international economic relations.

Key words: banking, transnational corporation, multinational banks, national currency, civil transactions, representation system.

Citation. Kokoreva T.V. Transnational Corporations as Business Entities in the Banking Sector. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2020, vol. 19, no. 4, pp. 137-143. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.4.18>

УДК 347.461
ББК 67.404.9

Дата поступления статьи: 21.11.2020
Дата принятия статьи: 12.12.2020

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ КОРПОРАЦИИ КАК СУБЪЕКТЫ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ В БАНКОВСКОЙ СФЕРЕ

Татьяна Васильевна Кокорева

ООО «Концессии теплоснабжения», г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: статья посвящена исследованию сущности понимания ТНК в банковской сфере через анализ таких понятий, как «транснациональная компания (корпорация)», «международная компания (корпорация)», «международный банк» и «транснациональный банк». С этой **целью** автор рассматривает понятие и признаки транснациональных корпораций в банковской сфере, их существенные особенности, выделяемые цивилистической доктриной и используемые судебной практикой. С помощью **методов** научного познания, прежде всего метода системного и сравнительного анализа, автор выделяет конституирующие признаки транснациональной корпорации путем применения сущностно-субстанционального подхода к изучению понятия ТНК как крупнейшего посредника в системе международной миграции капиталов. **Результаты:** установлено, что в современной научной литературе нет единого подхода к пониманию транснациональной корпорации в банковской сфере. В целях определения основных подходов к пониманию ТНК в банковской сфере проведена систематизация авторских подходов к определению данного явления. В исследовании

выделены три группы подходов: ТНК как национальная компания, вышедшая за пределы государства; ТНК как совокупность национальных компаний; ТНК как головная компания, присутствующая в нескольких государствах. **Выводы:** автором сделан вывод о том, что под ТНК в банковской сфере необходимо понимать транснациональный банк, осуществляющий свою деятельность в нескольких странах на основе институализированной сети представительств, действующих на основании национального законодательства стран присутствия, что позволяет им обеспечивать международное движение капиталов в целях диверсификации экономики и стимулировать инновационное развитие международных экономических связей.

Ключевые слова: банковская деятельность, транснациональная корпорация, транснациональные банки, национальная валюта, гражданско-правовые сделки, система представительства.

Цитирование. Кокорева Т. В. Транснациональные корпорации как субъекты хозяйствования в банковской сфере // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2020. – Т. 19, № 4. – С. 137–143. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.4.18>

Введение

В условиях глобализации рынков возникает необходимость совершенствования системы финансовых отношений и повышения уровня доступности капиталов. На сегодняшний день транснациональные компании (далее – ТНК) в банковской сфере являются крупнейшими посредниками в системе международной миграции капиталов. В современной научной литературе не сложилось единого подхода к пониманию ТНК в банковской сфере, что связано с междисциплинарным характером организации деятельности подобных финансовых институтов. С одной стороны, следует опираться на экономическое содержание их деятельности, с другой – необходимо отразить специфику правового закрепления деятельности данных институтов в конкретных странах и выработать единый системный подход к координации международного правового регулирования их функционирования. Исследование ТНК преимущественно лежит в плоскости экономической науки, в то время как юридическая наука рассматривает отдельные аспекты международно-правового регулирования деятельности ТНК.

Понятие, основные характеристики ТНК в банковской сфере

Научное закрепление дефиниции «транснациональных компаний» началось после публикации исследования Д. Лиленгала [12, с. 74] в 1960 году. Помимо термина «транснациональная компания (корпорация)» [10, с. 153] также используются «международная организация», многонациональная [9, с. 420]

(мультинациональная [15, с. 60], международная) корпорация (компания, предприятие, монополия).

Трехсторонняя декларация принципов, касающихся многонациональных предприятий социальной политики МОТ [5, с. 19], а также Руководство ОЭСР о многонациональных предприятиях [14] указывают, что национальный состав ТНК не может считаться существенным признаком для ее определения. Напротив, Руководство устанавливает, что приоритетным признаком ТНК является наличие таких хозяйственных связей, которые позволяют нескольким государствам значительно влиять на деятельность других.

Вопрос наименования хозяйствующих субъектов, осуществляющих свою деятельность за пределами одного государства, остается дискуссионным не только в научной литературе, но и в документах международных организаций. При этом возможно выделить ряд существенных особенностей, свойственных данному типу организационных отношений: трансграничный характер деятельности хозяйствующих субъектов; организационное и экономическое единство; интернациональный состав менеджмента организации; монополярная природа корпорации и стремление распространить свое влияние на зарубежных рынках (не менее 25 % от объемов рынка); высокий научно-технический и инновационный уровень производства; национальная принадлежность капитала и акционерной собственности.

В современной научной литературе также нет единого подхода к пониманию такого типа транснациональных корпораций, как ТНК в банковской сфере. Среди исследователей

наиболее распространенным является использование термина «транснациональный банк» (далее – ТНБ), употребление которого характерно для ученых-экономистов. В то же время в юридической литературе данный термин до настоящего момента не употреблялся.

На сегодняшний день можно выделить несколько основных подходов к пониманию ТНБ, которые описываются в исследованиях по мировой экономике. Так, Ю.В. Макогон определяет данный вид хозяйствующих субъектов как крупнейшие банковские учреждения универсального типа, располагающие широко разветвленной и тесно интегрированной системой зарубежных предприятий, контролирующей мировой финансовый рынок [3, с. 50]. Схожую позицию высказывает Б.А. Райзберг [4, с. 407], который также указывает на посредническую роль ТНБ в международном движении капиталов. В свою очередь П.Р. Кругман [2, с. 714] акцентирует внимание на международном характере деятельности банков и наличии зарубежных активов. Масштаб деятельности ТНБ отражает в своем определении А. Яковлева [8, с. 117], которая называет ТНБ «гигантскими финансовыми империями», определяющими порядок финансовых отношений как внутри стран, так и за их пределами.

Как утверждают Е.А. Шутаева и В.В. Побирченко [7, с. 151], главной характеристикой ТНБ является наличие институализированной сети зарубежных представительств и перенос части своей деятельности за пределы одного государства. В связи с этим ключевым показателем деятельности ТНБ является определение доли активов и пассивов, связанных с международной деятельностью, а также доли прибыли, получаемой от нее.

Таким образом, банковский капитал является национальным по своему происхождению и трансграничным по сфере деятельности, то есть он одновременно входит как подсистема в национальную экономическую систему и выступает элементом мировой экономики. При этом в процессе трансграничного перехода национальный капитал сохраняет национальные особенности распределения и в то же время приобретает характеристики банковского капитала страны, в которой он ис-

пользуется. Данное положение определяет деятельность ТНК в банковской сфере.

Транснационализация банковских отношений предполагает реализацию нескольких направлений сотрудничества государств. В частности, определение порядка построения долгосрочных инвестиционных связей с промышленными предприятиями в странах-реципиентах капитала, порядка передачи информации, технологий и опыта проведения банковских операций.

При этом особенностью современных транснациональных банковских компаний является быстрое развитие мирового финансового рынка, на котором крайне сложно выделить исключительно национальный капитал. В силу того факта, что акции крупных ТНБ продаются на международной фондовой бирже, их владельцами в разных долях являются представители нескольких стран, что делает невозможным определение национальной принадлежности того или иного ТНБ. В данном случае мировая практика определяет принадлежность капитала по стране, в которой концентрируется контрольный пакет акций банка, что несколько упрощает порядок регламентации деятельности ТНК в банковской сфере.

Органический рост ТНК в банковской сфере позволяет снизить риски, связанные с переводом капитала в зарубежные страны. Данный процесс требует большего времени, но при этом он позволяет увеличить объем представительства с учетом нормативно-правового регулирования в странах-реципиентах. Однако в ряде стран присутствуют законодательные ограничения, которые не позволяют иностранным банкам увеличить долю своего присутствия в национальном капитале. Установление законодательных ограничений на расширение ТНБ в отдельных странах часто связано с несовершенством национальной банковской системы, что требует от правительств проведения политики протекционизма.

Анализ особенностей ТНК в банковской сфере позволил выделить ряд ключевых характеристик данного вида хозяйствующих субъектов:

1) ТНК в банковской сфере представляет собой крупную банковскую монополию, способную воздействовать не только на на-

циональный, но и международный рынок финансовых инструментов;

2) деятельность ТНК в банковской сфере носит глобальный характер;

3) в структуре их деятельности значительный объем занимают международные операции;

4) высокая степень защиты банковских операций позволяет привлечь более надежных клиентов по всему миру.

Под ТНК в банковской сфере предлагается понимать транснациональный банк, осуществляющий свою деятельность в нескольких странах на основе институализированной сети представительств, действующих на основании национального законодательства стран присутствия, что позволяет им обеспечивать международное движение капиталов в целях диверсификации экономики и стимулировать инновационное развитие [11, с. 240] международных экономических связей.

Виды и классификация ТНК в банковской сфере

В силу того факта, что ТНК в банковской сфере не выступают самостоятельным объектом изучения, в научной литературе не сложилось методики классификации данных хозяйствующих субъектов. В связи с этим представляется необходимым оценить порядок выделения отдельных видов на основе сложившихся подходов к классификации и систематизации видов транснациональных компаний с учетом определения специфических аспектов для банковской сферы.

В научной литературе в качестве оснований для классификации транснациональных компаний принято выделять цели, стратегии развития, организационную структуру и способы развития инвестиционной деятельности. Вне зависимости от того, какое основание для классификации выделяется, приведенные типологии не могут отразить всей сущности и специфики деятельности ТНК как субъекта правового регулирования в рамках международного частного права.

В качестве первого основания для классификации ТНК большинством ученых выделяется наличие иностранного сектора у компании. В данной классификации выделяют

национальные компании, которые не имеют своих представительств в других странах, и ТНК. В свою очередь последние разделяются на интернациональные, многонациональные и глобальные. Различия между данными формами определяются системой менеджмента и организации транснационального взаимодействия.

Многонациональные корпорации – корпорации, объединяющие юридически независимые национальные банки нескольких государств на организационной основе, связывая их финансово-экономическими инструментами.

По характеру интеграции в работе S.X. Liu [13, с. 49] ТНК разделены на вертикально интегрированные и горизонтально интегрированные. Вертикально интегрированные ТНК в банковской сфере устроены по принципу формирования соответствующих связей между поставщиками финансовых продуктов и их потребителями. Возникает иерархичная структура, что позволяет снизить издержки, связанные с несогласованностью в действиях контрагентов.

Горизонтально интегрированные ТНК в банковской сфере направлены прежде всего на обеспечение защиты информации, необходимой для осуществления их деятельности, что обеспечивает конкурентные преимущества на инвестиционном и кредитном рынках.

При анализе форм коммерческой деятельности ТНК выделяются такие как холдинг, ассоциация, консорциум, картель, трест, пул, синдикат, концерн и финансово-промышленная группа [6, с. 11]. Однако применительно к банковской сфере мы можем выделить только отдельные из указанных форм.

Например, одной из форм ТНК в банковской сфере являются банковские ассоциации, под которыми понимается структура, объединяющая коммерческие банки с целью защиты профессиональных интересов.

В банковской сфере принято выделять также банковский консорциум или синдикат – это объединение банков, с целью проведения совместных финансовых операций. Главой консорциума выступает одна из наиболее крупных банковских организаций. Цели, которые преследуются при создании синдиката: расширение сфер деятельности и выход на новый рыночный уровень, проведение совме-

стных кредитных и других видов финансовых операций.

Наиболее крупными формами ТНК в банковской сфере являются банковские картели – это соглашение между крупнейшими банками о разделе сфер деятельности, которое предполагает сохранение самостоятельности каждого из участников данной структуры.

Финансово-промышленная группа (далее – ФПГ) в свою структуру, как правило, включает финансовую организацию. В связи с этим нецелесообразно рассматривать его как самостоятельную форму ТНК в банковской сфере. Кроме того, в контексте развития ФПГ банковский сектор выступает как вспомогательный элемент усиления ТНК.

По мнению Е.А. Королева, подобная классификация отражает общие тенденции развития мировой экономики и процесса глобализации. Следовательно, формы существования ТНК следует рассматривать исключительно как начальные позиции международного сотрудничества [1, с. 79].

По причинам осуществления деятельности выделяют два вида ТНК: ищущие факторы производства и расширяющие рынок. Первая группа ТНК в банковской сфере стремится увеличить денежную массу банка за счет аккумуляции средств резидентов из других стран. В свою очередь ТНК, расширяющие рынок, напротив, ориентированы на потребителей кредитных и инвестиционных продуктов. Такие ТНК ориентированы на построение горизонтальных связей.

По профессиональной направленности выделяют производственные ТНК (в банковской сфере такие ТНК создают новые продукты и формы взаимодействия) и сервисные (в банковской сфере обслуживают уже сложившиеся финансовые связи и продукты).

По организационному построению деятельность ТНК в банковской сфере основывается на тех стратегических направлениях, которые характерны для материнского (головного) банка. В связи с этим предпринять попытку классификации ТНК в банковской сфере по признаку стратегии или связанной с ней организационной структурой не представляется возможным, так как они представляют собой динамическую систему.

Выводы

Таким образом, анализ существующих в научной литературе подходов к классификации транснациональных компаний в банковской сфере позволил выявить существующую необходимость выделения данного вида хозяйствующих субъектов в самостоятельную область исследования. Применительно к ТНК в банковской сфере представляется возможным использовать отдельные типологии, к которым прежде всего следует отнести классификацию по формам. Последняя позволяет отразить типы связей между головным (материнским) банком и представительствами за рубежом. Кроме того, определение формы ТНК в банковской сфере предопределяет применение и других типологий, в первую очередь по организационной структуре.

Однако ни одна из указанных классификаций не позволяет раскрыть особенности правового регулирования деятельности ТНК в банковской сфере. По данному признаку предлагается разделять ТНК три категории:

1. Осуществляющие свою деятельность на основании международно-правовых нормативно-правовых актов (данная категория наиболее общая и представляет собой международные банки, в которых участвуют большинство стран. Ключевой задачей таких банков является поддержание соответствующего уровня развития мировой экономики, а также выработка единой концепции развития банковского сектора международной экономики).

2. Осуществляющие свою деятельность в соответствии с нормативно-правовыми актами головного (материнского) банка (данная категория активно создает свои представительства в развивающихся странах, одновременно стимулируя развитие национальных экономик и формирование национальной банковской системы).

3. Осуществляющие свою деятельность в соответствии с требованиями правовой системы страны пребывания (данная категория функционирует в развитых странах и формирует свои продукты, а также систему менеджмента таким способом, который позволяет максимально быстро и эффективно оптимизировать их под особенности правового регулирования разных стран).

Таким образом, нормативное регулирование деятельности ТНК в банковской сфере предполагает анализ норм международного права, регулирующих банковскую деятельность и наиболее распространенных норм, используемых в национальных системах для обеспечения одновременно безопасности банковских операций и защиты национальной экономики от экспансии со стороны иностранных государств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Королев, А. Е. Транснациональные корпорации как субъекты международного частного права : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Королев Александр Евгеньевич. – Саратов, 2001. – 223 с.
2. Кругман, П. Р. Международная экономика / П. Р. Кругман, М. Обстфельд. – 5-е изд. – СПб. : Питер, 2004. – 832 с.
3. Матьцин, Д. Е. Сделки на рынке ценных бумаг: цифровые технологии защиты прав и законных интересов инвесторов : монография / Д. Е. Матьцин. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2019. – 187 с.
4. Райзберг, Б. А. Современный экономический словарь / Б. А. Райзберг, П. Ш. Лозовский. – М. : ИНФРА-М, 2003. – 476 с.
5. Трехсторонняя декларация принципов, касающихся многонациональных корпораций и социальной политики. – Женева : Международное бюро труда, 2001. – 30 с.
6. Уткин, Э. А. Финансово-промышленные группы : дис. ... канд. экон. наук : 11.00.07 / Уткин Эдуард Андреевич. – М. : Юрист, 1997. – С. 10–18.
7. Шутаева, Е. А. Транснациональные банки в условиях финансовой глобализации / Е. А. Шутаева, В. В. Побирченко // Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Экономика и управление. – 2009. – Т. 1, № 22 (61). – С. 149–164.
8. Яковлева, А. А. Транснациональные банки и финансовые институты: сущность и стратегии развития / А. А. Яковлева // Вопросы экономики. – 2006. – № 10. – С. 114–123.
9. Abdulsomad, K. The Transformation of Multinational Corporations (MNCs) from an Innovation Perspective: Some Notes on the Theories of MNCs / K. Abdulsomad // AI and Society. – 2014. – Vol. 29, iss. 3. – P. 415–426.
10. Inshakova, A. O. TNCs as Subjects of Economic Activity and Lawmaking in the Sphere of Foreign Trade in Energy Resources / A. O. Inshakova, E. E. Frolova, I. P. Marchukov // Lecture Notes in Networks and Systems. – 2019. – Vol. 44. – P. 151–171.

11. Inshakova, E. I. Neo-Industrialization of the Russian Economy: Technological and Digital Development. Ubiquitous Computing and the Internet of Things: Prerequisites for the Development of ICT / E. I. Inshakova, A. Y. Ryzhenkov, A. O. Inshakova // Studies in Computational Intelligence / ed. by E. G. Popkova. – Cham : Springer Science + Business Media. – 2019. – Vol. 826. – P. 239–250.
12. Lilienthal, D. The Multinational Corporation / D. Lilienthal // Management and Corporations / ed. by M. Anshen, G. L. Bash. – N. Y. : Greenwood, 1985. – P. 74–82.
13. Liu, S. X. Foreign Direct Investment and Multinational Enterprises / S. X. Liu. – N. Y. : Praeger, 1997. – 178 p.
14. OECD Guidelines for Multinational Enterprises. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.oecd.org/daf/investment/guidelines> (date of access: 16.11.2020). – Title from screen.
15. Perrot, F. Multinational Corporations' Strategies at the Base of the Pyramid: An Action Research Inquiry / F. Perrot // Journal of Business Ethics. – 2017. – Vol. 146, iss. 1. – P. 59–76.

REFERENCES

1. Korolev A.E. *Transnatsionalnye korporatsii kak subyekty mezhdunarodnogo chastnogo prava: dis ... kand. jurid. nauk: 12.00.03* [Transnational Corporations as Subjects of Private International Law: Dis. ... Cand. the Faculty of Law Sciences: 12.00.03]. Saratov, 2001. 223 p.
2. Krugman P.R., Obstfeld M. *Mezhdunarodnaya ekonomika* [International Economics]. Saint Petersburg, Piter Publ., 2004. 832 p.
3. Matytsin D.E. *Sdelki na rynke tsennykh bumag: tsifrovyye tekhnologii zashchity prav i zakonnykh interesov investorov: monografiya* [Transactions in the Securities Market: Digital Technologies for Protecting Rights and Legitimate Interests of Investors. Monograph]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2019. 187 p.
4. Raizberg B.A., Lozovsky P.S. *Sovremennyy ekonomicheskiy slovar* [Modern Economic Dictionary]. Moscow, INFRA-M Publ., 2003. 476 p.
5. *Trehstoronnaya deklaratsiya printsipov, kasayushchikhsya mnogonatsionalnykh korporatsiy i sotsialnoy politiki* [Trilateral Declaration of Principles Concerning Multinational Corporations and Social Policy]. Geneva, International Labour Office, 2001. 30 p.
6. Utkin E.A. *Finansovo-promyshlennyye gruppy: dis. ... kand. ekon. nauk: 11.00.07* [Financial and Industrial Groups: dis. ... Candidate of Economics Sciences: 11.00.07]. Moscow, Yurist Publ., 1997, pp. 10-18.
7. Shutaeva E.A., Pobirchenko V.V. *Transnatsionalnye banki v usloviyakh finansovoy globalizatsii* [Transnational Banks in the Conditions

of Financial Globalization]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsionalnogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Ekonomika i upravlenie* [Scientific notes of the Tauride national University named after V. I. Vernadsky. Economy and management], 2009, vol. 1, no. 22 (61), pp. 149-164.

8. Yakovleva A.A. Transnatsionalnye banki i finansovye instituty [Transnational Banks and Financial Institutions: Essence and Development Strategies]. *Voprosy ekonomiki* [Economic Issues], 2006, no. 10, pp. 114-123.

9. Abdulsomad K. The Transformation of Multinational Corporations (MNCs) from an Innovation Perspective: Some Notes on the Theories of MNCs. *AI and Society*, 2014, vol. 29, iss. 3, pp. 415-426.

10. Inshakova A.O., Frolova E.E., Marchukov I.P. TNCs as Subjects of Economic Activity and Lawmaking in the Sphere of Foreign Trade in Energy Resources. *Lecture Notes in Networks and Systems*, 2019, vol. 44, pp. 151-171.

11. Inshakova E.I., Ryzhenkov A.Y., Inshakova A.O. Neo-Industrialization of the Russian Economy: Technological and Digital Development. Ubiquitous Computing and the Internet of Things: Prerequisites for the Development of ICT. *Studies in Computational Intelligence*. Cham, Springer Science + Business Media, 2019, vol. 826, pp. 239-250.

12. Lilienthal D. The Multinational Corporation. *Management and Corporations*. Anshen M., Bash G. L., eds. New York, Greenwood, 1985, pp. 74-82.

13. Liu S.X. Foreign Direct Investment and Multinational Enterprises. New York, Praeger, 1997, pp. 49-50.

14. *OECD Guidelines for Multinational Enterprises*. URL : <http://www.oecd.org/daf/investment/guidelines> (accessed 16 November 2020).

15. Perrot F. Multinational Corporations' Strategies at the Base of the Pyramid: An Action Research Inquiry. *Journal of Business Ethics*, 2017, vol. 146, iss. 1, pp. 59-76.

Information About the Author

Tatyana V. Kokoreva, Head of the Department for Coordination with the Law Enforcement Unit and Official Investigations, LLC "Kontsessii teplosnabzheniya", Port-Saida St, 16A, 400066 Volgograd, Russian Federation, info@teplovolgograd.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2159-0682>

Информация об авторе

Татьяна Васильевна Кокорева, руководитель управления по взаимодействию с правоохранительным блоком и проведения служебных расследований, ООО «Концессии теплоснабжения», ул. Порт-Саида, 16А, 400066 г. Волгоград, Российская Федерация, info@teplovolgograd.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2159-0682>

www.volsu.ru

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ ==

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.4.19>

UDC 343.1
LBC 67.408

Submitted: 27.09.2020
Accepted: 25.10.2020

PROCEDURAL DISCRETION OF THE COURT WHEN REFUSING TO INITIATE CRIMINAL PROCEEDINGS

Ekaterina S. Azarova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: if we consider the content of procedural discretion of the court when refusing to initiate criminal cases, refusing petitions at the stage of preliminary investigation, these refusals are known to be able to be appealed in the district (federal) court (Part 5 of Article 144, Article 122, 125 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation). In these cases, the judicial review raises a question not only for the defense, but also for the court itself, which is what the actions and decisions of the preliminary investigation bodies in such refusals are and whether there are signs of tort in their actions when making such decisions. The author of this paper sets the **goal** of research, which is to consider the content of procedural discretion of the court in case of refusal to initiate criminal proceedings. **Methods:** the methodological framework for the research is the dialectical-materialistic method of cognition, which includes the elements of system analysis, and specific scientific methods, such as the logical and legal ones. **Results:** based on the legal analysis, the content of judicial discretion in case of refusal to initiate criminal proceedings is revealed. The paper raises a question related to the consideration of judicial discretion as a guarantee of the court's activity at the pre-trial stages of the criminal process. **Conclusions:** it is revealed that the scheme of judicial discretion in the event of a complaint about the refusal to initiate criminal proceedings should be based on the criteria of judicial discretion at the stage of trial.

Key words: discretion of the court, initiation of criminal proceedings, criteria of discretion, refusal to initiate.

Citation. Azarova E.S. Procedural Discretion of the Court when Refusing to Initiate Criminal Proceedings. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2020, vol. 19, no. 4, pp. 144-150. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.4.19>

УДК 343.1
ББК 67.408

Дата поступления статьи: 27.09.2020
Дата принятия статьи: 25.10.2020

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ УСМОТРЕНИЕ СУДА ПРИ ОТКАЗЕ В ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Екатерина Сергеевна Азарова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: если рассматривать содержание процессуального усмотрения суда при отказах в возбуждении уголовных дел, отказах в ходатайствах на стадии предварительного расследования, то известно, что эти отказы могут быть обжалованы в районном (федеральном) суде (ч. 5 ст. 144, ст. 122, 125 УПК РФ). В этих случаях при судебном рассмотрении возникает вопрос не только для стороны защиты, но и для самого суда,

который состоит в том, каковы действия и решения органов предварительного расследования при таких отказах и имеются ли признаки деликта в их действиях при принятии таких решений. Автором в данной статье поставлена **цель исследования**, которая заключается в рассмотрении содержания процессуального усмотрения суда в случае отказа в возбуждении уголовного дела. **Методы:** методологическую основу исследования составляют диалектико-материалистический метод познания, включающий в себя элементы системного анализа, и частные научные методы, такие как логико-юридический. **Результаты:** на основании правового анализа раскрывается содержание судебного усмотрения при отказе в возбуждении уголовного дела. Поднимается вопрос, связанный с рассмотрением судебного усмотрения как гарантией деятельности суда на досудебных стадиях уголовного процесса. **Выводы:** выявлено, что в основе схемы судебного усмотрения в случае жалобы на отказ в возбуждении уголовного дела должны лежать критерии судебного усмотрения на стадии судебного разбирательства.

Ключевые слова: усмотрение суда, возбуждение уголовного дела, критерии усмотрения, отказ в возбуждении.

Цитирование. Азарова Е. С. Процессуальное усмотрение суда при отказе в возбуждении уголовного дела // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2020. – Т. 19, № 4. – С. 144–150. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.4.19>

Введение

Порядок рассмотрения жалоб на отказ в возбуждении уголовного дела, отказ в удовлетворении ходатайства довольно стандартен (ст. 125 УПК РФ). На решение следователя подается жалоба в суд непосредственно или через следователя. После принятия жалобы в свое производство суд в течение пяти суток, но не позднее этого срока, проводит судебное разбирательство по проверке законности и обоснованности действий или бездействий, решений должностного лица или органа предварительного расследования.

В начале судебного разбирательства суд (единолично) в составе председательствующего объявляет о содержании поступившей жалобы. Если в суд явился заявитель (жалобщик), его защитник или законный представитель либо представитель, а также если в разбирательстве участвует прокурор или следователь либо руководитель следственного органа, то суд обязан разъяснить участвующим и явившимся лицам их права и обязанности в процессе судебного заседания [2; 10]. Судебное разбирательство проводится в форме и по правилам состязательного процесса. Первым представляет и обосновывает жалобу заявитель или лица его представляющие, после чего заслушиваются лица стороны, в отношении которой подана жалоба, при этом только заявитель обладает правом последней реплики.

В случае положительного решения дела для заявителя суд выносит постановление о признании действия или бездействия либо ре-

шения соответствующего должностного лица незаконным или необоснованным и устанавливает обязанность устранить допущенное нарушение.

Отраженная в УПК РФ схема судебного разбирательства по жалобе в отказе в возбуждении уголовного дела является упрощенной по форме, так как весь порядок непосредственного ведения судебного заседания и принятия решения отнесен к усмотрению единоличного состава суда. Данная схема распространена на все категории жалоб, поданных в суд на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования.

На стадии возбуждения уголовного дела суд рассматривает варианты жалоб на отказы органов предварительного расследования в возбуждении уголовного дела, при этом надо учитывать, что в данных случаях суд является последней инстанцией предупреждения деликта по соблюдению гарантий и принципов российского уголовного процесса.

Один из самых интересных элементов судебного заседания – это вопрос прав и обязанностей лиц, явившихся на судебное разбирательство по жалобе на отказ в возбуждении уголовного дела. При разъяснении этих прав и обязанностей возникает аналогия с порядком проведения судебного заседания по правилам гражданского судопроизводства [8, с. 18]. По этим правилам истцом выступает гражданин (заявитель), который, по его мнению, является пострадавшим от противоправного деяния, а ответчиком – государственный орган. Здесь возникает парадокс, заключаю-

щийся в том, что в публичном праве появляются институты частного права, не оговоренные в законе.

Судебное разбирательство на стадии возбуждения уголовного дела

Рассмотрим эти проблематичные моменты проведения судебного разбирательства на стадии возбуждения уголовного дела. Как уже отмечалось, суд разъясняет права и обязанности участникам процесса. Со стороны истца к ним относится заявитель, он же пострадавший или его законный представитель, а также адвокат как представитель заявителя или пострадавшего. Одним из оснований судебного усмотрения является аналогия закона и аналогия права, что позволяет суду использовать соответствующие нормы УПК РФ [9, с. 68]. При разъяснении прав и обязанностей заявителю или пострадавшему, а в необходимых случаях законному представителю, суд использует аналогии ст. 268 (по отношению к потерпевшему) и ст. 42 (по отношению к потерпевшему) УПК РФ.

Согласно усмотрению суда, в соответствии с аналогией закона к правам заявителя в судебном заседании относится следующий перечень прав:

- давать объяснения;
- представлять материалы, по аналогии к доказательствам;
- заявлять ходатайства и отводы;
- иметь представителя (ч. 10 ст. 42 УПК РФ);
- выступать в судебных прениях (подтверждение аналогии закона – это право заключительной реплики заявителя);
- поддерживать (по аналогии) исковое требование;
- знакомиться с протоколом судебного заседания и подавать на него замечания;
- обжаловать постановление суда;
- приносить жалобы на решения суда;
- осуществлять иные полномочия, предусмотренные УПК РФ.

Главный вопрос, который возникает при аналогии ч. 4 ст. 125 и ст. 37 УПК РФ, о праве представления каких материалов – доказательств здесь может идти речь. Здесь, по нашему мнению, скорее всего, суд должен ис-

пользовать по своему усмотрению аналогию права, то есть гл. 6 ГПК РФ.

Согласно аналогии права в качестве ответчика на жалобу в отказе в возбуждении уголовного дела могут выступать прокурор, следователь, руководитель следственного органа, а также иные лица, чьи интересы непосредственно затрагиваются обжалуемым решением [1, с. 6]. Что касается прав вышеперечисленных лиц, то согласно п. 8 ч. 2 ст. 37 УПК РФ прокурор вправе участвовать в судебных заседаниях при рассмотрении жалоб в порядке применения ст. 125 УПК РФ, при этом о правах следователя и руководителя следственного органа закон в данной части умалчивает, также как и об обязанностях данных лиц в судебном заседании при рассмотрении жалоб об отказе в возбуждении уголовного дела [3, с. 169]. К иным лицам со стороны ответчика, по нашему мнению, можно отнести проверяемых лиц, которые по аналогии закона могут обладать правами и обязанностями подсудимого (ст. 267) и обвиняемого (ст. 47). К этой категории лиц также можно отнести законного представителя и представителя проверяемого лица.

К правам проверяемого лица, который по аналогии выступает в качестве подсудимого (обвиняемого), суд может отнести обладание правом:

- принимать состав «обвинения», как основание жалобы и возражать против нее;
- давать объяснения по поводу жалобы пострадавшего;
- представлять материалы доказательства;
- заявлять ходатайства и отводы суду;
- участвовать в проведении следственных действий и судебной экспертизы как проверяемое лицо, до возбуждения уголовного дела;
- приносить жалобы на решения суда и участвовать в их рассмотрении;
- знакомиться с протоколом судебного заседания и подавать замечания;
- обжаловать постановление суда и получать копии решений;
- защищать свои права и законные интересы средствами и способами, не запрещенными УПК РФ.

Обязанности проверяемого лица при проведении судебного заседания при рассмотре-

нии жалобы на отказ в возбуждении уголовного дела в законе не указаны.

К остальным лицам, которые обладают правами и обязанностями свидетелей, аналогия закона, по усмотрению суда, относит очевидцев прошедшего события, которое является предметом судебного разбирательства по жалобе заявителя [6, с. 116]. Данные лица, со стороны истца и ответчика, могут быть вызваны или приглашены в суд, по его усмотрению, в порядке применения аналогии права (ст. 57 ГПК РФ).

Согласно ч. 4 ст. 125 УПК РФ, судебное разбирательство начинается непосредственно с обоснования заявителем своей жалобы по поводу отказа в возбуждении уголовного дела [5, с. 10]. Данное обоснование в уголовном процессе проводится по правилам и в соответствии с аналогией ст. 174 ГПК РФ.

В соответствии с аналогией права, суд по своему усмотрению может затребовать письменные объяснения очевидцев и огласить их в процессе судебного заседания в соответствии с ч. 2 ст. 174 и ст. 166 ГПК РФ [7, с. 95]. Закон не указывает, что должен понимать суд под «обоснованием заявителем своей жалобой», по отказу в возбуждении уголовного дела, поэтому суд, по своему усмотрению, вправе применить аналогию закона апелляционного обжалования.

Содержание жалобы в возбуждении уголовного дела

По аналогии закона, жалоба в суд первой инстанции по месту отказа в возбуждении уголовного дела должна содержать:

- данные о заявителе;
- указание на отказ и последующие обжалования в отказе в возбуждении уголовного дела;
- доводы заявителя с перечислением оснований отказа, то есть его незаконности и (или) необоснованности;
- перечень прилагаемых материалов, а также подпись заявителя.

Ходатайство о вызове в судебное заседание очевидцев и иных лиц, чьи права и законные интересы нарушены в ходе проведения стадии возбуждения уголовного дела, удовлетворяются по усмотрению суда на основании доводов заявителя.

Обоснование заявителя в суде первой инстанции представляет собой устное изложение претензий и доводов обжалуемого отказа в возбуждении уголовного дела по правилам проведения судебного следствия, с последующими прениями сторон по аналогии с ч. 2 ст. 389 со значком УПК РФ.

Суд, как субъект исследования доказательств в уголовном судопроизводстве, по собственной инициативе истребуя доказательства, обеспечивает выполнение функции правосудия. В том случае, если сторонами представлено недостаточно доказательств для обоснования решения по делу, суд может по своему усмотрению истребовать доказательства. Однако при обжаловании решений следователя, эта функция суда является неустребованной.

Усмотрение суда представляет собой двухконтурную систему, которая включает в себя объективные (судебные) и субъективные (судейские) категории пределов уголовно-процессуального усмотрения по принятию решения, а понятие внутреннего убеждения – принципиальное по своей сути объяснение, которое как «норма права» позволяет принимать решения в рамках применения доказательственного права.

Вопрос применения норм процессуального права по усмотрению суда включает в себя и нормы доказательственного права, в том числе и применение внутреннего убеждения судом при оценке доказательств с точки зрения уголовно-процессуального закона. Закрепляя опосредовано в нормативном правовом акте право на усмотрение, законодатель устанавливает юридическое основание для осуществления такой деятельности, так как для усмотрения суда необходим особый режим правового регулирования [4, с. 104]. Следовательно, согласно аналогии закона, способ проверки доводов заявителя аналогичен способу проверки доказательств, представленных по уголовному делу, и по своей сути является прерогативой суда.

По результатам рассмотрения жалобы на отказ в возбуждении уголовного дела суд постановляет оставить жалобу без удовлетворения либо обязать должностное лицо устранить допущенное нарушение (п. 1 ч. 5 ст. 125 УПК РФ). Нарушение должно состоять в не-

законном действии (бездействии) или необоснованном решении должностного лица органа предварительного расследования. Основанием такого нарушения, по аналогии закона, является:

- несоответствие выводов, изложенных в постановлении об отказе в возбуждении уголовного дела, фактическим обстоятельствам, установленным судом;
- нарушение уголовно-процессуального закона;
- неправильное применение уголовного закона;
- выявление данных и обстоятельств, свидетельствующих о несоблюдении условий порядка рассмотрения сообщений о преступлении, который регламентирован ч. 1 и ч. 3 ст. 144 УПК РФ.

При удовлетворении жалобы заявителя на отказ в возбуждении уголовного дела суд не вправе предрешать вопросы:

- 1) о наличии в деянии проверяемого лица признаков состава преступления;
- 2) наличии или отсутствии возможных будущих доказательств по делу;
- 3) виде и размере ущерба, причиненного пострадавшему.

Выводы

Учитывая перечисленные пределы усмотрения, суд вправе вынести решение об отмене отказа в возбуждении уголовного дела и проведении дополнительной проверки на срок не более 10 суток с момента вступления постановления суда в законную силу либо обязать соответствующее должностное лицо применить ч. 6 ст. 148 УПК РФ в соответствии с ч. 3 ст. 29 УПК РФ.

Возникает вопрос, возможно ли разрешить вышеперечисленные проблемы, если применять определенную схему судебного усмотрения при разрешении жалоб на отказ в возбуждении уголовного дела и на обжалование ходатайств, поданных стороной защиты в процессе предварительного расследования.

Основой данной схемы судебного усмотрения является гарантия деятельности суда на досудебных стадиях уголовного процесса, где одной из задач суда является предупреждение деликта в отношениях конституционных

прав и свобод участников уголовного процесса, а также в препятствовании доступа граждан к правосудию.

Главное условие основы такой схемы – это неопределенность процессуальной ситуации, когда суд обязан принять одно из следующих решений:

- удовлетворить жалобу и тем самым нарушить процессуальную самостоятельность следователя и независимость предварительного расследования;
- отказать в удовлетворении жалобы и легитимизировать незаконность действия должностного лица органа предварительного расследования и легализовать принятие им необоснованного процессуального решения.

Один из способов устранения данной проблемы – это перевод ситуации из состояния процессуальной неопределенности в состояние определенного процессуального равноправия сторон. Следовательно, по жалобам на отказ в возбуждении уголовного дела в основе схемы судебного усмотрения находятся критерии усмотрения на стадии судебного разбирательства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азарова, Е. С. Доказательства и доказывание в уголовном судопроизводстве: история, современность и перспективы развития / Е. С. Азарова // Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию со дня рождения Цили Моисеевны Каз; редкол.: Ю. В. Францифоров [и др.]. – Саратов, 2020. – С. 5–7.
2. Азарова, Е. С. Понятие «усмотрение суда» в праве / Е. С. Азарова // Правовая парадигма = Legal Concept. – 2019. – Т. 18, № 2. – С. 69–73. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.2.10>.
3. Азарова, Е. С. Усмотрение суда как часть структуры уголовно-процессуальной парадигмы / Е. С. Азарова // Правовая парадигма = Legal Concept. – 2019. – Т. 18, № 4. – С. 166–173. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.23>.
4. Васильев, Ф. Ю. К вопросу о понятии института отказа в возбуждении уголовного дела в российском уголовном процессе / Ф. Ю. Васильев // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2015. – № 4 (68). – С. 103–106.
5. Гаврилов, Б. Я. Стадия возбуждения уголовного дела: мнение практиков и ученых / Б. Я. Гаврилов // Вестник Московского университета МВД России. – 2016. – № 4. – С. 7–12.

6. Гаджиев, Я. А. Основания, условия и последствия отказа в возбуждении уголовного дела / Я. А. Гаджиев // Армия и общество. – 2014. – № 6 (43). – С. 112–118.

7. Маслов, А. В. Отказ в возбуждении уголовного дела: правовая природа и проблемы регулирования / А. В. Маслов // Право: история и современность. – 2019. – № 4. – С. 88–96.

8. Семенцов, В. А. О проблеме определения в стадии возбуждения уголовного дела процессуального статуса лица, которому преступлением причинен вред, и возможном пути ее решения / В. А. Семенцов // Общество и право. – 2016. – № 2 (56). – С. 18–27.

9. Шаров, Д. В. Отказ в возбуждении уголовного дела: проблемы правового положения заявителя и пути их решения / Д. В. Шаров // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 10. – С. 68–79.

10. Azarova, E. Law Principles as a Means of Limiting Legal Discretion / E. Azarova // IV International Scientific and Practical Conference 'Anthropogenic Transformation of Geospace: Nature, Economy, Society' (ATG 2019). – 2020. – P. 26–29.

REFERENCES

1. Azarova E.S. Dokazatelstva i dokazyvaniye v ugolovnom sudoproizvodstve: istoriya, sovremennost i perspektivy razvitiya [Evidence and proof in criminal proceedings: history, modernity and development prospects]. Frantsiforov Yu.V. et al., eds. *Sbornik statey po materialam Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 95-letiyu so dnya rozhdeniya Tsili Moiseyevny Kaz* [Collection of articles based on the materials of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 95th anniversary of the birth of Tsili Moiseevna Kaz]. Saratov, 2020, pp. 5-7.

2. Azarova E.S. Ponyatiye «usmotreniye suda» v prave [The concept of “discretion of the court” in law]. *Pravovaya paradigma = Legal Concept*, 2019, vol. 18, no. 2, pp. 69-73. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.2.10>.

3. Azarova E.S. Usmotreniye suda kak chast struktury ugolovno-protseessualnoy paradigmy [Discretion of the court as part of the structure of the criminal procedure paradigm]. *Pravovaya paradigma = Legal Concept*, 2019, vol. 18, no. 4, pp. 166-173. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.23>.

4. Vasilev F.Yu. K voprosu o ponyatii instituta otказа v возбуждении уголовного дела v rossiyskom ugolovnom protsesse [On the concept of the institution of refusal to initiate a criminal case in the Russian criminal process]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2015, no. 4 (68), pp. 103-106.

5. Gavrilov B.Ya. Stadiya возбуждениya ugolovного дела: mneniye praktikov i uchenykh [The stage of initiation of a criminal case: the opinion of practitioners and scientists]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2016, no. 4, pp. 7-12.

6. Gadzhiev Ya.A. Osnovaniya, usloviya i posledstviya otказа v возбуждении уголовного дела [Grounds, conditions and consequences of refusal to initiate a criminal case]. *Armiya i obshchestvo* [Army and Society], 2014, no. 6 (43), pp. 112-118.

7. Maslov A.V. Otkaz v возбуждении уголовного дела: pravovaya priroda i problemy regulirovaniya [Refusal to initiate a criminal case: the legal nature and problems of regulation]. *Pravo: istoriya i sovremennost* [Law: history and modernity], 2019, no. 4, pp. 88-96.

8. Semencov V.A. O probleme opredeleniya v stadii возбуждениya ugolovного дела protseessualного статуса litsa, kotoromu prestupleniyem prichinen vred, i vozmozhnom puti ee resheniya [On the problem of determining at the stage of initiation of a criminal case the procedural status of a person who has been harmed by a crime, and a possible way of solving it]. *Obshchestvo i pravo* [Society and Law], 2016, no. 2 (56), pp. 18-27.

9. Sharov D.V. Otkaz v возбуждении уголовного дела: problemy pravovого polozeniya zayavitelya i puti ih resheniya [Refusal to initiate a criminal case: problems of the applicant's legal status and ways to solve them]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2015, no. 10, pp. 68-79.

10. Azarova E. Law Principles as a Means of Limiting Legal Discretion. *IV International Scientific and Practical Conference 'Anthropogenic Transformation of Geospace: Nature, Economy, Society' (ATG 2019)*, 2020, pp. 26-29.

Information About the Author

Ekaterina S. Azarova, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, aes2404@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5130-1653>

Информация об авторе

Екатерина Сергеевна Азарова, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, aes2404@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5130-1653>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.4.20>

UDC 343.1
LBC 67.410.2

Submitted: 18.10.2020
Accepted: 10.11.2020

FAMILIARIZATION WITH THE MATERIALS OF THE CRIMINAL CASE AS A GUARANTEE OF PROTECTION OF THE RIGHTS OF THE ACCUSED

Nadezhda N. Aliyeva

Police Department 8 of the Investigative Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia
in Volgograd, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the paper discusses the procedure for familiarizing the accused with the materials of the criminal case. The paper identifies the main problems that arise in the practice of resolving petitions filed after the familiarization with the materials of the criminal case. In the paper, the author analyzes the procedure for familiarizing the accused and his defense lawyer with the materials of the criminal case, which is one of the important stages in the pre-trial proceedings. In the course of the study, it was found that the accused has more opportunities to exercise their right to submit petitions than other participants in the criminal proceedings. In the course of the research, the author investigated the theoretical and practical problems that arise when familiarizing the accused with the materials of the criminal case. In this paper, the author sets the **goal** of the study: to analyze the procedural order for familiarizing the accused with the materials of the criminal case. **Methods:** the methodological framework for the research is the general scientific system method, which examines the issues related to the activities of the investigator at the stage of familiarization of participants in the criminal proceedings with the materials of the criminal case. It is necessary to emphasize the use of some specific scientific methods in the research, such as the comparative legal and formal logical methods. **Results:** the need to introduce a separate rule in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation related to the issue of the procedure for filing a petition by the accused and his defense lawyer. **Conclusions:** the study revealed that it is necessary to improve the process for filing petitions, the rules for their consideration by the investigator, and ensuring that the parties to criminal proceedings guarantee the protection of their rights and legitimate interests. In particular, it is necessary to make additions to Article 217 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in the paragraph on the need to fix the reasons for the inability to get acquainted with the material evidence and their further specification in the investigator's decision.

Key words: petition, criminal procedure, criminal case materials, the Criminal Procedure Code, accused, defender, familiarization with the materials of the criminal case.

Citation. Aliyeva N.N. Familiarization with the Materials of the Criminal Case as a Guarantee of Protection of the Rights of the Accused. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2020, vol. 19, no. 4, pp. 151-155. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.4.20>

УДК 343.1
ББК 67.410.2

Дата поступления статьи: 18.10.2020
Дата принятия статьи: 10.11.2020

ОЗНАКОМЛЕНИЕ С МАТЕРИАЛАМИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА КАК ГАРАНТИЯ ЗАЩИТЫ ПРАВ ОБВИНЯЕМОГО

Надежда Николаевна Алиева

Отдел полиции 8-го Следственного управления МВД России по г. Волгограду,
г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: в статье рассматривается порядок ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела. Выявляются основные проблемы, возникающие в практике разрешения ходатайств, заявленных по окончании ознакомления с материалами уголовного дела. В статье автор анализирует процедуру ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела, представляющую собой один из важ-

ных этапов в части досудебного производства. В ходе исследования было установлено, что обвиняемый имеет большие возможности по реализации своего права на заявление ходатайств, нежели возможность других участников уголовного судопроизводства. Автором были исследованы теоретические и практические проблемы, возникающие при ознакомлении обвиняемого с материалами уголовного дела. В данной работе поставлена следующая **цель исследования**: анализ процессуального порядка ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела. **Методы**: методологической основой исследования являются общенаучный системный метод, с помощью которого рассматриваются вопросы, связанные с деятельностью следователя на этапе ознакомления участников уголовного судопроизводства с материалами уголовного дела. Необходимо сказать об использовании в исследовании также некоторых научно-научных методов, таких как сравнительно-правовой, формально-логический. **Результаты**: предложено внести отдельную норму в УПК РФ, связанную с вопросом о порядке заявления ходатайства обвиняемым и его защитником. **Выводы**: в результате исследования выявлено, что необходимо усовершенствовать процесс в отношении подачи ходатайства, правил их рассмотрения следователем и обеспечение сторонам уголовного судопроизводства гарантии защиты прав и законных интересов. В частности, необходимо внести дополнения в ст. 217 УПК РФ в пункте о необходимости закрепления причин о невозможности ознакомления с вещественными доказательствами и их дальнейшая конкретизация в постановлении следователя.

Ключевые слова: ходатайство, уголовный процесс, материалы уголовного дела, уголовно-процессуальный кодекс, обвиняемый, защитник, ознакомление с материалами уголовного дела.

Цитирование. Алиева Н. Н. Ознакомление с материалами уголовного дела как гарантия защиты прав обвиняемого // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2020. – Т. 19, № 4. – С. 151–155. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.4.20>

Введение

Ознакомление обвиняемого с материалами уголовного дела в рамках уголовного судопроизводства осуществляется на этапе окончания предварительного расследования. Данная процедура связана с обеспечением права обвиняемого во всесторонности, объективности и полноты расследования. Обратимся к Конституции Российской Федерации. В ч. 2 ст. 24 речь идет о том, что человек имеет право ознакомиться с материалами, если они затрагивают его право и свободу. В уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации в ч. 2 ст. 55 установлено, что участник досудебного производства имеет право на ознакомление со всеми материалами дела, что позволяет реализовать процессуальные функции участниками дела и установить все обстоятельства. В следственной практике с этим возникают проблемы, которые требуют детального рассмотрения норм закона.

Право обвиняемого и его защитника на заявление ходатайств в рамках уголовного дела

Участники уголовного судопроизводства согласно ст. 119 УПК РФ имеют право заяв-

лять ходатайства, влияющие на ход предварительного расследования.

Анализируя юридическую литературу, мы пришли к выводу, что УПК РФ не содержит законодательного определения ходатайств. Так, А.В. Гриненко отмечает, что ходатайством является официальная заявленная просьба в отношении осуществления каких-либо действий или принятия какого-либо решения, а также его отказ. Адресовано ходатайство участнику процесса, который наделен соответствующими полномочиями [2, с. 176]. И.А. Насонова подчеркивает, что ходатайство представляет собой официальную просьбу [8, с. 116].

Учитывая особенности проанализированных дефиниций, мы предлагаем рассматривать ходатайство как официальное обращение обвиняемого и его защитника в рамках уголовного судопроизводства о начале действий процессуального характера или принятие решений с целью установки обстоятельств, важных в ходе уголовного дела.

Проблемные вопросы уголовного судопроизводства с точки зрения науки

Законом определен срок для рассмотрения ходатайств. Согласно ст. 121 УПК РФ срок

установлен немедленный или не позднее трех суток со дня его заявления. Мы считаем, это позволяет участникам уголовного судопроизводства надлежащим образом осуществить защиту своих прав и интересов [1, с. 167]. Помимо этого, имеются нормативно-правовые акты, в которых содержатся сведения для лиц, проводящих предварительное расследование [9, с. 20]. Так, в п. 1.16 приказа Следственного комитета Российской Федерации от 15 января 2011 г. № 2 «Об организации предварительного расследования в Следственном комитете Российской Федерации» говорится о необходимости осуществлять рассмотрение поступивших ходатайств. Особое внимание следует обращать на сроки рассмотрения ходатайств. По завершению процедуры ознакомления участников уголовного судопроизводства с материалами дела, следователь особое внимание должен уделить вопросу о наличии ходатайств на этапе предварительного следствия.

Лицо, проводящее предварительное следствие, в случае удовлетворения заявленных ходатайств в рамках уголовного дела, обязано приобщить соответствующие документы к материалам дела. Следует обратить внимание, что производство действий по ходатайству не должно препятствовать для ознакомления с материалами уголовного дела других участников уголовного судопроизводства [3; 5]. Из ст. 215 УПК РФ следует, что участники процесса должны быть ознакомлены с дополнительными материалами, при условии удовлетворения ходатайства. Стоит отметить, что в законе не говорится о необходимости ознакомления участников с дополнительными материалами вне следственных действий [4; 10, с. 19]. В случае дополнительного ознакомления с материалами уголовного дела предъявляются только документы, связанные с положительным решением об удовлетворении ходатайств. Согласно ст. 216, 218 УПК РФ после ознакомления с материалами уголовного дела составляется протокол. После завершения производства дополнительных следственных действий, в случае удовлетворения ходатайства, необходимо уведомить всех ранее ознакомившихся с материалами дела, и предоставить им возможность ознакомления с дополнительными материалами дела. Как отмечает К.Б. Калиновский [7,

с. 14], в уголовном судопроизводстве следователь часто нарушает ч. 3 ст. 217 УПК РФ в части права обвиняемого и его защитника в ознакомлении с материалами дела. Дело в том, что распространенной является тенденция, что следователи предъявляют обвинение в день ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела.

В этой связи автором статьи установлено, что в уголовно-процессуальном кодексе не установлены законодательные сроки принятия решения об окончании предварительного следствия. Соответственно, необходимо выделить промежуток времени с момента предъявления обвинения до момента ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела [6, с. 8]. Автор статьи считает, что необходимо установить срок в 4 дня для возможности заявления ходатайства об ознакомлении с материалами уголовного дела. Данное действие направлено на правильность предъявления обвинения. Следователь должен проверить повторно материалы уголовного дела после того как обвиняемый и его защитник были ознакомлены, далее он их отправляет к прокурору. Подчеркнем, что предложенные 4 дня для заявления ходатайства об ознакомлении обвиняемого с материалами уголовного дела являются минимумом. Количество отведенных дней зависит от сложности уголовного дела, от характера причиненного вреда.

Помимо этого, в следственной практике распространена ситуация, когда адвокат обвиняемого не является на ознакомление с материалами дела. Согласно ч. 4 ст. 215 уголовно-процессуального кодекса РФ предлагаются следующие варианты разрешения ситуации: во-первых, следователь может предложить обвиняемому заявить ходатайство о замене адвоката. Во-вторых, у обвиняемого есть возможность ознакомиться с материалами уголовного дела без защитника. При этом в норме закона нет пояснений, какие действия должны быть у следователя, если обвиняемый не явился на ознакомление с материалами дела и отказывается на замену адвоката. Согласно ст. 51 УПК РФ выделены случаи, когда наличие адвоката является обязательным условием в ходе судопроизводства. Возникает вопрос, чем должен руководство-

ваться в своих действиях следователь, если возникают случаи, прописанные в ст. 51 УПК РФ.

Выводы

Таким образом, автор указывает, что особое внимание следует обратить на факт, что обвиняемый имеет большие возможности по реализации своего права на заявление ходатайств, нежели возможность других участников уголовного судопроизводства. Согласно ч. 2 ст. 229 УПК РФ у обвиняемого есть право заявлять о наличии ходатайства о проведении судом предварительного слушания при наличии определенных оснований. Данная возможность не разъясняется потерпевшему, и, таким образом, нарушаются его права и интересы. Соответственно, во-первых, необходимо внести дополнения в ст. 216 УПК РФ в пункте, что следователю необходимо разъяснять потерпевшему и его представителю о его праве заявлять ходатайства о проведении предварительного слушания. Второй момент состоит в том, что законодатель не оговаривает сроки подготовки и подачи ходатайства после ознакомления с материалами уголовного дела. Следовательно, в УПК РФ следует внести отдельную норму, связанную с вопросом о порядке заявления ходатайства обвиняемым и его защитником. А именно, после ознакомления с материалами уголовного дела обвиняемый и его защитник имеют право ходатайствовать о производстве дополнительных следственных действий. Сторонам может быть предоставлено время в течение трех суток для подготовки и дальнейшей подачи ходатайства.

Таким образом, автор считает, что данные дополнения направлены на регуляцию процесса в отношении подачи ходатайства, правил их рассмотрения следователем и обеспечение сторонам уголовного судопроизводства гарантии защиты прав и законных интересов. Исходя их проделанного анализа, заявление ходатайства является официальным обращением обвиняемого и его защитника, цель которого состоит в производстве процессуальных действий и принятии дальнейших решений, направленных на установление обстоятельств, имеющих особое значение в рамках уголовного дела.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Голова, С. И. Процессуальная деятельность следователя по уведомлению участников уголовного судопроизводства об окончании предварительного следствия с обвинительным заключением / С. И. Голова // Общество и право. – 2014. – № 3 (49). – С. 166–170.
2. Гриненко, А. В. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: постатейный научно-практический комментарий / А. В. Гриненко. – М.: Проспект, 2017. – 576 с.
3. Дубривный, В. А. Потерпевший на предварительном следствии / В. А. Дубривный. – М., 2006. – 61 с.
4. Загвоздкин, Н. Н. Об ознакомлении обвиняемого с материалами уголовного дела по окончании предварительного следствия / Н. Н. Загвоздкин // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. – 2013. – № 1 (24). – С. 66–75.
5. Иванов, Д. А. Актуальные проблемы осуществления потерпевшим права представлять доказательства в уголовном судопроизводстве / Д. А. Иванов // История государства и права. – 2011. – № 24. – С. 29–31.
6. Иванов, Д. А. Правоотношения, возникающие между следователем и потерпевшим от преступления на стадиях досудебного производства / Д. А. Иванов // Российский судья. – 2009. – № 4. – С. 6–9.
7. Калиновский, К. Б. Защита прав потерпевшего от преступлений на стадии возбуждения уголовного дела российского уголовного процесса / К. Б. Калиновский // Российский следователь. – 2015. – № 9. – С. 10–14.
8. Насонова, И. А. Процессуальный порядок окончания предварительного следствия с составлением обвинительного заключения / И. А. Насонова. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 229 с.
9. Россинский, С. Б. О практике ознакомления участников уголовного судопроизводства с материалами уголовных дел (в порядке статей 216–218 УПК РФ) / С. Б. Россинский, А. П. Шумская // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2018. – № 1 (84). – С. 16–23.
10. Чекулаев, Д. П. Процессуальные права потерпевших на досудебных стадиях уголовного процесса / Д. П. Чекулаев // Законность. – 2007. – № 2. – С. 19–20.

REFERENCES

1. Golova S.I. Protsessualnaya deyatelnost sledovatelya po uvedomleniyu uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva ob okonchanii predvaritelnogo

sledstviya s obvinitelnym zaklyucheniyem [Procedural activities of the investigator to notify participants in criminal proceedings about the completion of the preliminary investigation with the indictment]. *Obshchestvo i pravo* [Society and Law], 2014, no. 3 (49), pp. 166-170.

2. Grinenko A.V. *Ugolovno-protsessualnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii: postateynnyy nauchno-prakticheskiy kommentariy* [Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: article-by-article scientific and practical commentary]. Moscow, Prospekt Publ., 2017. 576 p.

3. Dubrivnyi V.A. *Poterpevshiy na predvaritelnom sledstvii* [Victim at the preliminary investigation] Moscow, 2006. 61 p.

4. Zagvozdkin N.N. Ob oznakomlenii obvinayemogo s materialami ugovolnogo dela po okonchaniy predvaritelnogo sledstviya [About familiarization of the accused with the materials of the criminal case at the end of the preliminary investigation]. *Vestnik Dalnevostochnogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2013, no. 1 (24), pp. 66-75.

5. Ivanov D.A. Aktualnyye problemy osushchestvleniya poterpevshim prava predstavlyat dokazatelstva v ugovolnom sudoproizvodstve [Actual problems of the exercise by victims of the right to present evidence in criminal proceedings]. *Istoriya gosudarstva i prava* [History of State and Law], 2011, no. 24, pp. 29-31.

6. Ivanov D.A. Pravootnosheniya. vznikayushchiye mezhdu sledovatelem i

poterpevshim ot prestupleniya na stadiyakh dosudebnogo proizvodstva [Legal relations arising between the investigator and the victim of a crime at the stages of pre-trial proceedings]. *Rossiyskiy sudya* [Russian judge], 2009, no. 4, pp. 6-9.

7. Kalinovskii K.B. Zashchita prav poterpevshego ot prestupleniy na stadii vzbuzhdeniya ugovolnogo dela rossiyskogo ugovolnogo protsessa [Protection of the rights of a victim from crimes at the stage of initiating a criminal case of the Russian criminal process]. *Rossiyskiy sledovatel* [Russian Investigator], 2015, no. 9, pp. 10-14.

8. Nasonova I.A. *Protsessualnyy poryadok okonchaniya predvaritelnogo sledstviya s sostavleniyem obvinitelnogo zaklyucheniya* [Procedural procedure for the completion of the preliminary investigation with the preparation of the indictment]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2012. 229 p.

9. Rossinskii S.B., Shumskaia A.P. O praktike oznakomleniya uchastnikov ugovolnogo sudoproizvodstva s materialami ugovolnykh del (v poryadke stately 216-218 UPK RF) [About the practice of familiarizing criminal prisoners with criminal case materials (in the order of Articles 216-218 of the Code of Criminal Procedure)]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2018, no. 1 (84), pp. 16-23.

10. Chekulaev D.P. Protsessualnyye prava poterpevshikh na dosudebnykh stadiyakh ugovolnogo protsessa [Procedural rights of victims in the pre-trial stages of the criminal process]. *Zakonnost* [Legality], 2007, no. 2, pp. 19-20.

Information About the Author

Nadezhda N. Aliyeva, Investigator for the Investigation of Crimes Committed in the Territory Served, Police Department 8 of the Investigative Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Volgograd, Machtozavodskaya St, 99, 400080 Volgograd, Russian Federation, alieva.n.n@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3206-2401>

Информация об авторе

Надежда Николаевна Алиева, следователь по расследованию преступлений, совершенных на территории, обслуживаемой отделом полиции 8-го Следственного управления МВД России по г. Волгограду, ул. Мачтозаводская, 99, 400080 г. Волгоград, Российская Федерация, alieva.n.n@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3206-2401>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.4.21>

UDC 343.13(597)
LBC 67.410.207(5ВЪе)

Submitted: 24.09.2020
Accepted: 15.10.2020

**REVIEW OF THE SPECIFIC PRINCIPLES OF THE ACTIVITIES
AND RESPONSIBILITIES OF THE PROCEDURAL BODIES AS THE WAYS
TO ENSURE THE RIGHTS OF INDIVIDUALS AND CITIZENS
IN THE APPLICATION OF PREVENTIVE MEASURES IN VIETNAM**

Thanh T. Do

People's Security Academy, Ministry of Public Security
of the Socialist Republic of Vietnam, Hanoi, Socialist Republic of Vietnam

Introduction: on November 27, 2015, the 10th session of the XIII National Assembly of the Socialist Republic of Vietnam adopted the Code of Criminal Procedure, which entered into force on January 1, 2018. This has become an important legal basis for organizing the investigative and judicial activities aimed at combating crime, as well as for securing guarantees for the protection of human rights and citizens. The **purpose** of the study was to analyze a number of provisions of the Code of Criminal Procedure of 2015, which set out the principles of activity and responsibilities of the procedural bodies, from the point of view of ensuring the protection of human rights when applying preventive measures. The achievement of the research goal is determined by solving the following **tasks**: revealing the fundamental principles of the activity of the procedural bodies, establishing the practical significance of their consolidation in the Code of Criminal Procedure of 2015. Applying the general scientific research methods, namely, comparing the current provisions of the legal acts, their generalization, the author drew the following **conclusions**: in order to ensure the protection of human rights and citizens in the application of preventive measures, to create conditions for their effective implementation in practical application in Vietnam, the Criminal Procedure Code of Vietnam of 2015 was supplemented with a number of relevant provisions, in particular, the specific principles of activity and responsibilities of the procedural bodies were fixed as the ways to ensure the rights of people and citizens when applying preventive measures.

Key words: preventive measure, investigation, criminal procedure, human rights, procedural bodies, the Socialist Republic of Vietnam.

Citation. Do T. T. Review of the Specific Principles of the Activities and Responsibilities of the Procedural Bodies as the Ways to Ensure the Rights of Individuals and Citizens in the Application of Preventive Measures in Vietnam. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2020, vol. 19, no. 4, pp. 156-160. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.4.21>

УДК 343.13(597)
ББК 67.410.207(5ВЪе)

Дата поступления статьи: 24.09.2020
Дата принятия статьи: 15.10.2020

**ОБЗОР КОНКРЕТНЫХ ПРИНЦИПОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ОБЯЗАННОСТЕЙ
ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОРГАНОВ КАК СПОСОБОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ
ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАН ПРИ ПРИМЕНЕНИИ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ
ВО ВЬЕТНАМЕ**

Тхань Чунг До

Академия народной безопасности Министерства общественной безопасности Вьетнама,
г. Ханой, Социалистическая Республика Вьетнам

Введение: 27 ноября 2015 г. 10-я сессия XIII Национального собрания Социалистической Республики Вьетнам приняла Уголовно-процессуальный кодекс, вступивший в силу с 1 января 2018 года. Это стало важной правовой основой для организации проведения следственной и судебной деятельности, направленной

ной на борьбу с преступностью, а также для закрепления гарантий защиты прав человека и граждан. **Целью** исследования стало проведение анализа ряда положений УПК 2015 г., закрепивших принципы деятельности и обязанности процессуальных органов, с точки зрения обеспечения защиты прав человека при применении мер пресечения. Достижение цели исследования обусловлено решением следующих **задач**: раскрытием основополагающих принципов деятельности процессуальных органов, установлением практической значимости их закрепления в УПК 2015 года. Применяя общенаучные **методы** исследования, а именно сравнение действующих положений нормативно-правовых актов, их обобщение, автором были обозначены следующие **выводы**: в целях обеспечения защиты прав человека и граждан при применении мер пресечения, создания условий их эффективного осуществления при практическом применении во Вьетнаме Уголовно-процессуальный кодекс Вьетнама 2015 г. был дополнен рядом соответствующих положений, в том числе были закреплены конкретные принципы деятельности и обязанности процессуальных органов как способы обеспечения прав человека и граждан при применении мер пресечения.

Ключевые слова: мера пресечения, расследование, уголовный процесс, права человека, процессуальные органы, Социалистическая Республика Вьетнам.

Цитирование. До Т. Ч. Обзор конкретных принципов деятельности и обязанностей процессуальных органов как способов обеспечения прав человека и граждан при применении мер пресечения во Вьетнаме // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2020. – Т. 19, № 4. – С. 156–160. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.4.21>

Введение

В период построения правового государства во Вьетнаме и интеграции в мировое общество обеспечение прав человека имеет первостепенное значение и вызывает большую озабоченность [9]. Конституция 2013 г. была принята 12-м Национальным собранием на 6-й сессии 28 ноября 2013 г. и вступила в силу 1 января 2014 года. Исследователи отмечают, что «одним из важных элементов этой Конституции является институт прав человека, основных прав и обязанностей граждан. В Конституцию 2013 г. внесено и скорректировано много важных положений, направленных на дальнейшее усиление роли компетентных государственных органов в защите прав человека и граждан» [3]. Эти изменения и дополнения непосредственно связаны с правами человека в уголовном судопроизводстве, например: положения о принципе презумпции невиновности [7]; положения о правах арестованных, задержанных, преследуемых, подследственных [4].

Основы обеспечения прав человека и граждан в Уголовно-процессуальном кодексе СРВ 2015 года

Конкретизируя содержание Конституции 2013 г. [1], Уголовно-процессуальный кодекс СРВ 2015 г. определяет принцип уважения и защиты прав человека, законных прав и инте-

ресов лиц. Четко определены обязанности органов и лиц, компетентных вести судебное разбирательство: «...должны уважать и защищать права человека, законные права и интересы лиц; осуществлять проверку законности и необходимости принятых мер, незамедлительно отменять или изменять меры, если они незаконные, или применение которых уже не является необходимым» (ст. 8 УПК) [8].

Задержание и заключение под стражу представляют собой меры пресечения, направленные на ограничение ряда прав человека и граждан, содержащихся под стражей или задержанных [10]. Целью этих мер является обеспечение того, чтобы органы, проводящие процессуальные действия, эффективно выполняли свои функции и задачи по борьбе с преступлениями и их предупреждению, а также по обеспечению правопорядка [5, с. 151]. В связи с этим при применении указанных мер пресечения компетентные органы и должностные лица должны иметь представление о содержании своих полномочий и процедур ареста для того, чтобы обеспечить правильное применение закона, избежать нарушения положений об обеспечении прав человека и граждан при исполнении служебных обязанностей.

В п. 5 ст. 31 Конституции СРВ 2013 г. отмечается, что «те, кто незаконно арестован, задержан, заключен под стражу, подвергнут уголовному преследованию, в

отношении кого вынесено досудебное обвинение, а также судебное решение, или исполнено судебное решение, имеют право на компенсацию за моральный ущерб и восстановление чести <...>» [1]. Конкретизируя положения Конституции 2013 г., Уголовно-процессуальный кодекс 2015 г. предусматривает, что задержание в чрезвычайных обстоятельствах, арест, задержание, заключение под стражу должны соответствовать положениями УПК СРВ. Попытки, унижения, телесные наказания или любые другие виды посягательств на тело, жизнь и здоровье людей строго запрещены [6].

Компетентные процессуальные органы и должностные лица должны строго соблюдать закон и нести ответственность за свои действия и решения [2, с. 18]. Лица, которые нарушают закон при аресте, задержании, заключении под стражу, должны быть наказаны или подвергнуты уголовной ответственности в соответствии с положениями закона в зависимости от характера и серьезности их нарушений.

Важным шагом стало закрепление в ст. 21 УПК СРВ 2015 г. следующего принципа, гарантирующего беспристрастность лиц, компетентных вести уголовное судопроизводство при исполнении служебных обязанностей. Так, «лица, компетентные вести уголовное судопроизводство, не могут участвовать в данном деле, если есть основания полагать, что они не могут быть беспристрастными при исполнении своих обязанностей» [8]. В то же время в ст. 49–54 Кодекса закреплены основания для отказа от проведения уголовного судопроизводства или замены должностных лиц в случае, если это может привести к нарушению беспристрастности и объективности лица, уполномоченного проводить разбирательство.

Соответственно, должностные лица, осуществляющие уголовное преследование, должны отказаться от проведения процедур или быть заменены в случаях, когда они одновременно являются жертвами преступления, истцами, представителями, родственниками потерпевших, истцов, обвиняемых или подсудимых; когда уже участвовали в таких делах в качестве защитников, свидетелей, экспертов, оценщиков имущества, устных и письменных

переводчиков; или когда есть другие четкие основания полагать, что они не могут быть беспристрастными при исполнении своих обязанностей. В рассматриваемом деле в одном лице не должны совпадать несколько должностных лиц с разной компетенцией.

Для обеспечения права на беспристрастность в Кодексе предусматривается, что субъекты уголовного судопроизводства, такие как задержанные, подозреваемые, обвиняемые, жертвы преступлений, гражданские истцы, гражданские ответчики и их представители, защитники законных прав и интересов жертв преступлений имеют право требовать замены лица, уполномоченного вести судопроизводство.

Вывод

Указанные нормативные положения являются важной основой, способствующей повышению чувства ответственности, объективности при выполнении задач компетентными процессуальными органами и должностными лицами Вьетнама. Следовательно, гарантируется защита законных прав и интересов потерпевших, и в то же время обеспечиваются права обвиняемых в соответствии с положениями закона, исключая незаконные или предвзятые действия и решения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Социалистической Республики Вьетнама 2013 г. // Официальная газета. – 2013. – № 1003–1004. – 29 дек.
2. Май, Д. Б. Полномочия прокурора в досудебном производстве по уголовно-процессуальному законодательству России и Вьетнама : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Май Дак Биен. – Краснодар, 2012. – 215 с.
3. Нгуен, Т. И. Механизм защиты прав человека и граждан согласно Конституции 2013 года: магистерская диссертация / Т. И. Нгуен ; Ханойский национальный университет. – Ханой, 2015. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://repository.vnu.edu.vn/flowpaper/simple_document.php?subfolder=68/94/34/&doc=68943418405598104198159924130490185760&bitsid=df6d4d61-ee1b-4042-9886-555d1eb34fd0&uid=. – Загл. с экрана.
4. Нгуен, Ш. Д. Новые достижения в области прав человека и граждан в Конституции 2013 года и

ее осуществление / Ш. Д. Нгуен, К. З. Ву // Научный журнал Ханойского национального университета: Юриспруденция. – 2014. – Т. 30, № 3. – С. 41–49.

5. Нгуен, Тат Тхань. Гарантии прав и законных интересов личности по Уголовно-процессуальному законодательству России и Вьетнама / Тат Тхань Нгуен, О. В. Волынская // Вестник Московского университета МВД России. – 2016. – № 3. – С. 151–155.

6. Нгуен, Т. К вопросу о механизме реализации принципа презумпции невиновности на стадии предварительного расследования в России и Вьетнаме: сравнительно-правовой анализ / Т. Нгуен // Юридические исследования. – 2017. – № 6. – С. 73–83. – DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-7136.2017.6.19451>. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=19451. – Загл. с экрана.

7. Нгуен, Тат Тхань. Становление и развитие принципа презумпции невиновности в уголовном процессе Вьетнама / Тат Тхань Нгуен, Куанг Хуан Ву // Legal Concept. – 2015. – № 1. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-i-razvitie-printsipa-prezumptsiinevinovnosti-v-ugolovnom-protseesse-vietnama> (дата обращения: 23.09.2020). – Загл. с экрана.

8. Уголовно-процессуальный кодекс Социалистической Республики Вьетнам : утв. Законом Республики Вьетнам от 25 ноября 2015 г. № 101/2015/QН13. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/trach-nhiem-hinh-su/Bo-luat-to-tung-hinh-su-2015-296884.aspx> (дата обращения: 15.04.2020). – Загл. с экрана.

9. Хоанг, Хунг Хай. 70 лет строительства и совершенствования Конституции Вьетнама в интересах прав человека и гражданина / Хунг Хай Хоанг // Вьетнамские исследования. – 2016. – № 6. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/70-let-stroitelstva-i-sovershenstvovaniya-konstitutsii-vietnama-v-interesah-prav-cheloveka-i-grazhdanina> (дата обращения: 23.08.2020). – Загл. с экрана.

10. Хо, Ань Туан. Уголовно-процессуальное задержание по законодательству Социалистической Республики Вьетнам / Ань Туан Хо, Тханг Лонг Выонг // Закон и право. – 2019. – № 3. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-protseessualnoe-zaderzhanie-po-zakonodatelstvu-sotsialisticheskoy-respubliki-vietnam> (дата обращения: 23.08.2020). – Загл. с экрана.

REFERENCES

1. Konstitutsiya Sotsialisticheskoy Respubliki Vyetnama 2013 g. [Constitution of the Socialist

Republic of Vietnam 2013]. *Ofitsialnaya gazeta* [Official Newspaper], 2013, no. 1003-1004. December 29th.

2. May Dak Biyen. *Polnomochiya prokurora v dosudebnom proizvodstve po ugolovno-protseessualnomu zakonodatelstvu Rossii i Vyetnama: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.09* [Powers of the Prosecutor in Pre-Trial Proceedings Under the Criminal Procedure Legislation of Russia and Vietnam: dis ... Candidate of Law: 12.00.09]. Krasnodar, 2012. 215 p.

3. Nguen T.I. *Mekhanizm zashchity prav cheloveka i grazhdan soglasno Konstitutsii 2013 goda: magisterskaya dissertatsiya. Khanoykiy natsionalnyy universitet* [Mechanism for the Protection of Human Rights and Citizenship Under the 2013 Constitution: Master's Dissertation, Hanoi National University, Hanoi, 2015]. Khanoy, 2015. URL: https://repository.vnu.edu.vn/flowpaper/simple_document.php?subfolder=68/94/34/&doc=6894341840559810419815992413049_0185760&bitsid=df6d4d61-ee1b-4042-9886-555d1eb34fd0&uid= (accessed 7 August 2020).

4. Nguyen Sh.D., Vu K.S. *Novyye dostizheniya v oblasti prav cheloveka i grazhdan v Konstitutsii 2013 goda i eye osushchestvleniye* [New Achievements in the Field of Human and Citizen Rights in the 2013 Constitution and its Implementation]. *Nauchnyy zhurnal Khanoykogo natsionalnogo universiteta: Yurisprudentsiya* [Scientific Journal of the National University of Hanoi: Jurisprudence], 2014, vol. 30, no. 3, pp. 41-49.

5. Nguyen Tat Thanh, Volynskaya O.V. *Garantii prav i zakonnykh interesov lichnosti po Ugolovno-protseessualnomu zakonodatelstvu Rossii i Vyetnama* [Guarantees of the Rights and Legitimate Interests of the Individual under the Criminal Procedure Law of Russia and Vietnam]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2016, no. 3, pp. 151-155.

6. Nguyen T. K *voprosu o mekhanizme realizatsii printsipa prezumptsi nevinovnosti na stadii predvaritelnogo rassledovaniya v Rossii i Vyetname: sravnitelno-pravovoy analiz* [The Question of the Mechanism for Implementing the Principle of the Presumption of Innocence at the Stage of Preliminary Investigation in Russia and Vietnam: A Comparative Legal Analysis]. *Yuridicheskiye issledovaniya* [Legal Research], 2017, no. 6, pp. 73-83. DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-7136.2017.6.19451>. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=19451.

7. Nguyen Tat Thanh, Vu Quang Huang. *Stanovleniye i razvitiye printsipa prezumptsi nevinovnosti v ugolovnom protseesse Vyetnama* [Formation and Development of the Principle of the Presumption of Innocence in the Criminal Process of Vietnam]. *Legal Concept*, 2015, no. 1. URL: <https://>

cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-i-razvitiieprintsipa-prezumpstii-nevinovnosti-v-ugolovnom-protssesse-vietnama (accessed 23 September 2020).

8. *Ugolovno-protssesualnyy kodeks Sotsialisticheskoy Respubliki Vyetnam: utv. Zakonom Respubliki Vyetnam ot 25 noyabrya 2015 g. № 101/2015/QH13* [Criminal Procedure Code of Socialist Republic of Vietnam. November 25th, 2015]. URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/trach-nhiem-hinh-su/Bo-luat-to-tung-hinh-su-2015-296884.aspx> (accessed 15 April 2020)].

9. Khoang Khung Khay. 70 let stroitelstva i sovershenstvovaniya Konstitutsii Vyetnama v interesakh prav cheloveka i grazhdanina [70 Years of Building and Improving the Vietnamese Constitution

in the Interests of Human and Civil Rights]. *Vyetnamskiye issledovaniya* [Vietnamese Studies], 2016, no. 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/70-let-stroitelstva-i-sovershenstvovaniya-konstitutsii-vietnama-v-interesah-prav-cheloveka-i-grazhdanina> (accessed 23 August 2020).

10. Ho Anh Tuan, Vyong Thang Long. Ugolovno-protssesualnoye zaderzhaniye po zakonodatelstvu Sotsialisticheskoy Respubliki Vyetnam [Criminal Procedural Detention Under the Legislation of the Socialist Republic of Vietnam]. *Zakon i pravo* [Legislation and Law], 2019, no. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-protssesualnoe-zaderzhanie-po-zakonodatelstvu-sotsialisticheskoy-respubliki-vietnam> (accessed 23 August 2020).

Information About the Author

Thanh T. Do, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Senior Lecturer, Department of Public Administration in the Sphere of National Security, People's Security Academy, Ministry of Public Security of the Socialist Republic of Vietnam, Li Thiong Kiet St, 79 Hanoi, Socialist Republic of Vietnam, luongtrungkien0107@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8407-483X>

Информация об авторе

Тхань Чунг До, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры государственного управления в сфере национальной безопасности, Академия народной безопасности Министерства общественной безопасности Вьетнама, ул. Ли Тхыонг Киет, 79 г. Ханой, Социалистическая Республика Вьетнам, luongtrungkien0107@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8407-483X>

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.4.22>

UDC 343.5

LBC 67.408.1

Submitted: 24.09.2020

Accepted: 20.10.2020

REVISITING THE DEVELOPMENT OF THE CRIMINAL POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION ON COMBATING CRIMES AGAINST PUBLIC MORALITY IN SEXUAL RELATIONS

Ivan N. Arhptsev

Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin,
Belgorod, Russian Federation

Sergey A. Chernyakov

Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin,
Belgorod, Russian Federation

Irina A. Mikhailova

Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin,
Belgorod, Russian Federation

Introduction: the criminal legislation plays an important role in the process of ensuring the normal spiritual and moral well-being of society. Chapter 25 of the Criminal Code of the Russian Federation of 1996 establishes the elements of crimes aimed at protecting public morals in the field of sexual relations. However, at present, the Russian Federation does not have a legally formulated criminal policy framework for countering crimes against public morality in the field of sexual relations, which makes it difficult to effectively counteract the analyzed category of crimes. The **purpose** of the research is to formulate the proposals on the content of the fundamentals of the criminal policy of the Russian Federation on countering crimes against public morality in the field of sexual relations. **Methods:** the methodological framework for the research is based on the general scientific methods of cognition. In order to ensure the objectivity of the research, the analyzed problem is revealed as a phenomenon using a systematic approach, which allows us to reveal its mechanism in such a way that the theoretical provisions are used with the maximum efficiency in practical activities. **Results:** the authors propose to develop and adopt at the legislative level the concept of the state's criminal policy in the analyzed area, which would fix the goals, objectives, principles, as well as the main directions of the fight against crimes against public morality in the field of sexual relations in the short and medium term. **Conclusions:** the authors' vision of the content of the future criminal policy of the Russian Federation on countering crimes against public morality in the field of sexual relations is proposed.

Key words: criminal policy, concept, crimes against public morality in sexual relations, spiritual and moral well-being of society, improvement of criminal legislation.

Citation. Arhptsev I.N., Chernyakov S.A., Mikhailova I.A. Revisiting the Development of the Criminal Policy of the Russian Federation on Combating Crimes Against Public Morality in Sexual Relations. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2020, vol. 19, no. 4, pp. 161-170. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.4.22>

**К ВОПРОСУ О РАЗРАБОТКЕ ОСНОВ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ
ПРОТИВ ОБЩЕСТВЕННОЙ НРАВСТВЕННОСТИ
В ОБЛАСТИ СЕКСУАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

Иван Николаевич Архипцев

Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина, г. Белгород, Российская Федерация

Сергей Анатольевич Черняков

Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина, г. Белгород, Российская Федерация

Ирина Анатольевна Михайлова

Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина, г. Белгород, Российская Федерация

Введение: большая роль в процессе обеспечения духовно-нравственного благополучия общества принадлежит уголовному законодательству. В гл. 25 Уголовного кодекса РФ 1996 г. закреплены составы преступлений, направленные на защиту общественной нравственности в области сексуальных отношений. Однако в настоящее время в Российской Федерации отсутствуют сформулированные на законодательном уровне основы уголовной политики по противодействию преступлениям против общественной нравственности в области сексуальных отношений, что осложняет эффективное противодействие анализируемой категории преступлений. **Цель исследования** – сформулировать предложения по содержанию основ уголовной политики Российской Федерации по противодействию преступлениям против общественной нравственности в области сексуальных отношений. **Методы исследования:** методологическую основу данного исследования составляют общенаучные методы познания. С целью обеспечения объективности исследования анализируемая проблема раскрывается нами как явление с использованием системного подхода, что позволяет раскрыть его механизм таким образом, чтобы теоретические положения с максимальной эффективностью использовались в практической деятельности. **Результаты исследования:** авторами предлагается на законодательном уровне разработать и принять концепцию уголовной политики государства в анализируемой сфере, в которой были бы закреплены цели, задачи, принципы, а также основные направления борьбы с преступлениями против общественной нравственности в области сексуальных отношений на ближайшую и среднесрочную временную перспективу. **Выводы:** предложено авторское видение содержания будущей уголовной политики Российской Федерации по противодействию преступлениям против общественной нравственности в области сексуальных отношений.

Ключевые слова: уголовная политика, концепция, преступления против общественной нравственности в области сексуальных отношений, духовно-нравственное благополучие общества, совершенствование уголовного законодательства.

Цитирование. Архипцев И. Н., Черняков С. А., Михайлова И. А. К вопросу о разработке основ уголовной политики Российской Федерации по противодействию преступлениям против общественной нравственности в области сексуальных отношений // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2020. – Т. 19, № 4. – С. 161–170. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.4.22>

Введение

В настоящее время, как нам представляется, одной из важнейших проблем современного российского государства и общества является сохранение культурных и нравственных традиций русского народа, передачи нравственного опыта поколений.

В последние годы Президент России В.В. Путин уделяет проблеме духовно-нравственного воспитания самое пристальное внимание. В послании к Федеральному Собранию 2012 г. он оценил состояние дел в духовно-нравственной сфере как «демографическую и ценностную катастрофу», происшедшую в результате утраты многих нравственных ори-

ентиров. Он сказал о том, что «если нация утрачивает жизненные ориентиры и идеалы, ей и внешний враг не нужен, все и так развалится само по себе», и поставил задачу «укреплять прочную духовно-нравственную основу общества». Перечисляя меры, которые будут способствовать выполнению этой задачи, президент заявил: «Я прошу Правительство подготовить программу полноценного развития в школе воспитательной компоненты». Впервые в постсоветское время президент страны сформулировал стандарт воспитанности молодого человека: «Формирование нравственного, гармоничного человека, ответственного гражданина России» [14]. В дальнейшем Президент РФ еще не раз обращал внимание на духовно-нравственное благополучие человека в своих посланиях Федеральному собранию [13].

Следует отметить, что определенные весомые шаги в этом направлении уже сделаны и в текущем 2020 году. Так, в Законе РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» предлагалось дополнить Конституцию РФ ст. 67.1, где в п. 4 говорится: «Дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России. Государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим. Государство, обеспечивая приоритет семейного воспитания, берет на себя обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без попечения» [5]. Представляется, что принятие этой, а также иных не менее важных поправок к действующей Конституции РФ 1993 г., безусловно, создаст необходимую правовую базу по дальнейшему совершенствованию законодательства в области обеспечения духовно-нравственного благополучия населения и в первую очередь подрастающего поколения [15].

Заметим, что большая роль в процессе обеспечения нормального духовно-нравственного благополучия общества принадлежит и уголовному законодательству. Как известно, в Уголовном кодексе РФ 1996 г. имеется це-

лый ряд норм, направленных на защиту общественной нравственности в области сексуальных отношений. Это, в частности, ст. 240 УК «Вовлечение в занятие проституцией», ст. 240.1 УК «Получение сексуальных услуг несовершеннолетнего», ст. 241 УК «Организация занятия проституцией», ст. 242 УК «Незаконные изготовление и оборот порнографических материалов или предметов», ст. 242.1 УК «Изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних», и ст. 242.2 УК «Использование несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических материалов или предметов». Данные статьи закреплены законодателем в гл. 25 УК РФ «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности».

На определенное несовершенство указанных выше уголовно-правовых норм, прежде всего отсутствие четко сформулированной и определенной уголовной политики по противодействию преступлениям против общественной нравственности в области сексуальных отношений, совершенно справедливо указывается учеными, занимающимися исследуемой проблематикой в своих работах, без подведения какому-либо сомнению целесообразности и необходимости защиты общественной нравственности уголовно-правовыми средствами.

Так, например, Р.Б. Осокин отмечает, что «отсутствие в современной уголовной политике России четкой концепции уголовно-правовой охраны общественной нравственности, отвечающей социальным ожиданиям общества, означает недостаточную социальную, политическую, теоретическую, криминологическую обоснованность действующих охранительных норм, что обуславливает многочисленные квалификационные ошибки в правоприменительной практике <...>. Непроработанность теоретических основ уголовной политики в отношении преступлений против общественной нравственности обуславливает неадекватную степени общественной опасности реакцию государства на новые глобальные вызовы современности, например, пропаганду девиантного сексуального поведения, в том числе нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних, приобретению

сексуальных услуг несовершеннолетнего и др.» [11, с. 5, с. 15]. Нельзя не согласиться с позицией указанного автора.

В свою очередь, по мнению белорусского ученого Р.Н. Ключко, «рост числа сексуальных домогательств с использованием зависимости потерпевшего, преступлений педофильной направленности, распространения порнографических материалов свидетельствует о необходимости разработки концепции совершенствования системы мер предупреждения преступлений сексуальной направленности с учетом сложившихся в нашем обществе ценностно-идеологических установок и ценностно-ориентационного подхода к определению объектов уголовно-правовой охраны» [8, с. 314–321]. Как известно, мы строим единое Союзное государство с соседней Белоруссией, и использование опыта наших коллег по данному вопросу для нас очень важно и актуально.

О содержании концепции уголовной политики Российской Федерации по противодействию преступлениям против общественной нравственности в области сексуальных отношений

Здесь мы заранее оговоримся, что рассматриваемая нами концепция может быть принята отечественным законодателем как в виде отдельного документа, так и в форме общей концепции развития уголовного законодательства как составной его части (далее для краткости – Концепция). Но это фактически не меняет ее содержания. На данном этапе мы как раз вплотную подходим к тому вопросу, который вынесен в наименование нашей статьи, а именно то, что конкретно мы вкладываем в понятие основ уголовной политики Российской Федерации по противодействию преступлениям против общественной нравственности в области сексуальных отношений. Кроме того, постараемся обозначить принципиально важные моменты, которые, по нашему мнению, должны быть отражены законодателем в этом документе, поскольку о его фактическом содержании мы можем только предполагать. В связи с этим представим себя в роли законодателя.

Прежде всего, данная Концепция должна представлять собой, не побоимся этого

слова, идеологический инструмент по определению политики государства в области обеспечения духовно-нравственной безопасности российского общества, желательна на ближайшую и среднесрочную перспективы. Так, в ней должны быть прописаны цели, задачи, принципы, а также основные направления борьбы с преступлениями против общественной нравственности в области сексуальных отношений на ближайшую и среднесрочную временные перспективы, возможно на десятилетие вперед.

Кроме того, полагаем, что необходимо комплексное обеспечение предлагаемой Концепции уголовной политики, прежде всего с учетом морально-нравственных начал противодействия преступности и использования уголовно-правовой репрессии как крайней эпизодической меры охраны и защиты общественных отношений от противоправных посягательств [17, с. 11–12].

Целью Концепции, на наш взгляд, должно являться совершенствование уголовного законодательства Российской Федерации по противодействию преступлениям против общественной нравственности в области сексуальных отношений, а также обеспечение духовно-нравственной безопасности населения и в первую очередь наиболее ее уязвимой части – малолетних и несовершеннолетних. Соответственно данной цели законодателем должны быть сформулированы ее задачи и принципы.

Более подробно остановимся на основных направлениях совершенствования уголовной политики в рассматриваемой сфере. Они должны быть, на наш взгляд, следующими.

Первое направление Концепции следует обозначить как анализ совершенства законодательной конструкции составов преступлений, предусматривающих ответственность за преступления против общественной нравственности в области сексуальных отношений, а также оценка эффективности их правоприменения.

Второе направление Концепции, тесно связанное с первым, должно заключаться в определении стратегии дальнейшей уголовной политики Российской Федерации по противодействию преступлениям против общественной нравственности в области сексуальных

отношений, их криминализации, декриминализации, пенализации, депенализации. Обозначим по приведенным направлениям свои позиции и представления.

Относительно первого направления Концепции следует указать, что диспозиции некоторых составов преступлений, направленных на защиту общественной нравственности в области сексуальных отношений, репрезентированных в гл. 25 УК РФ, чрезвычайно сложны для понимания рядовых представителей правоприменительных органов, есть значительные сложности в правильном определении предмета, объекта этих деяний, их объективной и субъективной сторон. Прежде всего, речь о таких составах преступлений, указанных в ст. 240.1 УК РФ и ст. 242.2 УК РФ. Так, на недостатки законодательной конструкции диспозиции ст. 240.1 УК РФ справедливо указывается рядом исследователей [4, с. 54–62; 7, с. 103–198]. Это касается верного определения объекта данного преступления, таких важных понятий, как «сексуальные услуги несовершеннолетнего», «возраст несовершеннолетнего», «вознаграждение». Однако, поскольку данное деяние относится к высоколатентным, характеризуется сложностью выявления факта совершения противоправных действий, установления потерпевшего и доказывания причастности к нему виновного, к сожалению, наблюдается нестабильная динамика по возбужденным уголовным делам и выявлению виновных лиц. Так, если в 2014 г. в Российской Федерации было зарегистрировано всего 3 уголовных дела по ст. 240.1 УК РФ и выявлено 2 лица, то в 2016 г. 27 дел и 10 лиц соответственно, в 2017 г. 16 дел и 9 лиц, в 2018 г. 20 дел и 3 лица, в 2019 г. 7 дел и 5 лиц [3]. Отметим, что в 2015 г. зарегистрированные по ст. 240.1 УК РФ уголовные дела вообще отсутствовали. По оценке Е.Н. Куриловой, уровень латентности данного преступления приближается к 100 % [9, с. 11–12].

В свою очередь, на законодательные и конструктивные неточности ст. 242.2 УК РФ, несогласованность с другими аналогичными нормами (ст. 242, 242.1 УК РФ), несовершенство технико-юридической конструкции вполне обоснованно указывает Р.Б. Осокин [10, с. 115]. Вместе с тем считаем, что официальные статистические сведения все-таки опро-

вергают выводы приведенного автора о малой эффективности уголовной ответственности за использование несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических материалов или предметов. Так, если в 2014 г. в Российской Федерации было зарегистрировано 45 уголовных дел по ст. 242.2 УК РФ и выявлено 22 лица, то в 2015 г. зарегистрировано 88 дел и 27 лиц соответственно, в 2016 г. 193 дела и 39 лиц, в 2017 г. 155 дел и 52 лица, в 2018 г. 278 дел и 66 лиц, в 2019 г. 328 дел и 86 лиц [3]. Как видим, положительная динамика налицо. Но, безусловно, это лишь верхушка айсберга, поскольку, как и остальные деяния против общественной нравственности в области сексуальных отношений, использование несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических материалов или предметов также относится к высоколатентным преступлениям и реальной статистикой по этому составу преступления мы сейчас, к сожалению, не обладаем.

Приведенные позиции различных исследователей и официальные статистические данные по анализируемым статьям (мы не берем весь спектр статей против общественной нравственности, поскольку для этого нам не хватило бы и нескольких научных статей для освещения проблем их применения), по нашему мнению, свидетельствуют, прежде всего, о сложности законодательной конструкции и вследствие этого недостаточной эффективности их применения, но отнюдь никак не об их ненужности или вообще исключении из Уголовного кодекса. Мы не разделяем такую позицию. В связи с этим мы и предлагаем будущему законодателю сосредоточиться на проблемах их законодательной конструкции и оценки эффективности применения и внимательно все проанализировать.

И наконец, второе и, как думается, самое главное направление Концепции. Как известно, в последние десятилетия Уголовный кодекс РФ претерпевает все более и более серьезные изменения, которые, к большому сожалению, принимаются чаще всего законодателем хаотически, меняют его первоначальную структуру и идеи, заложенные создателями кодекса при принятии, и это влечет за собой в том числе и снижение эффективности применения мер уголовного наказания. Увы,

не обошел стороной данный процесс и анализируемый перечень деяний, а также смежные преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности. Большинство из нас, наверное, помнит, какой значительный общественный резонанс в стране в 2010-х гг. вызвали преступления, совершенные в отношении несовершеннолетних, и принятие после этого соответствующих поправок в действующий УК, включающих ужесточение наказания за них, предложения о химической кастрации педофилов и т. д. В научной среде также разгорелись ожесточенные споры об эффективности и целесообразности принятых изменений [19, с. 73–85]. Не вдаваясь в данную дискуссию, отметим, что сегодня как в целом в мире, так и у нас в стране увеличиваются угрозы информационной среды в рассматриваемой сфере. Так, вызывает тревогу дальнейшее и все возрастающее распространение порнографии в сети Интернет, в том числе детской, нарушение неприкосновенности частной жизни, вымогательство и шантаж с использованием интимных фотографий жертвы, эксплуатация ребенка в порнографических целях, принуждение к занятию проституцией несовершеннолетнего со стороны его родителей с целью получения выгоды в денежной или иной форме [12, с. 125] и другие сопутствующие преступления. Кроме того, не урегулированы в правовом плане действия виновного лица, совершающего в сети Интернет груминг или секстинг, поскольку ответственности за такие действия, в том числе за хранение фотографий или видеофайлов интимного содержания с изображениями несовершеннолетних с целью их использования в преступных целях, действующее уголовное законодательство Российской Федерации, увы, пока не предусматривает. Также значительную общественную опасность представляют приватные онлайн-секс-чаты с участием несовершеннолетних. Такие действия юридически практически не урегулированы. Представляется целесообразным рассмотреть вопрос об усилении юридической ответственности для хостинг-провайдеров и владельцев таких «пикантных» сайтов с возможностью запрета их деятельности в случае повторного нарушения. Кроме того, следует отметить, что такая законодательная инициатива уже рас-

сматривается в настоящее время в Государственной Думе и предусматривается принятие соответствующих изменений в КоАП РФ [1].

Кроме того, российскому законодателю, если он все-таки решится на принятие Концепции, следует рассмотреть вопрос о выделении преступлений против общественной нравственности в области сексуальных отношений в отдельную главу, которая бы размещалась сразу же после гл. 18 Уголовного кодекса, поскольку защищаемые уголовным правом объекты довольно тесно взаимосвязаны между собой. Здесь нам уместно рассмотреть опыт киргизского законодателя, который, принимая в 2017 г. новый УК Кыргызской Республики, разместил гл. 26 «Преступления против духовно-нравственного здоровья личности» непосредственно за гл. 25 «Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы» [18]. Также считаем, что с современным уровнем развития технических средств правоохранительные органы могли бы быстрее и точнее выявить и задержать преступников, действующих инкогнито в Интернете и совершающих преступления против общественной нравственности в отношении несовершеннолетних, аналогично установлению транспортного средства, которое не соответствует требованиям технического регламента о безопасности колесных транспортных средств, то есть также оперативно и гарантированно [2, с. 188–191]. В связи с этим отечественному законодателю необходимо продуманно подходить к вопросам и взвешенно принимать решения в отношении как криминализации, так и декриминализации рассматриваемой категории деяний, с одной стороны, так и пенализации и депенализации ответственности за них – с другой. К нашему огорчению, сейчас, так же, как и раньше, логику российского законодателя, вносящего все новые и новые изменения в действующее уголовное законодательство, сложно понять и предугадать.

Вывод

Подводя итог сказанному, нам бы хотелось особо подчеркнуть, что от своевременного решения духовно-нравственных проблем российского общества зависит не только бла-

гополучие населения, но прежде всего будущее нашего Отечества. Как мы помним из истории, многие великие государства, целые империи рушились и в дальнейшем канули в небытие, в том числе и из-за неразрешенных ими проблем в области духовной нравственности и морали. Представляется, что новое десятилетие станет определяющим в борьбе за духовно-нравственное будущее нашей страны. Россия самим фактом своего существования доказала уникальность и специфичность пути своего развития, который как разительно отличается от материальных ценностей западного мира, так и не всегда совпадает с духовной мудростью восточной цивилизации. Он заключается в «уравновешивании» этих глобальных центров силы, определении меры того, что есть добро и зло, справедливо и несправедливо, нравственно и безнравственно. Это и есть тот «срединный» путь русской цивилизации, само существование которого мы все время защищаем и который очень точно обозначил наш президент: «Зачем нам такой мир, если там не будет России?» [6]. Далее хочется привести слова Питирима Сорокина, который в своей книге «Американская сексуальная революция» совершенно правильно отметил: «Одержимое сексом общество без колебаний нарушает божественные и человеческие законы, вдребезги разбивает все ценности. Подобно торнадо, оно оставляет на своем пути легион трупов, множество исковерканных жизней, неисчислимые страдания и уродливые обломки разрушенных норм. Оно уничтожает подлинную свободу естественной любви; вместо того, чтобы обогатить и облагородить сексуальную страсть, оно сводит ее к простому совокуплению. Разрушительные последствия сексуальной анархии охватывают все основные ценности и глубоко проникают в жизненно важные сферы общества. Это наваждение ведет, прежде всего, к деградации человека и общества» [16, с. 92].

В связи с этим от своевременного и прежде всего продуманного по своему содержанию принятия законодателем основ уголовной политики Российской Федерации по противодействию преступлениям против общественной нравственности в области сексуальных отношений во многом зависит степень доверия граждан к государству, к проводимой

им политике по обеспечению безопасности в обществе и охране важнейших объектов, находящихся под защитой уголовного права, в том числе и в области обеспечения духовного благополучия населения и в особенности подрастающего поколения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. В России хостинг будет платить миллионные штрафы за запрещенный контент. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://www.cnews.ru/news/top/2020-07-09_pravitelstvo_podderzhalo. – Загл. с экрана.
2. Волков, П. А. Актуальные вопросы привлечения лиц к административной ответственности за управление транспортным средством, на котором установлены стекла (в том числе покрытые прозрачными цветными пленками), светопропускание которых не соответствует требованиям технического регламента о безопасности колесных транспортных средств / П. А. Волков, Н. В. Демченко, А. В. Сарычев // Пробелы в российском законодательстве. – 2019. – № 7. – С. 188–191.
3. Данные ГИАЦ МВД России за 2014–2019 гг. Форма 491.
4. Донченко, А. Г. Ответственность за преступления, связанные с сексуальной эксплуатацией и сексуальными злоупотреблениями в отношении несовершеннолетних, в современных правовых системах / А. Г. Донченко, А. А. Токарева // Lexrussia. – 2018. – № 6. – С. 54–62.
5. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Российская газета. – 2020. – 16 марта (№ 55).
6. «Зачем нам мир без России?»: Владимир Путин о возможности применения ядерного оружия, терроризме и ситуации в Сирии. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://russian.rt.com/russia/article/489649-putin-siriya-terrorizm-yadernoe-oruzhie>. – Загл. с экрана.
7. Кашапов, Р. М. Проблемы применения уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за получение сексуальных услуг несовершеннолетнего / Р. М. Кашапов, Д. Г. Пляс // Современное право. – 2017. – № 2. – С. 103–108.
8. Ключко, Р. Н. Половая неприкосновенность и половая свобода как объект уголовно-правовой охраны: аксиологический аспект / Р. Н. Ключко // Современные подходы к пониманию права и их влияние на развитие отраслевой юридической науки, законодательства и правоприменительной практики :

сб. науч. тр. / под общ. ред. В. И. Павлова, А. Л. Са-
венка. – Минск : Акад. М-ва внутр. дел Респ. Бела-
русь, 2017. – С. 314–321.

9. Курилова, Е. Н. Сексуальная эксплуатация
несовершеннолетних, занимающихся проституци-
ей: уголовно-правовые и криминологические ас-
пекты : дис. канд. юрид. наук : 12.00.08 / Курилова Еле-
на Николаевна. – СПб., 2017. – С. 11–12.

10. Осокин, Р. Б. К вопросу об эффективности
уголовной ответственности за использование не-
совершеннолетнего в целях изготовления порног-
рафических материалов и предметов / Р. Б. Осокин
// Вестник экономической безопасности. – 2018. –
№ 4. – С. 114–116.

11. Осокин, Р. Б. Теоретико-правовые основы
уголовной ответственности за преступления про-
тив общественной нравственности : автореф.
дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Осокин Роман
Борисович. – М., 2014. – 46 с.

12. Паршин, Н. М. Семейное и внесемейное
насилие как фактор деформированного становле-
ния личности / Н. М. Паршин // Проблемы право-
охранительной деятельности. – 2016. – № 4. – С. 125.

13. Послание Президента Федеральному Собра-
нию 1 декабря 2016 года. – Электрон. текстовые дан. –
Режим доступа: [http://www.kremlin.ru/events/president/
transcripts/messages/53379](http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/53379). – Загл. с экрана.

14. Послание Президента Федеральному Со-
бранию 12 декабря 2012 года. – Электрон. тексто-
вые дан. – Режим доступа: [http://www.kremlin.ru/
events/president/transcripts/messages/17118](http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/17118). – Загл.
с экрана.

15. Согласно данным Центральной избиратель-
ной комиссии Российской Федерации за принятие
поправок к Конституции РФ проголосовало 77,92 %
избирателей. – Электрон. текстовые дан. – Режим
доступа: [http://www.cikrf.ru/analog/constitution-
voting/info](http://www.cikrf.ru/analog/constitution-voting/info). – Загл. с экрана.

16. Сорокин, П. А. Американская сексуальная
революция / П. А. Сорокин // Народонаселение. –
2011. – № 1. – С. 89–100.

17. Степашин, В. М. Экономия репрессии как
принцип уголовного права и его реализация в на-
значении мер уголовной ответственности : дис. ...
д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Степашин Виталий Ми-
хайлович. – Омск, 2019. – 39 с.

18. Уголовный кодекс Кыргызской Респуб-
лики от 2 февраля 2017 года № 19 (в редакции Закона
КР от 15 мая 2019 года № 62, 28 февраля 2020 года
№ 21, 3 апреля 2020 года № 34). – Электрон. тексто-
вые дан. – Режим доступа: [http://cbd.minjust.gov.kg/
act/view/ru-ru/111527](http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111527). – Загл. с экрана.

19. Якубов, А. Е. Проблемы уголовного зако-
нодательства: нужен ли новый Уголовный кодекс?
/ А. Е. Якубов // Вестник Московского университе-
та. Серия 11, Право. – 2015. – № 4. – С. 73–85.

REFERENCES

1. *V Rossii khosting budet platit millionnye shtrafy za zapreshchennyi kontent* [In Russia, Hosting Will Pay Millions in Fines for Prohibited Content]. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2020-07-09_pravitelstvo_podderzhalo.

2. Volkov P.A., Demchenko N.V., Sarychev A.V. Aktualnye voprosy privlecheniia lits k administrativnoi otvetstvennosti za upravlenie transportnym sredstvom, na kotorom ustanovleny stekla (v tom chisle pokrytye prozrachnymi tsvetnymi plenkami), svetopropuskanie kotorykh ne sootvetstvuet trebovaniiam tekhnicheskogo reglamenta o bezopasnosti kolesnykh transportnykh sredstv [Current Issues of Bringing Persons to Administrative Responsibility for Driving a Vehicle with Glass (Including Those Covered with Transparent Color Films), the Light Transmission of Which Does not Meet the Requirements of the Technical Regulations on the Safety of Wheeled Vehicles]. *Gaps in Russian Legislation*, 2019, no. 7, pp. 188-191.

3. *Dannye GIATs MVD Rossiiza 2014-2019 gg. Forma 491* [Data of the Russian Ministry of internal Affairs SIAC for 2014-2019 Form 491].

4. Donchenko A.G., Tokareva A.A. Otvetstvennost za prestupleniia, sviazannye s seksualnoi ekspluatatsiei i seksualnymi zloupotrebleniami v otnoshenii nesovershennoletnikh, v sovremennykh pravovykh sistemakh [Responsibility for Crimes Related to Sexual Exploitation and Abuse of Minors in Modern Legal Systems]. *Lex russica*, 2018, no. 6, pp. 54-62.

5. Zakon RF o popravke k Konstitutsii RF ot 14.03.2020 № 1-FKZ «O sovershenstvovanii regulirovaniia otdelnykh voprosov organizatsii i funktsionirovaniia publichnoi vlasti» [Law of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation of 14.03.2020 No. 1-FKZ “On Improving the Regulation of Certain Issues of the Organization and Functioning of Public Authorities»]. *Rossiiskaia gazeta* [Russian newspaper], 2020, March 16 (no. 55).

6. «Zachem nam mir bez Rossii?»: Vladimir Putin o vozmozhnosti primeneniia iadernogo oruzhiia, terrorizme i situatsii v Sirii [“Why Do We Need a World Without Russia?”: Vladimir Putin on the Possibility of Using Nuclear Weapons, Terrorism and the Situation in Syria]. URL: [https://russian.rt.com/
russia/article/489649-putin-siriya-terrorizm-yadernoe-
oruzhie](https://russian.rt.com/russia/article/489649-putin-siriya-terrorizm-yadernoe-oruzhie).

7. Kashapov R.M., Plias D.G. Problemy primeneniia ugolovno-pravovoi normy, predumtrivaiushchei otvetstvennost za poluchenie seksualnykh uslug nesovershennoletnego [Problems of Application of the Criminal Law Norm Providing for

Responsibility for Receiving Sexual Services of a Minor]. *Modern Law*, 2017, no. 2, pp. 103-108.

8. Kliuchko R.N. Polovaia neprikosnovennost i polovaia svoboda kak obiekt ugovolno-pravovoi okhrany: aksiologicheskii aspekt [Sexual Inviolability and Sexual Freedom as an Object of Criminal Legal Protection: Axiological Aspect]. V.I. Pavlova, A.L. Savenka, eds. *Sovremennye podkhody k ponimaniu prava i ikh vliianie na razvitie otraslevoi iuridicheskoi nauki, zakonodatelstva i pravoprimeritelnoi praktiki: sb. nauch. tr.* [Modern Approaches to the Understanding of Law and Their Influence on the Development of Branch Legal Science, Legislation and Law Enforcement Practice: sb. nauch. tr.]. Minsk, Akad M-va vnutr. del Resp. Belarus, 2017, pp. 314-321.

9. Kurilova E.N. *Seksualnaia ekspluatatsiia nesovershennoletnikh, zanimaiushchikhsia prostitutsiei: ugovolno-pravovye i kriminologicheskie aspekty* [Sexual Exploitation of Minors in Prostitution: Criminal Law and Criminological Aspects: dis. ... kand. jurid. nauk.: 12.00.08]. Saint Petersburg, 2017, pp. 11-12.

10. Osokin R.B. K voprosu ob effektivnosti ugovolnoi otvetstvennosti za ispolzovanie nesovershennoletnego v tseliakh izgotovleniia pornograficheskikh materialov i predmetov [On the Issue of the Effectiveness of Criminal Liability for the Use of a Minor for the Production of Pornographic Materials and Objects]. *Economic Security Bulletin*, 2018, no. 4, pp. 114-116.

11. Osokin R.B. *Teoretiko-pravovye osnovy ugovolnoi otvetstvennosti za prestupleniia protiv obshchestvennoi npravstvennosti* [Theoretical and Legal Bases of Criminal Liability for Crimes Against Public Morality. The Author's Abstract ... d-ra.jurid. nauk.: 12.00.08]. Moscow, 2014. 46 p.

12. Parshin N.M. Semeinoe i vnesemeinoe nasilie kak faktor deformirovannogo stanovleniia lichnosti [Family and Non-Family Violence as a Factor of Deformed Personality Formation]. *Law Enforcement Problems*, 2016, no. 4, p. 125.

13. *Poslanie Prezidenta Federalnomu Sobraniuu 1 dekabria 2016 goda* [President's Message to the Federal Assembly on December 1, 2016]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/53379>.

14. *Poslanie Prezidenta Federalnomu Sobraniuu 12 dekabria 2012 goda* [President's Message to the Federal Assembly on December 12, 2012]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/17118>.

15. *Soglasno dannym Tsentralnoi izbiratelnoi komissii Rossiiskoi Federatsii za priniatie popravok k Konstitutsii RF progolosovalo 77,92 % izbiratelei* [According to the Data of the Central Election Commission of the Russian Federation, 77.92 % of Voters Voted for the Adoption of Amendments to the Constitution of the Russian Federation]. URL: <http://www.cikrf.ru/analog/constitution-voting/info>.

16. Sorokin P.A. Amerikanskaia seksualnaia revoliutsiia [American Sexual Revolution]. *Population*, 2011, no. 1, pp. 89-100.

17. Stepashin V.M. *Ekonomiia repressii kak printsip ugovolnogo prava i ego realizatsiia v naznachenii mer ugovolnoi otvetstvennosti* [Economy of Repression as a Principle of Criminal Law and Its Implementation in the Appointment of Measures of Criminal Responsibility. Dis. ... d-ra jurid. nauk.: 12.00.08.]. Omsk, 2019, pp. 11-12.

18. *Ugolovnyi kodeks Kyrgyzskoi Respubliki ot 2 fevralia 2017 goda № 19 (v redaktsii Zakona KR ot 15 maia 2019 goda № 62, 28 fevralia 2020 goda № 21, 3 apreliia 2020 goda № 34)* [The Criminal Code of the Kyrgyz Republic of February 2, 2017 No. 19 (as amended by the Law of the Kyrgyz Republic of May 15, 2019 No. 62, February 28, 2020 No. 21, April 3, 2020 No. 34)]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111527>.

19. Iakubov A.E. Problemy ugovolnogo zakonodatelstva: nuzhen li novyi Ugolovnyi kodeks? [Problems of Criminal Law: Is a New Criminal Code Needed?] *Moscow University Bulletin. Series 11, Right*, 2015, no. 4, pp. 73-85.

Information About the Authors

Ivan N. Arhiptsev, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Criminal Law Disciplines, Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, Gorkogo St, 71, 308024 Belgorod, Russian Federation, ArhiptsevIN@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2307-2712>

Sergey A. Chernyakov, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Criminal Law Disciplines, Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, Gorkogo St, 71, 308024 Belgorod, Russian Federation, sache2009@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1760-847X>

Irina A. Mikhailova, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Criminal Law Disciplines, Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, Gorkogo St, 71, 308024 Belgorod, Russian Federation, mihailova140361@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9388-2820>

Информация об авторах

Иван Николаевич Архипцев, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина, ул. Горького, 71, 308024 г. Белгород, Российская Федерация, ArhiptsevIN@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2307-2712>

Сергей Анатольевич Черняков, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина, ул. Горького, 71, 308024 г. Белгород, Российская Федерация, sache2009@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1760-847X>

Ирина Анатольевна Михайлова, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина, ул. Горького, 71, 308024 г. Белгород, Российская Федерация, mihailova140361@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9388-2820>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.4.23>

UDC 34(470+571):334.012.44
LBC 67.99(2РОС)401.01

Submitted: 13.11.2020
Accepted: 01.12.2020

**THE ECONOMIC AND LEGAL REGULATION
OF PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP IN RUSSIA:
THE ANALYSIS OF INFLUENCE FACTORS, INSTITUTIONAL FRAMEWORK,
AND BEST PRACTICES**

Agnessa O. Inshakova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Svetlana V. Novikova

Volzhsy Branch of International Law Institute, Volzhsky, Russian Federation

Citation. Inshakova A.O., Novikova S.V. The Economic and Legal Regulation of Public-Private Partnership in Russia: The Analysis of Influence Factors, Institutional Framework, and Best Practices. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2020, vol. 19, no. 4, pp. 171-176. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.4.23>

УДК 34(470+571):334.012.44
ББК 67.99(2РОС)401.01

Дата поступления: 13.11.2020
Дата принятия: 01.12.2020

**ЭКОНОМИКО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В РОССИИ:
АНАЛИЗ ФАКТОРОВ ВЛИЯНИЯ, ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ РАМОК
И ЛУЧШИХ ПРАКТИК**

Агнесса Олеговна Иншакова

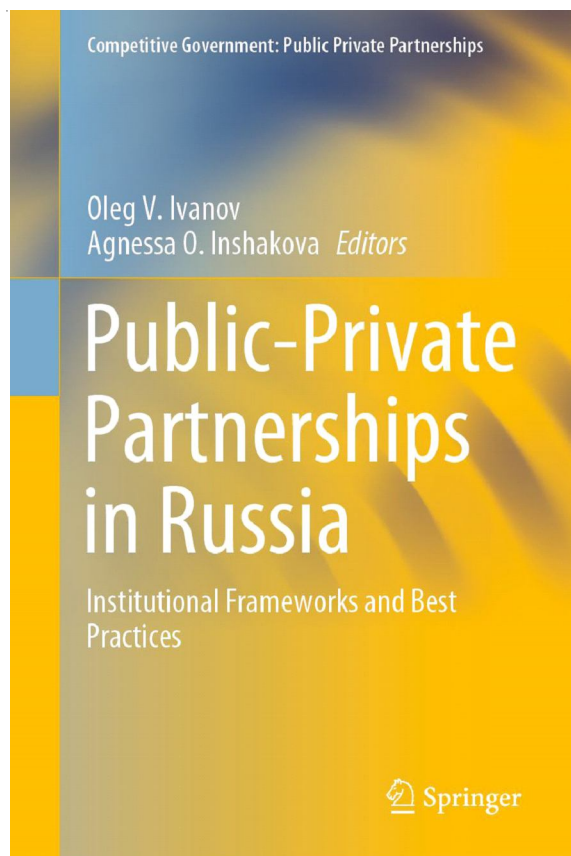
Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Светлана Викторовна Новикова

Волжский филиал Международного юридического института, г. Волжский, Российская Федерация

Цитирование. Иншакова А. О., Новикова С. В. Экономико-правовое регулирование государственно-частного партнерства в России: анализ факторов влияния, институциональных рамок и лучших практик // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2020. – Т. 19, № 4. – С. 171–176. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.4.23>

Издательством Шпрингер (Швейцария) анонсирован выход книги в продолжающейся серии, индексируемой в международных базах SCOPUS и Web of Science Core Collection (Public-Private Partnerships in Russia: Institutional Frameworks and Best Practices / Editors Oleg V. Ivanov, Agnessa O. Inshakova. – Cham : Springer International Publishing, 2020. – DOI: 10.1007/978-3-030-56352-3.

Представленное исследование является результатом коллективной работы Московского государственного института международных отношений МИД России (МГИМО), Волгоградского государственного университета (ВолГУ) и Национального центра ГЧП Российской Федерации. Редакторами книги выступили О.В. Иванов – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономической политики и государственно-частного партнерства МГИМО; А.О. Иншакова – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского и международного частного права ВолГУ.

Коллективное исследование посвящено проблемам экономико-правового регулирования

государственно-частного партнерства в России. В связи с тем что книга вышла в зарубежном издательстве и опубликована на английском языке, авторы настоящей статьи посчитали необходимым сделать краткий обзор рассмотренных на ее страницах вопросов, а также осветить научно-практический потенциал предложенных подходов к их решению. Исследования ведущих специалистов России, представленные в книге, направлены на анализ институциональных рамок и лучших практик. Книга находится в процессе индексации в международных базах SCOPUS и Web of Science Core Collection.

Из материалов книги отчетливо видно, что за последние десятилетия институт государственно-частного партнерства стал неотъемлемой частью мировой экономической теории и практики, доказал свою жизнеспособность как эффективный инструмент развития инфраструктуры во многих странах с различными политическими системами и разным уровнем социально-экономического развития. Количество проектов ГЧП в мире исчисляется тысячами, а объем частных инвестиций в эти проекты – миллиардами долларов. Результаты партнерства нашли свое воплощение в многочисленных объектах транспортной инфраструктуры, энергетики, ЖКХ, связи и телекоммуникаций, государственного и муниципального управления, здравоохранения, образования, культуры.

В результате, по оценкам специалистов авторского коллектива, в мире накоплен богатый опыт развития государственно-частного партнерства, охватывающий многие аспекты, которые связаны с организационными, институциональными, управленческими, правовыми, техническими, финансовыми, инженерными и другими вопросами. В то же время мировой опыт развития государственно-частного партнерства весьма разнообразен. В мире нет двух стран с одинаковым законодательством о ГЧП или системами управления в этой сфере; каждая из них имеет свою институциональную среду, уровень развития ГЧП, специфику государственного управления, традиции бизнеса, культурные, национальные и психологические особенности, что не может не сказаться на формировании моделей партнерства государства и бизнеса.

По глубокому убеждению авторов книги, Россия не осталась в стороне от мировых тен-

денций, связанных с развитием государственно-частного партнерства, хотя и вступила на этот путь с некоторым запозданием. В последние 5 лет использование механизмов государственно-частного партнерства в Российской Федерации приобретает все более масштабный и интенсивный характер, предпринимаются усилия по приведению развития этого института к системной основе. Значительно увеличилось количество проектов ГЧП (в некоторых сферах, например жилищно-коммунальном хозяйстве, этот рост буквально взрывной), расширяется их география, а отраслевой спектр использования механизмов ГЧП становится все более разнообразным. Согласно классификациям моделей поэтапного развития ГЧП, используемым международными организациями, есть основания говорить о том, что Россия перешла от стадии зарождения ГЧП к стадии «становления и созревания». В то же время отмечается, что это только начало пути и многое еще предстоит сделать для того, чтобы институт ГЧП работал более эффективно. В связи с этим вопрос о создании единой интегрированной системы управления ГЧП приобретает все большее значение на сегодняшний момент.

Представленное издание – первое всестороннее и наиболее полное исследование вопросов, связанных с созданием, развитием и применением механизмов государственно-частного партнерства в Российской Федерации. Оно знакомит с историей и современным состоянием ГЧП в России, а также анализирует правовую и институциональную базу ГЧП, политику ГЧП и управление на федеральном и региональном уровнях. Особое внимание уделяется управлению проектами ГЧП на различных стадиях жизненного цикла, правовому и финансовому структурированию проектов, анализу практических примеров в ведущих отраслях – от транспортной инфраструктуры до информационных технологий. В работе также рассматриваются наиболее важные для России международные аспекты государственно-частного партнерства.

Изучение развития ГЧП в Российской Федерации представляется необходимым в силу ряда причин.

Во-первых, оно дает ценный материал для теоретического осмысления тенденций развития современной российской экономики,

эволюции «государственно-деловых отношений», а также инструментов, организационных механизмов и методов, используемых государством для налаживания взаимодействия с бизнесом в решении важных социально-экономических вопросов.

Во-вторых, изучение российского опыта государственно-частного партнерства, его нормативно-правовой базы, моделей государственного управления, механизмов и инструментов может быть полезным с точки зрения поиска новых алгоритмов экономического взаимодействия государства и частного сектора для повышения эффективности управления государственной собственностью, развития рыночных институтов, стимулирования частной инициативы и др.

Авторы монографии отмечают, что за сравнительно короткий период (10–15 лет) в России накоплен огромный опыт государственно-частного партнерства. Справедливо обосновывается, что фактически в стране сложилась принципиально новая сфера экономических отношений государства и бизнеса. Показано, что за это время ГЧП проделало впечатляющий путь от фрагментированного набора отдельных проектов к единому интегрированному рынку. Констатируется, как состоявшийся факт, огромный прорыв в области ГЧП, о чем свидетельствует рост числа проектов и их капиталоемкости. Отмечается, что по состоянию на начало 2020 г. в России на разных стадиях реализации находится более 3 500 проектов ГЧП, а совокупный объем частных контрактных инвестиций превысил 3 трлн рублей. Инфраструктурные инвестиции на 70 % покрываются за счет внебюджетных средств. Авторы приходят к выводу, что рынок ГЧП как важнейшее экономическое явление сложился в России.

Установлено, что отраслевой спектр ГЧП становится все более разнообразным. Наблюдается устойчивый рост проектов ГЧП в таких традиционных секторах, как дорожная инфраструктура и энергетика. В то же время зафиксирован взрывной рост концессий в сфере ЖКХ. Наряду с ними ГЧП было создано в инфраструктурных отраслях, которые ранее были «заповедной зоной» государства – социальной инфраструктуре, прежде всего здравоохранении, дошкольном и школьном образовании, спорте, культуре, социальном

обеспечении. Выявлено, что в последние годы ГЧП все чаще открывает как совершенно новые рынки, так и рынки, формирующиеся в рамках традиционных инфраструктурных секторов. К ним относятся высокотехнологичная медицина, общественный транспорт, благоустройство территорий (парков, общественных пространств, набережных, систем городского освещения), фото- и видеофиксация нарушений правил дорожного движения, организация весогабаритного контроля на дорогах, обращение с твердыми коммунальными отходами, железнодорожная и аэропортовая инфраструктура, морские порты. В качестве одного из наиболее перспективных направлений ГЧП авторами выделяется IT-сектор, недавно включенный законодателями в перечень разрешенных объектов ГЧП. Всего за полтора года было запущено около сотни проектов «Умный город», предусматривающих создание автоматизированных систем комплексной безопасности и организации дорожного движения, городского освещения и освещения дорожных сетей, информационных систем на общественном транспорте, образовательных площадок в школах и др. Началась реализация крупнейшего в стране инновационного IT-проекта ГЧП – внедрение национальной системы маркировки и отслеживания товаров.

Утверждается, что использование различных форм ГЧП становится все более вариативным. Наряду с «классическими» – концессионными и партнерскими соглашениями все чаще используются альтернативные формы (договоры жизненного цикла, договоры аренды с инвестиционными обязательствами, институциональные ГЧП, специальные инвестиционные контракты и др.). Они позволяют гибко структурировать проекты, «дорабатывать» условия соглашений, а также критерии выбора частного партнера, легче вносить изменения в заключенные соглашения, быстрее заключать соглашения и запускать проекты. На эти формы ГЧП в настоящее время приходится треть всех частных инвестиций в проекты ГЧП в России и около 12 % от их общего числа.

Подход государства к управлению ГЧП в последние годы явно становится более системным. Это находит свое отражение в стратегическом целеполагании, долгосрочном планировании развития инфраструктуры и ГЧП,

мерах по дальнейшему совершенствованию и укреплению правовой базы ГЧП, расширению инструментов государственной поддержки проектов ГЧП, принятии и, по возможности, совершенствованию лучших международных практик управления ГЧП. В этом контексте особый акцент авторами сделан на двух последних российских инновациях.

Первая – так называемый завод проектного финансирования – представляет собой механизм финансирования инвестиционных проектов в приоритетных отраслях российской экономики, в том числе инфраструктурных, предусматривающий предоставление заемщикам синдицированных кредитов. Этот принципиально новый для России механизм, запущенный под эгидой крупнейшего российского Института развития – Внешэкономбанка (ВЭБ.РФ), призван стимулировать развитие синдицированного кредитования в России, повысить доступность кредитных ресурсов для инвесторов, снизить общую стоимость проектного финансирования, уменьшить риски путем привлечения дополнительных участников и в конечном итоге обеспечить экономический рост за счет реализации новых проектов. «Фабрика» уже начала свою работу и запустила ряд мегапроектов ГЧП, в том числе вышеупомянутый проект национальной системы маркировки и отслеживания товаров.

Вторая инновация – создание платформы поддержки инфраструктурных проектов РОСИНФРА. Это уникальная цифровая платформа, призванная облегчить запуск инфраструктурных проектов с государственным участием. Широкий спектр пользовательских инструментов и сервисов позволяет упростить процесс подготовки проектов, найти партнеров и повысить уровень компетентности специалистов по привлечению инфраструктурных инвестиций. Благодаря новой платформе российские регионы получили возможность размещать инвестиционные предложения для частных партнеров, а также получать блиц-экспертную оценку инициатив и помощь в формировании портфеля проектов. Инвесторы и финансирующие организации могут найти перспективные инициативы и ознакомиться с деятельностью государственных партнеров. Экспертное сообщество само обеспечивает себя актуальной информацией о рынке и участвует в оценке пер-

спективных проектов. Создание такой платформы соответствует одному из главных мировых трендов – цифровизации управления развитием инфраструктуры, и по своим функциональным возможностям платформа даже превосходит те, что действуют во многих наиболее «зрелых» странах ГЧП.

Каким будет дальнейшее развитие ГЧП в России? Что ждет его на этом пути? Будет ли ГЧП из новой и перспективной сферы взаимодействия государства и бизнеса в России развиваться в русле государственной экономической политики? Этими и другими важными вопросами, ответы на которые являются вводными неизвестными как эндогенного, так и экзогенного характера для решения уравнения о перспективах ГЧП в России, задаются авторы подготовленной монографии. Также отмечается необходимость своевременного решения ряда системных проблем в сфере ГЧП, таких как дальнейшая корректировка нормативно-правовой базы, упорядочение институциональной базы сектора ГЧП, создание комплексной системы инфраструктурного планирования, расширение спектра инструментов финансовой поддержки проектов ГЧП и др.

В заключение авторами отмечается, что к многочисленным существующим внешним факторам, способным повлиять на перспективы развития ГЧП в России, добавляются новые, появившиеся как раз в период подготовки данной монографии, такие как пандемия, обвал мировых цен на нефть, снижение доходов государственного бюджета, ослабление рубля. Если оценивать только эти факторы через призму прямого текущего воздействия на рынок ГЧП, то ответ, по мнению авторов, очевиден: проекты, которые готовятся и запускаются, сильно пострадали. По оценкам Национального центра ГЧП, более 10 % всех проектов ГЧП различного уровня находятся «под угрозой» из-за пандемии, падения курса рубля и замедления экономического роста. Если не произойдет отскока цен на нефть и снятия ограничений, введенных в связи с пандемией, то общие негативные последствия для рынка ГЧП (потеря выручки и превышение стоимости проекта) могут составить не менее 25–30 млрд рублей в первые полгода. Национальный центр ГЧП выделяет несколько отраслей, где проекты ГЧП в стадии строительства или эксплуатации по-

страдают больше всего. Это прежде всего социально-бытовое обслуживание, здравоохранение и санаторно-курортное лечение, культура, досуг, спорт, туризм и другие социально-культурные объекты, городской транспорт и транспортная инфраструктура в городах.

Если эпидемиологическая ситуация сохранится в течение длительного времени, общая неопределенность экономической ситуации, по оценке авторов, может привести к инвестиционной паузе на инфраструктурном рынке. Подготовка к заключению новых соглашений будет идти медленнее из-за желания инвесторов и властей дождаться более стабильного состояния экономики. Сроки реализации проектов, финансовое закрытие которых еще не произошло, могут быть сдвинуты. Фактор падения цен на нефть и радикального сокращения доходов бюджета может вынудить правительство пересмотреть многие планы инфраструктурных инвестиций на ближайшую перспективу и даже предвидеть «просадку» рынка ГЧП.

Однако «у каждого облака есть своя серебряная подкладка» – считает редактор книги О.В. Иванов. Все эти негативные факторы могут также работать на то, чтобы государство уделяло больше внимания ГЧП, чем раньше, и рассматривало его как рычаг, который можно использовать для выхода из сложной ситуации, в которой оказалась экономика страны и ее инфраструктура, как драйвер экономического развития и выхода из кризиса. Отмечается, что все долгосрочные планы правительства по развитию инфраструктуры основаны на принципиальной неизбежности и целесообразности объединения его усилий с частным сектором и использования механизмов ГЧП. Власти не могут игнорировать тот факт, что сегодня существует значительный потенциал для ГЧП. Портфель ГЧП содержит более 300 проектов, в том числе крупные федеральные проекты, а также проекты регионального и муниципального уровней, которые готовятся к запуску. В целом на стадии инициирования находится более тысячи потенциальных проектов, где возможно и желательно использовать механизмы ГЧП, общей стоимостью более 3 трлн рублей, что сопоставимо с нынешним размером рынка ГЧП в России. Все это, по мнению авторов, по-прежнему дает повод даже в эти непростые времена с оптимизмом смотреть на перспективы развития ГЧП в России.

Information About the Authors

Agnessa O. Inshakova, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor, Head of the Department of Civil and International Private Law, Base Department of the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, ainshakova@list.ru, gimchp@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8255-8160>

Svetlana V. Novikova, Director, Volzhsky Branch of International Law Institute, Bolshevistskaya St, 7, 404106 Volzhsky, Russian Federation, voldir@lawinst.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7303-0268>

Информация об авторах

Агнесса Олеговна Иншакова, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского и международного частного права (базовая кафедра ЮИЦ РАН), Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, ainshakova@list.ru, gimchp@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8255-8160>

Светлана Викторовна Новикова, директор Волжского филиала Международного юридического института, ул. Большевикская, 7, 404106 г. Волжский, Российская Федерация, voldir@lawinst.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7303-0268>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.4.24>

UDC 321.01(049.32)
LBC 66.02я1

Submitted: 21.09.2020
Accepted: 14.10.2020

**REVIEW OF THE BOOK: EMELYANOV, M. V. TECTONICS OF POWER
/ M. V. EMELYANOV. – М. : VES' MIR, 2019. – 256 p.**

Nikolay I. Grachev

Volgograd Academy of the Interior Ministry of the Russian Federation, Volgograd, Russian Federation

Citation. Grachev N.I. Review of the Book: Emelyanov, M. V. Tectonics of Power / M. V. Emelyanov. – М. : Ves' Mir, 2019. – 256 p. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2020, vol. 19, no. 4, pp. 177-185. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.4.24>

УДК 321.01(049.32)
ББК 66.02я1

Дата поступления: 21.09.2020
Дата принятия: 14.10.2020

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ЕМЕЛЬЯНОВ, М. В. ТЕКТОНИКА ВЛАСТИ
/ М. В. ЕМЕЛЬЯНОВ. – М. : ВЕСЬ МИР, 2019. – 256 с.**

Николай Иванович Грачев

Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации,
г. Волгоград, Российская Федерация

Цитирование. Грачев Н. И. Рецензия на книгу: Емельянов, М. В. Тектоника власти / М. В. Емельянов. – М. : Весь мир, 2019. – 256 с. // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2020. – Т. 19, № 4. – С. 177–185. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.4.24>

В настоящее время земная цивилизация в организации своей жизнедеятельности столкнулась с серьезным системным кризисом, одним из проявлений которого является упадок национально-территориальной государственности и связанная с ним трансформация публичной власти, выражающаяся в отчуждении ее институтов от населения, потере сакральности, постепенной утрате своего верховенства и легитимности, что приводит к снижению степени управляемости обществом. Указанные процессы требуют разработки адекватной историческому периоду теории государства, его публичной власти и ее организационно-правовых форм, что предполагает переосмысление целого ряда, казалось бы, незыблемых парадигмальных конструкций.

Проблемы организации и эффективной деятельности публичной власти в Российской Федерации являются предметом оживленных дискуссий на протяжении последних десяти-

летий, причем разворачиваются они не только среди ученых-юристов или в политических кругах, но и в среде широкой общественности, являясь ярким примером того, что многие положения теории государства и конституционного права носят совсем не академический характер, а имеют прямой выход на социально-политическую практику в ее самых острых и злободневных проявлениях. Пандемия коронавируса обострила эти проблемы еще больше, заставляя кардинальным образом переоценить принципы, по которым функционирует современное государство.

В этой связи огромный интерес представляет недавно изданная монография депутата Государственной Думы II–VII созывов, кандидата юридических наук, заслуженного юриста Российской Федерации М.В. Емельянова «Тектоника власти». В ней автор, во-первых, пытается разрешить многие дискуссионные вопросы теории публичной власти; во-вторых, на ос-

нове собственного видения доктринальных путей их решения дает концептуальное обоснование конституционной реформы верховной власти в Российском государстве и, наконец, делает научно аргументированные предложения по ее практическому осуществлению.

Работа М.В. Емельянова носит в полной мере комплексный характер, соединяя в себе качества фундаментального теоретического исследования с одновременной экстраполяцией концептуальных выводов и практических предложений в сферу прикладной законодательской и реальной политической деятельности. Она принадлежит к достаточно редким в последние годы трудам, объект и проблематика которых находятся на стыке целого ряда научных дисциплин: теории и истории государства и права, политологии, истории политических и правовых учений, конституционного права и даже отчасти социологии и административного права. Это в полной мере междисциплинарный научный труд, а, как известно, лучшее решение теоретических и практических проблем находится на стыке смежных отраслей знаний. О комплексном характере рассматриваемой работы свидетельствует весьма широкий круг используемых источников, среди которых находятся научные публикации отечественных и зарубежных юристов-теоретиков и конституционалистов, российских и иностранных философов, социологов, политологов, историков и представителей других гуманитарных наук. Для иллюстрации теоретических положений и выводов автором привлекается богатый эмпирический и нормативный материал, представленный в работе конституционным законодательством различных стран и политической практикой, взятой в широком историческом контексте.

Основные достоинства работы М.В. Емельянова лежат в плоскости рассматриваемых им дискуссионных проблем теоретического и практического характера, связанных с установлением особенностей структуры и определением основных форм публичной власти в государственно организованном обществе, роли, организации, функций и полномочий верховной власти в различных странах, с целью определения ее оптимальной конструкции для российского государства, которая была бы способной обеспечить ему существование и

поступательное развитие на длительную историческую перспективу. Именно этой задаче подчинена структура работы, которая, на первый взгляд, не кажется оптимальной, но по мере погружения в материал и проникновения в авторский замысел начинает выглядеть все более логичной и соответствующей своей основной идее. Исходя из нее автор и «посчитал возможным использовать термин “тектоника” применительно к власти, так как именно он в наибольшей степени характеризует власть одновременно и как систему, и как процесс» (с. 9).

Структура работы невольно воспроизводит предложенный С. Льюксом способ анализа власти, «который в одно и то же время ценностный, теоретический и эмпирический» [3, с. 157]. Поэтому, несмотря на то, что во всех главах исследования присутствуют в полной мере все вышеуказанные аспекты, тесно между собою связанные и взаимно переплетенные, как это и бывает в реальной жизни, все-таки *первая глава* в большей степени является теоретической, *вторая* – прежде всего обосновывает собственные подходы автора к решению проблемы практической организации и функциям верховной власти в современной России, а *третья* – в основном посвящена политико-правовым ценностям, которые, по мнению ученого, должны находиться в основании организации публичной власти в нашей стране.

Первый параграф первой главы является определяющим в теоретическом обосновании авторской концепции структуры и сущности публичной власти как необходимого элемента общества, а также верховной власти как фактического носителя суверенитета государства. В этой главе, которая так и называется «Теоретические основания», ключевой концептуальной идеей автора является выделение в структуре публичной власти *Центра верховной власти (ЦВВ)*.

Следует отметить, что автор рассматривает публичную власть не совсем традиционно, относя к ней *наряду с государственной* и другие виды социальной власти – *духовную* и *финансово-экономическую*, считая их ее ипостасями (с. 20–22). И для этого у него имеются, на наш взгляд, веские основания. Не являясь по способам своего форми-

рования и формам деятельности публичными, они уже давно выполняют в обществе публичные функции, чего не хотят замечать представители юридической и политической наук, по сути дела игнорируя их рассмотрение в качестве таковых. Исследуя эти виды социальной власти, ученый аргументированно доказывает, что они всегда находятся в динамическом взаимодействии, в борьбе друг с другом за обладание всей ее полнотой, и это приводит к доминированию одной из них в общественной жизни. Сама же публичная власть всегда едина, обладает верховенством по отношению к другим, восходящим к ней, обеспечивая их синтез при внешне видимом разделении и независимости (с. 22–24).

Опираясь на работы по теории систем, автор приходит к выводу, что обеспечение единства власти в государстве предполагает наличие у него единого «центра верховной власти» (ЦВВ), координирующего функционирование ее различных ветвей (с. 24–25). Но в одних странах существуют такие модели организации публичной власти, где ее центр институционализирован и потому очевиден. В других – такой центр скрыт, явно себя не проявляет, более того, в странах западной демократии, в первую очередь в Великобритании и США, он «тщательно скрывается от общества» за формальным разграничением функций между законодательными, исполнительными и судебными органами (с. 25–29). На протяжении целого ряда страниц с привлечением трудов известных историков и политологов автор показывает, как в ходе естественного развития западной цивилизации, в процессе перехода от аграрного общества к индустриальному формировался скрытый ЦВВ в этих странах (с. 29–42). И как по мере развития демократических институтов, составляющих фасад политической системы государств Западной Европы и США, все большая часть реальной власти уводилась в «тень» и «действовала конспиративно», сращиваясь с закрытыми структурами, образуемыми узкой группой лиц, принадлежащих к финансово-промышленной олигархии, сосредоточившей контроль над экономикой. Зримым свидетельством наличия такого ЦВВ явилось создание Федеральной резервной системы (ФРС) США в 1913 г., деятельность которой

на протяжении всего последующего времени представляется одним из немногих видимых подтверждений «господства финансовой власти над государственной» (с. 36). Выступая формально как частное учреждение, контролируемое несколькими банкирскими семьями, ФРС осуществляет денежную эмиссию, финансовую, кредитную и валютную политику в Соединенных Штатах, что всегда было прерогативой верховной государственной власти. Поэтому, как справедливо указывает автор, «именно “хозяева” ФРС являются источником и носителем суверенитета США» (с. 37). При этом он не считает высшие государственные органы и их должностные лица в странах Запада элементами некоей политической декорации, но предлагает рассматривать их в контексте проведенной им *классификации уровней публичной власти*. Исходя из осуществляемых ими функций и характера принимаемых решений, автор выделяет *стратегический (верховный) и оперативный (управительный) уровни власти* в государстве. В противовес либеральной теории разделения властей по горизонтали М.В. Емельянов предлагает собственную модель разделения публичной власти по вертикали (с. 41–47), где президенты, парламенты и правительства осуществляют функции оперативного управления, тогда как «центр верховной власти решает стратегические задачи развития общества» (с. 41).

Эти тезисы тесно переплетаются с предложенной недавно рецензентом *концепцией деления публичного управления на политическое (верховное)*, осуществляемое верховной властью государства и заключающееся в принятии важнейших решений стратегического характера, и *административное (подчиненное)*, заключающееся в организации исполнения решений верховной власти [2]. Нам представляется весьма симптоматичным появление в настоящее время одинакового понимания стоящих перед обществом проблем политико-правового характера и похожего видения путей их решения у двух разных авторов, что, конечно же, не является простым совпадением или случайностью.

М.В. Емельянов не только выделяет стратегический уровень управления делами

общества, на котором находится ЦВВ, но утверждает и доказывает на исторических примерах, что *этот центр может находиться и вне структур государственной власти* и потому – быть не институализированным и действовать вне правового поля (с. 9–10, 36–40 и др.). Это в общем и делает его тайным и анонимным, прячущим за демократическим фасадом социальное господство достаточно узкой элитарной группы. Но это также означает, что ЦВВ может находиться и за пределами государства, которое в таком случае управляется извне. В настоящее время именно таким образом происходит функционирование подавляющего большинства формально суверенных государств. И задача как раз заключается в том, чтобы сконструировать в России такую систему публичной власти, центр которой был бы самостоятелен и независим от внешнего воздействия, в чем, собственно, и заключается лейтмотив монографии М.В. Емельянова.

Достаточно четко ученый определяет *функции* ЦВВ, выделяя среди них: концептуально-стратегическую, координирующую, идеологическую, контрольно-карающую, кадровую. Раскрытие содержания указанных функций позволяет автору показать их отличительные особенности по сравнению с направлениями деятельности оперативного сегмента публичной власти (с. 42–47). Именно их осуществление верховной властью делает государство суверенным фактически, а игнорирование или ненадлежащее выполнение ставит его в зависимость от других государств или международных организаций. Наиболее важной, «ключевой» функцией ЦВВ является первая из них, заключающаяся в формировании «проекта, концепции стратегического развития общества» (с. 43). Ее наличие и реализация в практической деятельности характеризует тот или иной социальный субъект как носителя концептуальной власти, выступающей в качестве высшего иерархического уровня в системе социального управления. Все остальные функции как верховной, так и оперативной власти нацелены на осуществление социально-политического проекта.

В тектонике властного пространства выделяется еще и третий, нижний уровень управления обществом – *сфера общественной саморегуляции*, субъекты которой (пред-

приниматели, некоммерческие организации, СМИ, культурные и научные организации, религиозные объединения и т. д.) прямо не подчинены ни верховной, ни оперативной власти и для которых высшие уровни устанавливают лишь общие правила, не вмешиваясь в их деятельность до тех пор, пока они действуют в установленных юридических рамках (с. 47).

Значительный теоретический интерес представляет собой и *второй параграф первой главы*, в котором аргументируется наличие единых для любого ЦВВ общих признаков, вне зависимости от разнообразных форм, которые он может принимать в государствах различной цивилизационной принадлежности. К ним автор относит: единственность и неделимость, суверенность, стратегичность, неизбираемость, надпартийность и нейтральность, безальтернативность (с. 48–59). В этом параграфе автор начинает постепенно высказывать ряд новых идей, связанных с критикой идеологических основ современной государственности и ее главных организационно-правовых институтов: либеральной демократии, народного суверенитета и разделения властей.

Качество моноцентричности верховной государственной власти и невозможности ее реального осуществления в парадигме господства принципов либерализма и разделения властей находят свое дальнейшее обоснование в *третьем параграфе первой главы*, где рассматриваются основные модели организации публичной власти современных государств, исходя из особенностей комбинации трех указанных выше уровней – верховной и оперативной власти и социальной саморегуляции (с. 60–82). Выделяя среди них англосаксонскую, европейскую (континентальную), коммунистическую, вождистскую и иранскую модели, рассматриваемые в сравнительном плане, основной критерий различия между ними ученый видит в степени публичности и правовой оформленности ЦВВ, в соответствии с которыми наиболее очевидными антиподами являются англосаксонская и иранская. Если в первой этот центр «абсолютно скрыт, не избираем, не публичен», никому не подконтролен, пребывает вне государственного аппарата и правового поля, находится в руках финансово-экономической олигархии, доминирующей над государственной и духовной влас-

тью (с. 60–65), то во второй – он выступает как не зависящая от населения, но юридически оформленная и полностью публичная государственная структура, принадлежащая шиитскому духовенству (с. 78–79). При этом «идеологи англосаксонской модели отвлекают внимание от порядка передачи по наследству верховной власти финансовыми олигархами» (которые уже давно сформировали собственные династические бизнес-империи [4, с. 194–228]), акцентируя внимание на демократических началах формирования государственных органов, которые на самом деле являются структурами оперативного управления. «Координирующее и направляющее воздействие ЦВВ на законодательные, исполнительные и судебные органы, а также СМИ категорически отрицается. В иранской же модели это воздействие публично и закреплено конституционно». Конституция Ирана «не скрывает внутриэлитного выбора» ЦВВ, формулируя принцип преемственности рахбара как верховного руководителя и духовного лидера, осуществляющего абсолютный контроль над президентом, межлисом и судами (с. 79). И в этом контексте «нельзя не отметить, что иранское государство играет по более честным правилам, не боясь публично раскрывать механизмы власти, которые скрыты в западных странах» (с. 82).

Рассмотрение существующих моделей публичной власти необходимо автору в конечном итоге для лучшего понимания ее организации в нашей стране и нахождения ее оптимальной конструкции в условиях надвигающегося глобального кризиса. «Ключевой вопрос – место Президента РФ в тектонике публичной власти» (с. 85). Анализ его статуса в соотношении с правовым положением других составных элементов механизма публичной власти посвящены первые *два параграфа второй главы* работы (с. 83–120). Его важнейшим итогом стали достаточно аргументированные практические предложения по реорганизации верховной власти в России (с. 93–120). Их сущностная направленность состоит в выделении среди высших органов Российского государства такого, который взял бы на себя все функции, свойственные ЦВВ, в первую очередь – функцию концептуально-стратегического управления обществом, и в то же

время был бы освобожден от задач оперативного управления. Автор предлагает для нашей страны три варианта реконструкции ЦВВ, реализация любого из которых должна привести к отделению «по вертикали» верховной власти от оперативной, что позволит первой (верховой) укрепить свое положение, получив новые необходимые функции и полномочия, и освободиться «от излишних ограничений и неоправданных зависимостей от оперативных органов», вытекающих из закрепленного в Конституции РФ принципа ее разделения, сосредоточиться на ключевых стратегических вопросах управления государством и обществом, а второй (оперативной) – успешно решать текущие дела в соответствии с установленной ЦВВ стратегией на основе принципа «разделения властей» на данном уровне (с. 117–120). Все варианты реформы предполагают увеличение сроков пребывания ЦВВ на своем посту, изменение порядка его формирования и устранение зависимости этого порядка от населения и партий путем введения косвенных (многостепенных) выборов (с. 111–119). Кроме того, любой из трех предложенных вариантов приводит к доминированию верховной государственной власти в лице Президента РФ (первый вариант) или Председателя Государственного Совета РФ (второй и третий варианты) над духовной и экономической, что принципиально важно в российских условиях, где социально-экономическая и духовно-идеологическая сферы находятся в глубоком упадке.

Поэтому *третий и четвертый параграфы второй главы* посвящены проблемам восстановления гражданского общества и духовной жизни при решающей роли в *модерации* этих процессов со стороны ЦВВ (с. 121–178). Итогом такого моделирующего воздействия должно стать развитие общественной саморегуляции в идеологической и политической жизни российского общества и, как следствие, формирование базовых идеологических принципов, способных объединить нацию, с их закреплением в Конституции РФ (с. 156–157). Модерация ЦВВ политических процессов имеет своей ближайшей целью «создание двухпартийной системы из консервативной и социал-демократических партий», которую автор считает оптималь-

ной для современной России, поскольку именно она, по его мнению, «способна гарантировать преемственность и стабильность в стране» (с. 173). При этом *функция гаранта общественной идеологии и политической стабильности* должна быть конституционно закреплена за ЦВВ, какой бы орган им в конечном итоге не оказался, Президент РФ или Председатель Государственного Совета (с. 174).

По существу, М.В. Емельянов предлагает проект комплексной конституционной реформы, имеющей целью «изменение самих ценностных основ организации публичной власти» в России, поскольку «конституционное закрепление института верховной власти невозможно без переосмысления ее принципов» (с. 255). Исходя из этого в *третьей главе* работы автор подвергает ревизии «священные коровы» западной политической идеологии – принципы народного суверенитета и разделения властей (*параграфы первый и второй*). Проведя «проекции ценностного аспекта» указанных принципов на историческую и современную политическую практику, М.В. Емельянов показывает, что эти принципы давно превратились в мифы, представляющие собой в конституционно-правовом и практическом плане юридические фикции, никак не являясь панацеями против концентрации власти и возникновения диктаторских режимов, хотя именно такая роль отводилась им естественно-правовой теорией (с. 183–200, 201–230). Он достаточно аргументированно обосновывает необходимость закрепления в Конституции РФ в «полном объеме» принципа единства государственной власти (с. 199–200), признания принадлежности суверенитета исключительно государству, при определении в качестве его непосредственного носителя единоличного ЦВВ (с. 229), и указания в качестве источника суверенитета – не народа, а общества (с. 224–227). Само же сложившееся в западноевропейском правовом дискурсе понимание демократии автор рассматривает как «очередную утопию» идеологизированного либерального сознания (с. 218–224). Он ратует за реальные механизмы участия активных граждан в управлении делами общества на оперативном уровне осуществления власти и в сфере об-

щественной саморегуляции (с. 224–227). А вот в устройении верховной власти должны принимать участие только лишь элитные группы (с. 225), при условии элиминации из системы правящего слоя либерально-компрадорской группировки. «Получается, что различные сегменты общества генерируют различные уровни власти: элита – верховную власть, а остальная часть общества – оперативную» (с. 225).

Вопрос реорганизации системы публичной власти является для нашей страны в настоящее время не только основным, но и судьбоносным. И конечно, он не может быть решен «путем примитивной рецепции конституционно-правовых западных ценностей» (с. 231). Пути ответа на этот вызов можно найти, лишь опираясь на сложившиеся в самом российском обществе социокультурные основания, поискам которых посвящен *третий, последний параграф третьей главы*. По нашему мнению, несмотря на небольшой объем, он имеет важное теоретическое значение не только для юриспруденции, но и для других социальных наук. Плюсы предлагаемой для современного российского государства модели публичной власти автор, как политик и ученый, видит в сочетании «тенденций “модерна” и “архаики”, употребляя последний термин “отнюдь не в негативном смысле”» (с. 237). На институциональном уровне архаика проявляется в постоянно возрождающем себя единоличном центре верховной власти, а модерн – в развитии самостоятельности граждан. «В практике государственного строительства это должно проявиться в соединении сильной президентской власти как верховной и широкой вовлеченности граждан в формирование оперативной власти посредством свободных конкурентных выборов и других форм участия в управлении государственными и общественными делами» (с. 238–239). Именно необходимость адекватного соединения элементов архаики и модерна в организации верховной власти приводит автора к конструированию формы правления, которую он называет «сочетанной» (с. 242–243, 250), объединяющей в себе элементы единоличной власти главы государства, демократии и элитарности, описанную в общем виде евразийцем Н.Н. Алексеевым [1].

В данном контексте уделяется внимание праву, как ограничителю публичной власти, и суду, как гаранту его действенности в общественной жизни. Однако, чтобы писанное право могло выполнить эту роль, оно, как показывает автор, должно опираться в процессе образования и применения на доминирующие социокультурные факторы, а не привноситься извне, строясь на чуждых общественным сознанию и психологии принципах. «Ограничение власти – это социальный институт, а не исключительно нормативно-правовой». В политической практике чаще наблюдаются нравственно-культурные ограничители: традиции, обычаи, верования, нормы морали и т. д., которые вместе с правом «создают нормативно-ценностный социокультурный каркас», устанавливающий рамки поведения для носителей публичной власти (с. 235). Поэтому, решая задачу ее реформирования, необходимо «видеть диалектику взаимодействия архаики и модерна, когда первая предопределяет *сущность* государственно-правовых явлений, а вторая – *формы* их проявления» (с. 250). И задача теории и практики государственного строительства – отыскать оптимальные модели и алгоритмы таких форм.

Таким образом, М.В. Емельянов предлагает в своей работе вполне конкретный вариант модели организации публичной власти для современной России. Его предложения дают достаточно ясную и аргументированную концепцию конституционной реформы политической системы в нашей стране. Проникновение в суть и содержание авторских предложений делает понятным идейные истоки внесенных Президентом РФ январских поправок к Конституции РФ, хотя и не все из них были приняты том виде, в котором озвучивались.

Возвращение России на путь суверенного развития требует отказа от государственно-правовых шаблонов либерально-буржуазной идеологии, толкающих нашу страну в сторону зависимого компрадорского проекта, навязанного ей в начале 90-х гг. XX века. России нужен собственный проект построения и развития государства и общества. Поэтому работу политика и ученого М.В. Емельянова трудно переоценить. Она не только оригинальна по своему научному содержанию, актуальна по теоретическому потенциалу, но и весь-

ма своевременна в практически управленческом и политическом плане. Несмотря на относительно небольшой объем, монография чрезвычайно информативна, плотно заполнена интересными размышлениями, зрелыми идеями и предложениями. В ней практически отсутствуют смысловые пустоты. В дополнение к сказанному выше самого серьезного внимания в ней заслуживает: рассмотрение национальных интересов как правовой категории (с. 44-45, 51), стратегического планирования как функции верховной власти (с. 43, 104–108); анализ статуса Центрального банка РФ (с. 108–109), роли и значения общественной идеологии (с. 143–157); предложения по закреплению или изменению положения этих институтов в Конституции РФ.

Монография написана хорошим литературным языком и читается на одном дыхании. В ней автор демонстрирует не только свойственную ему глубокую эрудицию в различных отраслях гуманитарного знания, но и практическое знание и понимание реальных механизмов принятия решений на верхних этапах пирамиды государственной власти.

Разумеется, не все вопросы теории и практики организации публичной власти проработаны в монографии в достаточной степени. Ряд положений, высказанных автором, вызывают критические замечания и служат поводом для серьезной дискуссии.

Так, например, теоретически неочевидным является отнесение ЦВВ в Великобритании и США к публичной власти. Не подлежит сомнению наличие такого центра в этих странах, его тайный, полуконспиративный характер и нахождение в закрытых олигархических структурах. Но если он не является официальным, скрыт от общества, то, следовательно, он не может рассматриваться как уровень и вид публичной власти, поскольку традиционно публичной считается власть, не только выполняющая общественно значимые функции, но и юридически оформленная. В этом, на наш взгляд, и состоит проблема современной мировой политики, что на глобальный суверенитет претендует совершенно не публичный, скрытый от общества субъект с очевидно антигуманными целями, но прикрывающий свою деятельность броскими либеральными лозунгами. Впрочем, в ряде случаев (с. 29,

31, 224) автор как бы и сам сомневается в публичном характере закрытых структур власти в странах Запада.

Несмотря на то что мы в целом поддерживаем идею конституционного закрепления ЦВВ, сомнительно, чтобы один человек – Президент или Председатель Госсовета – смог фактически выполнять все его функции. Разумеется, формально юридически закрепить их за ним возможно. Однако полагаем, что при решающей роли главы государства ответственность с ним за реализацию функций верховной власти все-таки должны делить, как минимум, Государственный Совет (при втором и третьем вариантах предложенной автором реформы) и/или Федеральное Собрание. Следует иметь в виду, что вопрос практического формирования Центра верховной власти в России – это на самом деле проблема создания реально работающего и национально ориентированного правящего слоя, то есть окружения верховного правителя, той самой «свиты», которая и делает «короля». В свою очередь, эта проблема упирается в другую – связанную с наличием и правовым закреплением адекватных принципов и правил отбора правящего слоя и его ротации. На нежелании ее решать «свернули шею» многие государственные режимы. Сегодня же вполне очевидно, что современная политическая и административная элита России, а также хозяйственная, научная и культурная начинают превращаться в замкнутые сословия, что ведет к застою во всех сферах жизнедеятельности общества и ставит вопрос о необходимости их обновления.

С проблемой ротации политической элиты тесно связана тема повышения роли и значения в государственном механизме палат Федерального Собрания, которая по большому счету осталась на периферии внимания автора. При этом совершенно ясно, что при существующем порядке их формирования и той практике строительства политических партий и других самостоятельных институтов, которая сложилась в последние десятилетия, реальная необходимость в существовании Парламента и представительных органов в регионах и на местах будет все больше ослабевать, а находящиеся у власти в России

элитные группы будут продолжать терять легитимность. Мы абсолютно согласны с автором в том, что верховная власть должна направлять процессы организации и деятельности общественных объединений, руководить ими. Кстати, нам не очень нравится термин «модерация» (от лат. *moderor* – умеряю, сдерживаю) применительно к таким процессам, употребляемый автором. Это полисемичное понятие, применяемое в значении “посредничество, обеспечение взаимодействия, приведение в равновесие, управление, регулирование”. И какое значение имеет в виду автор – не совсем понятно. Но в любом случае направляющее воздействие ЦВВ на эти процессы должно обеспечивать: необходимую ротацию управленческих кадров; отбор во власть наиболее достойных, как по своим моральным, так и профессиональным качествам, лиц; социальные лифты для молодежи при одновременном позитивном воспитательном воздействии на нее. Это означает, что прежде всего правящая элита должна научиться модерировать себя саму, иначе падение роли представительных учреждений и полное отсутствие обратной связи в управлении общественной жизнью неизбежны. К чему это может привести, мы уже видели на примере Украины, да, пожалуй, и Беларуси тоже.

Указанные замечания вряд ли можно рассматривать как недостатки. Во-первых, все они, без сомнения, носят дискуссионный характер и ими полемика далеко не исчерпывается. Но то, что работа М.В. Емельянова будит и будоражит читательскую мысль, можно также отнести к ее достоинствам. Во-вторых, задачи, которые поставил перед собой автор, не могут быть решены в одной монографии и одним, даже самым талантливым, ученым и политиком. Поэтому упрекать автора в том, что он что-то недоделал или недоисследовал, – наверное, не очень корректно. Просто работа, в указанном М.В. Емельяновым направлении, должна быть продолжена как им самим, так и другими правоведами. Автор наметил в ней путь, которым только и может идти ученый-патриот, думающий о судьбе Родины, выступив в своем исследовании не почвенником и не западником, не консерватором и не ли-

бералом, а сделав попытку выбрать из отечественной и зарубежной научной мысли, политико-правовой практики, собственных представлений и убеждений все то, что может послужить насущным задачам созидательного строительства российской государственности и, возможно, обеспечит ее существование на длительную перспективу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев, Н. Н. О гарантийном государстве / Н. Н. Алексеев // Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. – М. : Аграф, 1998. – С. 372–385.
2. Грачев, Н. И. Основные функции государства, верховной власти и государственного аппарата: критерии разграничения и политико-правовое содержание / Н. И. Грачев // Российский журнал правовых исследований. – 2019. – Т. 6, № 2 (19). – С. 140–149.
3. Льюкс, С. Власть: Радикальный взгляд / С. Льюкс. – М. : Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 240 с.

4. Павленко, В. Б. Глобальная олигархия. Клан в мировой политике: история и современность / В. Б. Павленко. – М. : ОГИ, 2015. – 718 с.

REFERENCES

1. Alekseev N.N. O garantijnom gosudarstve [On the Guarantee State]. *Alekseev N.N. Russkij narod i gosudarstvo* [Russian People and the State]. Moscow, Agraf, 1998, pp. 372-385.
2. Grachev N.I. Osnovnye funkicii gosudarstva, verhovnoj vlasti i gosudarstvennogo apparata: kriterii razgranicheniya i politiko-pravovoe sodержanie [The main functions of the state, the supreme power and the state apparatus: criteria of differentiation and political and legal content]. *Rossijskij zhurnal pravovyh issledovanij* [Russian Journal of Legal Studies], 2019, vol. 6, no. 2 (19), pp. 140-149.
3. Lewis S. *Vlast': Radikal'nyj vzglyad* [Power: A Radical View]. Moscow, Izd. dom Gos. un-ta Vysšej shkoly ekonomiki, 2010. 240 p.
4. Pavlenko V.B. *Global'naya oligarhiya. Klany v mirovoj politike: istoriya i sovremennost'* [Global Oligarchy. Clans in World Politics: History and Modernity]. Moscow, OGI, 2015. 718 p.

Information About the Author

Nikolay I. Grachev, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor, Department of Constitutional and Administrative Law, Volgograd Academy of the Interior Ministry of the Russian Federation, Istoricheskaya St, 130, 400089 Volgograd, Russian Federation, grachev.n.i@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5977-0403>

Информация об авторе

Николай Иванович Грачев, доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права, Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, ул. Историческая, 130, 400089 г. Волгоград, Российская Федерация, grachev.n.i@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5977-0403>

Миссия журнала «Legal Concept = Правовая парадигма» – поддержка научных исследований в области юриспруденции, создание международной дискуссионной площадки для обсуждения исторических закономерностей и актуальных проблем современного права как теоретического, так и прикладного характера; публикация основных результатов, полученных в ходе написания диссертационных работ на соискание ученой степени кандидата и доктора юридических наук, а также научных исследований, издаваемых при финансовой поддержке научных фондов. Миссия журнала реализуется посредством формирования высокопрофессиональной и этической редакционной политики, позволяющей выпускать издание высокого качества, в котором поддерживаются лучшие практики высшей школы, традиции академической культуры и публикуются творческие оригинальные научные статьи, хроники научной жизни, критические и библиографические обзоры российских и зарубежных исследователей.

Журнал «Legal Concept = Правовая парадигма» включает следующие рубрики: Главная тема номера; Теория и практика государственно-правового развития; Вопросы частноправового регулирования: история и современность; Правовые проблемы охраны окружающей среды и использования природных ресурсов; Процессуальное право: вопросы теории и правоприменения; Противодействие преступности и дифференциация уголовной ответственности; Международное право и сравнительное правоведение; Критика и библиография; Хроника научной жизни.

Совокупность рубрик журнала «Legal Concept = Правовая парадигма» соответствует отрасли науки 12.00.00 Юридические науки по Номенклатуре специальностей научных работников.

Уважаемые читатели!

Подписка на I полугодие 2021 года осуществляется по «Объединенному каталогу. Пресса России. Газеты и журналы». Т. 1. Подписной индекс 29279.

Стоимость подписки на I полугодие 2021 года 1358 руб. 36 коп.
Распространение журнала осуществляется по адресной системе.

The mission of *Legal Concept = Pravovaya paradigma* journal is to support research in the field of law; to provide an international platform for discussing historical patterns and urgent issues of modern law, both theoretical and applied ones; to publish the main results obtained in the course of writing theses for the degree of Candidate and Doctor of Sciences (Jurisprudence), as well as studies funded by scientific foundations. The mission of the journal is implemented through forming a highly professional and ethical editorial policy, which allows to create a high-quality publication, which supports the best practices of higher education, traditions of academic culture and publishes creative original scientific articles, chronicles of scientific life, criticism and bibliographic reviews of Russian and foreign researchers.

Legal Concept = Pravovaya paradigma journal includes the following sections: Mainstream Issue; Theory and Practice of State and Legal Development; Private Law Regulation Issues: History and Contemporaneity; Legal Issues of Environmental Protection and Use of Natural Resources; Adjective Law: Theoretical and Law Enforcement Issues; Crime Prevention and Differentiation of Criminal Responsibility; International Law and Comparative Jurisprudence; Criticism and Bibliography; Chronicle of Scientific Life.

The sections of *Legal Concept = Pravovaya paradigma* journal correspond to the branch of science 12.00.00 Legal Science according to the Nomenclature of specialities of academic researchers.

Dear readers!

Subscription for the 1st half of 2021 is carried out through
“The United Catalog. Russian Press. Newspapers and Journals”. Vol. 1.
The subscription index is 29279.

The cost of subscription for the 1st half of 2021 is 1358.36 rubles.
Distribution of the journal is carried out through the address system.

УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «LEGAL CONCEPT = ПРАВОВАЯ ПАРАДИГМА»

1. Редакционная коллегия журнала «Legal Concept = Правовая парадигма» принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию опубликованного исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Авторы несут полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить или исправить статью.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik5@volsu.ru). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются **в открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik5@volsu.ru является формой **акцепта оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Legal Concept = Правовая парадигма».

Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте.

Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку на основании соответствующих заключений рецензентов. Переработанные варианты статей рассматриваются заново.

Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Более подробно о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования, а также о правилах оформления научных статей смотрите на сайте журнала <https://j.jvolsu.com> в разделе «Для авторов».

CONDITIONS OF PUBLICATION
IN *LEGAL CONCEPT = PRAVOVAYA PARADIGMA* JOURNAL

1. The Editorial Staff of *Legal Concept = Pravovaya paradigma* journal publishes only original articles.
 2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.
 3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.
 4. An article must be relevant, must have novelty and include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.
 5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.
 6. When the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.
 7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.
 8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.
 9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik5@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.
 10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in the **Open Access** on the Internet.
- Submitting an article** and cover documents via the indicated e-mail vestnik5@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Legal Concept = Pravovaya paradigma* printed periodical.
- The Editorial Staff starts the reviewing process after receiving all cover documents by e-mail.
- The decision to publish articles is made by the Editorial Staff after reviewing. The Editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.
- The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, reviewing, and publication of academic articles please refer to the Journal's website <https://j.jvolsu.com/index.php/en/> (section "For Author").
